

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет
Иркутское областное отделение Русского географического общества
Иркутское региональное отделение
Российской ассоциации политической науки
Иркутское отделение Российского общества политологов

ДЕСЯТЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

В двух томах
Том 1

МАТЕРИАЛЫ

УДК 009(063)
ББК 94л0
Д37

*Печатается в соответствии с планом
научно-исследовательских работ ИГУ*

Редакционная коллегия:

А. В. Аргучинцев (гл. ред.), Ю. А. Зулярь (науч. ред.),
Л. М. Корытный, Н. С. Коноплёв, Р. Ф. Проходовская

Ответственный за выпуск:

Н. В. Бойко

Д37 **Десятые Байкальские социально-гуманитарные**
чтения. В 2 т. Т. 1 : материалы / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [науч.
ред. Ю. А. Зулярь]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. – 436 с.
ISBN 978-5-9624-1452-2 (т. 1)
ISBN 978-5-9624-1451-5

Сборник включает в себя материалы юбилейных Десятих Байкальских социально-гуманитарных чтений, состоявшихся в Иркутске в 2016 г. Опубликованные материалы дают представление об основных направлениях исследований ученых, изучающих проблемы истории и современного состояния российского общества, а также перспективы его развития. Представлены работы по истории, географии, философии, политологии, культурологии, и другим научным дисциплинам.

Издание адресовано широкому кругу профессиональных исследователей, преподавателям высшей и образовательной школ, аспирантам, магистрам, студентам вузов и колледжей, всем интересующимся состоянием и перспективами развития современного российского общества.

УДК 009(063)
ББК 94л0

Научное издание

ДЕСЯТЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ
В двух томах
Том 1

Редактор Г. А. Борисова
Дизайн обложки: П. О. Ершов
Темплан 2017. Поз. 27

Подписано в печать 22.03.2017. Формат 60х90 1/16
Уч.-изд. л. 23,8. Усл. печ. л. 27,5. Тираж 100 экз. Заказ 13
Издательство ИГУ; 664000, Иркутск, бульвар Гагарина, 36

ISBN 978-5-9624-1452-2(т. 1)
ISBN 978-5-9624-1451-5

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2017

РАЗДЕЛ «РЕГИОН В СТРАНЕ И В МИРЕ – ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ»

УДК 32(100)

ДИАЛЕКТИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА И НЕОЛИБЕРАЛИЗМА В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО МОДЕРНА

Ю. А. ЗУЛЯР

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Активизация политического терроризма, происходящая с начала XXI в., имеет первопричиной естественные процессы глобализации, но в большей степени политику глобализма, проводимую правящим классом США. В качестве основной мишени политический терроризм выбирает страны либерального Запада, хотя по количеству жертв терактов лидируют развивающиеся страны. Используемые террористами формы и методы борьбы с мировым империализмом не имеют оправдания и относятся к разряду варварских и бесчеловечных, так как объектом возмездия выбирается мирное население. Вместе с тем необходимо учитывать, что и демократические страны Запада в своей политике против развивающихся стран зачастую также используют антигуманные и бесчеловечные формы и способы воздействия. В русле политики глобализма применяются методы культурного, экономического, финансового экстремизма, зачастую дополняемые вооруженной агрессией.

Ключевые слова: политический терроризм, глобализация, глобализм, либерализм, экстремизм, политика западных демократий.

XXI в. начался глубоко символическим событием. 11 сентября 2001 г. исламо-фанатический терроризм на всю планету заявил о своем намерении низвергнуть могущество Запада. Своей основной целью террористы объявили борьбу с западной либеральной цивилизацией, по отношению к которой они выступают и поступают как варвары. Внешне это выглядит как борьба зла с добром, варварства с цивилизацией. Такая ненависть и жестокость не может быть случайной в реалиях XXI в.

Политический терроризм, согласно определению философской энциклопедии, – это незаконное использование насилия или угрозы насилия (убийства, взрывы, захваты самолетов, зданий, заложников и т. д.) на негосударственном уровне против личностей или против собственности для запугивания или изменения курса правительства, гражданского населения или любой его части в целях достижения политических или социальных целей [11].

В настоящее время в мировом культурном пространстве столкнулись между собой две идеологические платформы – неолиберализм и исламский фундаментализм. Является ли случайным это противостояние или оно закономерно, и если так, то чем оно обусловлено? Ответы на эти и аналогичные вопросы ищут многие аналитики и политические деятели. Главной проблемой, волнующей политологов и политиков Запада, является системная ошибка, остановившая победное движение западной цивилизации и заставившая ее перейти к обороне.

Глобализация

Великие политические противостояния всегда присутствуют в недрах глобального и региональных взаимодействий. В основе столкновений лежит противостояние между кочевыми и земледельческими народами, модернизируемыми и модернизаторами, межэтнические и религиозные противоречия. Как правило, они возникают на границах культур и эпох исторического развития. Показательна ситуация в Израиле, где исламский мир сталкивается с выдвинутым вглубь Азии форпостом европейской цивилизации и глубоко традиционное палестинское общество соприкасается с модернизированным обществом Израиля.

Колонизация оседлыми и земледельческими нациями поверхности планеты происходит непрерывно, что, как правило, связано с негативным воздействием на мир, имущество и культуру кочевников и традиционалов. Этот процесс считается объективным и нейтральным и именуется глобализацией, представляющей собой многогранный ход истории, но в последние десятилетия он неизмеримо ускорил взаимосвязь и взаимозависимость человечества.

Охватившая мир волна глобализации приводит к ослаблению устоявшихся национальных идентичностей (общностей). Современная либеральная модернистская культура серьезно ослабила традиционные культурно-социальные и морально-религиозные представления, а феминизм и борьба за права

меньшинств разрушают остатки традиционных общественных иерархий (вроде структурообразующей роли образа Отца или нормативности отношений «мужчина – женщина»), не ставившиеся под сомнение даже в период классического европейского модерна [6]. Эти процессы болезненны для большинства населения в мировоззренческом и политическом смысле.

Процессы, обусловленные формированием модернизированного, ориентированного на либеральные ценности общества и провоцирующие размывание и постепенный отказ от идеалов традиционного общества, вызывают у населения дезориентацию и психологический шок от перемен. Люди традиционного мировосприятия не адаптированы к большому количеству перемен за слишком короткий срок.

Реакцией на это становится сепаратизм и национально-освободительные движения, а также религиозные, этнические, идеологические конфликты [6], которые в свою очередь стимулируют явление, присущее кризисным этапам модернизационного перехода, – терроризм, выступающий одним из основных орудий борьбы против единообразия.

Особенно болезненно глобализация воздействует на исламский мир, в котором она обостряет внутренние противоречия: усиливает деградацию политических систем, крах моральных ценностей, развал семьи. В исламском мире в силу ряда исторических, культурно-религиозных и социальных особенностей протест против описанной модернизации зачастую принимает достаточно широкий диапазон – от умеренных форм исламизма до достаточно радикальных разновидностей террористической идеологии.

В таких условиях конфликт представляет собой столкновение между двумя системами ценностей: неолиберализмом и исламом. Первая система ценностей – светская и этико-политическая, поскольку претендует лишь на выражение принципов благополучного и справедливого социально-политического устройства. Вторая же система ценностей есть социополитико-религиозная система. Она утверждает теократическую модель общества (в лице исламского фундаментализма), освященную непреходящими и универсальными религиозными нормами [18].

Либеральная глобализация разрушает не только культурно-бытовые скрепы традиционных обществ, она также вызывает деградацию духовной жизни, разрушение исторических, культур-

ных, нравственных традиций, гуманистических ценностей, утверждает культ эгоизма, жестокости и насилия, неверие в способность государства защитить своих граждан. Она способствует формированию в обществе настроений национального унижения и обесцениванию таких понятий, как долг, достоинство, честь, верность Отечеству, т. е. утратой идеологии государственности. Именно при возникновении таких явлений происходит героизация уголовных авторитетов, бандитов и террористов.

Таким образом, необходимо понимать, что за политическим терроризмом, обусловленным либеральной модернизацией, стоят реальные проблемы – социальные, культурные, политические, поэтому есть некоторый сегмент общества, чувствительный к ним, у которого вызывают сочувствие если не методы террористов, то провозглашаемые ими цели или идеи, что формирует потенциальный кадровый резерв терроризма внутри модернизируемой страны.

Глобализм

Однако эти разнонаправленные, но объективно существующие процессы и силы естественным образом не привели бы к такому уровню терроризма, который существует в современном мире. Данный уровень терроризма также обусловлен комплексом субъективных причин. Практика использования либеральным Западом террористического потенциала в политических целях восходит к временам его противостояния с СССР [4, с. 31]. Но со времен новой России начался принципиально иной этап в истории политического терроризма. Не удовлетворенный незавершенным, по его мнению, распадом СССР, западный либеральный истеблишмент совместно с исламскими ваххабитскими режимами развернул террористическую войну на Северном Кавказе. Выбитые из России террористы были благосклонно приняты на Западе, в Грузии и Турции, названы борцами за свободу и влились в исламистский террористический интернационал.

Политический терроризм сегодня используется различными геополитическими игроками. Показательна роль Саудовской Аравии, Катара или Пакистанской межведомственной разведки, общеизвестна роль США и «коллективного Запада», например, в плане связки «рост терроризма – увеличение числа несостоявшихся государств» (в частности, в связи со свержением режима Хусейна в Ираке и поддержкой революции в Ливии) [6].

После распада СССР и краха мировой социалистической системы американский либеральный империализм начал борьбу за мировое господство, получившую название глобализма. Так именуют курс геоэкономического и геополитического поведения, теснейшим образом увязанный с неолиберальной идеей всеилия рынка и размывания социальных функций государства. Его доступно сформулировал Буш-младший. Покидая пост президента, в своей прощальной речи он не удержался от трафаретного заклинания – «рынок должен быть впереди государства». Подобное мировоззрение представляет собой квинтэссенцию неолиберализма. Со временем оно превратилось в идеологию и практику рыночного фундаментализма. Его адепты слепо верят, будто рынок может управлять всем, достаточно только лишь до минимума свести его регулирование. Тогда его свободное распространение уничтожит бедность и угнетение, распустит диктатуры и объединит культуры.

Глобализм насаждается не только с помощью экономических механизмов, но и путем прямого политического и военного давления. Цель – унифицировать национальные экономики по неолиберальному образцу. Странам, нуждающимся в кредитах, инвестициях и в доступе на внешние рынки, навязываются, невзирая на культурные традиции и возможные негативные социальные последствия, жесткие «программы структурной адаптации». Такие программы навязывались всем постсоветским государствам, действуют они и в других регионах мира. Предлагаемая ими формула прогресса сводится к монетаризации, привязке к американскому доллару, западной банковской системе, полному открытию рынка и радикальной приватизации, сворачиванию социальной ответственности государства, его присутствия в экономике, его протекционистских действий, ориентации на сырьевой экспорт.

На территории СНГ ярким примером последствий глобалистской политики является положение дел в Киргизии. Сразу же после развала СССР эта республика встала на путь неолиберальных реформ. опередила другие страны Центральной Азии по либерализации цен и внешней торговли, монетаризации и приватизации, приняла гражданский кодекс западного типа, первой санкционировала частную собственность на землю и вступила в ВТО. Однако через 13 лет страна, считавшаяся чуть ли

не образом демократических и рыночных реформ на Востоке, оказалась на грани гражданской войны и экономического краха. Почти полностью разрушено сельское хозяйство. Показатели бедности в Киргизии приблизились к показателям разрушенного войной Таджикистана [9].

Правящий класс США и Евросоюза в качестве основного инструмента маскировки своей глобалистской политики использует манипулятивные технологии, среди которых весьма популярны «двойные стандарты». Из наиболее известных российской общественности – оценка событий на Северном Кавказе как «национально-освободительного движения». В опубликованном Госдепартаментом США списке террористических организаций чеченские террористические группировки отсутствуют. Активно применяется эта технология и при оценке войны в Сирии.

Благодаря достижениям НТР развитые страны далеко ушли вперед в технологическом и финансовом плане. Догнать их практически невозможно. Пропасть между Севером и Югом стремительно расширяется, и беднейшие три четверти человечества все более увязают в своеобразной мальтузианской ловушке, будучи обреченными на недоедание или голод, истощение природных ресурсов, вынужденную миграцию, внутренние беспорядки и вооруженные конфликты.

Среди глобальных проблем, стимулирующих политический терроризм, выделяется игнорирование понятия справедливости и интересов отдельных стран во имя общих интересов сообщества, так называемая проблема золотого миллиарда. В условиях замалчивания проблем и отсутствия желания со стороны правительств Запада идти на конструктивный диалог с развивающимися странами Юга у их населения возникло чувство несправедливости, порождающее желание разрушить этот мир любыми средствами, т. е. экстремизм и терроризм.

В этих условиях политическая практика наиболее влиятельных идеологий – крайнего либерализма, национализма и религиозного фундаментализма – все чаще исповедует радикализм. Мейнстримом на международной арене стал экстремизм: национализма – этнический, религиозного фундаментализма – религиозно-политический, либерализма – демократический.

Ислам, никогда не отказывавшийся от мировых претензий на религию последнего божественного откровения и разделяющий

мир на землю ислама («дар аль-ислам») и территорию неверных («дар аль-харб»), переживает антимодернистскую эволюцию. Наиболее активное течение в современном исламе – идеология исламского фундаментализма, подчеркивающая «тотальный» характер ислама (как всеобъемлющего образа жизни, не разделяющего духовное и светское), все более радикализируется и превращается в агрессивный исламский мессианизм, джихадизм, антизападничество и антиамериканизм. Практическим воплощением подобных экстремистских идей становится исламо-фанатический терроризм [18].

Грань между экстремизмом и терроризмом очень тонка. Чаще всего политический экстремизм понимается как конкретные идеи, а политический терроризм – как действия по реализации этих идей. С другой стороны, терроризм как социальное явление часто путают с радикализмом. Радикал – сторонник коренных, решительных мер, воплощающий высокую степень критики системы или режима. Однако в норме он не использует оружие в качестве аргументов. Но если рассматривать радикализм в сфере социального действия, когда переходится грань, отделяющая активного критика системы от ее разрушителя, то правомерно утверждать, что террорист – это радикальный экстремист.

Глобализм как политика включает в себя разнообразные формы и методы воздействия на страны, чей курс не находит одобрения у правящего класса США. Активно используемый руководством СССР «экспорт революций» сменился на «экспорт демократии», который имеет сомнительную эффективность и заведомо обречен, но выступает одним из основных в арсенале американских глобалистов. Список стран, «осчастливленных» этим подарком, постоянно расширяется: Югославия, Молдавия, Грузия, Украина, Египет, Киргизия и др. Его порочность и утопичность – в еще более высокой степени (чем у большевиков) игнорировании исторических, ментальных, социально-экономических и иных особенностей модернизируемых государств, степени, направленности и уровня их развития.

Политика глобализма включает в себя перераспределение суверенитетов, вплоть до изъятия их части в пользу одних государств и в ущерб другим, сознательное или невольное ущемление прав, свобод (как личностей, групп личностей, так и целых народов).

«Общечеловеческие ценности» неолиберализма все более претендуют на звание инвариантных для любой культуры, что проявляется, по словам А. Челядинского, в опасной тенденции смещения приоритетов в международных отношениях из области учета особенностей национального или гражданского государственного строительства в область практического воплощения странами Запада, прежде всего США, теоретических «западных ценностей» [17, с. 48]

Исламская культура, обозначающая совокупность культур очень разных народов, исповедующих ислам, испытав на себе частичную модернизацию, продемонстрировала, тем не менее, глубокую консервативность и слабую подверженность внешнему воздействию. После встречи с Западом в исламе была проведена секуляризация, но частично, на нормативном уровне, структурной секуляризации как не было, так нет и поныне [16, с. 364].

Если первоначально исламский фундаментализм был реакцией на колониализм и постколониальную зависимость мусульманских стран от Запада, то в современности фундаментализм в исламе и производный от него исламо-фанатический терроризм могут рассматриваться как ультраконсервативная реакция на гегемонию светских ценностей западной цивилизации и глобализации мира по западному же сценарию. Важнейшей составляющей мотивации данного типа терроризма становится духовный протест против нигилистической по отношению к собственным религиозно-культурным основаниям западно-христианской цивилизации, секулярные основы общественно-государственной жизни которой с точки зрения ислама признаются «безбожными» [18].

Столкновение между современным исламом и неолиберализмом в таких обстоятельствах становится столкновением двух универсалистских картин мира. «...Ислам и Запад, – как отмечает Б. Тиби, – являются единственными мировыми цивилизациями, которые культивируют в своих мировоззрениях универсальные притязания и в этом пункте сталкиваются друг с другом» [14, с. 45]. В свою очередь находящиеся в полосе дезинтеграции и хаоса государства являются конфликтообразующими элементами, провоцируя кризисы и системы напряженности.

США, присвоив себе право распоряжаться миром, попирая международное право, проводят политику сверхконцентрации ресурсов управления человечеством, выступают единственной сверхдержавой в ущерб самостоятельности других стран.

Нормой стало ущемление или игнорирование национального достоинства и самобытности в сочетании с навязыванием образа жизни и поспешной универсализацией культурно-цивилизационного пространства. Особую ненависть вызывает насаждение американского образа жизни, пренебрежение исламскими ценностями, империалистическая политика и подавление любых национальных форм. Соответственно, исламский мир в целом настроен против глобализации на западных основаниях.

Проведение политики глобализма обеспечивается не только государственными органами и армией, но и другими ее субъектами. Активными проводниками экономико-политического экстремизма являются свыше 80 тыс. ТНК и международных банков, которые пытаются приспособить развитие большинства стран к своим интересам и потребностям. Эти страны через национальные структуры обеспечивают снабжение ТНК товарно-сырьевыми ресурсами, дешевой рабочей силой в условиях сохранения недостаточно развитого законодательства по охране окружающей среды, низких налогов на прибыль и свободного вывоза капиталов. Контролируемым странам предлагаются различные социально-экономические программы, которые на практике снижают роль национального государства в регулировании социально-экономических процессов. Своей политикой и формами воздействия ТНК и банки поддерживают антигуманное направление в развитии локальных цивилизаций [1, с. 125; 10, с. 419]. Таким образом, по мнению А. Кырлежева, за пределами западной «ойкумены» глобализация становится новой формой колониализма [8, с. 325]. А борьба с колониализмом – хорошо известное населению и элитам развивающихся стран состояние власти и общества, понимаемое как конфликт цивилизаций.

В свете социокультурного конфликта цивилизаций, по мнению С. И. Чудинова, исламо-фанатический тип терроризма может рассматриваться как побочный продукт возрождения исламской цивилизации (с конца 1970-х – начала 1980-х), отстаивающей свои традиционные устои перед лицом безраздельного доминирования Запада и неолиберальных ценностей в современном мировом сообществе. Исламо-фанатический терроризм аккумулирует в себе самые радикальные формы протеста против разложения духовной основы традиционного мусульманского общества под воздействием социокультурного нигилизма со стороны за-

падной цивилизации, уже перешедшей на вторую ступень изживания собственных культурных традиций (эпоха постмодерна) [18].

Непосредственным детонатором, вызвавшим террористический взрыв и приведшим в движение многомиллионное население развивающихся стран, стала тотальная агрессия Запада против стран Ближнего Востока и Северной Африки, разрушившая процессы развития Афганистана, Ирака, Ливии, Сирии и ряда других стран.

Проблемы либерального Запада

Вместе с тем, создавая постоянные проблемы странам, не входящим в элитный либеральный клуб, правящие круги Запада демонстрируют неспособность эффективно решать собственные проблемы. Особой сюжетной линией является иммиграционный феномен, вышедший из-под контроля после ближневосточных авантюр Запада. Решая проблему дефицита дешевой рабочей силы, лидеры послевоенной Европы позаимствовали заокеанскую эмиграционную политику и на американские кредиты организовали импорт неквалифицированной иностранной рабочей силы, вытеснившей коренных европейцев на низкоквалифицированных, непрестижных и физически тяжелых работах. Задача их ассимиляции даже не ставилась, они просто работали, добровольно взявшаяся за небольшую плату исполнять тяжелую, грязную и непрестижную работу. Какое же при этом могло сформироваться мировоззрение в среде молодого поколения иностранной рабочей силы?

Безработную европейскую рабочую силу решили влить в сферу услуг и мелкого бизнеса путем раздачи сверхдешевых кредитов для открытия своего дела, сузив тем самым базу рабочего класса. С середины 1990-х гг. волна экономических кризисов накрыла Европу. Началось сокращение рабочих мест, перевод на «неполную занятость» и «временные работы». В результате миллионы коренных европейцев оказались на периферии общества, поскольку не имеют постоянной занятости и перебиваются временными работами, конкурируя с миллионами мигрантов.

Эту, уже сформировавшуюся, часть экономической политики сегодня называют фрилансом. Сегодня миллионы коренных европейцев стали фрилансерами и живут на периферии общества, поскольку не имеют постоянной занятости и перебиваются временными работами. С ними во фрилансерском секторе конкурируют миллионы мигрантов.

Это «фрилансерское» преобразование рынка труда затронуло не только рабочий класс, но и средний класс, и людей с высшим образованием. В Европе возникает новый социальный класс, для которого характерны нестабильные рабочие отношения без социальных гарантий. Он получил название «прекариат». На фрилансерской работе нет никаких выплат, никакого дополнительного образования или повышения квалификации и никаких гарантий в случае болезни или увольнения. Деньги платятся только за продукт или услугу, обговоренную в договоре о найме [13]. Фриланс углубляет социальное неравенство и разрушает стабильность в западном обществе, истончает средний класс, увеличивает число люмпенов, пополняющих радикальные и криминальные группы различного толка.

Принципиально изменило иммиграционный пейзаж Европы массовое нашествие населения разрушенных западной военной машиной стран. Причем эти беженцы рвутся в Европу не за работой, а за пособиями, т. е. как потребители сокращающегося европейского благополучия. Страны Евросоюза, элиты которых полностью подконтрольны Вашингтону, оказались в ситуации, когда они вынуждены принимать миллионы беженцев с Ближнего Востока.

Часто под видом мирных людей на территорию ЕС проникают террористы, готовые в любой момент начать агрессию против местного населения. Пример – события 2015–2016 гг. во Франции. Недовольство местного населения наплывом мигрантов, с одной стороны, и агрессивное поведение беженцев, с другой стороны (мотивированное целым рядом аспектов), в конечном итоге привели к значительной поляризации общества и росту нестабильности в регионе. При этом важно подчеркнуть, что причиной этого является в первую очередь сознательная политика Вашингтона, направленная на дальнейшую хаотизацию мировой системы с целью консервации собственной гегемонии на неопределенный срок [12].

В этой социально напряженной среде усиливаются экстремистские и террористические тенденции. Исламский терроризм как идеология под давлением ИГИЛ мутирует, порождая новые секты и группировки под различными религиозными и националистическими лозунгами. И побороть его в ближайшие годы Европе не удастся. Для этого надо принудительно выселить мил-

лионы ближневосточных и африканских иммигрантов и заменить их восточноевропейскими иммигрантами вроде украинцев, молдаван, болгар, сербов, румын. Выслать всех мусульман – утопия, добавить к ним восточноевропейцев – катастрофа.

Европейская исламофобия и попытки разделить европейских мусульман на хороших и покорных, злых и преступных еще больше сплывают мусульманские общины в Европе. И именно злые и непокорные будут задавать линию поведения в мусульманских кластерах Европы, которые скоро станут настоящими анклавами [13].

Несмотря на массированное внедрение западной массовой культуры и идеологии «консюмеризма», неолиберальное мировоззрение в настоящее время находится в состоянии кризиса и усиливающейся конкуренции со стороны других идеологических концептов.

В либеральном и неолиберальном мировоззрениях нет места глобальной телеологии, метафизическим ценностям, задающим стратегию повседневного поведения: в качестве философских установок в отношении к реальности царит номинализм, эмпиризм и индивидуализм. Все эти принципы, перенесенные на общество, создают представление о нем как конвенциональной системе, основанной на согласии множества независимых друг от друга атомарных индивидов и не имеющей под собой никакой метафизической основы. Превратив политику в автономную сферу общественной жизнедеятельности, не связанную с духовной и нравственной жизнью, человек западной цивилизации стал расценивать ее исключительно инструментально, технологично, как орудие для достижения конечных и вполне конкретных целей [2, с. 276; 3, с. 189].

Особенно опасен для неолиберализма ислам, который из всех мировых религий дает наиболее рационалистичное и наиболее ориентированное на обустройство земного благополучия вероучение. Он, быть может, менее приспособлен для удовлетворения тонченных духовных, а тем более религиозно-философских потребностей человека, но как орудие религиозно-государственной жизни он могущественнее всех других религий [15, с. 298].

Эти особенности ставят мусульманскую веру в качестве восточной религиозной альтернативы светской модели социально-политического устройства на одну ступень с неолиберализмом,

что обостряет противоречия между ними. Традиционалистский ислам, а тем более его фундаменталистская форма, не могут отдать «кесарю кесарево», считая, что и земная власть принадлежит только одному Аллаху как высшему законодателю, у людей же может быть только власть «исполнительная» [18]. Тем самым ислам используется в качестве политической идеологии и как анти-теза неолиберализму.

Деятельность либерального истеблишмента, радикализирующего мировой политический процесс, опосредованно создает благоприятные условия для возникновения мирового политического терроризма. Она способствует формированию не только легального рынка, но и серого, и даже преступного – черного, на котором в качестве товара присутствуют наркотики, оружие и т. п. В настоящее время четко прослеживается взаимосвязь между терроризмом и наркобизнесом. В результате возник термин «наркотерроризм», обозначающий специфическую кооперацию террористов и распространителей наркотиков. События в бывшей Югославии и Сербии показывают, что экономика западных стран стимулирует террористов на торговлю человеческими органами и произведениями искусств, украденными в нестабильных странах.

Важнейшей предпосылкой увеличения числа терактов, усиления их общественной опасности является резкий рост незаконного оборота различных видов оружия. У террористов нет проблем приобретения самого современного оружия, производимого в странах НАТО.

Современный политический терроризм отличается от политического терроризма, который существовал в прошлые века. Ранее террористическая агрессия чаще была направлена именно на представителя власти как на политического противника субъекта. В конце XX – начале XXI в. большое распространение получил такой вариант терроризма, при котором его агрессия как субъекта направлена на объект – символическую, непричастную группу – население. Его целью является быстрое и повсеместное распространение подробной и яркой информации о терактах мировыми СМИ. Нет необходимости комментировать, что их владельцами являются преимущественно граждане США и Великобритании.

Естественные проблемы современного развития человечества

Анализ СМИ, официальных документов и межправительственных соглашений свидетельствует о том, что правительства всех цивилизованных стран мира единодушны в борьбе с терроризмом. Однако террористы легко держат в напряжении и страхе ведущие страны мира. Одной из причин этого является необъективное отношение ряда государств к данному явлению, что усложняет не только проблему определения политического терроризма, но и борьбу с ним.

В значительной степени выработку единого общепринятого определения политического терроризма затрудняет нежелание некоторых государств связывать себя твердой формулой, способной создать препятствия для их скрытой от мира и собственного народа связи с террористической деятельностью.

Широкому распространению терроризма в настоящее время способствуют достижения науки и техники. В первую очередь это интернет, сотовая связь, радио и телевидение. Преступники используют эти технологии для связи, получения необходимых данных, в том числе по изготовлению оружия, различных взрывчатых и отравляющих веществ. Сотовые телефоны используются в качестве детонаторов, СМИ – в качестве источника информации об осведомленности, планах и передвижении органов правопорядка [5, с. 7].

Следует добавить, что, несмотря на большие сложности и необходимость значительных финансовых ресурсов для совершения крупных терактов, стоимость отдельных резонансных терактов невелика. Современный терроризм очень дешев организационно и технически. Спектр возможных диверсий чрезвычайно широк, но самый распространенный из них пока что – взрывотехнический. Сегодня любому желающему не составит никаких затруднений изготовить взрывное устройство большой разрушительной силы. Все компоненты находятся в свободной продаже. Но зачастую для небольших терактов хватает ножа или топора, а крупных – грузовика.

Анализ истории, практики, причин и идеологии терроризма позволил сделать принципиальный вывод: либерализм как идеология и политика является первопричиной широкого развития политического терроризма в современном мире. Либеральные

правительства западных демократий, проводя политику глобализма, создают в развивающихся странах, особенно мусульманских, условия, вызывающие социальный протест, в том числе в виде политического терроризма.

Террористы являются активно используемым инструментом в борьбе с неугодными правительствами, проводящими самостоятельную политику, противоречащую политике Запада.

Неэффективная политика правящего класса развитых западных демократий усиливает социальную напряженность в собственных странах, приводящую к укреплению радикальных и экстремистских настроений, которые в свою очередь подпитывают террористические организации и облегчают деятельность террористов.

Список литературы

1. Арзуманов И. А. Идеологический элемент правовой системы: К вопросу о методологических доминантах структурного анализа // Правовая система России: традиции и инновации : материалы X всерос. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Н. С. Нижник. – СПб., 2013. – С. 121–126.
2. Дугин А. Г. Философия политики : учеб. пособие / А. Г. Дугин ; ред. Н. В. Мелентьева. – М. : Арктогея-центр, 2004. – 614 с.
3. Зуляр Р. Ю. Ключ к исследованию социально-гуманитарных проблем Сибири // Изв. ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 1. – С. 188–191.
4. Зуляр Ю. А. Антисоветские и антироссийские идеологические концепции второй половины XX и начала XXI в.: многообразие форм при неизменности цели // Проблемы социальной и административной консолидации Сибири : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (Иркутск, 18 дек. 2014 г.) / ФГБОУ ВПО «ИГУ» ; [науч. ред. Ю. А. Зуляр]. – Иркутск, 2015. – Вып. 4. – С. 27–35.
5. Зуляр Ю. А. Предисловие / Ю. А. Зуляр, И. В. Олейников // Проблемы социальной и административной консолидации Сибири / редкол.: Ю. А. Зуляр (науч. ред.), А. В. Петров, И. В. Олейников. – Иркутск, 2015. – С. 6–7.
6. Казанцев А. Как разные группы экспертов понимают причины ухода людей в религиозные террористы? [Электронный ресурс] / А. Казанцев // Gefter. – URL: <http://gefter.ru/archive/17955> (дата обращения: 13.07.16).
7. Казарин В. Н. Сибирь в начале XXI в.: политологический взгляд участников Всероссийской конференции // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 2-1. – С. 244–254.
8. Кырлежев А. Ислам и Запад после 11 сентября // Континент. – 2002. – № 112. – С. 321–331.
9. Ниязи А. Афганистану навязываются пережитки глобализма [Электронный ресурс] / А. Ниязи. – URL: <http://afghanistan.ru/doc/15268.html> (дата обращения: 11.07.16).
10. Петров Ю. П. Основания экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму : материалы всерос. науч.-практ. конф. : в 2 т. / под ред. А.-Н. З. Дибирова, М. Я. Яхьяева, А. М. Муртазалиева, К. М. Ханбабаева. – Махачкала, 2008. – Т. 1. – С. 416–421.

11. Политический терроризм [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/3000.html> (дата обращения: 12.07.16).
12. США: тенденции и прогноз на 2016 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://katehon.com/ru/article/ssha-tendencii-i-prognoz-na-2016-g> (дата обращения: 12.07.16).
13. Терроризм – фирменный продукт либеральной демократии [Электронный ресурс] // Публицист. ру. – URL: <http://publizist.ru/blogs/108209/12150/> (дата обращения: 19.07.16).
14. Тибби Б. Является ли ислам политической религией? // Неприкосновен. запас. – 2002. – № 6 (26). – С. 41–49.
15. Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории / Л. А. Тихомиров. – 2-е изд. – М.: Москва, 2000. – 587 с.
16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.
17. Челябинский А. Терроризм и современные международные отношения // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2001. – № 3. – С. 46–52.
18. Чудинов С. И. Социокультурные корни исламо-фанатического терроризма [Электронный ресурс] / С. И. Чудинов. – URL: // Школа мысли <http://shkola-myсли.narod.ru/06-06.html> (дата обращения: 10.07.16).

THE DIALECTIC OF POLITICAL TERRORISM AND NEOLIBERALISM IN THE ERA OF LATE MODERNITY

Yu. A. Zulyar
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The intensification of political terrorism taking place since the beginning of the XXI century, is the root cause of the natural processes of globalization, but in a greater degree of globalization policies pursued by the ruling class of the United States. As the main target of political terrorism chooses liberal country of the West, although the number of victims of terrorist attacks, leaders from developing countries. Terrorists choose the forms and methods of struggle against world imperialism cannot be justified and are classified as barbaric and inhuman as the object of retaliation is chosen by the civilians. However, it is necessary to consider that the democratic countries of the West in its policy against developing countries often use inhumane and inhuman forms and methods of influence and aggression. In line with the policy of globalism used methods of cultural, economic, and financial extremism, often supplemented by armed aggression.

Keywords: political terrorism, globalization, globalism, liberalism, extremism, politics of Western democracies.

Зуляр Юрий Анагольевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения, декан исторического факультета, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: uazulyar@yandex.ru

Zulyar Yuriy Anatolievich – Doctor of History Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Dean of the Faculty of History, Irkutsk State University, 664003, Irkutsk, K. Marx st., 1-412, tel.: 8(3952)334372, e-mail: uzulyar@yandex.ru

ТЕНДЕНЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Т. Е. БЕЙДИНА, А. Н. КУХАРСКИЙ, А. В. НОВИКОВА

Забайкальский государственный университет, г. Чита

Аннотация. Статья посвящена особенностям политических процессов сибирских субъектах Российской Федерации. Анализируется политическая история управления регионами. Обосновываются методы и механизмы модернизации политической власти и регионального управления, что особо подчеркивает актуальность статьи. Предлагается концепция модернизации политической власти и регионального управления на уровне субъектов, что позволяет рассматривать проблему с позиции теории федерализма.

Ключевые слова: регион, политические процессы, Сибирский федеральный округ, региональная политика, субъекты Российской Федерации.

Изучение политологии учитывает развитие факторов политических процессов, расширяет варианты подходов к принятию экономических и социально-политических решений и повышает значимость прогнозирования последствий принимаемых решений.

В политической науке существуют различные точки зрения на то, что такое политический процесс. Некоторые исследователи считают, что «понятие политический процесс может иметь два значения в зависимости от того, о каком уровне развертывания политики идет речь – о микроуровне, т. е. о непосредственно наблюдаемой деятельности или даже единичных действиях индивидов, или о макроуровне, т. е. о фазах функционирования институтов, например, партий, государств» [1].

Политический процесс включает в себя субъектов и участников процесса; объект процесса; средства, методы, ресурсы, которые связывают субъект и объект-цель.

Политический процесс – это совокупная деятельность социальных общностей, общественных организаций и групп, отдельных лиц, преследующих определенные политические цели. Между внутригосударственными и международными политическими процессами всегда есть различия. Субъектами того и другого процесса и являются регионы.

Объективные критерии дифференциации регионов по отсутствию ресурсной базы для собственного социально-экономического развития позволили разделить все регионы РФ на три группы:

- 1) регионы, производящие продукты, превышающие реальные потребности населения;
- 2) регионы, способные удовлетворить свои собственные потребности;
- 3) регионы, не способные себя обеспечить и нуждающиеся в дотациях и эффективной региональной политике.

В основе типологизации российских регионов и организации моделей власти лежат различные признаки и социальные основания, среди которых можно выделить: несовершенство федеративных отношений с непропорциональным финансированием из федерального бюджета, различные социальные статусы местной политической, административной элиты, роль губернатора. Выделяются несколько типов губернаторской власти [2]:

1. Авторитарно-бюрократический тип, где сферой интересов губернатора являются интересы местных номенклатурных кланов.

2. Смешанный тип (губернатор-мэр), при котором губернатор и мэр являются противоборствующими сторонами.

3. Лоббистский тип, при котором сохраняется влияние бывшей клановой группировки.

4. Популистский тип, ориентированный на направление массового недовольства против федерального центра.

5. Партийно-харизматический тип, с претензией на всероссийский масштаб.

6. Мобилизационный тип, предполагающий решение групповых задач элиты в большей степени на федеральном уровне, чем на местном.

Рассмотрим эту схему на примере политических процессов в Сибирском федеральном округе. В состав округа входят Новосибирская, Иркутская, Кемеровская, Томская, Омская области, Алтайский, Забайкальский и Красноярский края, республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия.

Высокая политическая активность отмечена в Омской и Томской областях. Л. Полежаев как представитель местной номенклатуры Омской области трижды выигрывал выборы с хорошими результатами. Аналогичные показатели были в Томской области под руководством губернатора В. Кресса.

Высокая стабильность характерна для Кемеровской области, где был сформирован моноцентрический режим с харизматическим лидером А. Тулеевым. В 2015 г. его назначил губернатором

президент России. Тенденции к росту стабильности были характерны и для Новосибирского региона, в период губернаторства В. Толоконского.

Изменения характерны и для Читинской области, где губернатор менялся один раз: в 1996 г. Б. Ельцин заменил Б. Иванова на мэра Читы Р. Гениатулина. Этот субъект Российской Федерации имел сложносоставной характер, но в 2000 г и в 2004 г. Р. Гениатулин стал практически безальтернативным лидером. В 2008 г. образовался Забайкальский край. В 2013 г. на выборах в Забайкалье победил К. К. Ильковский.

Для Иркутской области характерна сложная политическая история с частой сменой правящих групп и низким уровнем популярности лидеров, провоцирующим острую конкуренцию на выборах. Стабильность характерна для первого губернатора Ю. Ножикова и для А. Тишанина. В марте 2008 г. группа депутатов Законодательного собрания Иркутской области обратилась к президенту В. Путину с просьбой отправить в отставку А. Тишанина. Сообщалось, что, обсудив итоги социально-экономического развития региона в 2007 г., депутаты признали политику губернатора неэффективной. «Коммерсантъ», сообщая об инициативе депутатов местного ЗАКСа, отмечал, что А. Тишанин в течение всех трех лет «так и не смог найти общий язык с региональной элитой», эксперты же «Ведомостей» сочли, что позиции Тишанина в регионе подточили «уголовные дела против его окружения» и бюджетный кризис.

16 апреля 2008 г. В. Путин подписал Указ «О досрочном прекращении полномочий губернатора Иркутской области». Исполняющим обязанности губернатора Иркутской области стал И. Есиповский. В сентябре 2015 г. в Иркутской области победил «красный» губернатор С. Левченко.

Социально-экономические факторы воздействуют на дифференциацию элиты и приход к власти представителей федеральных компаний, работающих на соответствующей территории. Для Красноярского края это – «Норильский никель», а для Иркутской области – менеджмент «Иркутскэнерго». Сибирь интересна для изучения практически всех существующих факторов элитной дифференциации. Весьма часто формирование групп влияния здесь было связано и с органами законодательной власти.

Существуют следующие негативные факторы, связанные с социально-экономической обстановкой в Сибири: сырьевая направленность экономики, устаревшие производственные фонды, неэффективное использование научно-технического потенциала. Сибирский федеральный округ по темпам экономического развития и уровню доходов населения отстает от федеральных показателей. Регион покидают трудоспособные люди, квалифицированные специалисты. На сегодняшний день существуют серьезные проблемы, тормозящие развитие. Это, прежде всего, социально-демографические проблемы: низкая плотность населения, неравномерность его размещения, недостаток трудовых ресурсов для освоения природных богатств региона, сильное отставание социальной сферы, недостаточный уровень квалификации кадров для развития сложных производств.

Существующие диспропорции в производственном потенциале, слабость инфраструктуры, недостаточность иностранных инвестиций ослабляют Сибирский регион. Федеральным центром ему уделяется мало внимания, несмотря на то что геополитическое положение Сибирского федерального округа значимо для всей страны. Регион является связующим звеном между Дальним Востоком, европейской частью страны и со странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Специфика региональных процессов в Сибирском федеральном округе позволяет выделить его следующие политические особенности:

- а) значимую роль губернатора как авторитарного лидера, бюрократического типа;
- б) лоббирование интересов партийно-региональной и политической элиты;
- в) использование административного ресурса;
- г) отсутствие единой модели функционирования структур власти.

Данная модель дифференцирована и обусловлена социально-экономическими процессами.

Список литературы

1. Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России. В 3 ч. : курс лекций / Н. А. Баранов. – СПб. : БГТУ, 2004. – 459 с.
2. Лапина Н. Власть и способы управления политической ситуацией в регионах / Н. Лапина, А. Чирикова // Российский конституционализм: политический

режим в региональном контексте : сб. докл. межрегион. семинара (Великий Новгород, март 2000 г.). – М., 2000. – С. 66–71.

3. *Дейшле В. А.* Политология [Электронный ресурс] / В. А. Дейшле. – URL: <http://lib.madi.ru/fel/-fel1/fel13E144.pdf>.

TRENDS OF REGIONAL POLITICAL PROCESSES IN THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT

T. E. Beydina, A. N. Kukharsky, A. V. Novikova
Zabaikalsky State University, Chita

Abstract. The article is devoted to regional peculiarities of the political processes of the Siberian subjects of the Russian Federation. The political history of the regional administration is analyzed as well. Methods and mechanisms of modernization of political authority and regional management were studied that emphasize the relevance of the article. It was proposed how to modernize the concept of political power and regional government on the level of subjects what address the problem from the perspective of the theory of federalism.

Keywords: region, political processes, Siberian Federal District, regional policy, the subjects of the Russian Federation.

Бейдина Татьяна Евгеньевна – доктор политических наук, профессор, заведующая, кафедра государственного муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, 672039, г. Чита, ул. Александровская д. 30, тел.: 8(3022)417336, e-mail: beydina@inbox.ru

Beydina Tatyana Evguenyevna – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of State and Municipal Administration and Politics, Zabaikalsky State University, 672039, Chita, 30, Alexandro-Zavodskaya st., tel.: 8(3022)417336, e-mail: beydina@inbox.ru

Кухарский Артем Николаевич – магистр, кафедра государственного муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, 672039, г. Чита, ул. Александровская, 30, тел.: 8(3022)417336, e-mail: kukharskijartjom@yandex.ru

Kukharsky Artem Nikolayevich – Magister, Department of State and Municipal Administration and Politics, Zabaikalsky State University, 30, Alexandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, tel.: 8(3022)417336, e-mail: kukharskijartjom@yandex.ru

Новикова Анна Владимировна – кандидат политических наук, доцент, кафедра государственного муниципального управления и политики, Забайкальский государственный университет, 672039, г. Чита, ул. Александровская, 30, тел.: 8(3022)417336, e-mail: anna_novikova2010@mail.ru

Novikova Anna Vladimirovna – Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of State and Municipal Administration and Politics, Zabaikalsky State University, 30, Alexandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, tel.: 8(3022)417336, e-mail: anna_novikova2010@mail.ru

ПРОДВИЖЕНИЕ РОССИИ НА ВОСТОК И ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

И. Ж. ИСКАКОВ

*Межрегиональный институт экономики и права при МПА ЕврАзЭС,
г. Санкт-Петербург*

Аннотация. Сопоставляются оценки продвижения России на восток исследователями прошлых веков и настоящего времени. Подчеркивается необходимость актуализации исторического аспекта в исследовании современных проблем.

Ключевые слова: Сибирь, Великая степь, политический ландшафт, формирование, сравнительный анализ.

В начале XXI в. мировое сообщество обнаружило себя в состоянии множества глобальных кризисов, которые стали определять основные направления эволюции мирового политического ландшафта. Исследователи отметили растущую взаимозависимость государств в общемировом геополитическом пространстве и начали говорить о глобализации, регионализации и локализации. В истории Евразийского континента интеграционные процессы имеют давнюю историю, в которой особое место занимает начавшееся со времен Петра I стремительное продвижение России на восток: в Сибирь и Киргиз-Кайсацкие степи.

В разные времена процессы интеграции Сибири, Великой степи и Российской империи понимались учеными по-разному: как присоединение, как колонизация, как освоение и т. д. Этот процесс считался то безусловным благом, то абсолютным злом. Подобные оценки продолжают существовать и сегодня. В связи с этим полагаем важным привлечь внимание к тому, что писали по поводу присоединения Сибири и Великой степи отечественные ученые в прошлые времена.

В начале XVII в. русские люди хорошо знали земли номадов, расположение их кочевий по рекам и озерам, караванные пути через Великую степь, соседние со степняками народы. Объяснялось это тем, что «послам русским вменялось в неперемнную обязанность представить, по возвращении, подробный отчет о положении тех стран, которые они посещали, – и это главная польза от наших посольств в Среднюю Азию». Поэтому в XVI–XVII столетиях, считает Н. И. Веселовский, «относительно Запад-

ной Европы мы во многих отношениях пребывали в неведении..., но Азию знали превосходно» [3, с. 81].

Такие представители сибирского областничества, как Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев, особо развивали идею народной инициативы в заселении Сибири. Ядринцев подчеркивал, что в своем продвижении русская колония «не только усваивала физический тип и психические особенности инородца, но даже воспринимала его культуру» [11, с. 190–191]. Этим он выражал новое для того времени мнение о воздействии кочевой культуры на развитие оседло-земледельческой цивилизации.

Представляется интересным мнение Д. Я. Резуна о том, почему русского человека «потянуло» на новые, неосвоенные земли в Сибирь. Он пишет: «Русский человек по своей ментальности <...> любит поговорить “по душам”, думать о Душе. Тем более, что в русском православии догмат о Душе занимает не последнее место. <...> Найти Душу можно только в уединении, когда суетность бытия отходит от тебя или же ты убегаешь от нее как почти все наши православные святые в “пустыню”, в леса, в скит и т. д. Вот и бежал русский человек все далее и далее на восток...» [10, с. 30].

Исследуя проблемы продвижения России на восток, необходимо учитывать два момента: преобладавшее в XIX в. представление о превосходстве оседлого земледельческого общества над кочевым скотоводческим и европоцентризм тогдашней отечественной науки. В качестве примера приведем мнение М. И. Венюкова: «Во всемирной истории, особенно же в летописях востока, немного найдется событий такого глубокого значения, как поступательное движение России в Средней Азии, совершившееся в течение двух последних столетий и, конечно, еще не вполне заключенное. С точки зрения естественной истории человека, это движение можно назвать восстановлением или распространением господства арийской расы в странах, которые долгое время были под владычеством народов тюркского и монгольского корня. <...> В смысле гражданского благоустройства народы Средней Азии отныне могут считать себя в периоде такого же сближения с передовыми нациями, как с начала нашего века кавказские племена и с конца прошлого индусы» [2, с. 135].

Начальные результаты продвижения России в восточные пределы Евразии проанализировал И. И. Завалишин: «Без расширения Россия не была бы тем, что мы видим в наше время:

“первым государством в мире” по соплеменности масс, непрерывности пространства и по самым благоприятным данным для развития истинного могущества, что глубже в будущность истории, то прочнее. ...Это понимали и к этому стремились всегда гениальнейшие и дальновиднейшие русские государственные люди» [4, с. 1–2]. Н. М. Ядринцев высказался следующим образом: «Сибирь по происхождению есть продукт самостоятельного народного стремления и творчества; результат порыва русского народа к эмиграции, к переселениям и стремлению создать новую жизнь в новой стране. Без этого движения не было бы Сибири» [11, с. 190–191].

Продвижение России на восток сопровождалось и обратным движением. Так, в то время, например, делегации казахской родовой знати неоднократно посещали столицу Российской империи. В августе 1860 г. в столицу Российской империи прибыла делегация султанов Внутренней Орды. Их представили царю, затем делегация посетила Эрмитаж, Арсенал, Литейный завод, Монетный двор, Минералогический и Зоологический музеи, Публичную библиотеку, театры. Их отвезли и в пригородные дворцы и достопримечательные места: Кронштадт, Петергоф, Павловск [6].

Современная историческая наука выявляет все новые факты в процессе освоения русскими Сибири и Центральной Азии. Вследствие этого уточняется терминология; формируется новый взгляд на теорию сибирского областничества; возвращается евразийский аспект в исторические исследования; выявляется значение европейских «инородцев» в экономической и социокультурной эволюции сибирских территорий; дается новая оценка деятельности царской администрации в этой части Евразии [8].

В XVI–XVII вв. аборигены воспринимались как равноправные в юридическом отношении подданные, их традиционные институты законодательно санкционировались и использовались русской властью. Начиная с XVIII в. Российская империя стала ориентироваться на западноевропейскую культурную модель, соответственно изменилось и отношение к культурным особенностям инородцев. К ним начинают относиться снисходительно-покровительственно, как к требующим опеки. Преобладает просветительская концепция монолинейного исторического развития человечества, поэтому природным (традиционным) сообще-

ствам определяется низшее место в системе «дикость – цивилизация». На этой основе появляется тенденция приобщения «отсталых народов» к элементам «цивилизованного» общества и культурного прогресса.

В современном мире возникла опасность полной потери шансов на этнокультурное существование у многих малочисленных или зависимых народов. В связи с этим происходит переосмысление всей системы привычных политических, социокультурных и иных представлений об инокультурных компонентах в структуре политически единого организма. Чтобы найти оптимальные принципы современной политики в отношении коренных народов, необходимо обратиться к историческому опыту Российской империи в сфере политической культуры, в частности к областнической концепции «инородческого вопроса». Е. П. Ковалышкина считает, что никто из единомышленников Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева не ставил «инородческий вопрос» с такой глубиной, как они [7, с. 4]. По ее мнению, вопрос этот до сих пор остается актуальной исследовательской проблемой.

В последние годы сибирские историки, социологи, культурологи обратили значительное внимание на сравнение опыта освоения русскими Сибири и колонизации европейцами Америки. Одним из объектов сравнительного анализа выступает сибирское казачество и американская территориальная милиция. Главная разница между ними состоит в том, что милиционер защищал свой дом и штат, а сибирский казак «блюл государев интерес» по всей Сибири. Их особенность (по сравнению с американской действительностью того времени) составляло и добрососедское отношение к коренным обитателям сибирских просторов, в том числе и к кочевникам евразийской Степи. Многие представители туземного населения перешли на службу русскому царю, количество инородцев, вошедших в состав служилого населения, было настолько значительным, что современные исследователи подчеркивают: «...сама так называемая “русская нация” в Сибири была далеко нерусской по своему составу; в ней было очень много представителей нерусских восточно- и западноевропейских народов, особенно в составе служилого населения» [11, с. 39]. «Нерусскость» населения Сибири определялась и включением в состав местного населения ссыльных, в число которых, например, входили бывшие участники польских восстаний.

Сибиряки в целом значительно отличались от насельников Европейской России. Исследователи отмечают, что типичной чертой осваивателя Сибири являлось сочетание привычки к свободе, самоуважения с «сильнейшим индивидуализмом» [5, с. 79]. Такое сочетание индивидуализма и общинности в порубежном обществе некоторые исследователи рассматривают как почти прообраз «открытого гражданского» общества К. Поппера, в котором как раз гармонично сочетаются черты индивидуализма и гражданственности. Следует вспомнить и определение этих терристорий как «крамольной окраины».

Чиновничество и военное сословие в то время выступало основной движущей силой, проводником политики и идеологии Российской империи, причем они зачастую являлись вполне «самостоятельными творческими единицами» [1, с. 69], корректирующими направление имперской политики в соответствии с потребностями ситуации и особенностями региона. Реализация геополитической стратегии государства на окраинах требовала оформления особого типа чиновника-военного, наделенного значительным объемом полномочий в отличие от бюрократической прослойки Центральной России, способного принимать единоличные решения, оперативно реагировать на изменение ситуации и находить баланс между установками высшей столичной администрации и реальными потребностями региона. В качестве примера можно назвать имена С. Б. Броневского, А. Григоровского (председателя Омского областного правления), А. Л. Бубенного (заседателя Каркаралинского приказа), Н. И. Потанина (начальника военного отряда Баян-Аульского округа), И. Ф. Усова (заседателя Кокчетавского приказа), А. Т. Путинцева (члена Омской пограничной комиссии). Но были еще и многие другие. Их деятельность продолжает оставаться объектом научных исследований, а опыт Российской империи содержит весьма важный потенциал для международной политики.

Список литературы

1. *Безвизонная Е. В.* Путевые заметки лекаря омского гарнизонного полка Ф. К. Зиббернштейна как источник по реконструкции восприятия российским чиновником представителей казахской аристократии // Степной край Евразии: Историко-культурные взаимодействия и современность : тез. докл. и сообщений IV Междунар. науч. конф., посвящ. 170-летию со дня рождения Г. Н. Потанина и Ч. Ч. Валиханова / под ред. А. П. Толочко. – Омск, 2005. – С. 69–73.

2. *Венюков М. И.* Россия и Восток. Собр. географических и политических статей / [Соч.] М. Венюкова. – СПб. : Тип. В. Безобразова и К^о, 1877. – 297 с.

3. *Веселовский Н. И.* Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII–XVIII столетиях // Журн. М-ва нар. просвещения. – СПб., 1884. – Июль. – Отд. 2. – С. 68–105.

4. *Завалишин И. И.* Описание Западной Сибири. В 3 т. // [Соч.] Ипполита Завалишина. Т. [1]–3. – М., 1862–1867. – Т. 3. – 145, [6] с.

5. *Замятина Н. Ю.* Зона освоения (фронтир) и ее образ в американской и русской культурах // Обществ. науки и современность. – М., 1998. – № 5. – С. 75–88.

6. *Иренов Г. Н.* Казахстан и Россия [Электронный ресурс] / Г. Н. Иренов, К. Н. Иренов. – URL: <http://pandia.ru/text/78/199/19399-6.php>.

7. *Ковалышкина Е. П.* «Инородческий вопрос» в Сибири в концепциях государственной политики и властнической мысли: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. П. Ковалышкина. – Томск, 1999. – 21 с.

8. Проблемы социально-экономического и культурного развития Сибири XVII–XX вв.: сб. науч. тр. / отв. ред. М. В. Шиловский. – Новосибирск: РИПЭЛ, 2005. – 304 с.

9. *Резун Д. Я.* Сибирский и американский город на фронтире // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. – Новосибирск, 2001. – Вып. 1. – С. 24–53.

10. *Резун Д. Я.* Фронтир из окна вагона (историко-публицистические заметки после путешествия в Харбин) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. – Новосибирск, 2002. – Вып. 2. – С. 29–35.

11. *Ядринцев Н. М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. / Н. М. Ядринцев. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд. И. М. Сибирякова, 1892. – 720 с.

PROMOTING RUSSIA TO THE EAST AND THE FORMATION OF POLITICAL LANDSCAPE: THE HISTORICAL ASPECT

I. Zh. Iskakov

Interregional Institute of Economy and the Law at IPA of EurAsEC, St. Petersburg

Abstract. The author compares the evaluation of promotion Russia to the east by researchers of the past centuries and the present. He emphasized the need to update the historical aspect in the contemporary studies of the problem.

Keywords: Siberia, the Great Steppe, the political landscape, the formation, comparative analysis.

Искаков Ирлан Жангазыевич – кандидат юридических наук, профессор, кафедра теории и истории государства и права, ректор, Межрегиональный институт экономики и права при МПА ЕврАзЭС, 194044, г. Санкт-Петербург, ул. Смолячкова, 14, корп. 1, тел.: 8 (812) 542-86-88, e-mail: iiel2002@mail.ru

Iskakov Irlan Zhanqazyevich – Candidate of Law Sciences, Professor, Department of theory and history of state and law, Rector of Interregional Institute of Economy and the Law at IPA of EurAsEC, 14, k. 1, Smolyachkova st., St. Petersburg, 194044, tel.: 8(812) 542-86-88, e-mail: iiel2002@mail.ru

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ
«ПЛАНА ПОДГОТОВКИ И ПЕРЕПОДГОТОВКИ КАДРОВ
ПО СОВЕТСКОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ НА ПЯТИЛЕТИЕ
(1933–1937 ГГ.) ДЛЯ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО КРАЯ»**

Л. Н. МЕТЁЛКИНА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена проблеме подготовки и переподготовки советских кадров для Восточно-Сибирского края в годы второй пятилетки, раскрываемой через анализ содержания ранее не введенного в научный оборот «Плана подготовки и переподготовки кадров по советскому строительству на пятилетие (1933–1937 гг.) для Восточно-Сибирского края» и выявлению причин его нереализованности.

Ключевые слова: советское строительство, Восточно-Сибирский край, советские кадры, курсы, краевая школа, заочное обучение, Институт советского строительства, Комвуз, совпартшколы, Техникум малых народностей, Высшие курсы при ВЦИК СССР.

Остающийся крайне невысоким общеобразовательный и квалификационный уровень кадров местных органов власти в начале 1930-х гг. вновь выдвинул на повестку дня проблему их подготовки и переподготовки.

В условиях Восточной Сибири в 1932 г. это привело к созданию чрезвычайно масштабного «Плана подготовки и переподготовки кадров по советскому строительству на пятилетие (1933–1937 гг.) для Восточно-Сибирского края» (без БМАССР) [1, л. 146–158].

В основу плана было положено следующее:

1. Пятилетний план подготовки и переподготовки кадров по советскому строительству исходит из основных политических установок второй пятилетки, принятых XVII партконференцией, которые изложены следующим образом: «Конференция считает, что основной политической задачей второй пятилетки является окончательная ликвидация капитальных (так в тексте! – *Прим. авт.*) элементов и классов вообще, полное уничтожение причин, порождающих классовые различия и эксплуатацию и преодоление пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращение всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей безклассового социалистического общества» (орфография источника сохранена. – *Прим. авт.*) [1, л. 146].

Из приведенного видно, что вторая пятилетка должна пройти под знаком максимального укрепления всех звеньев пролетарского государства, поднятия на небывалую мощь органов диктатуры пролетариата – советов и их исполкомов – через укрепление кадрами и активизацию привлечения к управлению государством все более широких масс трудящихся.

2. Состояние кадров советского строительства на первую половину текущего 1932 г. – начиная от сельсовета и кончая аппаратом орготдела ВСКИКа – характеризуется большой неукомплектованностью, низким качественным составом работников и наличием большой текучести (достигающей 30–40 % по отдельным группам работников).

Ввиду огромной нужды в работниках как сельских советов (председатели, секретари), так и горсоветов и РИКов (инструктора, заведомые, информаторы и др.) и текучести, которая ежегодно значительно обновляет аппарат, был сделан особый упор на подготовке и переподготовке в первые годы через систему курсов – формы, с помощью которой можно было рассчитывать максимально быстро выправить недочеты аппарата в части квалификации кадров [1, л. 146 об.].

В качестве основных форм подготовки и переподготовки, в рамках данного плана, были заявлены следующие:

1) основная форма обучения в течение первых 2–3 лет пятилетки, как наиболее гибкая и быстрая – *курсы по советскому строительству*;

2) *краевая школа* по подготовке и переподготовке районных работников РИКов и тузРИКов, горсоветов;

3) *заочное обучение по советскому строительству*;

4) *Институт советского строительства*;

5) *Отделение советского строительства Комвуза*;

6) *Отделение советского строительства при совпартишколах*;

7) открывающийся *Техникум малых народностей* в Енисейске, с отделением советского строительства.

При этом был скрупулезно прописан – по годам и отдельным формам обучения, а также адресной направленности подготовки и переподготовки – план-график реализации представленных положений.

● План подготовки и переподготовки работников по советскому строительству через *курсовые мероприятия* должен был складываться из следующих элементов:

1. Работа пяти межрайонных постоянно действующих курсовых баз по советскому строительству (Иркутск, Чита, Красноярск, Канск, Сретенск). На начало 1933 г. уже работало 4 курсовые базы (Чита, Иркутск, Красноярск и Канск). С 1933 г. должна была начать работу Сретенская курсовая база (табл. 1).

Таблица 1

План организации работы курсовых баз в 1933–1937 гг.*

Местонахождение курсовых баз	1933		1934		1935		1936		1937	
	Кол-во курсантов	Срок обучения	Кол-во курсантов	Срок обучения	Кол-во курсантов	Срок обучения	Кол-во курсантов	Срок обучения	Кол-во курсантов	Срок обучения
Иркутск	50	4 мес.	50	4 мес.	50	6 мес.	80	7 мес.	80	7 мес.
Красноярск	50	4 мес.	50	4 мес.	50	6 мес.	80	7 мес.	80	7 мес.
Чита	50	4 мес.	50	4 мес.	50	6 мес.	80	7 мес.	80	7 мес.
Канск	50	4 мес.	50	4 мес.	50	6 мес.	80	7 мес.	80	7 мес.
Сретенск	-	-	50	4 мес.	50	6 мес.	80	7 мес.	80	7 мес.

*[Составлено по: 1, л. 151–151 об.]

Анализ учебных планов позволяет отметить его сбалансированность (табл. 2) – были представлены 3 цикла подготовки при выраженной практической направленности: 18,75 % учебного времени отводилось на общественно-политический курс, 16,25 % – на общеобразовательный и 65 % – на освоение цикла советского строительства (табл. 2).

Предполагаемые к открытию курсовые точки в Киренске, Бодайбо, Нерчинском заводе, Туруханске должны были стать районными курсами подготовки и переподготовки сельских работников. Планировалось их функционирование в течение всей пятилетки, причем в первые два года срок обучения должен был быть 4-месячным с последующим увеличением до 6–7 месяцев.

Межрайонными и районными курсами уже в 1933 г. планировалось подготовить и переподготовить 1270 чел. (710 и 560 соответственно). В 1934 г. предполагалось увеличить эти показатели до 760 и 660. Таким образом, уже в результате реализации плана на первые два года – должно было быть подготовлено и переподготовлено 2690 чел., что в значительной степени удовлетворило бы потребность в работниках сельсоветов (председатели, секретари).

Согласно разработанному плану, 1935 г. должен быть стать переломным, когда «подготовка и переподготовка будут равны друг другу, так как текучесть работников (секретарей, председателей) сельских советов, в результате ряда практических мероприятий по борьбе с текучестью будет доведена (текучесть) до 18–20 %, что будет составлять 450–500 человек в год» [1, л. 151 об.].

Таблица 2

Учебный план для 4-месячных курсов подготовки и переподготовки председателей и секретарей сельсоветов на 1933/34 учеб. год*
100 учебных дней по 8 ч – 800 ч + 1 ч работы на дому

Цикл	Наименование дисциплины	Кол-во часов
I. Общественно-политический	Экономическая политика СССР	90
	Основы ленинизма	60
	Учение о советском государстве (ознакомление с конституцией СССР и РСФСР, включая сов. строительство)	100
	Колхозное строительство	70
	Экономика Вост.-Сиб. края и перспективы ее развития во II пятилетке	46
	Учетная отчетность, информация, статистика и делопроизводство	40
	Счетоводство	40
	Агротехника с основами землепользования и землеустройства	40
	Материальная база РИКов и сельсоветов	60
	Сельское благоустройство	20
	Основы революционной законности и работа товарищеского суда	30
	Работа органов народного образования и задачи с/с	20
	Работа органов здравоохранения и задачи с/с	17
	Задачи обороны страны	17
III. Общеобразовательный	Математика	70
	Русский язык	60
Резерв		200
	Итого	800

*[Составлено по: 2, л. 5]

С 1936 г. предполагалось значительно сократить подготовку, а переподготовку – увеличить. Одновременно должны были быть существенно увеличены сроки обучения – с 7 до 9 месяцев, тем самым превращая курсовую форму обучения в стационарную, которой в 1936 г. должно было быть охвачено 620 чел. Это же количество планировалось и на 1937 г.

2. Для подготовки национальных кадров, особенно работников тузоветов (председатели, секретари), планом было предусмотрено закрепление и расширение курсовой подготовки через уже существующие окружные курсы работников (председателей, секретарей) тузоветов в округах (Витимо-Олекминский, Тай-

мырский и Эвенкийский), а также районные курсы подготовки национальных работников (Туруханск, Катанский, Хилоко-Хаоцемский районы) (табл. 3).

При этом предполагалось, что деятельность окружных курсовых баз уже с первых лет (1933–1934 гг.) полностью удовлетворит потребность в низовых национальных работников.

Таблица 3

План организации работы окружных курсов
для подготовки национальных кадров в 1933–1937 гг.*

Наименование окружных курсов	1933–34		1934–35		1935–36		1936–37	
	Кол-во курсан- тов	Срок обучения	Кол-во курсан- тов	Срок обучения	Кол-во курсан- тов	Срок обучения	Кол-во курсан- тов	Срок обучения
Витимо-Олекминские	30	5 мес.	30	5 мес.	110	7 мес.	550	9 мес.
Таймырские	50	5 мес.	50	5 мес.				
Эвенкийские	40	5 мес.	40	5 мес.				
Катанские	50	5 мес.	50	5 мес.	50	5 мес.	50	6 мес.
Туруханские			50	5 мес.	50	5 мес.	50	6 мес.
Хилок-Хаоцемские			50	5 мес.	50	5 мес.	50	6 мес.

*[Составлено по: 1, л. 151 об.]

3. Через работу краевых курсов советского строительства планировалось проводить подготовку и переподготовку районных работников (председателей, зав. организационных отделов, инструкторов, секретарей) РИКов и горсоветов (табл. 4).

Таблица 4

План курсовой подготовки и переподготовки районных работников
РИКов и горсоветов на краевых курсах советского строительства*

1933 г.		1934 г.		1935 г.		1936 г.		1937 г.	
Кол-во курсан- тов	Срок обуче- ния	Кол-во курсан- тов	Срок обуче- ния	Кол-во курсан- тов	Срок обуче- ния	Кол-во курсан- тов	Срок обуче- ния	Кол-во курсан- тов	Срок обуче- ния
100	6 мес. 2 созыва	150	6 мес. 2 созыва	100	9 мес.	90	12 мес.	90	12 мес.
Итого: 530 чел.									

*[Составлено по: 1, л. 151 об.]

Через краевые курсы также предполагалось вести подготовку и переподготовку председателей, секретарей, инструкторов тузРИКов и ОИКов (табл. 5).

Таблица 5

План курсовой подготовки и переподготовки работников
тузРИКов и ОИКов на краевых курсах советского строительства*

1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Кол-во курсантов	Кол-во курсантов	Кол-во курсантов	Кол-во курсантов	Кол-во курсантов
20	40	40	40	40
Итого: 180 чел.				

[Составлено по: 1, л. 151 об.]

Всего же через систему курсов предполагалось подготовить и переподготовить в течение 5 лет 6290 чел. (табл. 6).

Таблица 6

План подготовки и переподготовки работников местных
органов власти через курсовую систему Восточно-Сибирского
краевого исполнительного комитета*

Звенья аппарата и виды переподготовки	Курсовая система ВСКИКа					Итого
	Год					
	1933	1934	1935	1936	1937	
Раб. сельсоветов	1180	1340	875	540	540	4475
Раб. тузсоветов	175	170	120	150	150	765
Раб. горсов., подчин. РИКа, и поселк. советов	27	23	18	28	41	137
Раб. КИКу и РИКов	143	192	147	132	119	733
Раб. тузРИКов и ОИКов	20	40	40	40	40	180
Раб. орготдела ВСКИКа	-	-	-	-	-	-
<i>Всего</i>	1545	1765	1200	890	890	6290

*[Составлено по: 1, л. 156]

• План не предусмотрел столь же скрупулезной конкретизации основных направлений и форм деятельности *краевой школы* по подготовке и переподготовке районных работников РИКов и тузРИКов, горсоветов, а также предполагаемых цифр набора и выпуска ее слушателей. Однако в ГАИО сохранился учебный план этой школы, предположительно – на 1933/34 учеб. год (табл. 7).

Таким образом, 28,6 % учебного времени отводилось на освоение общественно-политического цикла и 13 % – на образовательный, оставляя 58,4 % на подготовку, непосредственно относящуюся к советскому строительству.

• *Заочное обучение* по советскому строительству должно было развернуться по трем циклам-направлениям – цикл сельсоветов, горсоветов и вузовский сектор.

Таблица 7

Учебный план шестимесячной школы подготовки, переподготовки работников советского строительства (председателей, секретарей и инструкторов) 144 учебных дня по 8 ч – 1152 ч*

Цикл	Наименование дисциплины	Кол-во часов
I. Общественно-политический	Политэкономика	80
	Экономполитика	90
	Ленинизм	140
	Текущая политика	20
II. Советского строительства	Учение о советском государстве	160
	Единый финплан и бюджет	65
	Колхозное строительство	?
	Экономика края и основы планирования	70
	Агротехника с основами землепользования и землеустройства	50
	Основы ревзаконности	40
	Техника управления	??
	Основы коммунального хозяйства и соцблагоустройства	
	Вопросы культурного строительства	50
Оргинструкторская работа РИКа	?	
III. Образовательный	Русский язык	75
	Математика	75
	Всего:	1107
	Резерв:	47
	Итого:	1152

*[Составлено по: 2, л. 4]

Основной задачей этой формы обучения в первые годы должен был стать широкий охват всего советского актива (сельсоветов, поссоветов, горсоветов, РИКов, ОИКов, КИКа), а также колхозно-совхозного актива, актива фабрик и заводов (табл. 8).

Таблица 8

План организации заочного обучения по советскому строительству на 1933–1937 гг.,* кол-во чел.

Звенья аппарата и виды переподготовки	Заочное обучение					Итого
	Год					
	1933	1934	1935	1936	1937	
Цикл сельсоветов	4000	5000	6000	7500	9000	31 500
Цикл горсоветов	700	850	1000	1500	2000	6050
Цикл вузовский	250	500	600	750	1000	3100
Всего	4950	6350	7600	9750	12000	40 650

*[Составлено по: 1, л. 156]

Комплектование должно было носить следующий характер:

1. По циклу сельсоветов в первые годы главное внимание должно было уделяться охвату практических работников – председателей и секретарей сельсоветов, секций, депутатских групп. При этом основной задачей должно было стать привлечение «не только не обучавшихся, но и всех товарищей, прошедших краткосрочную курсовую подготовку по советскому строительству, с целью закрепления и углубления знаний по советскому строительству» [1, л. 152].

В 1933 г. системой заочного обучения по циклу сельсоветов (со сроком обучения в один год) должно было быть охвачено председателей сельсоветов – 1192, секретарей – 192, остальные 1616 чел. – актив сельсоветов.

В последующие годы, «по мере все большего охвата заочным обучением актива сельсоветов», предполагалось, что «центр тяжести в заочном обучении будет переноситься на больший охват рядового актива сельсоветов и актива совхозов, колхозов и МТС. Вместе с этим по циклу сельсоветов необходимо иметь в виду, что в сельсоветы, в порядке текучести работников, будут ежегодно вливаться (председатели, секретари с/советов) – 500–600 ч, которых тоже надо готовить» [1, л. 152].

2. Цикл горсоветов ставил задачей охватить заочным обучением по советскому строительству председателей и секретарей поссоветов, горсоветов (подчиненных РИКа), информаторов, председателей, секретарей и членов секций, депутатских групп и актива фабрик и заводов. Набор в 1933 г. планировался в 700 чел. Из них председателей и секретарей поссоветов и информаторов горсовета – 50 чел. Остальные 650 чел. должен был составить актив горсовета (председатели, секретари, члены секций и депутатских групп). Этот цикл так же, как и цикл с/советов, предполагалось в первые годы комплектования проводить, главным образом, за счет работников, непосредственно занятых и участвующих в советской работе (горсовет, секции, депутатские группы). В дальнейшем планировался максимальный охват актива фабрик и заводов, «втягиваемых» в советскую работу, желающих получить знания по советскому строительству.

3. В рамках вузовского сектора заочного обучения (два года) предполагалось осуществляться подготовку и переподготовку инструкторов, заворгов, председателей и секретарей РИКов, горсоветов, а также инструкторов и завсекторами аппарата крайисполкома.

На 1933 г. намечался охват в 250 чел., из которых районных работников – 228, работников крайисполкома – 22. В последующие годы планировался значительный рост числа обучающихся, причем уже с 1934 г. основной центр тяжести (70 %) в комплектовании вузовского сектора должен был быть перенесен на выпускников первых двух циклов (сельсоветов и горсоветов), а также средней школы, особо проявивших себя в учебе.

Примечательно, что в работе по заочному обучению должно было широко применяться радио (радиолекции, радиоконсультации и т. п.), для чего планировалось создать специальные аудитории [1, л. 153].

• При максимальной пропускной способности *Иркутского института советского строительства* Восточно-Сибирский край, даже при полном достижении плановых показателей, мог рассчитывать на получение недостаточного количества квалифицированных работников по советскому строительству, так как институт должен был обеспечивать кадрами еще Западно-Сибирский и Дальневосточный края и три автономных республики (табл. 9).

Таблица 9

План набора и выпуска студентов
Иркутского института советского строительства*

Год	Прием			Выпуск		
	дневной	вечерний	всего	дневной	вечерний	всего
1932	125	50	175	-	-	-
1933	210	90	300	36	-	36
1934	425	175	600	44	-	44
1935	425	175	600	106	37	143
1936	425	175	600	179	68	247
1937	425	175	600	361	131	492
Итого:	2035	840	2875	726	236	962

*[Составлено по: 1, л. 154]

Таким образом, кадры, подготавливаемые конкретно для Восточно-Сибирского края, составляли бы лишь незначительную часть выпускников (24,8 % от общего числа планируемых выпускников) При этом основная часть этих выпускников (76,6 %) должна была пополнить ряды работников районных и краевых исполнительных комитетов (табл. 10).

Таблица 10

План подготовки и переподготовки кадров для Восточно-Сибирского края Институтом советского строительства в 1933–1937 гг.*

Звенья аппарата и виды переподготовки	Год					Итого
	1933	1934	1935	1936	1937	
Раб. сельсоветов	-	-	-	-	-	-
Раб. тузсоветов	-	-	-	-	-	-
Раб. горсов., подчин. РИ- Кам, и поселк. советов	-	-	7	11	25	43
Раб. КИКу и РИКов	7	9	25	48	94	183
Раб. тузРИКов и ОИКов	-	-	-	-	-	-
Раб. орготдела ВСКИКа	2	2	3	3	3	13
<i>Всего</i>	9	11	35	62	122	239

*[Составлено по: 1, л. 156]

Предполагалось, что уже с 1934 г. профиль выпускаемых Институтом советского строительства специалистов должен «соответствовать и целиком отражать условия и экономику районов, обслуживаемых краев и автономных республик, областей». Для этого «при Институте Советского строительства необходимо готовить высококвалифицированных работников по советскому строительству для северных национальных округов и районов из среды малых народов севера. С этой целью при Институте с 1933 г. создается группа в 20 чел., которая будет состоять исключительно из нацменов Севера и готовить работников тузРИКов, ОИКов. В последующие годы количество курсантов должно увеличиться и Институт должен иметь специальное национальное отделение или, в крайнем случае, особую группу» [1, л. 155].

● Иркутский комвуз был организован на базе Советской партийной школы 24 сентября 1930 г. В первом приказе, согласно указаниям Народного комиссариата просвещения, установлены отделения Комвуза и профиль подготавливаемых работников. Были организованы следующие отделения, с указанием количества групп и профиля работников (табл. 11).

Отделение советского строительства Комвуза было организовано осенью 1931 г. Первый набор был произведен в составе 30 чел., из которых в 1932 г. оставалось 26. Уже в 1932 г. предполагался новый набор – в 30 чел. И, таким образом, к началу второй пятилетки на этом отделении должно было учиться 56 студентов. В дальнейшем предполагалось увеличить эти цифры (табл. 12).

Таблица 11

Структура Иркутского коммунистического вуза*

Отделения	Профиль подготавливаемых работников	Срок обучения	Требования к поступающим
Партийное	Районные партийные работники: секретари и инструкторы райкомов партии	3 года	<ul style="list-style-type: none"> · исключительно члены ВКП(б). · имеющие опыт партийной работы. · по командировке партийных организаций, с объемом общеобразовательных знаний, как правило, за четырехлетку
Пропагандистское	Пропагандисты для сети партийного просвещения		
Газетное	Работники райисполкома		
Народного образования	Редакторы районных газет		
Национальное	Заведующие и инспекторы районных отделов образования		
Комсомольское	Подготовка представителей нац. меньшинств для обучения в комвузе	1 год	

*[Составлено по: 3, л. 1]

Таблица 12

План набора и выпуска студентов отделения советского строительства Восточно-Сибирского комвуза*

Год	Прием, чел.	Выпуск, чел.
1933	30	-
1934	30	24
1935	30	27
1936	30	27
1937	30	27
Итого	150	105

*[Составлено по: 1, л. 154]. 10 % принятых предполагается как отсев по различным причинам.

Таблица 13

План подготовки и переподготовки кадров отделением советского строительства Восточно-Сибирского коммунистического университета в 1933–1937 гг.*

Звенья аппарата и виды переподготовки	Год					Итого
	1933	1934	1935	1936	1937	
Раб. сельсоветов	-	-	-	-	-	-
Раб. тузсоветов	-	-	-	-	-	-
Раб. горсов., подчин. РИ-Кам, и поселк. советов	-	2	5	4	6	17
Раб. КИКу и РИКов	-	13	19	20	18	70
Раб. тузРИКов и ОИКов	-	-	-	-	-	-
Раб. орготдела ВСКИКа	-	9	3	3	3	18

*[Составлено по: 1, л. 156]

Основным источником комплектования отделения советского строительства должен был стать «районный и сельский актив и соцсовместители, подготавливающиеся в вечерних СПШ повышенного типа, имеющие достаточную образовательную подготовку и... опыт активной и советской работы не менее 2-х лет, партстаж – не менее 3-х лет». По социальному положению намечался прием не менее 50 % рабочих в первые годы пятилетки, с доведением их количества до 70 % к концу пятилетки, с параллельным снижением числа служащих до 5 %.

Выпускников отделения предполагалось использовать на ответственной практической советской работе – в качестве председателей, заворготделами, инструкторов по советскому строительству РИКов, горсоветов, а также работников аппарата орготделов крайисполкома.

- *Совпартшколы* (советско-партийные школы) в представленном плане продолжали оставаться одной из форм подготовки кадров по советскому строительству, уже достаточно хорошо зарекомендовавшей себя в 1920-е гг., когда была создана система советско-партийного образования, основанная на преемственности трех типов совпартшкол. Совпартшколы I ступени – с трехмесячным курсом для рабочих районов и четырехмесячным для крестьянских – давали элементарные политические знания и рассматривались в качестве образовательного минимума для работников местных органов власти. Совпартшколы II степени комплектовались из лиц, окончивших школу I ступени или имеющих знания в этом объеме, и давали разностороннее образование – в течение 1 учебного года (6 месяцев теоретических знаний и 3 месяца учебы на специальных отделениях) – советским и партийным работникам. Совпартшколы III ступени являлись коммунистическими университетами с трехлетним курсом обучения, для поступления в которые необходимо было получение образования в объеме совпартшколы II ступени.

К началу 1930-х гг. совпартшколы были ориентированы на подготовку кадров для работы в промышленности и сельском хозяйстве. Комплектование совпартшкол предполагалось проводить, главным образом, из числа практических работников советов, исполкомов, а также из совхозно-колхозного актива. Срок обучения в совпартшколах – 2 года. Выпускать они должны были председателей крупных сельсоветов, поссоветов, инструкторов РИКов, горсоветов.

На 1932 г. в Восточно-Сибирском крае имелось 6 совпартшкол, и планом было предусмотрено постепенное увеличение их количества до 19 в 1936 г. Первый выпуск планировался уже в 1934 г. (табл. 14).

Таблица 14

План набора и выпуска студентов отделений советского строительства советско-партийных школ Восточно-Сибирского края*

Набор		Выпуск, чел.	
1933 г.	100		
1934 г.	170	1934 г.	60
1935 г.	320	1935 г.	100
1936 г.	400	1936 г.	150
1937 г.	500	1937 г.	280
Всего	1490	Всего	590

*[Составлено по: 1, л. 154 об.]

Примечательно, что до 1933 г. в совпартшколах не существовало отделений для специальной подготовки работников по советскому строительству. С 1933 г. предполагалось приступить к такой подготовке (табл. 15), которая должна была вестись в соответствии со специально составленным учебным планом и программами с тем, чтобы «давать необходимых квалифицированных работников по советскому строительству, с учетом особенностей, присущих отдельным районам Края, со стороны ведущей отрасли хозяйства (как то: животноводческие, зерновые и т. д.)» [1, л. 154 об.].

Таблица 15

План подготовки и переподготовки кадров отделениями советского строительства советско-партийных школ Восточно-Сибирского края*

Звенья аппарата и виды переподготовки	Год					Итого
	1933	1934	1935	1936	1937	
Раб. сельсоветов	-	30	50	80	250	410
Раб. тузсоветов	-	-	-	-	-	-
Раб. горсов., подчин. РИ-Кам, и поселк. советов	-	4	30	13	18	65
Раб. КИКу и РИКов	-	26	20	57	12	115
Раб. тузРИКов и ОИКов	-	-	-	-	-	-
Раб. орготдела ВСКИКа	-	-	-	-	-	-
Всего	-	60	100	150	280	590

*[Составлено по: 1, л. 156]

- *Отделение советского строительства Техникума малых народов (Туземного техникума) начало функционировать с 1932/33 учеб. года со сроком обучения 3 года. Основной задачей отделения являлась подготовка квалифицированных работников советского строительства (секретарей, инструкторов тузРИКов и председателей, секретарей тузсоветов и т. д.) из среды малых народов Севера (табл. 16, 17).*

Таблица 16

План набора и выпуска студентов отделения советского строительства Техникума малых народов*

Год	Набор, чел.	Выпуск, чел.
1932	30	-
1933	30	-
1934	50	-
1935	60	25
1936	60	25
1937	60	43
<i>Итого</i>	290	93

*[Составлено по: 1, л. 155 об.]

Таблица 17

План подготовки и переподготовки кадров отделением советского строительства Техникума малых народов*

Звенья аппарата и виды переподготовки	Год					Итого
	1933	1934	1935	1936	1937	
Раб. сельсоветов	-	-	-	-	-	-
Раб. тузсоветов	-	-	-	-	-	-
Раб. горсов., подчин. РИ-Кам, и поселк. советов	-	-	-	-	-	-
Раб. КИКу и РИКов	-	-	-	-	-	-
Раб. тузРИКов и ОИКов	-	-	25	25	43	93
Раб. орготдела ВСКИКа	-	-	-	-	-	-
<i>Всего</i>	-	-	25	25	43	93

*[Составлено по: 1, л. 156]

Комплектование отделения советского строительства Тузтехникума планировалось проводить главным образом за счет низового советского актива (председатели, секретари тузсоветов и другой советский актив).

Кроме этих предусмотренных планом направлений, продолжала оставаться актуальной и подготовка работников ВСКИКа и перспективных работников РИКов вне пределов Восточной Сибири – на Высших курсах при ВЦИК в Москве (табл. 18).

Таблица 18

План подготовки и переподготовки кадров для
Восточно-Сибирского края Высшими курсами при ВЦИК СССР*

Звенья аппарата и виды переподготовки	Год					Итого
	1933	1934	1935	1936	1937	
Раб. сельсоветов	-	-	-	-	-	-
Раб. тузсоветов	-	-	-	-	-	-
Раб. горсов., подчин. РИКа, и поселк. советов	-	-	-	-	-	-
Раб. КИКу и РИКов	12	12	12	12	12	60
Раб. тузРИКов и ОИКов	-	-	-	-	-	-
Раб. орготдела ВСКИКа	8	8	8	8	8	40
<i>Всего</i>	20	20	20	20	20	100

*[Составлено по: 1, л. 156]

Реализация всех намеченных планом позиций уже к 1937 г. должна была привести к серьезному улучшению качественных характеристик кадрового состава в советских органах всех уровней Восточно-Сибирского края, благодаря тому что подготовку и переподготовку в различных формах системы советского образования должны были пройти 48 067 чел., что должно было в значительной степени решить проблему кадрового дефицита – даже с учетом высокого уровня текучести кадров (табл. 18, 19).

Таблица 19

Сводный план* соотношения потребностей и их покрытия
в соответствии с «Планом подготовки и переподготовки кадров
по советскому строительству на пятилетие (1933–1937 гг.)
для Восточно-Сибирского края»**

Звенья советского аппарата	Потребность			Покрытие		
	Подготовка	Переподготовка	Итого	Подготовка	Переподготовка	Итого
Сельсовет (пред. и секретари)	3100	3900	7000	2580	2305	4885
Тузсовет (пред. и секретари)	270	380	650	481	384	765
Горсов., подч. РИКа, и поссоветы (пред. и секр.)	155	95	250	145	117	262
Горсов., подч. РИКа, КИКу и РИКи (пред., заворги, секр., инстр., информ.)	899	370	1269	752	218	970
ТузРИКи и ОИКи (пред., заворги, секр., инстр., информ.)	175	185	360	142	131	273
Орготдел ВСКИКа	79	28	107	52	-	52
<i>Всего</i>	4678	4958	9636	4152	3155	7207

*Без учета заочной формы подготовки и переподготовки и Высших курсов при ВЦИК

**[Составлено по: 1, л. 157–158]

Сводный план по всем видам подготовки и переподготовки кадров для Восточно-Сибирского края на 1933–1937 гг.*

Звенья аппарата и виды переподготовки	Год					Итого
	1933	1934	1935	1936	1937	
Раб. сельсоветов	1180	1370	925	620	790	4885
Раб. тузсоветов	175	170	120	150	150	765
Раб. горсов., подчин. РИ-Кам, и поселк. советов	27	29	60	56	90	262
Раб. КИКу и РИКов	162	251	225	273	259	1170
Раб. тузРИКов и ОИКов	20	40	65	65	83	273
Раб. орготдела ВСКИКа	10	20	12	10	10	62
<i>Всего</i>	1574	1880	1407	1174	1382	7417
Цикл сельсоветов	4000	5000	6000	7500	9000	31 500
Цикл горсоветов	700	850	1000	1500	2000	6050
Цикл вузовский	250	850	1000	1500	2000	3100
<i>Всего по всем видам подготовки и переподготовки</i>	6524	8230	9007	10 924	13 382	48 067

*[Составлено по: 1, л. 158]

Однако столь тщательно составленный и продуманный план так и не был выполнен.

Отчасти это объясняется теми административно-территориальными преобразованиями, которые произошли в Восточной Сибири в 1934–1937 гг. В их результате были созданы три самостоятельные единицы – Красноярский край, Читинская и Иркутская области, однако разрушилась достаточно стройная система образования, которая была намечена этим планом. Это исключило необходимость составления систематической отчетности относительно реализации плановых показателей.

Кроме того, репрессии, связанные с коллективизацией, индустриализацией и процессами 1937 г., чрезвычайно усилили сменяемость советских кадров и одновременно значительно снизили мотивацию работников советов к получению специального образования или прохождению переподготовки как средству выстраивания успешной карьеры.

Произошли и существенные изменения, приведшие к серьезному преобразованию отдельных из заявленных в плане форм обучения. Так, учитывая крайне острое положение с кадрами в области сельского хозяйства, ЦК ВКП(б) еще 21 сентября 1932 г. принял постановление, в котором говорилось, что «громадный рост крупного социалистического земледелия и животноводства,

задачи организационно-хозяйственного укрепления колхозов и совхозов и, наконец, задача поднятия урожайности в земледелии и улучшения качества работы животноводческих совхозов и ферм – настоятельно требуют наличия таких квалифицированных руководящих работников для колхозов, МТС, совхозов и районных партийно-советских организаций, которые обладали бы наряду с широким политическим развитием достаточными специальными знаниями как в области сельскохозяйственной техники, так и в области агрономии и животноводства». В связи с этим комвузы были преобразованы в высшие коммунистические сельскохозяйственные школы [ГАНИИО. Ф. 375. Оп. 1. Д. 6. Л. 4].

И с 1 января 1933 г., согласно постановлению ЦК ВКП(б), Восточно-Сибирский комвуз был реорганизован в Высшую коммунистическую сельскохозяйственную школу (табл. 21).

Таблица 21

Структура Восточно-Сибирской
высшей коммунистической сельскохозяйственной школы*

Отделения	Сроки обучения	Требования к поступающим
Партийное	3 года	Члены, кандидаты ВКП(б), комсомольцы и беспартийные, по командировкам партийных организаций; имеющие стаж руководящей активной работы в сельском хозяйстве; общеобразовательную подготовку за 7-летку
Основное	2 года	
Комсомольское	1 год	
Подготовительное	4 месяца	Члены, кандидаты ВКП(б), комсомольцы и беспартийные, по командировкам партийных организаций; имеющие стаж руководящей активной работы в сельском хозяйстве; общеобразовательную подготовку за 4-летку

*[Составлено по: 3, л. 4]

Комсельхозшкола существенно отличалась от Комвуза и построением учебного плана, и составом принятых студентов, и целями их подготовки.

Для учебного плана Комсельхозшколы были характерны две особенности: приоритет специальных предметов по сельскому хозяйству (агрономия, животноводство, механизация сельского хозяйства и др.) и большое внимание, уделяемое общеобразовательным предметам – русскому языку и математике.

В конце 1936 г. Комсельхозшкола была немного реорганизована: ликвидировано партийное отделение и установлен годичный срок обучения на подготовительном отделении, изменен учебный план на основном отделении: увеличены часы на общеобразовательные и социально-экономические дисциплины и сокращены часы на специальные дисциплины.

При этом следует отметить, что нормы приема студентов, устанавливаемые крайкомом партии, обычно не выполнялись: так, в 1933 г. план набора составлял 350 чел., но набрано было лишь 280.

Таблица 22

Сводная таблица набора, выпуска и отсева студентов Восточно-Сибирской коммунистической сельхозшколы в 1933–1936 гг.*

Годы	Кол-во студентов комсельхозшколы			
	принятых	обучающихся	окончивших	«отсев»
1933	280	322	-	140
1934	254	нет сведений	222	70
1935	144	420	48	104
1936	159	328	127	68

*[Составлено по: 3, л. 3 об.]

Но и набранный состав студентов значительно уменьшался к моменту выпуска. Чрезвычайно высокий процент отсева (до 50 % от общего числа принятых) далеко не всегда объяснялся досрочным снятием студентов с учебы и откомандированием их на работу. Так, из 104 чел., отчисленных в 1935 г., лишь 3 чел. были мобилизованы на партийную работу и еще 24 выбыло по причинам, не исключающим их направление на такую работу. Но значительно более массовыми (74 %) были совсем другие причины: 30 чел. были отчислены из-за неуспеваемости, 20 – по состоянию здоровья, 10 – по семейным обстоятельствам, 17 – за нарушение правил внутреннего распорядка [3, л. 4 об.] (табл. 22).

Не выполнялись даже планы по командированию курсантов на весьма престижные Высшие курсы при ВЦИК, куда для Восточно-Сибирского края выделялось 20 направлений ежегодно. Так, план-разверстка 1932 г. был выполнен не более чем на 50 %. Но в следующем году ситуация осложнилась еще больше. Уже к середине ноября 1933 г. заместитель заведующего Орготделом ВСКИК Г. Я. Лопуха докладывал, что на предоставленные Восточно-Сибирскому краю 20 мест был командирован только 1 чел. [1, л. 112].

В целом же из-за отсутствия какой-либо отчетности о выполнении данного плана выводы о степени его реализованности приходится делать на основании исключительно косвенных источников. В частности, далеко не исчерпывающих данных о прошедших подготовку по советскому строительству председателях РИКов и горсоветов Иркутской области за 1937–1939 гг. (табл. 23).

Таблица 23

Динамика количества председателей РИКов и горсоветов, прошедших подготовку по советскому строительству*

	Должности	Кол-во по штату	Фактически занято	Прошедших подготовку по советскому строительству	% имеющих подготовку по сов. строительству
На 1 января 1937 г.	председатели РИКов	40	38	9	23,7
	председатели горсоветов	31	31	3	9,7
На 1 января 1938 г.	председатели РИКов	17	16	1	6,25
	председатели горсоветов	15	15	2	13,3
На 1 января 1939 г.	председатели РИКов	26	25	2	8
	Председатели горсоветов	17	17	1	5,9

*[Составлено по: 4, л. 166–166 об., 358–358 об.; 5, л. 2–2 об.]

Приведенные данные могут рассматриваться как провал «Плана подготовки и переподготовки кадров по советскому строительству на пятилетие (1933–1937 гг.) для Восточно-Сибирского края» – по крайней мере, в той его части, которая предусматривала подготовку и переподготовку работников РИКов и горсоветов (табл. 19).

Список литературы

1. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. р 600. Оп. 1. Д. 1008.
2. ГАИО. Ф. р 600. Оп. 1 Д. 740.
3. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИ-ИО). Ф. 375. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАИО. Ф. р 1933. Оп. 2 оц. Д. 212.
5. ГАИО. Ф. р 1933. Оп. 7. Д. 1.

SOME ASPECTS OF REALIZATION "THE PLAN OF PREPARATION AND RETRAINING OF PERSONNEL ON THE SOVIET CONSTRUCTION ON THE FIFTH ANNIVERSARY (1933–1937) FOR EAST-SIBERIAN EDGE"

L. N. Metelkina
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Article is devoted to a problem of preparation and retraining of the Soviet staff for East-Siberian edge within the second five-years period opened through the analysis of a content earlier not entered in scientific turn ' of the Plan of preparation and retraining of personnel on Soviet construction on the fifth anniversary (1933–1937) for East-Siberian edge ' and to revealing of its causes unrealized.

Keywords: the Soviet construction, East-Siberian edge, the Soviet staff, regional school, correspondence course, College of the Soviet construction, communist university, soviet-party schools, technical school of small nationalities, the Maximum rates.

Метёлкина Лариса Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: larisa.metelkina2014@yandex.ru

Metelkina Larisa Nikolaevna – Candidate of History Sciences, Senior Lecturer, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: larisa.metelkina2014@yandex.ru

УДК 32(571.3)

КПСС В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ (НА ПРИМЕРЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

А. Ю. БАШЕЛХАНОВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена политическим процессам, происходившим в КПСС в период перестройки, на примере Иркутской области. Рассматриваются причины и задачи перестройки, отношение коммунистов к перестройке на разных этапах ее развития, внутривнутриполитическая ситуация в партии. Приводятся некоторые статистические данные по партийной организации в Иркутской области в период перестройки.

Ключевые слова: перестройка, политика, КПСС, партия, коммунисты, Иркутская область.

Перестройка обнажила проблемы, существовавшие в партии, которая долго находилась у власти и по Конституции СССР являлась руководящей и направляющей силой советского общества. Исторический спор об эффективности руководства партией

всеми сферами жизнедеятельности общества продолжился во второй половине 1980-х гг. Замедление темпов экономического развития в стране являлось главной причиной перестройки. При этом производственные промышленные мощности быстро устаревали, а потребности советских людей при росте численности населения возрастали. Требовалось модернизировать экономику, повысить социальный уровень жизни советских людей. По масштабам стоящих задач перестройку советские руководители сравнивали с революцией.

Впоследствии перестройка переросла в нечто гораздо большее, чем политика социально-экономического ускорения. Перестройка привела к трансформации всей советской политической системы и строя страны, прекращению существования советского государства.

В начальный период перестройки партия традиционно играла ведущую роль (закрепленную в Конституции СССР), стремилась опереться на активность научно-технический потенциал трудовых коллективов в решении социально-экономических задач. Но большого ускорения в социально-экономическом развитии не происходило. Это во многом объяснялось формальным подходом к решению задач, бюрократизацией партийного аппарата и т. д. Кадровые меры по оздоровлению партии (омоложение партийного аппарата, выборность партсекретарей на альтернативной основе и т. д.) не дали большого результата. Выборы нередко носили формальный характер, и преимуществом на них часто обладали кандидаты, выражавшие корпоративные интересы.

У КПСС был выбор в использовании накопленного опыта (с учетом новых исторических условий) при проведении масштабных реформ. Имелся опыт сталинской модернизации с ведущей ролью сильной и дисциплинированной партии, опиравшейся на классовую идеологию, энтузиазм народных масс и репрессивный аппарат. Такая система управления носила мобилизационный характер и во многом поздней советской исторической наукой объяснялась сложной внутривнутриполитической и международной обстановкой. На XX съезде КПСС был осужден культ личности и репрессивные методы управления страной.

Политическая ситуация ко времени перестройки сильно изменилась. Качественный состав советских партийных, государственных, хозяйственных кадров стал другим. Это были уже не

такие идейные, но в то же время малограмотные руководители раннего советского государства. Многие руководители, в том числе на местах, имели высшее образование и были профессионалами своего дела. Их интересы уже не ограничивались верным служением коммунистическим идеалам, партии и государству, но часто заключались и в личной материальной выгоде. По-другому стала рассматривать свою роль интеллигенция, не желающая больше считаться простой услугой у рабочего класса.

Рабочий класс в начальный период перестройки идеологически еще занимал привилегированное положение. Это было видно и по статистике принимаемых членов в КПСС. Свыше половины принимаемых в партию в Иркутской области были рабочими. Но участие рабочих в политическом и экономическом управлении часто было формальным. Реально управляли профессионалы из числа партийных, государственных, хозяйственных руководителей. На партсобраниях первичных коммунистических организаций, партконференциях и съездах, как правило, с некоторыми поправками по важным политическим вопросам принимались резолюции, прошедшие через сито партийного аппарата. Рабочие часто отставали в своей политической грамотности и в управленческом профессионализме. Чтобы сделать их активной и главной опорой компартии, требовалось приложить большие усилия.

КПСС пошла по более мягкому, социал-демократическому варианту развития перестройки, объявляя о необходимости построения в стране «гуманного демократического социализма», в котором главными провозглашались интересы человека как такового, а экономическое развитие предполагало наличие самостоятельных элементов рыночной экономики. Перестройка опиралась на решения XX съезда КПСС, с критикой культа личности, репрессий, командно-административных методов управления.

Но, с другой стороны, увлекшись реформами и ослабив партию, советские руководители недооценили угрозу для советского политического строя [7]. Идеализация человека как такового, в отрыве от исторических условий, была ошибкой. Между тем советское общество оказалось не столь однородным в своих политических стремлениях. В канун перестройки советские граждане делились на следующие группы: 1) ожидающие фундаментальных перемен; 2) ожидающие политической реформы; 3) ожидающие наступления капитализма (обычно в идеализируемой

форме); 4) стремящиеся к появлению и разделу крупной олигархической частной собственности [2, с. 165].

Экономическая реформа, реализовывавшаяся в процессе перестройки, вводила широкие хозрасчетные отношения и новые формы собственности в экономике на уровне малого и среднего бизнеса, но при всех положительных результатах оказалась во многом не продуманной и имела мало исторического времени для развития. Планы по модернизации производства не решались. Трудовые коллективы, распоряжаясь полученной выручкой на хозрасчетных предприятиях, стремились в первую очередь улучшить социальную инфраструктуру, условия труда, повысить зарплаты в ущерб обновлению производственных фондов [3]. При отсутствии четкого правового регулирования в новой сфере частнособственнических отношений появился криминал, что разочаровывало многих рядовых коммунистов.

Политическая реформа, инициированная летом 1988 г., оставляла за партией прежде всего политическое руководство. Это ослабило партию, но не привело к самостоятельности органов советской власти, не имевших сформированных структур и опыта самостоятельного управления. Партийные руководители зачастую стали совмещать партийные и государственные должности, что отрицательно сказывалось на дисциплине и ответственности. Коммунисты Иркутской области отмечали шаблонный подход к реорганизации (сокращению партийного аппарата, «лишних звеньев») партии, без учета местных особенностей, усилившийся разрыв в работе партийных руководителей и рядовых коммунистов [4].

В период перестройки наблюдалось падение партийной и производственной дисциплины. Людей часто исключали из партии за нарушение трудовой дисциплины, совершение административных и уголовных преступлений, морально-бытовое разложение и т. д. в Иркутской области свыше половины исключенных из партии по порочащим основаниям были рабочими [5], что свидетельствовало о формальном подходе при приеме людей в партию. С 1987–1988 гг. численность коммунистов в регионе стала уменьшаться по причине неуплаты членских взносов, неучастия в партийной жизни и т. д. Эти явления руководство обкома КПСС объясняло также процессом очищения партии от случайных людей [8]. Впоследствии руководители партии счита-

ли своей ошибкой недооценку роли реформирования партии. Роль партии как стержневого элемента государства, до создания новых сильных государственных институтов, была важной.

Активной борьбы против официальной политики КПСС среди коммунистов Иркутской области не наблюдалось. На союзном уровне образовывались внутрипартийные идеологические платформы. В Иркутском обкоме КПСС были немногочисленные сторонники «демократической платформы», предлагавшей КПСС стать парламентской партией, и немногочисленные сторонники некоторых других направлений. Уход коммунистов в новые политические структуры (в 1989 г. из Конституции СССР была убрана норма, устанавливающая однопартийную политическую систему) был незначительным. В КПСС существовало скептическое отношение ко многим новым политическим организациям в силу их малочисленности, непрофессионализма и слабой популярности. Неясностей по вопросам взаимодействия с новыми политическими партиями было много, что приводило к идеологической неопределенности [6]. На накал внутрипартийной политической борьбы в регионе влиял уровень экономического развития региона, отдаленность от центра, социальный состав партии и др. Деятельность коммунистов в гражданских клубах, народных фронтах по поддержке перестройки была более активной, но в условиях невыполнения планов перестройки эти организации становились местом критики политики руководства КПСС.

Реальную угрозу расколу КПСС на примере Иркутской области представляли не малочисленные оформленные идеологические течения в партии и новые политические партии, а экономические и внутривнутриполитические факторы. Коммунисты Иркутской области поддерживали идею создания коммунистической партии (КП) РСФСР. Считалось, что создание КП РСФСР ослабит бюрократию партийного аппарата КПСС и поможет защитить интересы России. Создание КП РСФСР нанесло удар по единству КПСС, но не решило задач перестройки.

Широко трактуемый принцип альтернативности на партийных выборах разрушал старые принципы, не создавая новых, усиливавших партию. Исчезло правило представительства на партконференциях и съездах представителей разных социальных слоев общества. В выигрыше оказались партийные, государственные, хозяйственные руководители [1]. По возрастному и

гендерному критерию проиграло молодое поколение и женщины. Коммунистическая партия теряла свою социальную базу и привлекательность для молодого поколения. Государственные и партийные руководители стремились усилить свои политические позиции, заручившись поддержкой избирателей, а не партии.

В итоге КПСС не смогла рассчитывать на поддержку советских граждан и рядовых коммунистов в трудный исторический момент. После провала ГК ЧП, осенью 1991 г. деятельность КПСС была прекращена. Главная причина поражения КПСС – внутренняя, нерешение назревших экономических и политических проблем, стоявших перед страной и партией.

Список литературы

1. *Ведров А.* Кого же мы выбрали? // Вост.-Сиб. правда. – 1990. – 14 марта.
2. *Галкин А. А.* Перестройка – с дистанции три десятилетия / А. А. Галкин, Ю. А. Красин // Полис. – 2015. – № 5. – С. 160–174.
3. ГАНИО. Ф. 127. Оп. 128. Д. 70. Л. 24.
4. ГАНИО. Ф. 127. Оп. 128. Кор. 23. Д. 218. Л. 37.
5. ГАНИО. Ф. 127. Оп. 128. Кор. 23. Д. 88. Л. 4. 5.
6. ГАНИО. Ф. 127. Оп. 217. Д. 88. Л. 95.
7. *Ремчуков К. В.* Я ответственности с себя не снимаю: интервью с М. С. Горбачевым // Независим. газ. – 2010. – 6 апр.
8. Январский пленум ЦК КПСС 1987 г. «О реформе и кадровой политике партии»: справ. партработника. – М., 1988. – Вып. 28. – С. 14–15.

THE INFLUENCE OF POLITICAL FACTORS OF PERESTROIKA ON THE COMMUNIST PARTY OF IRKUTSK REGION

A. Yu. Bashelkhanov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to the political process which took place in the Communist party of the Soviet Union (CPSU) during perestroika period in Irkutsk region. The causes and objectives of perestroika, the Communists relations to perestroika on the different stages of its development are considered. Internal political situation in the Communist party is described. Some statistical data for CPSU during perestroika period in Irkutsk region is given.

Keywords: perestroika, politics, CPSU, party, communists, Irkutsk region.

Башелханов Анатолий Юрьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: Anatoli-irk@yandex.ru

Bashelkhanov Anatoly Yurievich – Candidate of History Sciences, Senior Lecturer, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: Anatoli-irk@yandex.ru

НАСЕЛЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ РЕГИОНА В ПОСТСОВЕТСКИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Л. Н. СЛАВИНА

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, г. Красноярск*

Аннотация. На примере Красноярского края рассматриваются основные тенденции воспроизводства населения в постсоветский период; дается характеристика изменений репродуктивного и брачного поведения красноярцев; выясняется, насколько демографические нормы западных стран укоренились в российском обществе. Региональные процессы представлены в сравнении с общероссийскими. Все изменения в демографической сфере рассмотрены как органическая часть общей модернизации российского общества.

Ключевые слова: Восточная Сибирь, Красноярский край, воспроизводство населения, замещение поколений, модернизация рождаемости, репродуктивное поведение, брачное поведение, второй демографический переход, внебрачная рождаемость, фактические браки.

Демографические процессы в современной России требуют осмысления в историческом контексте, причем и в общероссийском, и в региональных масштабах. Знание местных особенностей углубит представление о воспроизводстве всего населения страны и позволит лучше понять смысл демографических перемен в последнюю четверть века. А это, в свою очередь, поможет яснее увидеть магистральную линию развития российского общества в целом.

Как известно, Россия после распада СССР пыталась перейти на западную модель модернизационного развития. Закономерен вопрос: затронуло ли это демографическую сферу общества, утвердились ли в ней западные нормы воспроизводства населения? Для ответа на него надо изучать разные регионы России, поскольку они отличаются большим демографическим разнообразием.

В данной работе рассматривается ситуация в Красноярском крае – самого крупного в Восточной Сибири, где проживает около 3 млн чел. Цель исследования – определить тенденции и особенности изменения репродуктивного и брачно-семейного поведения красноярцев в постсоветские десятилетия, степень соответствия их западным стандартам. К сожалению, имеется слишком мало данных о демографическом поведении жителей края, так

как специальных исследований не проводилось. Но нужную информацию дают материалы текущей демографической статистики и переписей населения.

Исследуется период с начала 1990-х до 2014–2015 гг. Большую часть этого времени край, как и вся Россия, переживал депопуляцию. Она началась в нем в 1993 г., на год позднее, чем в целом по стране, но главной ее причиной стало тоже сокращение количества ежегодных рождений. В 1990-х гг. депопуляция углублялась, в 2000-х край медленно «выбирался» из нее.

В случае перехода на западную модель модернизации красноярцы должны были перестроить свое демографическое поведение по стандартам, которые сложились в странах Запада к 1970-м гг. и в совокупности получили название *второго демографического перехода*. Это: 1) низкая рождаемость; 2) «постарение» брачного и репродуктивного процессов – перенос их в более старший возраст; 3) рост возраста матерей при рождении первенцев; 4) повышение вклада 30–40-летних женщин в общую рождаемость; 5) разнообразие форм брака; 6) рост «внебрачной» рождаемости; 7) распространение бездетности.

В XX в. красноярцы, как все россияне, переходили вслед за жителями западных стран к современному типу воспроизводства населения – с низкой рождаемостью. В последние советские десятилетия в крае утвердилась малодетность, как на Западе. Но там с 1960-х гг. рождаемость «старела» – первые дети появлялись во все более старших возрастах, а в РСФСР, и в крае тоже, – «молодела»: росла в младшей возрастной группе и снижалась у лиц старше 25 лет.

Демографическое развитие россиян осложнилось после распада СССР. Ослабление трудовых и социальных гарантий, падение уровня жизни, неуверенность в будущем, с одной стороны, и появление новых возможностей для самореализации – с другой, заставляли людей наращивать свой социальный капитал и не «спешить заводить детей». Тому же способствовали рост напряженности в брачных отношениях и ухудшение репродуктивного здоровья людей.

В динамике рождаемости в постсоветский период выделяются два этапа – 1990-е и 2000-е гг. Первый отмечен в целом ее снижением, второй – ростом в процессе чередования подъемов и спадов. Красноярцы, как и все россияне, вступили в постсоветский период на волне спада рождаемости, начавшегося в крае с

1987 г. Число новорожденных к 1999 г. уменьшилось до 27,2 тыс. чел. – на 30,3 % по сравнению с 1991 г. (39,6 тыс.), а *общий коэффициент рождаемости* снизился за эти годы с 12,5 до 9,0 ‰ [1, с. 25].

Коэффициент суммарной рождаемости (далее – КСР), который и характеризует уровень рождаемости, в 1991 г. составлял в крае 1,735 ребенка (табл. 1) [1, с. 42, 70; 3]. Он обеспечивал замещение поколений на 80 %, поскольку для полного их замещения женщинам нужно рожать по 2,15–2,20 ребенка. К 1999 г. КСР сократился до 1,168, т. е. замещалась уже лишь половина поколения.

Таблица 1

Возрастные и суммарные коэффициенты рождаемости
в Красноярском крае в 1991–2014 гг.

Годы	Родившиеся живыми на 1000 женщин в возрасте, лет								КСР
	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	15–49	
1991	59,4	141,7	79,5	42,4	18,2	3,7	0,3	49,5	1,735
1999	33,6	92,5	61,8	30,8	11,4	2,2	0,1	31,8	1,168
2000	31,0	95,3	64,9	34,1	11,6	2,4	0,1	32,9	1,199
2006	31,4	91,4	78,5	44,2	17,4	2,7	0,1	39,1	1,316
2007	30,7	92,7	85,9	53,0	20,9	3,7	0,1	42,7	1,420
2009	34,2	94,5	97,7	63,8	27,6	4,4	0,2	49,0	1,591
2014	28,8	92,6	113,4	82,3	40,0	7,7	0,3	56,7	1,897

Рост рождаемости в крае, как и в России в целом, начался с 2000 г. Красноярцы в 2015 г. родили 41,2 тыс. детей – на 51,5 % больше, чем в 1999 г. *Общий коэффициент рождаемости* увеличился на 60,0 % – до 14,4 ‰ в 2013–2015 гг. (по РФ на 60,2 % – с 8,3 ‰ в 1999 г. до 13,3 ‰ в 2014–2015 гг.) [3; 6].

Рождаемость росла неравномерно по территории края. В деревнях КСР увеличился за пятнадцать лет на 75,1 %: в 2009 г. достиг уровня простого воспроизводства (2,197), затем – расширенного (2,908 в 2014 г.). А в городах он вырос к 2014 г. лишь до 1,610 и остался намного ниже границы простого воспроизводства. В целом же суммарная рождаемость в крае за 2000-е гг. вернулась к уровню 1990 г. (1,646 – в городах и 2,847 – в деревнях) [1, с. 42; 3]. Теперь КСР обеспечивает замещение уходящих поколений, как и тогда, лишь на 80 %. Уровень рождаемости и его динамика в крае и в России в целом идентичны. КСР, одинаковые в 1991 г. (в крае – 1,735, в России – 1,733), мало различаются и сейчас – 1,807 и 1,735 соответственно в 2014 г. [3; 6].

Более точное представление о репродуктивном поведении населения дают *возрастные коэффициенты рождаемости* (табл. 1). Они отразили главное – изменение ее возрастного профиля у красноярцев, начало постарения у них репродуктивного процесса, как в странах Запада. Там он начался со спада рождаемости в группе 15–19 лет. В крае он тоже начался в этой группе в 1990 г. и шел до конца десятилетия. В 2000-х гг. ее показатель стабилизировался на низком уровне (с тенденцией к снижению), и в 2014 г. был вдвое ниже, чем в 1991 г.

В том же направлении менялось поведение 20–24-летних женщин, имевших с 1950-х гг. стабильный уровень рождаемости. Но за 1990-е гг. их возрастной коэффициент сократился на 34,7 % и остался на этом уровне в 2000-х гг. Конечно же, рождаемость у 15–24-летних женщин падала в 1990-х гг. и из-за ухудшения условий жизни. Но их улучшение в 2000-х гг. не прервало, а лишь замедлило «постарение» процесса детопроизводства. Значит, главной причиной «постарения» явилось все-таки усвоение людьми западных репродуктивных норм.

«Постарение» рождаемости прослеживается и по остальным возрастам. У 25–29-летних женщин она сокращалась в 1990-х гг. меньше, чем в других группах, а в 2000-х росла и в 2014 г. превысила уровень 1991 г. на 42,6 %. Эта группа в 2009 г. обогнала лидировавшую полвека по уровню рождаемости группу 20–24 года и с тех пор является самой плодотворной. У 30- и 40-летних женщин рождаемость поднялась за 2000-е гг. в 2,4–3,2 раза, во многом благодаря реализации ими ранее отложенных рождений. Но непрерывный 15-летний рост «говорит» о наличии более серьезных причин формирования этого тренда.

Из-за «постарения» рождаемости быстро рос средний возраст матерей при рождении первенца. В крае он поднялся с 24,6 года в 1995 г. до 28 лет в 2014–2015 гг. и стал почти как в Евросоюзе (примерно 29 лет). Увеличился вклад женщин старше 25 лет в итоговую рождаемость. В 2000 г. они родили 43,9 % от общего числа младенцев, в 2010 г. – 63,1 % [1, с. 67].

Рост бездетности не достиг в крае масштабов стран Запада, где в возрастах старше 35 лет вообще не рожали детей по 20 % женщин и более. Но тенденция развивается. В крае, по переписи 2010 г., детей не рожали 10,4 % женщин в возрасте 35–39 лет (в РФ – 11,5 %) и 17,7 % 30–34-летних (в РФ – 18,4 %), тогда как в группах старше 55 лет таких было лишь 5,2–5,5 % [4, с. 6, 158].

Внебрачные рождения – еще один признак нового поведения – широко распространились в крае еще в советское время: в 1990 г. родились вне брака 19,0 % детей. В постсоветский период рост внебрачных рождений продолжился и достиг 37,4 % в 2007 г. Затем их доля снизилась (до 31,8 % в 2010 г.), и сейчас край находится на среднем уровне стран Европы (свыше 30 %) [1, с. 77].

О демографической модернизации края по «западному типу» свидетельствуют сдвиги в брачно-семейных отношениях, в частности, их либерализация, снижение ценности семьи. В 2010 г. среди красноярцев в возрасте 16 лет и старше никогда не были в браке 24,6 % мужчин и 17,1 % женщин против 21,1 % мужчин и 13,5 % женщин в 1989 г. [2, с. 18; 5, с. 446–447;]. В момент переписи 2010 г. не состояли в браке 33,9 % женщин в возрасте 25–29 лет, 28,2 % женщин 30–34-летнего возраста и 29,4 % 35–39-летних.

Следствием либерализации матримониального поведения стал рост фактических браков. Красноярцы и в советское время отличались их распространенностью. Теперь их доля еще выросла. В 2010 г. свободными являлись 19,9 % мужских и 19,6 % женских браков в крае против 13,3 и 13,2 % в России. Не были зарегистрированы 39,3 % браков у 20–24-летних женщин, 23,4 % – у 25–29-летних, 22,3 % – у 30–34-летних, 20,7 % – у 35–40-летних [5, с. 294, 295].

Браки «стареют». В 2000 г. в возрасте 25 лет и старше находились 53,2 % женихов и 40,3 % невест, а в 2014 г. – соответственно 78,3 и 66,4 % [1, с. 64].

Увеличивается число разводов, в обоих полах распространяется одиночество. Перепись 2010 г. учла в крае среди женщин в возрасте 16 лет и старше 12,3 % разведенных и разошедшихся, среди мужчин – 7,5 %. В 1989 г. эти показатели составляли 8,1 и 6,4 % соответственно [5, с. 446–447; 2, с. 18].

Итак, анализ тенденций развития демографической сферы Красноярского края в последнюю четверть века показал, что все процессы воспроизводства его населения эволюционируют, как и в советский период, в рамках общероссийских трендов, а различия между их статистическими показателями незначительны. В ряде сфер российского общества модернизации «по-западному» не получилось. Но в демографической сфере край вместе со всей Россией идет именно по этому пути, и весьма последовательно. Население, адаптируясь к новым реалиям, перестраивает свое

поведение по западным стандартам. Общеисторические условия – их улучшение или ухудшение – принципиально не меняют направления движения главных трендов, в совокупности означающих второй демографический переход.

Список литературы

1. Демографический ежегодник Красноярского края. 2011. – Красноярск, 2012. – 159 с.
2. Доклад об основных итогах Всесоюзной переписи населения 1989 г. на территории Красноярского края. – Красноярск, 1990. – 57 с.
3. Официальная статистика населения [Электронный ресурс] // Комплексная информация. – URL: <http://www.krasstat.gks.ru/digital/region5/default.aspx>.
4. Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 10. Рождаемость [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gsk.ru/free_doc/new_site/perepis2010.
5. Тома официальной публикации итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gsk.ru/free_doc/new_site/perepis2010.
6. Федеральная служба гос. стат. [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – URL: <http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/demography>.

EASTERN SIBERIA POPULATION IN THE CONTEXT OF A REGION TRANSFORMATION IN THE POST-SOVIET PERIOD

L. N. Slavina

V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk

Abstract. In the article, the main trends of a population renewal in the post-Soviet period is analyzed on the example of a population of the Krasnoyarsk territory, changes in the fertility and the matrimonial behavior of the residents and it is revealed in what degree the norms of western countries are rooted in the Russian society. The all territorial processes are presented in comparison with all-Russian ones. All changes in a demographic sphere are considered as a principal component of a general modernization of the Russian society.

Keywords: Eastern Siberia, Krasnoyarsk Territory, renewal of population, displacement of generations, modernization of birth rate, fertility behavior, matrimonial behavior, second demographic transition, illegitimate birth rate, common-law marriages.

Славина Людмила Николаевна – доктор исторических наук, кафедра отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89, тел.: 8(391)2171717, e-mail: 200146@mail.ru

Slavina Lyudmila Nikolaevna – Doctor of History Sciences, Department of History of Russia, V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, 89, Ady Lebedevoy st., Krasnoyarsk, 660049, tel.: 8(391)2171717, e-mail: 200146@mail.ru

ИНФЛЯЦИЯ И УРОВЕНЬ ЖИЗНИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИАНГАРЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГГ.

Т. П. УРОЖАЕВА

МАОУ «СОШ № 13» им. ак. М. К. Янгеля, г. Усть-Илимск

Аннотация. Целью статьи стал анализ воздействия инфляционных процессов на уровень жизни городского населения Иркутской области в 1996–2000 гг. Был сделан вывод о том, что инфляционное удорожание в основном коснулось товаров и услуг, удовлетворяющих первичные жизненные потребности горожан и формирующих основу потребления малообеспеченных групп населения Приангарья. Автором проведен анализ экономических исследований, публикаций в региональных печатных изданиях и статистических материалов.

Ключевые слова: инфляция, индекс потребительских цен, уровень жизни населения, индексация доходов.

Инфляция изначально является одной из наиболее актуальных социально-экономических проблем. Относительно высокая инфляция создает серьезные трудности всем агентам экономики: государству – социальное напряжение в обществе; бизнесу – подрыв его инвестиционных и кредитных возможностей; населению – снижение уровня жизни. Исторически инфляция в отечественной экономике возникла еще в 1950–1960-е гг. и была связана с падением эффективности общественного производства. В конце 1980-х гг. инфляция, которая была порождением затратного хозяйственного механизма, приняла весьма ощутимые размеры. Она выступала также в скрытой форме – как избыток денег в обращении при стабильности государственных цен и вела к нарастанию дефицита товаров.

В 1990-е гг. инфляционные процессы прочно вошли в жизнь российского общества. Начиная с 1992 г. наблюдалась гиперинфляция с выраженным инфляционным скачком и бурным ростом цен. Для 1993–1995 гг. характерна высокая инфляция, но уже с наметившейся тенденцией снижения. С 1996 г. по июль 1998 г. – период относительной стабилизации темпов инфляции с отрицательным приростом цен в летние месяцы. В августе–декабре 1998 г. наблюдался новый всплеск инфляции. Для периода 1999–2000 гг. была характерна очередная стабилизация темпов инфляции [7, с. 37–38].

В 1992–1997 гг. открытая (ценовая) инфляция отличалась высоким уровнем и балансировала между галопирующей и гиперинфляцией. В 1992 г. цены выросли в 25,1 раза, в 1993 г. – в 8,4; в 1994 г. – в 2,2; в 1995 г. – в 1,3; в 1996 г. – в 0,2 раза. Только за девять месяцев 1997 г. цены выросли на 10 % [1, с. 5–6].

В 1992–1996 гг. в стране имела место гиперинфляция, которая перешла в галопирующую инфляцию в 1997 г.

Показатели инфляции в 1991–1999 гг., %*

Годы	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Прирост инфляции	160,4	2508,8	839,9	215,1	131,3	21,8	11,0	84,4	36,5	20,2

* Составлено по: [10, с. 21–24]

Рост цен сопровождался не всегда адекватным увеличением денежных доходов населения. Всего за период с 1992 по 2001 г. индекс потребительских цен вырос в 8648 раз, тогда как денежные доходы увеличились всего в 6373 раза [5, с. 78–79]. Вследствие опережающего роста цен упала покупательская способность населения по отношению к дореформенному уровню. По основным продуктам питания покупательная способность снизилась в два-три раза. Наиболее заметное падение номинальных и реальных располагаемых денежных доходов населения отмечалось в 1992, 1995 и 1998–1999 гг.

На региональном уровне динамика роста цен была приближена к общероссийским показателям. В 1997 г. инфляционный рост в городах Иркутской области несколько замедлился. В этот период цены ежемесячно прирастали лишь на 1–2 %. В июне 1997 г. было отмечено едва заметное снижение цен на товары и услуги, в среднем на 0,3 % по сравнению с маем. Это объясняется насыщенностью рынка разнообразными товарами, что препятствовало неоправданному повышению цен. Областной комитет статистики фиксировал снижение цен на отдельные товары [11, с. 2]. В то же время можно назвать ряд товаров, которые продавались по одной цене на протяжении нескольких месяцев.

В 1997 г. оставались прежними тарифы на услуги почтовой связи, физической культуры и спорта, банковских учреждений. Если рассматривать изменение цен за полгода (по сравнению с декабрем 1996 г.), то в целом товары и услуги подорожали на 8 %. В гонке цен первенство традиционно было за услугами (увеличе-

ние на 20 %). С полуторакратным и более ростом выступали такие услуги, как проезд в электричке, пользование радиоточкой и газом сетевым, содержание детей в детском саду [2, с. 49–50].

Неотъемлемым признаком рыночных преобразований стала дифференциация цен по городам Иркутской области. И хотя по сравнению с началом 1997 г. разрыв в ценах сократился, но оставался весьма существенным – двукратным и более. Нетрудно сделать вывод, что из 10 городов области, где регулярно регистрировались цены, Бодайбо являлся самым дорогим. Здесь стоимость набора из 25 основных продуктов питания составила 454 тыс. неденоминированных рублей. Усть-Кут со значительным отрывом – на втором месте (398 тыс.), за ним Железногорск (383 тыс.) и Усть-Илимск (373 тыс.). Это четверка северных городов, где жизнь обходилась наиболее дорого. Лишние километры доставки товаров оборачивались дополнительными рублями к их стоимости. Наиболее «дешевым» городом был областной центр – в Иркутске те же продукты стоили всего 290 тыс. руб. (в 1,6 раза дешевле «бодайбинских»). Далее следовали Усолье-Сибирское (293 тыс. руб.), Шелехов (300 тыс. руб.), Ангарск (311 тыс. руб.), Байкальск (324 тыс. руб.), Братск (332 тыс. руб.) [11, с. 2]. Проявлялась закономерность: чем ближе к областному центру или к железной дороге, тем было дешевле.

Финансовый кризис августа 1998 г., кроме смены лидеров и аутсайдеров в ценовом марафоне, привел к усилению дифференциации цен. Разница в стоимости продуктового набора в отдельных городах существовала всегда, в Бодайбо она превышала «шелеховскую» в 1,6–1,8 раза. Максимально планка дифференциации цен на отдельные товары могла подниматься до 2,2 раза. Причина крылась в их импортном происхождении и возможности длительного хранения. В Ангарске, Братске, Шелехове, Усолье-Сибирском, Усть-Куте и Байкальске за сахар стали платить вдвое-втрое больше прежнего. Такие же метаморфозы претерпели цены на растительное масло и крупы [4, с. 12].

Декабрь 1998 г. был отмечен новым повышением цен. В большинстве городов Приангарья, где велась регулярная регистрация цен, продуктовый набор возрос в цене на 30–45 руб. Относительно стабильными оставались цены в Бодайбо, где стоимость продуктовой корзины за неделю увеличилась лишь на 6 руб., или на 1 %. Такой же скромной была для бодайбинцев при-

бавка стоимости продуктов и в предыдущую неделю. Тем не менее этот северный город оставался областным лидером дороговизны, сохраняя максимальный уровень цен. Продуктовый набор в расчете на месяц здесь стоил 529 руб. (исходя из цен на 7 декабря 1998 г.). «Перевалила» за 0,5 тыс. руб. его стоимость также в Усть-Куте и Железногорске (соответственно 525 и 507 руб.). Близок к этой отметке был Усть-Илимск (494 руб.). Далее по убывающей следовали Братск (455 руб.), Байкальск (425 руб.), Ангарск (409 руб.), Усолье (403 руб.) и Шелехов (363 руб.) [2, с. 51].

В 1999 г. цены на продукты в Приангарье продолжали расти, но более умеренными темпами по сравнению с предыдущим годом. Продолжали расти расценки в сфере услуг. Например, услуги связи, предоставляемые горожанам, за 10 мес. 1999 г. подорожали в среднем на 10 %. Повысились тарифы на городскую телефонную связь (для всех клиентов), на телеграфную и почтовую связь (для бюджетных организаций). В строительном комплексе произошло увеличение цен на 24 %. В такой же мере подняли стоимость выполняемых строительно-монтажных работ подрядные организации. Другие капитальные работы и затраты увеличились в цене на 29 %. Удорожание в строительстве также нашло свое отражение в уровне цен на рынке недвижимости. Наиболее выраженными были инфляционные процессы на городском транспорте, ни один из перевозчиков не сохранил прежних тарифов. Автотранспорт, не менявший тарифов в течение 9 месяцев 1999 г., в октябре увеличил их на 13 %, и причиной тому был подорожавший бензин [6, с. 2-3].

В первой половине 2000 г. рост цен в городах Приангарья продолжался достаточно высокими темпами. К примеру, сводный индекс потребительских цен по региону в феврале 2000 г. составил 101,5 %, в том числе на продовольственные товары – 101,1 %, непродовольственные товары – 100,9 % [3, с. 19-20].

В целом рост цен наиболее негативно сказывался на положении тех горожан, основным источником доходов которых была зарплата, пенсия, стипендия и другие социальные выплаты. Расслоение общества по уровню доходов стало неизбежным спутником рыночной экономики. При этом у части населения доход был настолько мал, что не обеспечивал даже прожиточного минимума. В числе наименее обеспеченных граждан беспрерывно находились работники, занятые в пригородном сельском хозяй-

стве. Но если прежде их зарплата хоть немного (на 6–12 %) превышала прожиточный минимум, то в 1999 г. не дотянула до него 19 %. И в 2000 г. она не достигла этой отметки. Кроме того, прогрессирувало отставание оплаты труда в аграрном секторе от среднеобластного уровня: еще в 1995 г. она равнялась половине среднего размера, в 2000 г. же составила третью часть. Также наблюдалось быстрое падение покупательной способности заработков в сфере образования, культуры и искусства. В 1999 г. зарплата в этих отраслях едва (на 5–9 %) перекрывала прожиточный минимум. Однако в 2000 г. положение учителей несколько улучшилось. Их средний заработок (1,4 тыс. руб.) был на четверть больше суммы, необходимой для удовлетворения самых минимальных потребностей [9, с. 61–62].

По области средняя зарплата снизилась на 37 % и составила в 1998 г. 1408 руб. Наиболее высокой она была у работников алюминиевой промышленности – 5 тыс. руб., энергетиков – 2,5 тыс. руб. Самая низкая – у тружеников сельского хозяйства – 493 руб., в легкой промышленности – 540 руб. [2, с. 51]. Почти четверть жителей городов Приангарья имели зарплату ниже прожиточного уровня. После августа 1998 г., несмотря на повышение зарплат в среднем по области до 1930 руб. в месяц, реальные доходы граждан (на фоне роста цен) продолжали уменьшаться: за 1999 г. – на 8,8 %, покупательная способность снизилась в 2,3 раза. Как итог, 640 тыс. чел. в регионе имели доход ниже прожиточного минимума [8, с. 21–22]. Это, по существу, все работники бюджетной сферы, пенсионеры, инвалиды. В первую очередь инфляционное удорожание коснулось товаров и услуг, удовлетворяющих минимальные жизненные потребности населения и формирующих основу потребления малообеспеченных групп, и в меньшей мере инфляция затронула высокодоходные группы населения.

Инфляционный рост, ускорив темпы после августовского дефолта 1998 г., несколько сбавил обороты только к концу 2000 г., когда ситуация в экономике стабилизировалась и в бюджете появилось больше средств на увеличение зарплат, выплат пенсионерам и другим социально незащищенным категориям населения.

Список литературы

1. *Ильяшенко В. В.* Особенности инфляции в трансформируемой экономике России // Изв. Урал. гос. экон. ун-та. – 2004. – № 8. – С. 3–9.

2. Индикаторы уровня жизни населения Иркутской области в графиках и диаграммах : стат. сб. – Иркутск : Иркут. обл. комитет гос. стат., 1995–1999. – 62 с.
3. Иркутская область в цифрах и графиках: 2000 г. : стат. сб. / Госкомстат РФ, Иркут. обл. комитет гос. стат. ; сост. Отд. информации баз данных и регион. счетов. – Иркутск, 2001. – 36 с.
4. *Киселёв В.* Северяне ждут льгот: о проблеме завоза товаров на север Иркутской области в 1998 г. // *Торгов. газ.* – 1998. – 14 окт. – С. 11.
5. *Лопатников Л. И.* О «шоковой терапии», инфляции и точности прогнозов / Л. И. Лопатников. – М. : Норма, 2006. – 91 с.
6. *Овсянникова И.* Инфляция в нашей жизни, или не шутите с бумерангом // *Вост.-Сиб. правда.* – 2000. – 30 нояб. – С. 2–3.
7. *Райская Н. Н.* Инфляционные процессы в России (1992–2000 гг.): тенденции, факторы / Н. Н. Райская, Я. В. Сергиенко, А. А. Френкель. – М. : Финстатинформ, 2001. – 151с.
8. Уровень жизни населения Иркутской области в 1999 г. / Госкомстат РФ, Иркут. обл. комитет гос. стат. – Иркутск, 2000. – 29 с.
9. Уровень жизни населения Иркутской области за годы реформ : стат. сб. / Госкомстат РФ; Иркут. обл. комитет гос. стат. – Иркутск : Облкомстат, 2001. – 88 с.
10. Федеральная служба государственной статистики (ФСГС): Цены в России : стат. сб. – М. : Госкомстат России, 1991–2000. – 24 с.
11. Что, где, почему: Средние розничные цены на продовольственные товары по состоянию на 10 июля 1997 г. (в руб. за килограмм, литр) // *Торгов. газ.* – 1997. – 28 июля. – С. 2.

INFLATION AND STANDARD OF LIVING OF THE URBAN POPULATION ANGARA DURING THE SECOND HALF OF THE 1990-S

T. P. Urozaeva

M. K. Yangel Secondary General School №13, Ust-Ilimsk

Abstract. The aim of the article was the analysis of the impact of inflation on the standard of living of the urban population of the Irkutsk region in 1996–2000, concluded that the rise in inflation was mainly related to the goods and services that satisfy the primary vital needs of citizens and forming the basis of consumption of low-income groups of population in the Angara region. In the article the analysis of economic research publications in regional print publications and statistical materials.

Keywords: inflation, consumer price index, living standards, indexation of incomes.

Урожаева Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, МАОУ «СОШ №13» им. ак. М. К. Янгеля, учитель истории и обществознания, 666683, г. Усть-Илимск, ул. Мечтателей, 36-37, тел.: 8(3952)334372, e-mail: olgoy@ya.ru

Urozhayeva Tatyana Petrovna – Candidate of History Sciences, M. K. Yangel Secondary General School N 13, Teacher of History and Social Studies, 36-37, Mechtateley st., Ust-Ilimsk, 666683, tel.: 8(3952)334372, e-mail: olgoy@ya.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ В ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

Л. Б. БАШАЛХАНОВА, В. Н. ВЕСЕЛОВА

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются аспекты социальной политики в Иркутской области. Основное внимание уделено анализу динамики изменения прожиточного минимума. Выявлены региональные особенности трансформации его исчисления, которые повлекли значительное ухудшение в жизнеобеспечении населения северных территорий области. Предложены меры по изменению сложившейся ситуации.

Ключевые слова: северные районы, социальная защита, социальные гарантии, прожиточный минимум.

Система социальной защиты населения является механизмом социальной политики РФ и направлена на создание равных условий жизнедеятельности на всей территории страны на основе совокупности законодательно установленных гарантий (экономических, социальных, юридических) гражданам. В данной работе рассматриваются социальные гарантии, из которых ключевым выступает прожиточный минимум (далее – ПМ).

Иркутская область – регион с неоднородными природно-климатическими условиями для проживания населения. Здесь выделяют три уровня дискомфорта климата: умеренный, сильный, очень сильный [1]. Усиление суровости климатических условий требует адекватных мер для жизнеобеспечения населения. В связи с этим представляется необходимым рассмотреть трансформацию исчисления ПМ на территориях разного климатического дискомфорта.

Региональные особенности трансформации исчисления прожиточного минимума условно можно разделить на 3 периода.

Первый период (1995–2000 гг.). Резкое ухудшение социально-экономического положения населения в стране потребовало совершенствования мер по его социальной защите: Указ Президента РФ [16], Методические рекомендации по расчетам прожиточного минимума по регионам Российской Федерации (утверждены Минтруда России 10.11.92 г.) [14]. По интегральному показателю условий жизни населения [16] в Иркутской области была установлена единая потребительская корзина (VII зона), внутри

региональная дифференциация природно-климатических различий была отражена только в Законе области «О прожиточном минимуме в Иркутской области» [2] и в методических рекомендациях по его расчету [7]. Согласно этим документам прожиточный минимум устанавливался для населения, проживающего: в районах Крайнего Севера; на территориях, приравненных к районам Крайнего Севера; в центральных и южных районах области. Разница величин составляла между местностями, приравненными к районам Крайнего Севера, и центральными и южными районами, – 1,2 раза, между районами Крайнего Севера и центральными и южными районами – 1,4 раза. Стоит отметить, что исчисление ПМ до 2001 г. осуществлялось во всех административно-территориальных единицах (городах и районах) области.

Второй период (2000–2013 гг.). Постановлением Правительства РФ [10] в 2000 г. были внесены изменения и дополнения в Методические рекомендации, согласно которым по особенностям потребления продуктов питания Иркутская область вошла в VIII зону, а по особенностям потребления непродовольственных товаров и услуг все регионы Сибири, в том числе и Иркутская область, оказались в одной зоне. Таким образом, несмотря на изменения в рекомендациях, в Иркутской области осталась единая потребительская корзина. Внутрирегиональная дифференциация природно-климатических различий сохранялась только в Законе области «О потребительской корзине в Иркутской области» [3] и в Постановлении «О Методике исчисления величины прожиточного минимума в Иркутской области» [9]. Но начиная с III квартала 2001 г. величина ПМ была уже установлена для двух групп территорий: по южным, центральным районам и районам Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним [8]. Прекращение расчета ПМ по районам Крайнего Севера было объяснено отсутствием данных Госкомстата России об уровне потребительских цен на продукты питания, непродовольственные товары и услуги, входящие в потребительскую корзину. Так «благополучно» произошло ущемление прав жителей Катангского района.

В результате расчета по новой методике разница величин среднедушевого ПМ в 2001 г. между двумя группами территорий стала составлять 1,02 раза (или 41 руб.). Здесь уместно отметить, что с 2001 г. мониторинг цен стал проводиться не во всех районах области, а в городах-представителях. В районах Крайнего Севера

и местностях, приравненных к ним, городами-представителями стали Братск и Усть-Илимск. Данные города имеют хорошую транспортную доступность и располагаются в непосредственной близости друг от друга. Игнорирование районов очень сильного дискомфорта (Катангский, Бодайбинский, Мамско-Чуйский) и районов, имеющих коэффициент отдаленности 1,6 (Киренский, Катангский, Бодайбинский, Мамско-Чуйский) [5], стало еще одним ущемлением прав проживающих там граждан.

Одновременно с нововведениями в 2001 г. была завершена комплексная работа, выполненная сотрудниками ИГ СО РАН под руководством С. В. Рященко совместно с Комитетом по труду Администрации Иркутской области при поддержке Комитета по социально-культурному законодательству Законодательного собрания Иркутской области [15]. Полученные результаты могли бы стать обоснованием внутрирегиональной дифференциации потребительской корзины и ПМ; аналитической и доказательной основой корректировки зонирования по условиям проживания населения в части отнесения к районам Крайнего Севера (Бодайбинскому и Мамско-Чуйскому), к приравненным к ним местностям (Чунскому, Жигаловскому и Качутскому районам); для принятия Законодательным собранием региона соответствующих нормативно-правовых решений и отстаивания интересов области на федеральном уровне. Но работа ушла в небытие.

В последующие годы ситуация в области, по сути, оставалась прежней. Изменение потребительской корзины [4; 11] (с VIII зоны на IV по продуктам питания) сопровождалось небольшими колебаниями нормативов потребления и практически одинаковыми величинами ПМ в обеих группах.

Третий период (с 2014 г.). В 2013 г. выходит Постановление Правительства РФ [12], в котором было учтено предложение Законодательного собрания Иркутской области об установлении потребительской корзины [6] для двух зон (продуктовая корзина стала рассчитываться по I и IV зонам; стоимость непродовольственных товаров и услуг – в процентном соотношении к стоимости продуктов питания (для населения, проживающего в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним, соотношение стало составлять 60 и 55 %; для населения, проживающего в иных местностях, – 50 %). Соответственно величины ПМ между двумя группами территории области увеличились в среднем в 1,3

раза (или чуть более 2 тыс. руб.). При этом интересы жителей Канганского, Мамско-Чуйского, Бодайбинского (из-за отсутствия мониторинга цен), Жигаловского, Качутского и Чунского (из-за недостаточного учета суровости климата) районов остались по-прежнему неудовлетворенными.

Таким образом, можно отметить, что постепенное совершенствование исчисления ПМ на федеральном уровне сопровождалось существенной его трансформацией внутри региона и повлекло значительное ухудшение в жизнеобеспечении населения северных территорий. Для кардинального изменения сложившейся ситуации в системе социальной защиты населения области необходимо восстановить права граждан северных районов на равные условия жизнедеятельности. Для этого первоочередным является продолжение совместной работы правительства области с Правительством РФ по переводу на законодательном уровне ряда районов области в другую категорию (Мамско-Чуйский, Бодайбинский перевести в районы Крайнего Севера; Качутский, Жигаловский, Чунский – в приравненные к ним районы). После этой процедуры вернуть исчисление ПМ по трем группам: для районов Крайнего Севера; для местностей, приравненных к районам Крайнего Севера; для иных территорий. Соответственно с этими группами внести корректировки относительно городов-представителей, расположение которых непременно должно отвечать географическим особенностям территории. Предложенные меры помогут исправить допущенные ранее региональными властями просчеты. Одновременно на федеральном уровне неотложным является районирование (зонирование) территории на основе влияния суровости климата на физиологические возможности организма человека. Представляется, что в итоге осуществления предложенных мер улучшится социальная защищенность населения северных территорий.

Список литературы

1. *Башалханова Л. Б.* Ресурсное измерение социальных условий жизнедеятельности населения Восточной Сибири / Л. Б. Башалханова, В. Н. Веселова, Л. М. Коргытный. – Новосибирск : Гео, 2012. – 221 с.
2. О прожиточном минимуме в Иркутской области [Электронный ресурс] : закон Иркут. обл. от 4 марта 1997 г. № 8-ОЗ (ред. от 04.05.2006) ; принят Постановлением ЗС от 18 февр. 1997 г. № 7/4-ЗС // Портал Иркут. обл. – URL: http://irkutsk.news-city.info/docs/sistemi/dok_pegmiz.htm.
3. О потребительской корзине в Иркутской области [Электронный ресурс] : закон Иркут. обл. от 11 июля 2001 г. № 38-ОЗ ; принят Постановлением ЗС Иркут.

обл. от 28 июня 2001 г. № 9/26а-ЗС // Портал Иркут. обл. – URL: http://irkutsk.news-city.info/docs/sistemsj/dok_oeqpo.htm.

4. О потребительской корзине в Иркутской области : закон Иркут. обл. от 12 янв. 2006 г. № 5-ОЗ ; принят Постановлением ЗС от 21 дек. 2005 г. № 17/14-ЗС [Электронный ресурс] / Портал Иркут. обл. – URL: http://irkutsk.news-city.info/docs/sistemsc/dok_oeqrgb.htm.

5. О межбюджетных трансфертах и нормативах отчислений доходов в местные бюджеты : закон Иркут. обл. от 22 окт. 2013 г. № 74-ОЗ ; принят Постановлением ЗС Иркут. обл. от 16 окт. 2013 г. № 2/10а-ЗС [Электронный ресурс] // Портал Иркут. обл. – URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=2351263>.

6. О потребительской корзине в Иркутской области : закон Иркут. обл. от 18 дек. 2013 г. № 156-ОЗ [Электронный ресурс] // Портал Иркут. обл. – URL: <http://rg.ru/2014/01/13/irkutsk-zakon156-reg-dok.html>.

7. Об утверждении методических рекомендаций по расчетам прожиточного минимума на территории области : постановление главы Администрации Иркут. обл. от 29 мая 1997 г. № 105-ПГ [Электронный ресурс] // Портал Иркут. обл. – URL: http://irkutsk.news-city.info/docs/sistemi/dok_pegllz.htm.

8. Об установлении величины прожиточного минимума населения Иркутской области за III квартал 2001 г. : постановление главы Администрации Иркут. обл. от 15 нояб. 2001 г. № 65/233-ПГ [Электронный ресурс] // Портал Иркут. обл. – URL: <http://irkutsk.news-city.info/docs/index.htm>.

9. О Методике исчисления величины прожиточного минимума в Иркутской области : постановление и. о. главы Администрации Иркут. обл. от 12 сент. 2001 г. № 11/179-ПГ [Электронный ресурс] // Портал Иркут. обл. – URL: http://irkutsk.news-city.info/docs/sistemsj/dok_oeqstz.htm.

10. Об утверждении Методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в целом по Российской Федерации и в субъектах Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 17 февр. 1999 г. № 192 (с изм. и доп. от 16.03.2000 № 232) [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/180170>.

11. Об утверждении методических рекомендаций по определению потребительской корзины для основных социально-демографических групп населения в целом по Российской Федерации и в субъектах Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 17 февр. 1999 г. № 192 (в ред. постановлений правительства РФ от 16.03.2000 № 232, от 12.08.2005 № 511, от 04.06.2007 № 342) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.referent.ru/1/84229>.

12. Об утверждении Правил исчисления величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 29 янв. 2013 г. № 56 (с изм. и доп. от 06.12. 2013) [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/70306880>.

13. О прогнозной величине бюджета прожиточного минимума для населения области на II квартал 1995 г. : распоряжение губернатора Иркут. обл. от 10 апр. 1995 г. № 126-Р [Электронный ресурс] / Портал Иркут. обл. – URL: http://irkutsk.news-city.info/docs/sistemso/dok_perfez.htm.

14. О системе минимальных потребительских бюджетов населения РФ : указ Президента РФ от 2 марта 1992 г. № 210 [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/9002852>.

15. Социально-экологические проблемы жизнедеятельности населения Иркутской области / В. В. Воробьев [и др.]. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2002. – 22 с.

16. Федеральная служба государственной статистики. Методологические положения по статистике (вып. 1–5) // Методика расчета показателей, характеризующих уровень и распространение низких доходов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B99_10/IssWWW.exe/Stg/d000/i000160r.htm.

TRANSFORMATION OF SOCIAL PROTECTION ON THE NORTHERN AREAS OF IRKUTSK REGION

V. N. Veselova, L. B. Bashalkhanova
V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. The article deals with the regional aspects of the social policy in the territory of Irkutsk region. Focuses on analysis of dynamics changes of the living wage. Revealed the regional peculiarities of transformation of its calculation, which resulted in a significant deterioration in the livelihood of the population of the northern territories region. Proposed measures to change the current situation.

Keywords: northern areas, social protection, social guarantees, living wage.

Башалханова Людмила Базарсадаевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, лаборатория георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: ldm@irigs.irk.ru

Bashalkhanova Ludmila Bazarsadaevna – Candidate of Geography Sciences, Senior Researcher, Laboratory for Geological Resources and Political Geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: ldm@irigs.irk.ru

Веселова Виктория Николаевна – кандидат географических наук, научный сотрудник, лаборатория георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: veselova@irigs.irk.ru

Veselova Victoria Nikolaevna – Candidate of Geography Sciences, Researcher, Laboratory for Geological Resources and Political Geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: veselova@irigs.irk.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КОМФОРТНОСТИ ПРОЖИВАНИЯ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ ПОСЕЛЕНИЙ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ю. Н. ДМИТРИЕВА

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Важным показателем при выборе территории для жизнедеятельности населения является ее привлекательность. Ключевая составляющая привлекательности территории – комфортность жизни, которая отражает степень удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей человека. Особенно требовательна к параметрам комфортности среды молодежь, неудовлетворенность которой проявляется в миграционной подвижности. В статье выделяются параметры для оценки комфортности и привлекательности жизнедеятельности в разных типах поселений. Приводятся итоги социально-географического обследования, проведенного в Иркутской области. На основе анализа мнений молодежи выявлены слабые стороны развития периферийных поселений Черемховского района и сильные – центрального Шелеховского района, отрицательным фактором выступает экологическая обстановка развитых территорий. В результате исследования выявлено, что на интегральную оценку удовлетворенности молодежью параметрами среды влияет экономико-географическое положение поселения относительно областного центра – Иркутска и степень урбанизированности территорий.

Ключевые слова: комфортность среды, типы поселений, периферия и центр, молодежь, социально-географическое исследование.

Условия жизни населения как внешний, объективный фактор определяют уровень комфортности существования человека, влияют на его здоровье, воспроизводство и принятие решений о миграции. Условия жизни носят потенциальный характер, т. е. задают основу для социально-экономического развития региона. Исследование условий жизни по ряду признаков позволяет выявлять диспропорции в развитии районов, основные проблемы, характерные для отдельных территорий, анализировать и прогнозировать пространственное поведение жителей области. Оценка компонентов условий жизни населения предполагает подробное изучение природных, демографических, социальных, экономических и расселенческих факторов. Условия жизни по своему исходному содержанию носят сопоставительный характер и предусматривают сравнение значений соответствующих показателей в пространственном отношении [3].

Территориальная дифференциация условий жизни населения проявляется на различных иерархических уровнях, начиная от глобального (в пределах географической оболочки) и заканчивая локальным (различные населенные пункты и даже части крупных локалитетов). «Условия жизни» – комплексное, многокомпонентное понятие, взаимосвязанное с другими категориями общественной географии: «уровень жизни», «качество жизни», «окружающая среда», «географическая среда», «среда обитания». При этом «условия жизни» представляют собой совокупность внешних факторов природно-антропогенной среды по отношению к субъекту (человеку). Они влияют на развитие общества, повседневную жизнь и поведение человека (пространственное, демографическое, социальное, бытовое), определяют возможности осуществления хозяйственной деятельности и формирования личности.

Комфортность условий проживания в данном аспекте понимается как система оценок условий жизнедеятельности, которая формируется на основе удовлетворения потребностей человека или населения. Уровень комфортности проживания населения на территории является показателем конечного эффекта воздействия на людей факторов окружающей среды.

Социально-географическое исследование в данной работе основано на том, что молодежная группа населения наиболее восприимчива и отзывчива к комфортности условий проживания, так же как и наиболее мобильна в случаях поиска более комфортных условий. В опросе приняли участие 500 респондентов городов и сел в возрасте от 14 до 30 лет.

Удовлетворенность индикаторами комфортности среды проводилась по направлениям: 1) природно-экологические, 2) социально-экономические условия среды.

Интегральная оценка удовлетворенности молодежи комфортностью среды проводилась по методике, часто применяемой в экономико-географических работах, в основе которых лежит метод балльной оценки [1; 2; 4; 5].

Оценка проводилась по четырем уровням:

- а) высокий: (4,0–5,0 баллов) – удовлетворен;
- б) повышенный: (3,0–3,9 баллов) – скорее удовлетворен, чем не удовлетворен;

с) средний: (2,0–2,9 баллов) – скорее не удовлетворен, чем удовлетворен;

d) низкий: (0–1,9 баллов) – не удовлетворен.

Далее значение каждого исследуемого индикатора рассчитывалось по формуле: $I_x = (4 \cdot A + 3 \cdot B + 2 \cdot C + 1 \cdot D) / N$.

На основе балльной оценки были получены статистически обобщенные оценки удовлетворенности наиболее важными сферами жизнедеятельности.

Из ключевых территориальных объектов для опросов выбраны два городских и два сельских населенных пункта, различных по своему географическому положению и социально-экономическому статусу. Один из городов (Шелехов) максимально приближен к областному центру (Иркутску), входит в зону крупнейшей агломерации Восточной Сибири, являясь городом-спутником Иркутска. Второй город (Черемхово) расположен на периферии основной зоны расселения региона и, в отличие от Шелеховского, урбанизированного, района, является больше сельскохозяйственным, с высокой численностью сельского населения и, соответственно, сельских населенных пунктов (рис.).

Выбранные для исследования сельские пункты расположены в получасовой транспортной доступности от районных центров на расстоянии 12–15 км и имеют различный статус по людности (крупное и малое). Черемховский район – деревня Малиновка; Шелеховский район – село Введенщина.

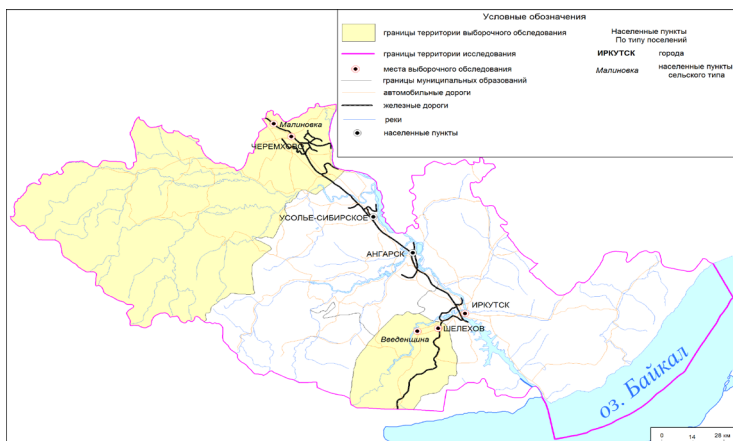

Рис. Размещение пунктов исследования на территории Иркутской области

Учитывая разную специфику населенных пунктов, оценить условия среды респондентам предлагалось отдельно *по природной и экологической составляющей*. Оценка среды проводилась по степени благоприятности, выраженной шкалой: благоприятная; скорее благоприятная, чем неблагоприятная; скорее неблагоприятная, чем благоприятная (табл. 1).

Таблица 1

Оценка благоприятности природно-экологических условий среды по результатам анкетирования (%)

Варианты ответов	г. Шелехов		с. Введенщина		г. Черемхово		д. Малиновка	
	П*	Э*	П	Э	П	Э	П	Э
«Благоприятная»	3	0	4	5	2	1	6	11
«Скорее благоприятная, чем неблагоприятная»	11	0	14	12	12	3	17	21
«Скорее неблагоприятная, чем благоприятная»	79	13	77	52	80	17	71	45
«Неблагоприятная»	7	87	5	31	6	79	6	23

(* – природные и экологические условия среды)

Благоприятной природную среду считают около 4 % молодежи, разница во мнениях городских и сельских респондентов незначительна, большинство (76,7 %) определили условия среды «скорее неблагоприятными, чем благоприятными». Более выражена дифференциация значений по оценке экологических условий: 87 % молодежи г. Шелехова и 79 % г. Черемхово выбрали вариант «неблагоприятная», большинство сельской молодежи остановились на варианте «скорее неблагоприятная...» (45–52 %). Максимальные положительные оценки среды отметила молодежь д. Малиновки, минимальные – г. Шелехова.

Молодежь городов считает неудовлетворительной экологическую обстановку: загрязнение атмосферы, почвенного покрова, водных объектов, большие объемы выхлопных газов; 90 % сельской молодежи не устраивает качество питьевой воды, для приготовления пищи используется привозная вода.

Оценка комфортности проживания в разрезе *социально-экономических параметров*. Молодежь г. Шелехова показала наиболее высокую степень удовлетворенности – 3,3 балла, что соответствует уровню «скорее удовлетворен, чем не удовлетво-

рен». В данном аспекте близость областного центра играет роль территории для сравнения и при этом не в пользу Шелехова. Удовлетворенность молодежи из Черемхово и с. Введенщины практически равна – 2,6 и 2,5 балла («скорее не удовлетворен, чем удовлетворен»). Молодежь малого села Малиновки социально-экономическими условиями не удовлетворена – 1,6 балла (табл. 2).

Таблица 2

Показатели удовлетворенности молодежи социально-экономическими параметрами (по результатам анкетирования), баллы

Удовлетворенность	г. Шелехов	с. Введенщина	г. Черемхово	д. Малиновка	Шелеховский район (в среднем)	Черемховский район (в среднем)
Занятостью	3,3	2,9	2,8	1,8	3,1	2,3
Материальным благосостоянием	3,4	2,1	2,3	1,9	2,8	2,1
Социально-экономической ситуацией в населенном пункте	3,1	2,7	2,5	1,1	2,9	1,8
Интегральное значение	3,3	2,6	2,5	1,6	3,0	2,1

При анализе результатов анкетирования выявлено, что наиболее удовлетворены занятостью респонденты, имеющие один основной источник дохода (одну постоянную работу), большая доля которых выявлена в Шелехове. На показатель удовлетворенности также влияет сфера народного хозяйства, в которой трудится молодежь.

Среди неудовлетворенных комфортностью проживания большой процент сельской молодежи и молодежи, занимающейся домашним трудом. У некоторых респондентов значение оценок материального благосостояния выше, чем ожидалось, что связано с наличием дополнительных источников доходов. Из них – 25 % городской и 5 % сельской, для которых официальная работа «удобна» (по графику работы, затрат рабочего времени), но основной доход приносит другой источник (бизнес, хобби). По территориям исследования 35 % такой активной молодежи сконцентрировано в Шелехове, 15 % – в Черемхово, 9 % – в с. Введенщине и 1 % – в д. Малиновке.

В результате исследования выявлено, что на субъективные показатели удовлетворенности молодежи комфортностью проживания повлияли:

1. Экономико-географическое положение поселения, определяющее комфортность среды жизни по природно-экологическим и социально-экономическим показателям.

2. Степень урбанизированности, что наглядно отразилось в оценке индикаторов по городским пунктам и поселениям в зоне пригорода.

Список литературы

1. *Благовестова Т. Е.* Развитие и территориальная дифференциация качества жизни населения Центрального федерального округа : дис. ... канд. геогр. наук / Т. Е. Благовестова. – Смоленск, 2009. – 27 с.

2. *Гаврилова Т. В.* Территориальная дифференциация качества жизни населения Ставропольского края : дис. ... канд. геогр. наук / Т. В. Гаврилова. – Ставрополь, 2005. – 176 с.

3. *Степанова А. А.* Территориальная дифференциация условий жизни населения Новгородской области : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / А. А. Степанова. – СПб., 2010. – 17 с.

4. *Чеботкова А. Д.* Качество и образ жизни населения Коми-Пермяцкого округа : дис. ... канд. геогр. наук / А. Д. Чеботкова. – Пермь, 2007 – 24 с.

5. *Щитова Н. Г.* География образа жизни: теория и практика регионального исследования : дис. ... д-ра геогр. наук / Н. Г. Щитова. – М., 2005. – 334 с.

TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF COMFORT ACCOMMODATION YOUTH (THE CASE OF SETTLEMENTS IRKUTSK REGION)

Yu. N. Dmitrieva

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. An important indicator when selecting a site for the life of the population is its appeal. A key component of the attractiveness is the feeling of life, which reflects the degree of satisfaction of material, cultural and spiritual human needs. Especially demanding options the comfort of environment the youth group of the population, a dissatisfaction which manifests itself in the migration mobility. The article explores the parameters to evaluate the comfort and attractiveness of life in different types of settlements. Given the socio-geographical survey in the Irkutsk region. Based on the analysis of the views of young people identified weaknesses in the development of peripheral settlements cheremkhovskiy district, and a strong Central Shelekhov region, the negative point is the environmental conditions of developed areas. The study revealed that the integrated assessment of satisfaction with youth with environmental parameters affected by economic and geographical position of the settlement relative to the regional center of Irkutsk and the degree of urbanization of the territories.

Keywords: comfortable environment, types of settlements, the periphery and the centre, young people, socio-geographical study.

Дмитриева Юлия Николаевна – младший научный сотрудник, лаборатория экономической и социальной географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: Yuliya.dmitr@mail.ru

Dmitrieva Yuliya Nikolaevna – Junior Research Fellow, Laboratory of Economic and Social Geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: Yuliya.dmitr@mail.ru

УДК 332.72(571.5)

АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНОГО РЫНКА ПРИБАЙКАЛЬЯ В НАЧАЛЕ XXI В.: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М. В. РОГОВА

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается ипотечно-земельный рынок, сложившийся на территории Прибайкалья. Приводятся данные о динамике сумм сделок купли-продажи за последние годы, свидетельствующие о преобладании на земельном рынке ипотечных сделок. Уменьшение платежеспособности населения в сочетании с повышенными процентными ставками банков делают ипотеку обременительной для домашних хозяйств.

Ключевые слова: ипотека, сделки купли-продажи.

Приобретение земли для российского гражданина – это, с одной стороны, перспектива стабильной и успешной жизни, а с другой – гарантия выживания в сложных экономических условиях. Огородничество были неотъемлемой частью существования городских жителей в перестроечные времена 80-х гг. Земля выручала российского дачника и в кризисные 90-е гг., когда основной упор был сделан на дачно-огороднические товарищества, и иметь дачу было жизненной необходимостью. Позднее, в нулевые годы, когда окреп средний класс и коттеджные поселки получили распространение в основном на землях бывших колхозов и совхозов, пришла установка престижа жизни за городом, дающая ощущение свободы и самостоятельности.

Покупка жилого дома или участка земли приобретает в настоящее время особое значение и контекст некоего обязательного правила. Расширение пригородов при этом происходит весьма быстрыми темпами, так что рынок жилья за городом довольно быстро крепнет и подтягивается под рынок городской,

практически сравнивая при этом цены на жилье в городе и за городом. К примеру, купить двухкомнатную квартиру в городе или построить дом за 2–3 млн руб. в коттеджном поселке стало практически равнозначным. По крайней мере, такая относительно стабильная ситуация наблюдалась с 2011 по 2013 г. Новая волна экономического кризиса оказала существенное влияние на цены на жилье и земельные участки и привела к существенному снижению потребительского спроса за последние три года (2014–2016) (рис. 1).

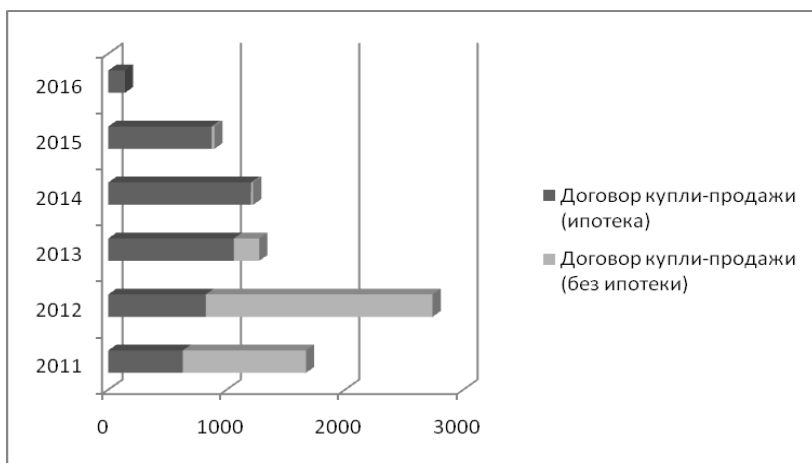

Рис. 1. Динамика сделок купли-продажи в Слюдянском районе с 2011–2016 гг. [6]

На рис. 1 изображена диаграмма соотношения типов сделок купли-продажи начиная с 2011 г. по первый квартал 2016 г. в одном из районов исследования земельного рынка. При общей тенденции уменьшения количества сделок купли-продажи мы наблюдаем здесь практически полное вытеснение их сделками по ипотеке. Этот аспект земельных отношений сразу привлёк исследовательское внимание своими очевидными возможностями социологических наблюдений и выводов.

К проблемам формирования сложного (по определению в экономической литературе) ипотечно-земельного рынка в России исследователи-экономисты Т. Е. Ситихова и О. Г. Чабиев относят отсутствие надёжной информации о правах на землю, низкую ликвидность объектов недвижимости, высокий уровень транзак-

ционных издержек [5, с. 46]. Серьезной проблемой является также искажение процессов ценообразования при участии теневой экономики. Еще в 2013 г. автором зафиксирован существенный разброс цен на земельные участки в сельских сообществах Прибайкалья. Это явление, характерное для стран с развитым институтом частной собственности, имеет весьма пагубные последствия, сопровождается конфликтами землепользователей, отчуждением земель и либерализацией цен. Об этом подробнее, в частности, в авторских работах [3, с. 154; 4, с. 18].

Более всего ограничивают вовлечение населения в банковское ипотечное кредитование все же высокие процентные ставки. По данным разных банков, они составляют от 10,95 до 25 % годовых [2]. При средней по России ставке около 12 % переплата банку составляет от 30–40 % в год. Таким образом, соглашаясь на ипотечные условия, надо быть готовым к существенному повышению изначальной стоимости объекта недвижимости и долгосрочной выплате ипотечного кредита.

Исследования даже низового уровня местного самоуправления – сельских сообществ – показали рост ипотечных сделок и вытеснение ими сделок без ипотеки. Это весьма интересное социальное явление порождает ряд гипотез, основной из которых является отсутствие наличных денежных средств у сельского населения.

Кредитование покупки в сельской местности – это фактически единственный способ сделать приобретение. Эта стратегия была освоена гражданами России еще с конца 90-х гг., когда ставки кредитования были весьма высоки. В 1999 г. размер ставки достигал максимального значения 35 % годовых [1]. Тогда, в отсутствие наличной денежной массы, в кредит приобреталось все – от телефонов и бытовой техники до недвижимости.

Рынок кредита позволяет делать граждан долговременными пользователями банковских услуг и обеспечивает, таким образом, стабильность денежных вливаний. Это конкурентоспособная и прогрессивная сфера банковских услуг в любой из экономически развитых стран, которая позволяет добиваться при низких процентных ставках высокого спроса населения. В России, несмотря на стабильный рост кредитного рынка, банковские ставки остаются запредельно высокими. За 15 лет ставки не стали соответствовать ни прожиточному минимуму, ни средним заработным платам. Есть ощущение абсолютного отрыва от реальности и не-

кого параллельного существования банковской системы, особенно если сравнивать ипотечные условия в России со странами с развитым ипотечным кредитованием, такими как Австралия, например, или Япония, где процентные ставки на приобретение жилья не превышают 2–3 % в год.

Другой гипотезой в попытке объяснить массовое увлечение ипотечным кредитованием при нестабильной экономике является предположение об активной и даже агрессивной банковской политике на низовом уровне. Это уже область сугубо социологических исследований, с интервьюированием на местах. Немало способствует этому также рекламирование кредитов по центральным каналам. Информационное убеждение населения в том, что ипотечное кредитование – это очень выгодно, сработало как нельзя лучше. Очевидно, особенно оказались подвержены этому жители сельской России: *«Города стучат экраном в лбы замерзших деревень»*, – как поет в известной песне российский рок-музыкант Ю. Шевчук. Да и в городе, судя по статистике, немало потребителей, пользующихся кредитами с высокими процентными ставками и покупающих оргтехнику, машины, жилье. Недавняя реструктуризация банков и резкое повышение курса доллара сделали кредиты для многих покупателей фактически долговой ямой. Так, один из респондентов отмечает, что покупка автомобиля по цене 300 тыс. руб. обернулась в конечном итоге почти в 600 тыс. руб.: *Мы выплатили 300 тыс. руб. с процентами, но сумма долга все росла и росла, достигнув в итоге 100 % (Л. К.)*.

Возможно, от такой сомнительной выгоды западные средства массовой информации пестрели бы посылками гражданам не брать кредиты. Однако в российских центральных новостных каналах практически отсутствует критическая дискуссия по поводу ипотечного кредитования, ипотека не освещается в аналитических телепрограммах как проблемная сфера. Как следствие, данные по сделкам купли-продажи земельных участков на Байкале, начиная с 2013 г., поражают фактическим признанием ипотеки как главного ресурса в приобретении земли (рис. 2).

В диаграмме рис. 2, выполненной по данным Росреестра, 2013 г. стал неким поворотным моментом, когда доля ипотечных сделок резко возросла, а в последующих 2014 и 2015 гг. безыпотечных договоров уже нет. Схожую ситуацию демонстрируют данные по типам сделок в пос. Большая Речка Иркутского района (рис. 3).

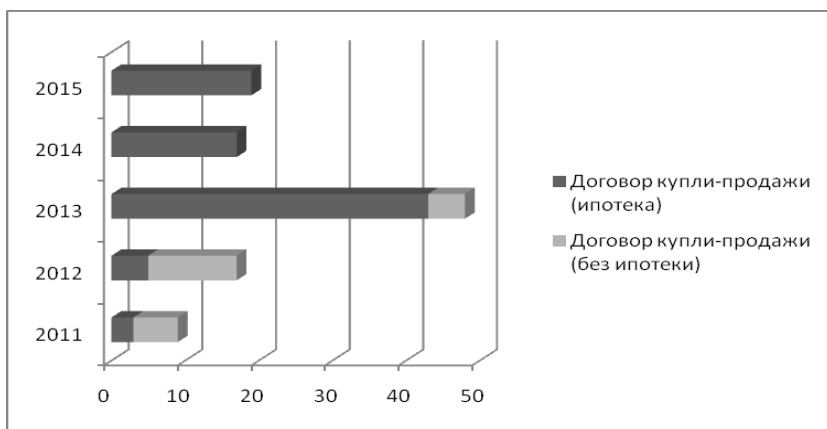

Рис. 2. Динамика сделок купли-продажи в пос. Хужир в 2011–2015 гг. [6]

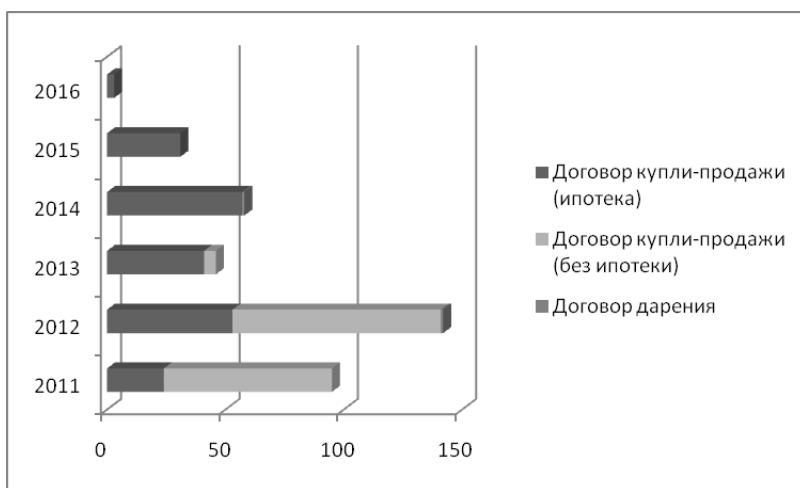

Рис. 3. Динамика сделок купли-продажи в пос. Большая Речка в 2011–2016 гг. [6]

По данным диаграммы рис. 3 можно заключить, что в 2013 г. доля ипотечных сделок также превысила долю договоров без ипотеки и составила при этом 89 % против 11 %. Начиная с 2013 г. сделки по ипотечным договорам в пос. Большая Речка неуклонно росли и в следующих 2014–2015 гг. вытеснили безыпотечные сделки полностью. За первые 5 месяцев 2016 г. было совершено 7 сделок купли-продажи – все с ипотекой.

Во многих сельских сообществах статистика вытеснения безыпотечных сделок повторяется практически один к одному. И это несмотря на то что как раз в 2014–2015 гг. экономика России ускоренно стагнировала, а курс доллара за несколько месяцев вырос более чем в два раза, что, разумеется, сказалось и на ставках по кредитам. Уже есть прецеденты, когда выплаты по кредитам после реструктуризации банковской системы возросли в 1,5–2 раза. Не исключен также дальнейший рост и без того абсурдных процентных ставок. Так или иначе, на сегодняшний день все еще сохраняется неблагоприятное время для получения ипотечного кредита. И увеличившаяся за последние годы доля ипотечных сделок, по данным Росреестра, свидетельствует о резком сокращении платежеспособности населения. Это грозит серьезными последствиями для домашних хозяйств Прибайкалья и сельской экономики в целом.

Список литературы

1. Как изменялась ставка по ипотеке в России [Электронный ресурс]. – URL: <http://perlaw.ru/finansy-i-kredity/news/kak-izmenyalas-stavka-po-ipoteke-v-rossii>.
2. Калькулятор расчета ставок по ипотечным кредитам [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.sravni.ru/ipoteka/>.
3. *Рогова М. В.* Мифы приватизации в России и реальность локального рынка земель // *Вопр. экономики.* – 2014. – № 10. – С. 147–158.
4. *Рогова М. В.* Теневая экономика на локальных рынках земель: крах или перспективы реформы собственности // *Региональная экономика: теория и практика.* – 2014. – № 20. – С. 17–26.
5. *Ситохова Т. Е.* Трансакционные издержки как сдерживающий фактор развития земельно-ипотечного рынка в России / Т. Е. Ситохова, О. Г. Чабиев // *Terra Economicus.* – 2012. – Т. 10, № 4. – С. 46–49.
6. Федеральная служба государственной регистрации и картографии [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosreestr.ru/site/>.

ASPECTS OF THE STUDY OF THE LAND MARKET OF THE BAIKAL REGION AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY: PROBLEMS AND PROSPECTS

M. V. Rogova

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. The article discusses the mortgage and land market, established on the territory of Baikal region. Presents data on dynamics of the amount of transactions of purchase and sale in recent years, indicating the predominance of mortgage transactions in the land market. The decrease in solvency of the population, combined with higher interest rates banks make mortgages burdensome for households.

Keywords: mortgage, the transaction of purchase and sale.

Рогова Марина Владимировна – инженер, лаборатория экономической и социальной географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: traveller-irk@yandex.ru

Rogova Marina Vladimirovna – Engineer, Laboratory of Economic and Social Geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: traveller-irk@yandex.ru

УДК 32.019.52

ОТНОШЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ К ОБЩЕСТВЕННЫМ И КОНСУЛЬТАТИВНЫМ ОРГАНАМ РЕГИОНА¹

А. В. СОКОЛОВ, А. А. ФРОЛОВ

Ярославский государственный университет, г. Ярославль

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам развития общественных и консультативных органов в регионах страны. Приводятся результаты социологических исследований отношения жителей Ярославской области к органам общественного контроля, в частности к общественной палате региона.

Ключевые слова: гражданская активность, общественная палата, общественный контроль.

Особенностью формирования гражданского общества и гражданской активности становится создание новых диалоговых площадок в регионах страны. В настоящее время практически все субъекты Российской Федерации активно разрабатывают нормативную базу, регламентирующую механизмы межсекторного взаимодействия, позволяющую гражданам включаться в обсуждение важных для них вопросов. Абсолютное большинство регионов на настоящий момент имеют общественные палаты. Также активно создаются другие общественные и консультативные органы по актуальным для регионов вопросам. Формируются сетевые структуры, которые взаимодействуют как в отдельных регионах, так и между собой на федеральном уровне. О положительной динамике формирования таких площадок пишут многие исследователи. В частности, Е. А. Исаева пишет, что использование на региональном уровне диалоговых механизмов как меха-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 16-03-00394 а «Управление гражданской активностью на региональном уровне: инструменты и результаты (на примере Ярославской области)».

низмов обратной связи власти и общества является инструментом повышения эффективности властных решений, повышения доверия к органам власти со стороны населения. Инструменты межсекторного социального партнерства позволяют властным структурам своевременно улавливать запросы со стороны общества и корректировать управленческие решения. Граждане, наблюдая учет их мнения и предложений, начинают испытывать больше доверия к власти и региональной политике. Наиболее активные представители общественного сектора охотнее берут на себя обязанности по участию в разрешении социально значимых местных проблем, осознавая потребность власти в диалоге и возможность влиять на принимаемые решения [1, с. 40].

Для изучения отношения жителей к общественным и консультативным органам Ярославской области было проведено социологическое исследование. Оно проводилось 29–30 января 2015 г. среди жителей региона в возрасте 18 лет и старше методом телефонного интервью по месту жительства респондентов, по заранее разработанной анкете. В опросе приняли участие 615 чел. – представители различных социально-демографических групп, проживающие в разных населенных пунктах Ярославской области. Выборка репрезентативна для области в целом. Уровень достоверности данных составляет в целом по области 95 %, статистическая погрешность находится в рамках диапазона 5,0 %. Основные результаты исследования были разделены на несколько групп.

Результаты исследования свидетельствуют, что жители Ярославской области на протяжении нескольких лет критически оценивают уровень развития общественного контроля в регионе – средняя оценка по десятибалльной шкале в 2015 г. не превысила 3,6 баллов (в декабре 2013 г. данный показатель находился на уровне 3,7 баллов). Учитывая, что до середины 2014 г. в России (21.07.2014 принят ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации») такое явление, как общественный контроль, характеризовалось «неорганизованностью» и имело черты стихийности, это очень неплохой показатель. В Ярославской области проект закона «Об общественном контроле в Ярославской области» в начале 2015 г. находился на стадии обсуждения. Можно предположить, что после принятия данного закона в Ярославской области доля высоких баллов в оценке развития общественного контроля будет расти.

В Российской Федерации формирование такого социального института, как общественная палата, было осуществлено в 2005 г., после утверждения Федерального закона № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации». Тем не менее о деятельности общественных палат (Российской Федерации, Ярославской области, муниципального образования области) знают лишь 22,1 % жителей Ярославской области. Причем осведомленность населения ограничивается лишь двумя общественными институтами – федеральной общественной палатой и региональной (43,2 % и 39,2 % соответственно). В ходе исследования многие участники опроса путали общественную палату с различными органами власти, их подразделениями и структурами (например, Счетной палатой).

Большинство жителей региона не знают, чьи интересы являются приоритетными для Общественной палаты Ярославской области. На соответствующий вопрос ответ дали только 27,2 % респондентов.

По мнению относительного большинства участников опроса, основными мотивами работы членов Общественной палаты Ярославской области являются меркантильные интересы: возможность получения финансирования (24,1 %), статус (23,6 %), возможность лоббирования интересов своей организации (12,8 %). Каждый третий полагает, что у членов Общественной палаты Ярославской области мотивация вообще отсутствует.

Полученные данные свидетельствуют о том, что жителям Ярославской области не хватает информации о деятельности общественных палат.

Согласно результатам исследования, 45,9 % жителей Ярославской области в той или иной мере сталкивались с ситуациями, когда возникала необходимость защищать свои законные права перед местными или региональными органами власти. Из них лично оказались в такой ситуации 31,4 %, в такое положение попали знакомые – 10,1 %, еще 4,4 % просто слышали о таких случаях.

Если говорить о личном опыте столкновения с нарушениями прав и интересов граждан, то здесь чаще, чем остальным, свои законные права приходится защищать ярославцам (36,6 %) и жителям сельских населенных пунктов (31,9 %).

В Ярославской области ситуации с нарушением прав граждан, как правило, возникают в трех сферах: жилищно-

коммунального хозяйства (60,9 %), трудовых прав (25,3 %) и здравоохранения (24,5 %). Особенно часто, согласно результатам опроса, законные права граждан в сфере ЖКХ нарушаются в малых городах (70,0 %), в сфере трудовых прав больше всего нарушений фиксируется в г. Рыбинске (31,6 %), в сфере здравоохранения – в крупных и малых городах региона (28,0 %).

Две трети тех, кто в той или иной мере сталкивался необходимостью защищать свои законные права перед местными или региональными органами власти, сообщили, что им или их знакомым удалось полностью либо частично отстоять свои права (69,7 %).

41,0 % респондентов никогда не слышали о ситуациях, когда гражданам нужно было защищать свои законные права перед местными или региональными органами власти.

Продемонстрированные данные позволяют сделать ряд выводов. О деятельности общественных палат (Российской Федерации, Ярославской области, муниципального образования области) знают только 22,1 % жителей Ярославской области. Большинство жителей региона не представляют, чьи интересы являются приоритетными для общественных палат. По мнению относительного большинства участников опроса, основными мотивами работы членов Общественной палаты Ярославской области являются их меркантильные интересы (возможность получения финансирования, статус, лоббирование интересов своей организации).

Согласно результатам исследования, 45,9 % жителей Ярославской области в той или иной мере сталкивались с ситуациями, когда возникала необходимость защищать свои законные права перед местными или региональными органами власти. Чаще всего такие ситуации возникают в трех сферах: жилищно-коммунального хозяйства (60,9 %), трудовых прав (25,3 %) и здравоохранения (24,5 %). В большинстве случаев жителям области удается либо полностью, либо частично отстоять свои права.

В качестве общего вывода можно сказать, что для создания отлаженной системы механизмов межсекторного взаимодействия необходима хорошо подготовленная нормативная база, которая будет работать в каждом регионе. Опасность заключается в том, что федеральная власть, пытаясь создать большое количество разнообразных диалоговых площадок в разных регионах страны, не будет учитывать возможности разных субъектов. Не в каждом

регионе имеется необходимое для эффективной работы в данных структурах количество общественников. Тем самым власть на местах будет создавать неработающие площадки для формальной отчетности. Это, безусловно, будет негативно сказываться как на доверии к данным площадкам со стороны общества, так и на их эффективности.

Список литературы

1. *Исаева Е. А.* Нормативно закреплённые диалоговые площадки власти и общества в субъектах России: предпосылки эффективности // *Власть*. – 2013. – № 8. – С. 39–41.

RELATIONSHIP RESIDENTS OF THE YAROSLAVL REGION TO PUBLIC AND CONSULTATIVE BODIES IN THE REGION

A. V. Sokolov, A. A. Frolov
P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl

Abstract. The article is devoted to topical issues of development of advisory bodies in the regions. The article presents the results of sociological research on the attitude of the Yaroslavl region`s residents on the level of public control and the Public Chamber of the region.

Keywords: civic engagement, the Public Chamber, public control.

Соколов Александр Владимирович – кандидат политических наук, доцент, кафедра социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 150000, г. Ярославль, ул. Кирова, д. 8/10, тел.: 8(4852)303210, e-mail: alex8119@mail.ru

Sokolov Aleksandr Bladimirovich – Candidate of Political Science, Senior Lecturer, Department of Socio-Political Theories, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 8/10, Kirova st., Yaroslavl, 150000, tel.: 8(4852)303210, e-mail: alex8119@mail.ru

Фролов Александр Альбертович – ассистент, кафедра социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 150000, г. Ярославль, ул. Кирова, 8/10, тел.: 8(4852)303210, e-mail: a.a.froloff@gmail.com

Frolov Aleksandr Albertovich – Assistan, Department of Socio-Political Theories, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 8/10, Kirova st., Yaroslavl, 150000, tel.: 8(4852)303210, e-mail: a.a.froloff@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В СЕРЕДИНЕ 90-х ГГ. XX в. (НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ ГАИО)

И. В. ОЛЕЙНИКОВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. На основе анализа материалов Государственного архива Иркутской области (ГАИО) показаны особенности развития внешнеэкономической деятельности региона в середине 90-х гг. XX в. Отражены предложения региональных властей по интенсификации инвестиционной деятельности, координации международных связей, развитию инфраструктуры, модернизации промышленности.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, Иркутская область, власть, международное сотрудничество, иностранные инвестиции, переписка.

В фондах Государственного архива Иркутской области сохранились документы, характеризующие работу региональной администрации по развитию внешнеэкономической деятельности (ВЭД) в сложное время социально-экономических трансформаций. Особый интерес представляет изучение переписки с федеральными органами власти и управления, организациями по вопросам внешнеэкономических и зарубежных связей, межрегиональных ресурсов и реализации контрактов и договоров, централизованного экспорта, совместного предпринимательства, иностранных инвестиций. Документы отражают влияние непростой экономической обстановки в регионе на ВЭД, особенности дискуссии между региональными властями и федеральным центром по вопросам реализации внешнеэкономической деятельности. Ознакомление с данной перепиской даст представление о характере деятельности администрации региона на внешнеэкономическом направлении в 1990-х гг.

В 90-е гг. XX в. Иркутская область интенсивно включилась в процесс развития международных контактов, существенно активизировалось международное сотрудничество региона. Международные связи, сложившиеся в рамках советской экономики, в основном были демонтированы, вектор внешнеэкономической деятельности Иркутской области постепенно переориентировался на страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Однако становление международных связей регионов Российской Федерации

носило во многом стихийный характер, и федеральные власти постепенно стремились упорядочить международную и внешнеэкономическую деятельность регионов.

В этой связи в сентябре 1997 г. первый заместитель министра экономики Российской Федерации А. Шаповольянц направил запрос, в котором проинформировал о том, что в Государственной Думе находится на рассмотрении проект федерального закона «О полномочиях Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в вопросах международных и внешнеэкономических связей и о порядке их координации». Министерство экономики РФ предлагало рассмотреть данную проблему на специальном заседании коллегии Министерства. Региональным администрациям было предложено ответить на шесть вопросов [1, л. 132-134]:

1. О практике участия органов государственной власти субъектов Российской Федерации во внешнеэкономической и международной инвестиционной деятельности [1, л. 133].

2. Об основных направлениях работы органов государственной власти субъектов Российской Федерации по повышению эффективности внешнеэкономической международной инвестиционной деятельности (развитие приграничной торговли; помощь непосредственным участникам внешнеэкономической деятельности в получении иностранных кредитов; создание страховых и залоговых фондов; предоставление льгот участникам (в том числе и иностранным) внешнеэкономической и международной деятельности; создание достоверной информационной базы для потенциальных иностранных инвесторов; формирование межрегиональных и региональных программ развития внешнеэкономической деятельности; создание СЭЗ) [1, л. 133-134].

3. О круге полномочий в сфере регламентирования внешнеэкономической и международной инвестиционной деятельности, который должен быть отнесен к компетенции: федеральных органов исполнительной власти; органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации; совместного ведения органов исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [1, л. 134].

4. Что, по вашему мнению, конкретно должно быть решено на федеральном уровне для повышения эффективности внешнеэкономической и международной инвестиционной деятельности

в регионах, в том числе для решения вопросов, перечисленных в п. 2? Какова должна быть роль муниципальных органов власти во внешнеэкономической деятельности? [1, л. 134].

5. Мероприятия по внешнеэкономической и международной и инвестиционной деятельности, проводимые в рамках межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия. Какие это мероприятия? Участие в них региона? Предложения по более эффективному использованию этой формы экономического сотрудничества в сфере внешнеэкономической и международной инвестиционной деятельности [1, л. 134].

Ответ Администрации Иркутской области был довольно обстоятельным и развернутым, с комментариями на шести листах.

По наполнению региональных программ развития внешнеэкономической деятельности отмечалось, что с 1993 г. специалисты Иркутской государственной экономической академии, Института экономики и организации промышленного производства и Администрации области разрабатывали концепции и программы развития внешнеэкономической деятельности в регионе, которые также являлись разделами общих областных программ; среднесрочная программа на 1997–2000 гг. «Структурная перестройка и экономический рост», ежегодные программы социально-экономического развития области, федеральная программа «Сибирь». В рамках межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» в 1995 г. была разработана программа совместных действий во внешнеэкономической политике регионов – участников ассоциации «Развитие внешнеэкономической деятельности, интеграция Сибири в мировую экономику».

По вопросу создания СЭЗ на территории региона отмечалось, что, «...учитывая экспортно-сырьевую ориентацию экономики Иркутской области наиболее эффективным типом СЭЗ является зона экспортного производства. Цель создания СЭЗ этого типа – создание высокособлюдных финансовых условий функционирования конкретных районов, что позволит укрепить экспортный потенциал промышленно-развитых территорий и создать условия для выхода из кризиса стагнирующих зон и северных территорий» [2, л. 124–125]. В рамках создания СЭЗ в 1997 г. рассматривался вопрос об организации на территории Братска СЭЗ экспортного производства.

В ответе на третий вопрос (круг полномочий в сфере регламентации ВЭД) подчеркивалось, что компетенции Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в области внешнеторговой деятельности определены Федеральным законом «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности от 12 июля 1995 г.». Власти Иркутской области полагали, что к кругу компетенции совместного ведения исполнительной власти Российской Федерации и субъектов Федерации следует отнести следующие функции: участие в разработке предложений по государственной внешнеторговой политике, регулированию внешнеторговой деятельности, заключению международных договоров и соглашений Российской Федерации по вопросам, непосредственно затрагивающим интересы регионов; участие в работе межправительственных комиссий по возврату внешних долгов заинтересованных представителей субъектов Федерации. К компетенции исполнительной власти следовало отнести функции по разработке и проведению политики привлечения иностранных инвестиций по федеральным программам, реализуемым на территории региона; регламентированию иностранных инвестиций, предусматривающих предоставление права субъектам Федерации устанавливать режим наибольшего благоприятствования или предоставление дополнительных льгот для иностранных инвестиций в приоритетных отраслях экономики региона и социальной сферы [2, л. 125-126].

Ответ на четвертый вопрос – «Что должно быть решено на федеральном уровне для повышения эффективности ВЭД и международной инвестиционной деятельности в регионах?» – был дан Администрацией Иркутской области весьма развернуто. По мнению областных чиновников, требовалась дифференциация таможенных тарифов, позволяющая защитить (временно) те производственные отрасли и секторы, которые в современных условиях более всего нуждаются в защите. При этом отмечалось, что, «...к сожалению, дифференциация тарифов в большей степени обусловлена силой лоббирующих групп, а не потенциалом развития отраслей» [2, с. 126].

Подчеркивалось, что дифференциация должна соответствовать принципам ВТО, региону была необходима отмена пошлин на ввозимое технологическое и лабораторное оборудование и технологий для производства экспортной и импортозамещающей

продукции. Был сделан вывод о том, что на «...современном этапе развития экономики страны, чтобы привести внутреннее производство к международным стандартам, потребуется импортировать значительную часть машин и оборудования, а пошлины зачастую составляют значительную часть стоимости ввозимого оборудования; (требуется. – И. О.) упрощение и удешевление таможенного оформления товаров и транспортных средств» [2, л. 126].

В документе отличалось, что для финансирования областной программы поддержки экспорта, развития таможенной инфраструктуры, а также для реализации федеральных программ требуется установить отчисления от таможенных сборов в пользу субъектов Российской Федерации. Специалисты Администрации Иркутской области подчеркивали, что «в настоящее время область практически ничего не получает. Все собранные на территории области таможенные сборы (в 1996 г. – 401 млрд руб.) поступают в федеральный бюджет. ...С 01.01.98 г. необходимо ввести такое распределение НДС от импортных операций: 75 % – перечислять в федеральный бюджет, 25 % – остается в бюджете области...» [2, л. 127]. Особое внимание было привлечено к необходимости повышения обменного курса американского доллара для достижения его равновесного значения.

В ответе Администрации Иркутской области был сделан акцент на текущих проблемах внешнеэкономической деятельности региона. Отмечалось, что «...политика обменного курса неблагоприятна для экспортоориентированных отраслей. Рост внутренних цен железнодорожных тарифов опережает рост курса доллара и делает убыточным экспорт продукции; необходимо введение дифференцированных по территориям железнодорожных тарифов для экспортных грузов. Экономика Иркутской области очень сильно зависит от экспорта, а ее географическое положение делает экспорт отдельных товаров из-за высоких транспортных издержек невыгодным» [2, л. 127]. Предлагалось восстановление обязательной регистрации валютных внешнеторговых контрактов в МВЭС РФ, что позволило бы увеличить валютные поступления на региональном уровне, уйти от демпинга, поднять престиж российских фирм – участников ВЭД, защитить потребителей и предпринимателей от недобросовестных партнеров, некачественной продукции.

Подчеркивалась необходимость развития инфраструктуры для международной торговли (порты, пограничные переходы, транспортные схемы). Отмечалось, что Иркутская область участвует в создании дополнительных мощностей в порту Находка, однако основная торговля с Монголией и КНР осуществляется через таможни в Забайкальске и Наушках. Эти железнодорожные пункты обладают слабой пропускной способностью, пограничные переходы не модернизированы, и данный фактор создает значительные препятствия в развитии торговли с этими странами. Был сделан вывод о необходимости государственной поддержки в развитии инфраструктуры внешней торговли.

Особо отмечалась важность создания на федеральном уровне системы информационного обеспечения внешнеэкономической деятельности, ведь «...информация является главным ресурсом, который позволяет вести активную политику и защищать экспортеров области на мировых рынках, приводит к оптимизации объемов экспорта основных товаров, позволяет скорректировать экспортную политику с учетом поведения на рынках основных мировых производителей данного вида продукции и прогнозов ее производства в странах-конкурентах и объемов потребления в странах-импортерах» [2, л. 128].

Предполагалось, что Иркутская область будет активно участвовать в международных мероприятиях других регионов РФ, что способствовало бы обмену опытом между регионами в сфере международного экономического сотрудничества.

Весьма пессимистичная оценка была дана перспективам модернизации производства в регионе: «Расчеты на собственные усилия в модернизации производства необоснованны, поскольку требуют огромных капиталовложений, которые не могут быть обеспечены внутренними финансовыми ресурсами, кроме того, нет необходимых отечественных технологий, соответствующих передовым мировым технологиям» [2, л. 128].

Особо подчеркивалась важность привлечения иностранных инвестиций в регион: «Есть интерес зарубежных фирм к акциям некоторых компаний области. Возможен приток прямых инвестиций вслед за портфельными. Но иностранные инвесторы не готовы работать в условиях неопределенности прав собственности, слабой защиты от криминала, непредсказуемости налогов и законодательных правил, которые продолжают изменяться» [2,

л. 128]. Меры, предлагаемые для увеличения притока иностранных инвестиций в регион, были направлены на стабилизацию нормативной базы функционирования иностранных капиталов, для чего необходимо было обеспечить зарубежным инвесторам право собственности, четко сформулировать правила аренды земли и гарантии закрепления участков под зданиями, сооружениями и предприятиями при их покупке, предоставить определенные льготы, направленные на сокращение риска потери капитала. Также необходимо было смягчить жесткое налогообложение, начать формирование залогового фонда из объектов недвижимости, обладающих определенной ценностью для иностранных инвесторов. Помимо этого, для создания благоприятного инвестиционного климата необходимо было совершенствование системы страхования политических рисков, приведение принятых в России методов технико-экономических обоснований в соответствие с международными требованиями, региональная дифференциация условий инвестирования, предполагавшая предоставление «...отдельным регионам права устанавливать режим наибольшего благоприятствования в приоритетных отраслях экономики и социальной сфере или депрессивных районах. Иркутская область отдалена от центров, имеет недостаточно развитую инфраструктуру, неблагоприятные климатические условия, повышенную криминогенность, что усложняет процесс привлечения иностранных инвестиций» [2, л. 129]. Для привлечения инвестиций в экономику Иркутской области предлагалось ввести систему льгот для участников международной инвестиционной деятельности в формах льготных ставок налогообложения (дифференцированных в зависимости от степени хозяйственной освоенности территорий, на которых предполагалось вести экономическую деятельность, сферы деятельности предприятий с инвесткапиталом, значимости инвестируемого объекта для области); ускоренной амортизации, позволяющей переводить значительную часть прибыли в необлагаемый налогами амортизационный фонд; повышенные нормативы отчисления части прибыли в не облагаемые налогом инвестиционные резервы; скидки на обесценение товарных запасов, позволяющие снижать выплаты в счет налогов на оборотный капитал; льготные тарифы на услуги государственных предприятий, бесплатное предоставление различной информации и консультаций, упрощение формально-

стей, необходимых для создания предприятий; займы на льготных условиях для российских партнеров иностранных инвесторов [2, л. 129–130].

В документе отличалась положительная роль муниципальных органов власти во внешнеэкономической деятельности региона: их участие в формировании региональных программ развития внешнеэкономической деятельности; содействие заключению и выполнению соглашений в области внешнеторговых и дружественных связей с административно-территориальными образованиями иностранных государств; создание благоприятных условий для привлечения инвестиций и функционирования представительств и генеральных консульств иностранных государств в муниципальных образованиях региона, участие в разработке предложений по регулированию внешнеторговой деятельности, заключению международных договоров и соглашений в случаях, затрагивающих интересы муниципальных образований области [2, л. 130].

В итоговой части документа приводится информация о мероприятиях по внешнеэкономической деятельности в рамках Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (МАСС); отмечено, что сформирован Координационный совет по внешним связям МАСС. Силами МАСС проводилась согласованная совместная выставочно-ярмарочная деятельность с целью продвижения продукции сибирских территорий на зарубежные рынки (выставка «Сибирь в Европе» (инициатор и организатор – Иркутская область), г. Линц, Австрия; международная выставка вооружений, военной техники и конверсионной продукции, производимой в Сибири (Омск 1996 г., 1997 г.)), реализовывались совместные мероприятия по продвижению на зарубежные рынки единого сибирского туристического продукта. Особо отмечалась необходимость создания межрегионального аналитического центра [2, л. 130–131].

Таким образом, власти Иркутской области активно участвовали в процессе обсуждения федеральных законопроектов, касавшихся международной и внешнеэкономической деятельности российских регионов, предлагая свое видение решения проблемы привлечения международных инвестиций. Следует констатировать, что, несмотря на прошедшее время, некоторые предложения региональной администрации актуальны.

Список литературы

1. Письмо Первого заместителя Министра экономики Российской Федерации руководителям органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации от 16 сент. 1997 г. // ГАИО. Ф. Р-3511. Оп. 1. Ед. хр. 545. Л. 132-134.

2. Письмо заместителю главы администрации, председателю комитета по экономике Березутскому Ю. А. от 14 окт. 1997 г. // ГАИО. Ф. Р-3511. Оп. 1. Ед. хр. 545. Л. 123-131.

ASPECTS OF IRKUTSK REGION FOREIGN TRADE DEVELOPMENT IN THE MID 90-S OF XX CENTURY (BASED ON GAIO MATERIALS)

I. V. Oleynikov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article is based on the analysis of State Archive of Irkutsk region (GAIO) archival materials and shows specific aspects of foreign trade development in the region in the mid 90-ies of XX century. It reflects the proposals of the regional authorities to intensify investment activity, international relations coordination, infrastructure development, modernization of industry.

Keywords: foreign trade, Irkutsk region, authority, international cooperation, foreign investments, correspondence.

Олейников Илья Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, 412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

Oleynikov Ilya Vasilievich – Candidate of History Sciences, Senior Lecturer, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: ilyavasilich@yandex.ru

УДК 05/07:659.4:681.3

ПИАРНАЛИСТИКА ДЛЯ РЕГИОНА

А. Б. БУШЕВ

Тверской государственный университет, г. Тверь

Аннотация. На пересечении полей цифровых медиа (конвергентных медиа) с мультимедийностью их материалов и не массмедийных, но столь модных ныне мультимедийных цифровых ресурсов возникает поле пиарналистики – журналистики рекламной парадигмы. В статье ставится вопрос о текстовых компетенциях и культурологическом бэкграунде подготовки такого специалиста. Продемонстрирован пиар некоммерческих проектов для имиджа региона.

Ключевые слова: обучаемый, рефлексия, понимание, массмедиа, журналистика рекламной парадигмы, текстовые компетенции, культура, культурная подготовка.

Модель журналистики рекламного типа и ее тексты

Опытным, по словам В. А. Сухомлинского, становится педагог, анализирующий свой труд. Настоящая статья ставит своей целью рефлексию над целями и средствами обучения в такой новой сфере социальной коммуникации, какой является пиар-журналистика, связанная прежде всего с особым подходом к функциям медиа, а также цифровым этапом, интерактивностью, трансграничностью и конвергентностью своего контента и принципиально новыми фигурантами, задачами, средствами коммуникации, появлением SM-маркетинга.

Предметом многих современных исследований (например, [4]) являются модели PR и журналистики и их анализ с точки зрения прежде всего социально-ролевой теории коммуникации. Осмысление социальной коммуникации, ее моделей (прежде всего механической модели речевых актов, символической модели, далее интеракционистской модели и, наконец, модели обмена смыслами) присуще и герменевтике с ее постоянным фокусом на процессе и смысле коммуникации. Особенно интенсифицировала эту рефлексию цифровая революция последних десятилетий, качественно преобразовавшая коммуникацию.

«Журналистами» зачастую называют разных участников массовых социальных коммуникаций: пиар-специалистов, пропагандистов, копирайтеров, авторов и редакторов корпоративных текстов. При этом теряется ключевая сущность понятия – ее гражданская составляющая. И. М. Дзялошинский, например, выделяет три основных вектора отношения журналистики к аудитории: влияние (журналистика управления), информирование (рыночная журналистика) и соучастие (гражданская журналистика) [4, с. 9–10]. В первых двух случаях журналист отчужден от аудитории и воспринимает ее объектом воздействия. В третьем случае журналист и аудитория – равноправные субъекты взаимоотношений. Во втором случае, интересующем нас в этой статье, «рыночная журналистика» приближается к практике продаж товаров и услуг. В этой модели она представляет собой различные формы работы с информацией в сфере массовых коммуникаций. Вспомним, что еще Ю. В. Рождественский задачами риторики считал умение разбираться в массе текстов, окружающих человека, и умение строить такие тексты [7]. Таким образом, обучаемый вновь поставлен перед задачами не только понимать, но и репродуцировать и продуцировать контент, самому оперировать им.

Субстанцией пиара является публичная коммуникация, а целью – формирование эффективной системы публичных дискурсов социального субъекта, обеспечивающей оптимизацию его взаимодействия со значимыми сегментами его социальной среды (общественностью). Это деятельность, для которой нужны по меньшей мере два рода компетенций – организационные и журналистские. Вне зависимости от сферы пиара (медиаарилейшнз, бизнес-пиар, политический пиар, государственный пиар, пиар в кризисных состояниях, *GR, IR, SR, image making, special events* и др.). важным является осознание жанров документов пиар-текстов. Как создать пресс-релиз, как разработать буклет, листовку, наружную рекламу, презентацию, радиорекламу, сценарий телевизионного ролика?! В своей классификации А. Д. Кривоносов и соавторы в качестве пиар-жанров выделяют пресс-релизы, приглашения, бэкграундеры, лист вопросов и ответов, факт-лист, биографию, байлайнер, письмо, поздравление, заявление для СМИ, пресс-кит, брошюру, проспект, буклет, листовку, имиджевую статью, имиджевое интервью, кейс-стори [6].

Среди собственно рекламных жанров особенный интерес вызывает реклама в интернете – медийная реклама, баннер, гиперссылка, анимированная реклама, поисковая интернет-реклама, создание профильного аккаунта, группы, кампании, геоконтекстная реклама (*location-based advertising*), вирусная реклама, *rich media, pop-up windows, pop-under*, открывающиеся дополнительные вкладки, сайты-визитки.

Интерес к рекламе в новых медиа (например, [3]) не отменяет мастерства в рекламе в медиа старых, заслуженных. Так, например, понимания требуют особенности радиорекламы как фрагмента жизни или мини-пьесы, истории, связанной с программированным событием и демонстрирующей его социальную и личностную полезность, «рекомендацию» эксперта или популярной персоны, относящейся к программируемому мероприятию, интервью с идеологами, организаторами, активными участниками мероприятия, рекламные стихи и песенки.

И даже всевозможного рода мероприятия в пиаре тоже требуют текстов определенного жанра. Текстами особого рода сопровождаются все компоненты пиар-кампаний – благотворительные акции, конкурсы, церемонии вручения призов, презентации, чайные банкеты, OPEN-, AIR-ивенты, официальные от-

крытия, флешмобы, распространение наружной рекламы, интервью в прессе, создание интернет-игр, брифинги, пресс-конференции, пресс-туры, презентации, выставки, конференции, совещания, шоу, спонсорство, продакт-плейсмент, спонсорство, горячая линия, промоакции (непрямая реклама, sales promotion, consumer promotion, trade promotion, merchandizing, sampling), выставка-ярмарка, прием, клубный вечер, деловой завтрак.

Пиар некоммерческих образовательных проектов

Связи с общественностью в сфере культуры имеют свою специфику. «Товаром» здесь выступают «услуги», предоставляемые учреждениями культуры, и хотя реклама не отличается от товарной, она не направлена на продажу этих товаров. Плюс в современных условиях это борьба за внимание – тяжело убедить аудиторию, что лучше приехать в Лувр, а не посмотреть сканы картин в интернете, что лучше прийти на концерт любимой группы, а не прослушать записи в интернете.

В образовательном процессе решаются серьезные задачи – втянуть обучаемых в разговор о литературе, визуальной культуре (в сфере пластического искусства), кинематографе [1; 2]. Так, при проведении пиар-кампании «Лауреаты премии “Большая Книга”» студенты впервые знакомятся со многими произведениями современной художественной литературы. Проблему современных стратегий чтения для них иллюстрирует сайт «Чтение.21-й век»; они знакомятся с вебинарами, представленными на этом сайте. Далее они уже активно готовят пресс-релизы и возможные корректировки программы выставки-ярмарки «Тверской переплет», обсуждают пиар-сопровождение ежегодной Недели тверской книги.

Интересными оказались занятия, которые моделировали поиск спонсорской поддержки клубом литературных фестивалей. В 2015 г. этот клуб проводил предварительное зондирование возможности литературного фестиваля в Тверской области (составление письма о спонсорской поддержке, спонсорских пакетов). Актуальные задания могут быть связаны с памятными датами поэтов и писателей (Есенинские дни, годовщина со дня рождения М. Лермонтова, дни памяти К. Симонова и т. д.).

Желая познакомить студентов с достижениями актуального искусства, мы показали снятый арт-группой RECYCLE тридцатиминутный фильм о создании работы на 52-й Венецианской би-

еннале. Рассказали о новостной рассылке, которую проводит Московский музей современного искусства, выслали эту рассылку на электронную почту студенческой группы. Тематика работы совпала с тематикой курса «Коммуникация в постиндустриальном обществе» и вызвала живой отклик.

Также в качестве информационных поводов для написания эссе, медиаматериалов, пресс-релизов фигурировали такие события в Тверской области, как международный фестиваль «Поющие письма» (в организации которого принимают участие студенты), Баховский фестиваль и фестиваль «Музыкальная осень» в Твери, Джазовый фестиваль. В качестве информационного повода выступили реальные встречи с историком-медиевистом профессором С. А. Ивановым, главным редактором журнала «Дон» В. Петровым, ректором Литинститута писателем А. Варламовым, выставка, посвященная Я. А. Коменскому, презентация фонда «Династия» и др.

Полезно просить студентов выпускать пресс-релизы о творчестве местных художников, особенно по результатам вернисажей, встреч. Так, рекламируя мастер-класс тверского художника Л. Юги, мы продемонстрировали лифлет, выпущенный графиком о себе. Рассказали о ее творчестве, связанном с книжной миниатюрой, иллюстрации книг христианской тематики, выставках художницы, посвященных отечественной истории, разнообразных межкультурных контактах. Среди ответов о возможной целевой аудитории мастер-класса студентами первоначально были высказаны следующие суждения: *«Целевая аудитория Юги – люди, которые ничем не занимаются, например, домохозяйки и пенсионеры»*. Высказаны соображения о продвижении при помощи листовок, плакатов, холодных звонков, рассылки по почте, репостов и лайков в соцсетях. Так как мероприятие не обладает бюджетом, достаточным для рекламы в СМИ, актуальной была сочтена рассылка приглашения по почте всем читателям библиотеки, где должен был пройти мастер-класс. Студентами предложен оригинальный способ продвижения мастер-класса художницы в книжных магазинах – каждому, купившему книгу, вложить приглашение. Предложены также POS-материалы (хард-постеры, большой буклет), радиореклама, печатные флайеры, бегущая строка, баннеры и растяжки с информацией о художнице (растяжки, конечно, нереалистичны ввиду некоммерческого проекта). Бакалавры

посоветовали интересные ходы по привлечению целевой аудитории. Так, жителей Твери заинтересует местный художник – можно сделать акцент на этом и привлечь дополнительную аудиторию. Поскольку художница много путешествует, особенно в страны Востока, – вести рекламу среди путешественников. Высказывались идеи предложить фуршет, фотосессию, аукцион, рисовать рекламу на асфальте, дать видеоролик с автором. После посещения выставки графических работ Л. Юги, сделанной в Середникове, студенты изменили мнение о целевой аудитории художницы.

Полезными оказались встречи с деятелями культуры, посещения выставок типа «Русское искусство на тверской земле». Непосредственные впечатления могут порождать релевантные задания – написать приглашение на литературный или музыкальный фестиваль, студенческую весну, придумать наполнение сайта туристического информационного центра, организовать поиск денег на литературный фестиваль, создать спонсорский пакет, написать «слезницу», подготовить речь по поводу 1 сентября у памятника Кирилла и Мефодия и т. д.

Совместно со студентами мы посетили презентации книги В. Савельева «В забытых усадьбах», Ф. Аудилио «Закревские в Италии», В. Потапчика «Полиция Тверской губернии», Ф. Шведовского «По миру с барабаном», издательских проектов Тверской картинной галереи и т. д.

Воспитание художественного вкуса у студентов требует кропотливой работы. Ее культивированию способствуют наши многочисленные занятия в зале искусств библиотеки по темам «Античность», «Христианство», «Русь святая», «Путешествие по России», «Искусство фотографии», «Русский и мировой авангард», «Шрифты и дизайны», «Венецианов, Сорока, Коровин, Жуковский в Удомле», «Современное актуальное искусство», «Старые газеты – свидетели истории», «Рекламный плакат», «Агитационный плакат», «Карикатура», «Арт-журналы», «Тверь – щедротами Екатерины Великой», «Италия», «Благотворители в дореволюционной Твери», «Франция в искусстве», «Дизайн», «Реклама на улицах Москвы», «Фильмы про послевоенное американское искусство», «Эрмитаж», «Музеи мира», «Тверские художники и искусствоведы», «Художественные промыслы и народное искусство», «Русская икона», «Искусство ислама», «Русская футуристическая книга», «Старая открытка», «Реклама стиля модерн», «Русский рисованный лубок» и т. д.

Пиар и реклама в туризме

Как импульс к этой работе возможно задание студентам по представлению презентаций различных городов и стран. Например, создание коллективного проекта презентации той или иной страны или раскадровки рекламного ролика по предлагаемому путеводителю или буклету. Первоначально не всегда знакомые студентам народные промыслы (Хохлома, Палех, Дымково, Кубачи, Гжель, уральские самоцветы, торжокское золотое шитье, Мстёра, ростовская финифть, тульские пряники, Федоскино, Жостово, филимоновская игрушка, вологодские кружева, Великий Устюг, изделия из северной кости, Холуй, Павлов Посад) после задания создать рекламный плакат о выставке становятся хорошо визуально понятными.

Памятные места, связанные с творчеством деятелей культуры (Ясная Поляна, Карабиха, Спасское-Лутовиново, Константиново, Старая Русса, Михайловское, Тарханы, Болдино, Середниково, Шахматово, Переделкино, Рождествено, Коктебель, Абрамцево, Поленово, Куоккала, Домотканово, Берново, Вязники, Захарьино, Ивановка, Знаменское-Раек, Талашкино, Таруса и т. д.), стали материалом для создания радиорекламных роликов.

Итак, тематика объявлений может быть связана с народными промыслами, тематика презентаций – с объектами культуры. Современные музейные технологии предусматривают интерактивные ивенты. Полезно было посмотреть на опыт как крупнейших музеев мира и России, так и малых (Мультимедиа Арт-музей, Московский музей современного искусства, музей Д'Орсэ, Государственный музей народов Востока, музей ВМФ, Музей петербургского авангарда, Центр современного искусства «Гараж», музей Art4ru, Смоленский музей льна, Петербургский музей кофе, интерактивные музеи). При посещении мероприятий обратная связь со студентами возможна при помощи эссе – так возникло задание написать эссе о посещении делового центра библиотеки по теме «Тверские гастрономические бренды» (снеток, гарюга, налим, коврижки, ржевская пастила, пряники и т. д.). Обсуждается возможность организации пресс-туров, которые поначалу в представлении студентов ничуть не отличаются от увеселительных поездок с целью осмотра достопримечательностей.

Брендинг города обсуждается как брендинг города литературы, музыки, ремесел, дизайна, медиа, кино. Здесь

велики возможности страноведческой и краеведческой информации. Отдельное занятие строится по тематике хозяйствования и благотворительности (Аваевы, Морозовы, Слатинский, при этом особенно информативным является посещение краеведческих институций). На занятиях по брендингу территории необходимым становится обращение к путеводителям, травелогам. Здесь прежде всего можно назвать книги В. Познера, Ж. Агалаковой, В. Цветова, В. Глускера, А. Павловской, П. Муратова, П. Акройда и т. д.

В связи с различными мероприятиями проводится прицельное определение целевой аудитории, которое, как показывают исследования [5], дается не столь уж и просто. Так, например, в результате методики брейнсторминга студенты отмечают, что целевые группы дней малого и среднего бизнеса в Твери – предприниматели 22–45 лет, студенты экономических специальностей, потенциальные предприниматели, потенциальные инвесторы, СМИ, организации, занимающиеся поддержкой предпринимательства. Происходит расширение ядра целевой аудитории.

Обучаемыми предложены следующие пиар- и рекламные акции – пресс-релизы, реклама по ТВ, в интернете, афиша, интервью с участниками, трансляция в прямом эфире, рассылка рекламы в тематических группах, радиореклама, раздача листовок, наружная реклама, СМС-рассылка (форма индивидуализированного обращения), баннеры, флаеры, реклама на транспорте, промоакции. Победителю в категории «Лучший бизнес-план» полагается ссуда. Создан слоган «Научим быть успешным». В программу мероприятия рекомендовано включить квест-игры, мастер-класс по книгам, круглые столы, лекции, игры, семинары, тренинги, фуршет, выступления музыкальных коллективов, благотворительный вечер, форсайт-сессию, торжественные церемонии открытия, закрытия, вручения призов, приглашение почетных гостей, презентации, выставки и др.

Так, для привлечения туристов в Тверь (семинар в рамках дней малого и среднего бизнеса в Твери) обучаемыми рекомендовано пригласить чиновников, представителей турагентств, СМИ, креативные рекламные агентства, работников музеев, владельцев ресторанов и кафе, потенциальных туристов. Методы рекламы такого семинара предусматривают e-mail, рассылку приглашений, наружную рекламу, рекламу на радио, ТВ, в газе-

тах и журналах, на официальном сайте Тверской области. Могут быть запланированы следующие мероприятия: выступления чиновников по ТВ, семинары, экскурсия на Селигер, создание фильма-биографии города, экскурсии по достопримечательным местам, привлечение официальной группы гидов и волонтеров, официальное открытие спортивной арены, бассейна, других объектов, ежегодное проведение массовых соревнований, поездки на теплоходе, партизанский маркетинг, мастер-класс от владельцев турснаряжения, новое реалити-шоу «Хождение за три моря», даже создание искусственной Индии (рассказ о быте, национальный мейк-ап, возможность купить национальную одежду, зоопарк).

Вместе с тем отмечается, что для туристического брендинга необходимо благоустройство города (иначе весь *experiential tourism* будет представлять собой туризм по руинам), создание туристических центров, организация голосования и других возможностей услышать мнения горожан, развитие детского и подросткового отдыха, велотуров, охоты и рыбалки, палаточного туризма. Предложено даже (очевидно, с оглядкой на русскую историю) создание сакральных объектов – святых врат!

Юбилей вуза как новостной повод

В связи со 145-летием Тверского государственного университета нами было дано задание написать пресс-релиз о выставке документов в Научной библиотеке ТвГУ. Студентам предлагалось продумать и сам ивент. Среди предложенных мероприятий – выставки, публикации в СМИ; конференции; торжественные собрания; материальное и нематериальное поощрение сотрудников; открытие бюста основателю школы; информация в корпоративной газете; на Универ-ТВ; издание юбилейного альбома; фильм об истории; ивент типа ролевой игры; создание лекции в духе тех, что проходили в Школе Максимовича; викторина на знание истории университета; дни открытых дверей для абитуриентов; раздача листовок с историей и информацией о нынешнем положении университета; концерт творческих групп и коллективов; воссоздание костюмов, классов; КВН на тему «Раньше было по-другому»; рекламная кампания по привлечению студентов не только из Тверской, но и из других областей; конкурс среди студентов на лучшую презентацию; новый вид сайта; баннерная реклама университета; работа со СМИ; скидочная система оплаты обучения;

слушания по развитию университета; партнерские соглашения с бизнесом и властью; конкурс среди преподавателей языка для обучения иностранных граждан; конкурс среди студентов «Гуманитарий года», «Технар» года»; конкурс «Преподаватель года»; POS-материалы (фирменные ручки, записные книжки); профориентационная работа со старшеклассниками; конференция «Университет XXI»; посещение волонтерского центра ТвГУ; спартакиада; создание сувенирной продукции (календари, футболки, кепки, толстовки, чашки, ручки).

Целевыми аудиториями в данном случае признаны сотрудники, студенты, выпускники, ветераны, абитуриенты, родители абитуриентов и студентов, жители зарубежья, мечтающие поступить в университет, представители власти и бизнеса (потенциальные соискатели и работодатели), преподаватели других вузов, администрация, творческие объединения, представители библиотек.

Выдающийся историк П. А. Зайончковский каждый свой день рождения отмечал в архиве. Ему уподобиться решили и мы со студентами отделения рекламы и связей с общественностью, отметив юбилей университета посещением отдела редких книг научной библиотеки Тверского университета. Перед нами предстала история вуза в документах и судьбах. 1 декабря 1870 г. отставной морской офицер П. П. Максимович создает частную педагогическую школу. За плечами уже был опыт организации школы для крестьянских детей в селе Спасском Кашинского уезда. На желание трудиться на ниве просвещения повлиял и дядя Максимовича – ректор Казанского университета, моряк, совершавший путешествия к Антарктиде. П. П. Максимович ездил в Германию, изучал работы Песталоцци, Я. А. Коменского. Сам составлял устав, программу. Суперлиберальное земство поначалу финансировать школу отказалось. Через два года императорским указом школе было присвоено имя создателя. Это первая по времени возникновения женская учительская школа – среднее специальное заведение – в России. Максимович упоминается в словаре Брокгауза и Ефрона. К революции таких школ было в России шесть. Его школа представляла собой единственное бесплатное среднее учебное заведение в Твери. Сохранилась память о педагогах: А. Н. Робере, бывшем директоре мужской гимназии в Твери, ученике Т. Н. Грановского; Н. П. Дьяконовой; Е. П. Свеш-

никовой, много писавшей о воспитании в предреволюционных журналах, переписывавшейся со Львом Толстым по поводу адаптации классики для народа; Ф. Ф. Ольденбурге, брате академика-востоковеда, общавшемся с либералами начала XX в. – Шаховским, Вернадским, Корниловым.

Так, в отделе редких книг мы узнали, что учитель физики и космографии Л. В. Кандауров выписывал из Германии предметы для кабинета физики, в школе была обсерватория с телескопом. Метеорологические данные отправлялись в Пулковскую обсерваторию. Кандауров – воспитанник В. Д. Поленова. Поленов приезжал в Тверь, подарил школе свою картину, потом в годы Первой мировой она ушла с аукциона. С Максом Волошиным в предреволюционные годы Кандауров посетил Италию, Швейцарию, Германию. Одним из учителей был Н. А. Кун, начинавший здесь преподавателем русского языка. В 1914 г. появилась его книга «Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях».

Воспитанницы школы – максимовки – совершали путешествия и экскурсии в Финляндию, к истокам Волги, в Москву, где сам Третьяков открывал им свою закрытую на ремонт галерею, делали наглядные пособия.

В день юбилея мы листали школьные альбомы, книги и тетради воспоминаний, тетради сочинений, журналы, программы концертов и спектаклей, вырезки из «Нивы». Лучшие выпускницы – бедные девушки из крестьян – получали по окончании школы мольберт и скрипку. Мы рассматривали их фотографии, где они занимаются шведской гимнастикой с палками или лыжами, которые были новшеством для Твери тех лет. Школа была без оценок – существовали поправки и репетиции, журнал велся преподавателями втайне от девушек. Преподаватели получали сравнительно малое жалование от земства. В 1918 г. девушки уже падают в школе в голодные обмороки. В 1919 г. школа была преобразована в педагогический институт, а спустя полвека – в университет. В первые послереволюционные годы в институте работали известные филологи Радциг, Грифцов, будущий академик Орлов, фольклорист Соколов, профессора Никольский и Вершинин.

По завершении мероприятия все студенты заявили, что теперь они хорошо представляют, из чего складывается имидж учебного заведения, как над ним работать.

Выводы

В качестве приоритетной мы рассматриваем текстовую деятельность – как оформить пресс-релиз, листовку, презентацию, годовой отчет, каталог, программу, что немаловажно при всем разнообразии мыслимых сфер деятельности для пиарналистики.

Список литературы

1. Бушев А. Б. Выставки русского искусства и СМИ: визуальная герменевтика // СМИ в онтологическом и культурном пространстве славянского мира : сб. материалов науч.-практ. конф. / под общ. ред. Е. Н. Брызгаловой. – Тверь, 2013. – С. 3–17.
2. Бушев А. Б. Культурная работа библиотеки: проекты памяти В. А. Морозовой // Речевая коммуникация в современной России : материалы III Международ. конф. (Омск, 27–30 июня 2013 г.). В 2 т. Т. 2. Книга и мировая культура / [под ред. О. С. Иссерс]. – Омск, 2013. – С. 10–19.
3. Виноградова М. Лайк за лайк. Вопрос-ответ: как продвигать свой канал в Instagram // PR в России. – 2014. – № 2. – С. 6–8.
4. Дзялошинский И. М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям / И. М. Дзялошинский. – М. : Престиж, 2006. – 104 с.
5. Жарченков С. Своя целевая аудитория : как ее найти и как с ней работать // PR в России. – 2015. – № 3. – С. 6–9.
6. Кривоносов А. Д. Основы теории связей с общественностью / А. Д. Кривоносов, О. Г. Филатова, М. А. Шишкина. – М. : Питер, 2010. – 320 с.
7. Рождественский Ю. В. Основы риторики / Ю. В. Рождественский. – М. : Добросвет, 1996. – 480 с.

PIARNALISTIKA FOR THE REGION

A. B. Bushev
Tver State University, Tver

Abstract. At the crossroads of digital media with their multimedia content and multimedia recourses created outside the realm of mass media (the latter being so modern and popular today) there emerges the hybrid of PR and journalism – that is journalism of advertising paradigm. The paper raises a question of textual and cultural competencies in the education of such a specialist. PR for the non-commercial regional projects are discussed at length in the paper.

Keywords: student, reflexivity, comprehension, mass media, journalism of advertising paradigm, textual competencies, culture, cultural background.

Бушев Александр Борисович – доктор филологических наук, профессор, кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тверской государственный университет, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33, тел.: 8(4822)342452, e-mail: alex.bouchev@list.ru

Bushev Aleksandr Borisovich – Doctor of Philology Sciences, Professor, Subdepartment of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University, 33, Zhel'abova st., Tver, 170100, tel.: 8(4822)342452, e-mail: alex.bouchev@list.ru

ЦЕНТРОГРАФИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ: ЦЕНТРЫ ТЯЖЕСТИ НАСЕЛЕНИЯ И ВВП РОССИИ И АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ В 1998–2013 ГГ.

А. Н. ФАРТЫШЕВ

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена изучению экономико-географических явлений с помощью центрографического подхода. Анализируется динамика смещения центров тяжести населения и ВВП России и азиатской части России в 1998–2013 гг. Обнаружены новые тенденции экономики исследуемых территорий, и достоверно доказана неэффективность региональной политики России в восточных районах в 2010–2013 гг.

Ключевые слова: центрографический подход, теоретическая география, региональная политика в Сибири и на Дальнем Востоке.

Центрографический подход – это метод изучения географических явлений и объектов через вычисление их центра тяжести. Точкам, имеющим какие-то конкретные координаты, присваивается некоторое значение, представляющее их удельный вес в пространстве. Центр показывает среднюю удаленность от этих точек с учетом их удельного веса.

Центрографический подход в географии заимствован из механики. В России этот подход развивали Д. Менделеев, Б. П. Вейнберг, Е. Е. Святловский, М. И. Миттельман. В изобретении такого подхода первенство отдается именно русским географам [3, с. 100].

Долгое время в России этот подход был окрещен псевдонаучным (1930–1980-е гг.). Это исходит из недостаточной практической значимости получаемых центрографией выводов. Критиковался этот метод за излишнюю формализованность логики и неучет многих других законов географии.

Возрождение центрографии пришлось уже на 90-е гг., но и теперь это направление остается слабоизученным. Ведущим современным географом, развивающим это направление, является А. И. Трейвиш, который проследил центр тяжести населения СССР–России по переписям, рассчитал экономический центр тяжести по числу занятых в промышленности и рассмотрел в динамике движение центров [6, с. 343–347]. Также стоит отметить

работы П. Поляна [5], В. Грицевича [2], О. П. Кузнецова, В. В. Кузнецовой, Е. А. Юмаева [4] и др. Метод показал новые графические приемы, но выводы оказались довольно очевидны. Центрография занималась вопросами поголовья скота, посева сельскохозяйственных культур, предпринимательской активности и т. д.

Однако общепринятый универсальный экономический показатель – ВВП – остается в центрографических исследованиях без внимания. Во многом это происходит потому, что выводы из такого расчета кажутся довольно очевидными: центр тяжести ВВП всегда имеет сдвиг в сторону политического центра страны/региона от демографического центра. Головные офисы крупных компаний имеют юридические адреса именно там, несмотря на то, где они ведут свою деятельность. Отсюда и статистические искажения, которые фиксируют выработку валового продукта не по месту производства, а по месту головного офиса. О них более подробно пишут Л. А. Безруков и Л. М. Корытный [1]. Тем не менее временная динамика блуждания центра тяжести на краткосрочных периодах выявляет некоторые интересные тенденции и отвечает на вопросы: в какую сторону ориентировано внутреннее развитие страны/региона? действительна ли региональная политика в отношении отдельных регионов страны? какие геополитические процессы происходят в стране/регионе?

Мы проследили движение центра тяжести населения и ВВП России в период 1998–2013 гг. (рис. 1).

Как видно из рис. 1, центр ВВП не всегда имеет сдвиг в сторону политического центра страны. Он гораздо сильнее блуждает, чем центр населения. Центр тяжести населения России преодолевает по 4 км в год и движется на юг-юго-запад. В 2013 г. он находился практически на границе Башкортостана и Оренбургской области, близ д. Шкапово, и с каждым годом его движение замедляется. Это позволяет говорить о том, что известная тенденция высокого миграционного прироста в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах постепенно все больше восполняет естественный прирост кавказских республик. Современное обезлюдивание восточных регионов не выглядит угрожающим, как это было в 1998–2000 гг.

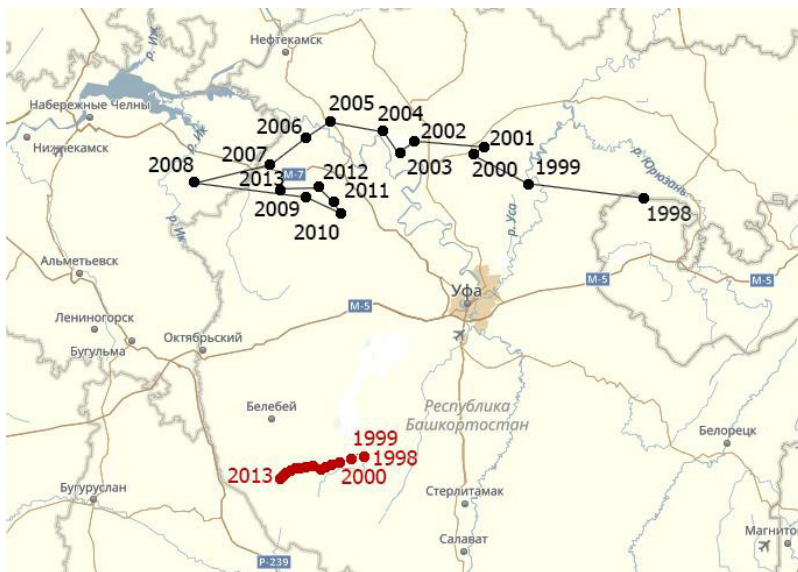

Рис. 1. Центры тяжести населения и ВВП России в 1998–2013 гг.
Красными точками отмечены центры тяжести населения, черными – центры тяжести ВВП

Центр ВВП России за указанный период описал спираль. Максимальное приближение центра ВВП к политическому центру страны (Москве) было в 2008 г. Это объясняется тем, что именно в этом году зафиксированы самые высокие цены на нефть на мировом рынке, а вклад нефти и газа в ВВП России составляет более 30 %, и большинство крупнейших нефтяных компаний России зарегистрированы именно в Москве. Далее, до 2010 г., центр тяжести ВВП шел на восток и юго-восток, после чего вновь вернулся к прежнему курсу. Ныне центр тяжести ВВП находится на севере Башкортостана близ с. Тылый и движется на запад, что говорит об экономическом росте в западных регионах России.

Мы провели также подобный анализ исключительно по азиатской части России, где централизующее влияние столицы сведено к минимуму (рис. 2).

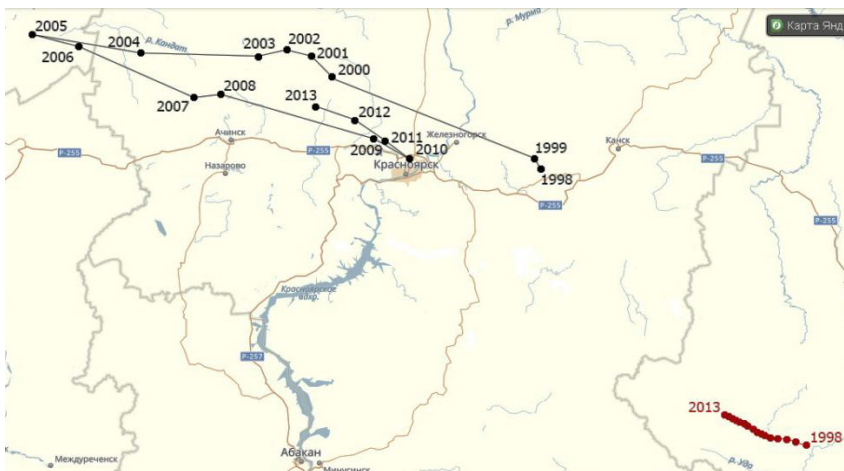

Рис. 2. Центры тяжести населения и ВВП азиатской части России в 1998–2013 гг. Красными точками отмечены центры тяжести населения, черными – центры тяжести ВВП, синими – совокупные демо-экономические центры

Центр тяжести населения азиатской части России находится в Иркутской области в горных районах Тофаларии и движется на северо-запад со скоростью 6 км в год, показывая убывание населения из Дальнего Востока и рост Ханты-Мансийского автономного округа, причем это движение замедляется, хотя и ненамного. Расчет центра тяжести ВВП азиатской части России интересен тем, что централизующее влияние столицы в нем сведено к минимуму. Его дрейф гораздо сильнее, чем центра ВВП всей России. До 2005 г. центр ВВП двигался по Красноярскому краю на запад, зашел в Томскую область, затем резко повернул обратно. В 2010 г., зайдя в черту Красноярска, он снова повернул на восток. Если второй поворот 2010 г. вписывается в общероссийскую тенденцию, то первый поворот сложно однозначно объяснить. Важно заметить, что ни реализация Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Забайкалья, принятая в 2009 г., ни саммит АТЭС во Владивостоке в 2012 г. не способствовали опережающему развитию Дальнего Востока и смещению центра тяжести ВВП на восток, что заложено было в основе региональной политики в восточных регионах. Это говорит об ошибочности данных мер как инструмента региональной политики в отношении Дальнего Востока и Восточной Сибири.

Выводы

Центрографический метод лучше, чем метод построения графиков и диаграмм выявляет пространственные диспропорции и динамику их изменения. Безусловно, ввиду абстрактности и механизированности этого метода, его не следует использовать как доказательство размещения производств. Для гуманитарных же исследований он открывает новые возможности, что особенно актуально для исследований таких крупных регионов, как Сибирь и Дальний Восток.

На примере России и ее азиатской части были выявлены новые тенденции в пространственных диспропорциях, их динамика, доказано продолжающееся смещение на запад производительных сил и неэффективность политики России в отношении восточных регионов.

Список литературы

1. *Безруков Л. А.* Роль территории Сибири в экономическом развитии России / Л. А. Безруков, Л. М. Корытный // География и природ. ресурсы. – 2009. – № 3. – С. 22–30.
2. *Грищевич В.* Центрографія України: історія і перспективи // Історія української географії. Всеукраїнський науково-теоретичний часопис. – Тернопіль : Підручники і посібники, 2003. – Вип. 2 (8). – С. 115–119.
3. *Джонстон Р. Дж.* География и географы: Очерк развития англо-американской социальной географии после 1945 г. : пер. с англ. / Р. Дж. Джонстон ; под ред. Э. Б. Алаева. – М. : Прогресс, 1987. – 368 с.
4. *Кузнецова О. П.* Социально-экономическое развитие городских округов Сибирского Федерального округа в условиях мирового финансово-экономического кризиса / О. П. Кузнецова, В. В. Кузнецов, Е. А. Юмаев // Изв. ИГЭА. – 2012. – № 6. – С. 36–42.
5. *Полян П. М.* Очерк истории русской центрографии // География и хозяйство. Вып. 3: Центрографический метод в экономической географии. – Л., 1989. – С. 21–34.
6. *Трейвиш А. И.* Город, район, страна и мир : развитие России глазами страноведа / А. И. Трейвиш ; Рос. акад. наук, Ин-т географии. – М. : Нов. хронограф, 2009. – 369 с.

CENTROGRAPHIC APPROACH IN ECONOMIC GEOGRAPHY: CENTERS OF GRAVITY OF POPULATION AND GDP OF RUSSIA AND ASIAN PART OF RUSSIA IN 1998–2013

A. N. Fartyshev

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. The paper considers the research of economic-geography phenomena centrographic approach using. It is analyses the dynamic of centers of gravity of population and GDP of Russia and Asian part of Russia changes in 1998–2013. It's elected the

new tendencies in the researching territories and it's proved inefficiency of regional policy in the Russian east regions in 2010–2013.

Keywords: centrographic approach, theoretical geography, regional policy in Siberia and Far East.

Фартышев Арсений Николаевич – инженер, лаборатория георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: nuclear_greek@mail.ru

Fartyshev Arseniy Nikolaevich – Engineer, Laboratory of Geological Resources and Political Geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: nuclear_greek@mail.ru

УДК 91(571.5)(014)+39(571.5)

ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СООБЩЕСТВ БАРГУЗИНСКОГО ПРИБАЙКАЛЬЯ

Л. С. ЦЫДЫПОВА

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Исследуется топонимия ландшафта Баргузинского Прибайкалья. Показано, как топонимы отражают ареал расселения этнических групп в течение длительного исторического времени.

Ключевые слова: топонимы, природная среда, этнические сообщества, этнокультурный ландшафт.

Длительный период существования симбиотических связей между этническими сообществами и природной средой выразился в формировании специфического этнокультурного ландшафта, обладающего пространственно-временной изменчивостью и, в то же время, преемственностью основных характеристик. Поскольку этнокультурный ландшафт играет важнейшую роль в воспроизведении этнических традиций, устойчивости систем природопользования, формировании этнической и территориальной идентичности, его исследование является актуальной задачей. Этнокультурный ландшафт Баргузинского Прибайкалья исследуется в границах Баргузинского и Курумканского административных районов Республики Бурятия. В исследовании топонимии ландшафта Баргузинского Прибайкалья рассмотрено более 300 топонимов, включая гидронимы, оронимы, ойконимы. Из

них 108 имеют эвенкийское происхождение, 120 – бурятское, 127 – русское и около 40 не определены (суффиксы и окончания невозможно отнести к трем указанным группам: напр., р. Ангиджан (возм., эвенк. интерпретация Анадян), пос. Кыджимит, р. Дзюпкоша, оз. Сормах, р. Кызынык, р. Хасхал и др.). Значительная часть названий рек совпадает с названиями населенных пунктов. Топонимика района исследования свидетельствует о различном восприятии территории каждой отдельно взятой общностью в ходе исторического освоения.

Материал Баргузинского Прибайкалья подтверждает выделенные М. В. Рагулиной [1, с. 139] для предбайкальских районов топонимические закономерности. Согласно этому автору, основа эвенкийской картины мира, по топонимическим данным, слитность этноса с природной средой, своеобразный «диалог» этноса и территории. Важнейшее отличие и особенность бурятской топонимии – закрепление родовых имен за названиями мест хозяйствования и проживания. Устойчивость родовых и племенных топонимов сближает историю народа и его повседневную жизнь. Топонимы русского происхождения изобилуют именами и фамилиями, что связано со спецификой крестьянской колонизации: заняв участок под пашню, крестьянин называл его своим именем, прозвищем, фамилией. Далее малодворная деревня разрасталась за счет его потомков. Заметим, что на территории Баргузинского Прибайкалья частота встречаемости эвенкийских и бурятских топонимов увеличивается в направлении с юга на север (рис. 1).

Чем севернее, тем ярче выражена и более сохранна топонимика коренного населения, и наоборот. Топонимы отражают ареал расселения этнических групп в течение длительного исторического времени. На территории повсеместно отмечено наличие топонимов, отмечающих особенности природных, родовых элементов ландшафта. Вследствие тесных бурятско-эвенкийских связей часть современных названий эвенкийских топонимов дается населением на бурятском языке. Это, наряду с интенсивностью межкультурного обмена, позволяет говорить о формировании эвенкийско-бурятского социума среди местного сообщества территории. Особенности топонимии региона поддерживались духовными и хозяйственными традициями скотоводов, земледельцев, охотников-промысловиков и рыболовов, этническим образом жизни.

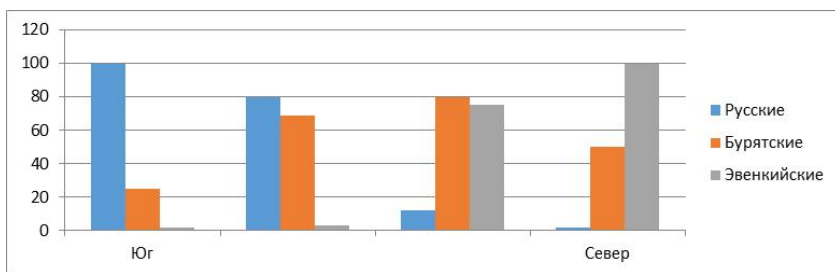

Рис. 1. Частота встречаемости топонимов этнических групп Баргузинского Прибайкалья

Детальное народное описание геосистем (в «широком понимании ландшафта») раскрывает языковой образ ландшафта, который «используется для обозначения совокупности лексических единиц народного языка, идентифицированных в качестве названий геосистем разного таксономического ранга, их компонентов, элементов, состояний, свойств, оценок» [2, с. 8]. Согласно А. А. Соколовой, на территории Баргузинской котловины ядро русской крестьянской ойкумены выражено следующими ресурсными ареалами: I – луговые, степные, лесостепные котловины в окружении лесостепных и таежных низкогорий; II – промысловые места разной степени удаленности от поселений (ухожья); III – среднегорья со светлохвойной и темнохвойной тайгой – черню; IV – среднегорья со светлохвойной тайгой – сосняками и листвягами [2, с. 114]. Лингвогеографические исследования отражают образ самоорганизации культурного ландшафта. Семантической базой лингволандшафта выступает топонимическая карта. Топонимы описывают возникновение (происхождение) и взаимосвязь элементов ландшафта, ориентируют коллективное поведение в ландшафте.

С учетом структурообразующих единиц (топоформантов) топонимии анализа топонимов, особенностей формирования географических названий нами составлена карта лингвогеографических ареалов обживания пространства Баргузинского Прибайкалья в эвенкийской, бурятской, русской лингвогеографических системах (рис. 2). Лингвогеографические ареалы не имеют четко выраженных границ, скорее, они – совокупность точек, с центрами тяготения в районах, соответствующих по природно-ресурсному потенциалу и традициям использования хозяйствен-

но-культурному типу каждого этноса. Данные ареалы обнаруживают тесную связь с характером традиционного природопользования.

Фрагментарный характер топонимов свидетельствует о практике ускоренного массового заселения территории, обусловленной трансформациями XX в. Забвение ячеек микротопонимических сетей, появление новых топонимов – это процесс развития живой лингвогеографической системы региона. Каждый топонимический пласт, как правило, фокусирует внимание на образе «охвата» визуального пространства, на привычной традиционной практике его обживания [2, с. 117].

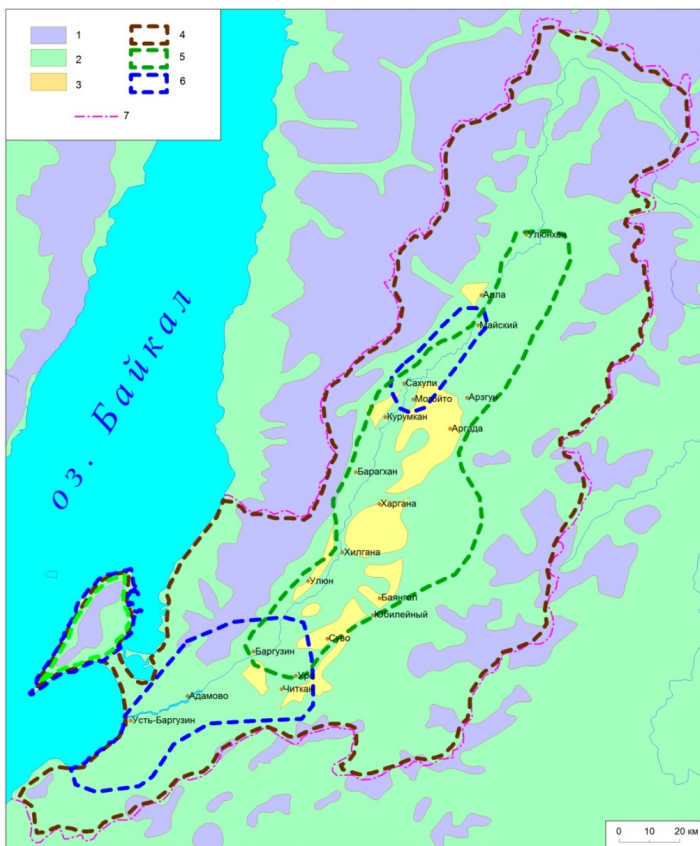

Рис. 2. Лингвогеографические ареалы Баргузинского Прибайкалья [3].
Ландшафтные комплексы: 1) гольцово-таежные; 2) горно-таежные и подтаежные; 3) степные; 4) эвенкийский; 5) бурятский; 6) русский;
7) граница территории исследования

С началом социально-политических трансформаций советского периода отмечается тенденция к стиранию памяти о микротопонимии. В годы коллективизации государство начинает регулировать жизнь коренного населения. Граница, план, формализованный трудовой распорядок входят в жизнь народов, ранее считавшихся в основном со своими обычаями и природными ритмами. Мелкие поселения (такие как Базар бууса (угодье Базара Пасуева), Бишаадайн нуга, Аранзайн бууса и мн. др.) объединяются в более крупные, а во второй половине XX в. в результате политики укрупнения населенных пунктов часть из них исчезает совсем. Укрупнение населенных пунктов в 1960–1970-х гг. и закрытие неперспективных деревень нарушили микроареальную сеть хозяйственных связей, покрывавшую всю территорию Баргузинского Прибайкалья начиная со времени формирования этнокультурного ландшафта эвенков, бурят и русских – с XVII в. Собранные и записанные нами топонимы в большинстве своем не присутствуют на картах и в официальных документах, а хранятся в памяти старожилов, многие из которых находятся в преклонном возрасте. С уходом этого поколения есть риск растворения памяти о полной топонимической картине этнокультурного ландшафта.

В современный период местоназвания (в том числе и новые) Баргузинского Прибайкалья становятся фактором конструирования этноидентификационных практик. Они отражают появление новых и восстановление прежних межэтнических взаимодействий. К примеру, в местность с народным названием Шанхай (пос. Аргада) приезжают китайцы, также в пос. Баргузин возвращаются евреи, потомки бывших ссыльнопоселенцев, в с. Гарга – татары.

Процессы формирования этнической идентичности тесно переплетены – так же, как смешаны языковые практики и ландшафтная топонимия. Так, например, в местах преимущественного проживания бурят – бурятских селах – русское население относит себя к бурятам и свободно владеет бурятским языком, усвоение которого значительно облегчается благодаря смешанным бракам. Эвенки при выборе этнической идентичности отдают предпочтение своему этносу, даже в смешанных браках выбирая национальность «эвенк». Во многом это связано с бытованием льгот для коренных малочисленных народов Севера. В настоящее время размер этих льгот минимален, но традиция

хранит память о том, как государственные льготы помогли эвенкам выжить во время «мора», унесшего жизни многих бурят в 1943 г. Вклад в рост эвенкийской этнической идентичности вносит просветительская работа краеведов и национально-культурных объединений.

Несмотря на широко распространенные китайские фамилии (Ли-зи-фу, Мо-по-чи, Тан-гин-хо и др.) и, зачастую, азиатскую внешность, их носители выбирают русскую идентичность. Таким образом, вопрос этнической принадлежности среди населения Баргузинского Прибайкалья весьма расплывчат, за исключением тех поселений, где большинство населения – русские, буряты или эвенки. Поэтому есть основания полагать, что идентификация связана с вписанностью в коллектив, локальное сообщество. Трудность самоопределения обусловлена также длительным этногеографическим сплетением местных сообществ.

Внешняя этноидентификация населения по знанию родного языка также может расходиться с внутренне выбираемой идентичностью. Территориальная идентификация проявляется в том, что жители Баргузинской котловины, как правило, за границей района исследования называют себя «баргузинцами». Данный идентификатор выступает как результат длительного тесного ландшафтно-исторического контакта. Между тем, наряду с топонимическим этноидентификатором, показателем в самоопределении этнических групп выступил язык. Сегодня остро стоит проблема родного языка среди этнических групп бурят и эвенков, которая выражается в незнании и нежелании молодого поколения (в возрасте от 30–35 лет и младше) его изучать. Эвенки говорят на бурятском и русском языках, буряты – на русском языке. Особенно свободно владеет бурятским и русским языками татарская этническая группа, а также некоторая часть населения еврейской общины. Этнотерриториальная общность в обживании пространства проявляется в смешении лингвистических и культурных практик. Богатый исторически и культурно ландшафт района исследования впитал в себя ряд символических, смысловых отпечатков наслоений в сознании местного социума, поэтому аналогии с научной классификацией природного и антропогенного ландшафта в данном случае не прослеживаются, так как территория здесь не только материально и хозяйственно освоена, но и культурно «одухотворена». Этнокультурный ланд-

шафт для жителей – не механическое соединение элементов, а неразрывная, живая целостность. Таким образом, ландшафт в представлении бурятского, эвенкийского и части русского и еврейского старожильческого населения Баргузинского Прибайкалья, проживающего в тесном контакте на протяжении нескольких поколений, состоит из нескольких основополагающих частей: горы, степи, целебные источники (аршаны), родовые места (бууса), святые места поклонения (мҮргэлтэй газар).

Список литературы

1. Рагулина М. В. Культурная география: теории, методы, региональный синтез / М. В. Рагулина. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. – 171 с.
2. Соколова А. А. Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов / А. А. Соколова. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. – 392 с.
3. Природные ландшафты и их использование. Карта масштаба 1:5 000 000 // Природные ресурсы. Хозяйство и население Байкальского региона : CD-диск. Серия карт. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы, 2009.

LINGUISTIC AND GEOGRAPHICAL ASPECTS OF ETHNIC AND CULTURAL LANDSCAPE AND IDENTITY OF COMMUNITIES BARGUZIN BAIKAL AREA

L. S. Tsidipova

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. Examines the toponymy of the landscape Barguzin Baikal area. Shows how place-names reflect resettlement area resettlement area ethnic groups over a long historical time.

Keywords: place names, natural environment, ethnic communities, ethno-cultural landscape.

Цыдыпова Людмила Сэнгеевна – инженер, лаборатория георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: Tsidipovaluda@mail.ru

Tsidipova Ludmila Sengeevna – Engineer, Laboratory for Geological Resources and Political Geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: Tsidipovaluda@mail.ru

ПРИРОДНЫЙ ПАРК В ПРИРОДООХРАННОЙ ПОЛИТИКЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ

А. Д. КАЛИХМАН

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск*

Т. П. КАЛИХМАН

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. В течение долгого времени Иркутская область остается одним из сибирских аутсайдеров в деле организации территориальной охраны природы. Основными причинами этого является многолетняя приверженность законодательной и исполнительной властей к доминанте ресурсного императива над экологическим, а также очевидные следствия байкалоцентризма в природоохранной политике.

Ключевые слова: природный парк, природоохранная политика, особо охраняемые природные территории.

Небывалые ранее события, связанные с отставкой министра природных ресурсов и экологии Иркутской области, скандальное снятие с поста его заместителя позволяют по-новому оценить происходящее в природоохранной политике региона на примере не существующего природного парка «Витязь». Попытки его создания на территории Олхинского плоскогорья продолжают второе десятилетие, поскольку всем очевидна необходимость его организации в месте массового круглогодичного отдыха жителей городской агломерации Иркутска, Ангарска, Усолья и Шелехова. Проблема создания природного парка проявилась на фоне общественных протестов, повторных после возмущений в 2012 г., вызванных возобновлением противозаконной деятельности по добыче предприятием ЗАО «Дорожник» розового гранита на скальниках Старая Крепость. Протесты пришлось на момент смены региональной власти в октябре 2015 г. На митинг при новом главе области сразу обратили внимание, в отличие от митингов при старом губернаторе. Первая встреча с митингующими и ответ руководителя аппарата губернатора позволили перейти к открытому взаимодействию активистов и представителей власти, которое продолжается в настоящее время. Таким образом, еще не созданный природный парк стал четким индикатором областной природоохранной политики.

История природоохранной политики. Современную историю можно вести с принятия в 1999 г. эпохального закона «Об охране озера Байкал», который потребовал от региональных властей (Иркутская область и Республика Бурятия) принятия большого числа нормативных актов, находившихся в их компетенции. Разработки нормативных актов частично были выполнены при участии общественных экологических организаций, получили одобрение комитетов по экологии Законодательного собрания и Народного хурала, но не получили одобрения правового управления областной администрации. Сначала препятствием являлось отсутствие утвержденных границ Байкальской природной территории, а после ее утверждения в 2006 г. пошли ссылки на необходимость внесения поправок в сам закон [3].

Подобная ситуация складывалась в отношении Закона Иркутской области «Об особо охраняемых природных территориях». После двенадцати лет обсуждений и отклонений проектов закон был принят в 2008 г., видимо, последним из регионов Сибири. Одновременно была принята прилагаемая к нему «Схема развития системы особо охраняемых природных территорий Иркутской области», подготовленная Институтом географии СО РАН. В Схеме кроме Тунгусского, Саянского заповедников и национального парка «Онотский» федерального значения планировалось создание 17 заказников, 16 природных парков, 33 рекреационных территории, 6 территорий традиционного природопользования, 17 ключевых орнитологических территорий, 28 резервных территорий. Даже частичная реализация такой схемы заметно приблизила бы Иркутскую область если не к Республике Саха (Якутия) или Тюменской области, то к Красноярскому краю или Алтайскому краям. Но за прошедшие 8 лет появились только в 2014 г. заказник «Лебединые озера (Окунайский)», памятник природы «Баторова роща» и территория традиционного природопользования в Катангском районе (тогда в статусе особо охраняемой природной территории).

В 2014–2015 гг. была проведена инвентаризация памятников природы Иркутской области с определением категорий земель, кадастровой и земельной принадлежности занятой ими территорий, выполнено проектирование охранных зон памятников. Даны рекомендации по изменению статуса 18 памятников в границах Прибайкальского национального парка, Байкало-Ленского

заповедника и Иркутского заказника, по корректировке расположения четыре и изменению названия десяти памятников. Постановлений исполнительной власти пока нет, но на публичной карте Росреестра недвижимости уже наблюдаются случаи отвода земель на участках памятников природы различным землепользователям [2].

Природный парк «Витязь». Подготовленные Институтом географии СО РАН еще в 2005 г. материалы по обоснованию особо охраняемой природной территории регионального значения «Природный парк «Витязь»» в Шелеховском районе Иркутской области известны исполнительной власти [1]. Они включены в такие документы, как Лесной план Иркутской области с 2009 г., Схема территориального планирования Иркутской области с 2012 г., Схема территориального планирования районного муниципального образования «Шелеховский муниципальный район» с 2013 г., Концепция социально-экономического развития Шелеховского района на период 2013–2020 гг.

Традиционная инертность областных природоохранных ведомств в деле создания новых охраняемых территорий в случае природного парка «Витязь» позволяет ясно определить ее причины. Ниже дана краткая хронология событий, связанная с территорией планируемого парка:

- в 2004 г. по заказу ЗАО «Дорожник» разработан проект на добычу розового гранодиорита,

- в 2005 г. администрация Шелеховского района согласовала отвод земельного участка южной части месторождения Олхинское,

- в 2007 г. администрация Шелеховского района согласовала выдачу лицензии ЗАО «Дорожник» на добычу гранитов на южном участке месторождения Олхинское, лицензия была зарегистрирована Департаментом охраны окружающей среды и недропользования Иркутской области,

- в 2012 г. Агентство лесного хозяйства Иркутской области вывело отведенный участок из «зеленой зоны» и началась подготовка к добыче, рубка леса, отсыпка дорог (рубка леса не предусматривалась лесным планом, в этом также заключалось нарушение природопользования, что было доказано в суде),

- в 2012 г. начались массовые протесты и обращения к губернатору области, в Западно-Байкальскую межрайонную прокуратуру и Министерство природных ресурсов с ответом властей, что добыча камня в соответствии с действующей лицензией правомерна,

- в 2013 г. Министерством природных ресурсов и экологии проведен тендер на проектирование парка, а победитель, ОАО «Госземкадастрсъемка», не смог выполнить проект, и деньги были возвращены в бюджет (больше речь о повторном финансировании работ не заходила),

- в 2014 г. ЗАО «Дорожник» добычу гранита приостановило, вся техника и рабочие вагончики с места добычи были убраны,

- в сентябре 2015 г. в ЗАО «Дорожник» возобновляет работы по добыче гранита и начинает разбирать скальный останец Старая Крепость,

- тогда же, в сентябре 2015 г., состоялся первый митинг в защиту скальника и с требованиями создания парка.

Упомянутые в начале статьи обращения экологической общественности к «новой» власти позволили на первом этапе остановить добычу гранита. Затем в так называемой властной вертикали области произошла поляризация, когда губернатор и его окружение стали говорить одно, а министерство и его природоохранное окружение – другое. Министерство не могло согласиться без сопротивления с незаконностью согласованной ведомством лицензии, министр стал выдумывать различные схемы сосуществования добычи гранита с будущим парком. Здесь очень странно с точки зрения своего предназначения повела себя Общественная палата Иркутской области, которая на экстренном заседании объявила о полной поддержке законной добычи гранита ЗАО «Дорожник» и осуждении всех активистов за их «претензии» на скальник Старая Крепость.

Итогом 2015 г. стало прекращение деятельности по добыче гранита по решению Слюдянского района суда и удовлетворение исковых требований Западно-Байкальской межрайонной прокуратуры. Новый министр уже объявил о возобновлении работы по обоснованию создания природного парка «Витязь» при наличии средств на нее.

Заключение. Созданный на волне протестов общественный совет природного парка «Витязь» готовит обоснование для создания парка на инициативной основе силами специалистов Института географии СО РАН и Федерации спортивного туризма Иркутской области. Отношение к этой работе властных структур остается индикатором природоохранной политики области.

Список литературы

1. Геоэкологическое и рекреационное обоснование создания природного парка «Витязь» / С. В. Рященко [и др.]. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2006. – 51 с.
2. Калихман А. Д. Проектирование особо охраняемых природных территорий Иркутской области / А. Д. Калихман, Т. П. Калихман. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2015. – 226 с.
3. Калихман Т. П. Территориальная охрана природы в Байкальском регионе / Т. П. Калихман. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2011. – 238 с.
4. Лямкин В. Ф. Региональный природоохранный каркас (особо охраняемые природные территории Иркутской области) / В. Ф. Лямкин, Л. П. Соколова. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2008. – 195 с.

ENVIRONMENTAL POLICY OF THE IRKUTSK REGION AND THE NATURAL PARK

A. D. Kalikhman

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk

T. P. Kalikhman

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. For a long time Irkutsk region remains among the Siberian outsiders in the organization of territorial protection of nature. The main reasons for this situation are multi-year commitment to the dominant imperative of the resource over environmental legislative and executive authorities, as well as obvious addressed only to the Baikal attention in environmental policy.

Keywords: nature park, nature conservation policy, protected areas.

Калихман Аркадий Давидович – доктор физико-математических наук, профессор, Институт архитектуры и строительства, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, тел.: 8(3952) 405-000, e-mail: inba@irk.ru

Kalichman Arkady Davidovich – Doctor of Physico-Mathematical Sciences, Professor, Institute of architecture and Construction, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov st., Irkutsk, 664074, tel.: 8(3952) 405-000, e-mail: inba@irk.ru

Калихман Татьяна Петровна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория картографии, геоинформатики и дистанционных методов, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: kalikhman@irigs.irk.ru

Kalikhman Tatyana Petrovna – Doctor of Geographical Sciences, Leading Scientific Employee, Laboratory of Cartography, Geoinformatics and Remote Sensing Methods, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: kalikhman@irigs.irk.ru

КУЗБАСС В СТРАНЕ И МИРЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

Е. А. ШЕРИН

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Исследуются экономико-географические особенности угольного комплекса, сложившегося на основе использования ресурсов Кузнецкого каменноугольного бассейна (Кузбасса). Анализируются современные тенденции и динамика развития региона как в масштабе страны, так и в мировом масштабе.

Ключевые слова: угольная промышленность, Кузбасс, экономика Кемеровской области.

По запасам и качеству углей Кузнецкий бассейн, почти целиком расположенный в Кемеровской области, – один из крупнейших каменноугольных бассейнов мира и крупнейший по балансовым запасам углей промышленных категорий бассейн России – 58 % от общероссийских запасов. Кондиционные запасы каменного угля в Кузбассе (в пересчете на условное топливо) превышают все мировые запасы нефти и природного газа более чем в 7 раз [1]. Здесь сосредоточен весь известный спектр марок каменных углей – от длиннопламенных до антрацитов. Угли Кузбасса характеризуются самыми высокими качественными показателями в России (зольность в пределах 8–22 %, содержание серы – 0,3–0,6 %, удельная теплота сгорания – 6000–8500 ккал/кг) [5]. Общегеологические запасы углей Кузнецкого бассейна до глубины 1600 м оценены в 725 млрд т, из них пригодных для коксования – 240 млрд т; кондиционных запасов – 643 млрд т, в том числе пригодных для коксования – 205 млрд т [11].

История эксплуатации Кузнецкого бассейна насчитывает почти триста лет. Импульсами к его развитию послужило прежде всего прохождение Транссибирской магистрали по северной его части и учреждение акционерного общества «Копикуз» [9]. Современная функциональная и территориальная структура угольного комплекса Кузбасса была сформирована к середине 1980-х гг. С конца 1980-х гг. появляются экспортные поставки, их доля с каждым годом растет. С 1997 г. уровень добычи угля в Кузбассе стал непрерывно расти и с 2012 г. Кузбасс стал добывать угля больше, чем потребляет весь российский рынок (более

200 млн т в год). К сегодняшнему дню использование ресурсов бассейна подошло к наиболее высокому уровню, чем когда-либо. В наше время Кузбасс обеспечивает более 56 % общероссийской добычи каменных углей, в том числе около 83 % коксующихся марок (в кризисном 2009 г. доля Кузбасса составила 88 %). За всю историю эксплуатации Кузнецкого каменноугольного бассейна из его недр добыто около 5,5 млрд т угля, с учетом потерь – около 8 млрд т, что составляет чуть более 1 % его общего ресурса [4]. Таким образом, при добыче 200 млн т в год, даже при максимально возможных потерях, угля в Кузбассе хватит на практически необозримый период. Сегодня в области потребляется около 35 % от всего объема добываемого угля и продуктов его переработки, остальная часть вывозится за ее пределы: почти 15 % – на внутрироссийский рынок и более 50 % – на экспорт (109 млн т в 2013 г.) [10].

На внутрироссийском рынке кузнецкие угли и кокс имеют широкое применение: вывозятся в 76 из 85 регионов России. Главные потребители внутрироссийского рынка – предприятия энергетики ($\frac{3}{4}$ углей) и металлургии ($\frac{1}{4}$). Значительная часть кузнецких энергетических углей потребляется в Кемеровской области, а также в регионах России, непосредственно примыкающих к ней с запада: Томской, Новосибирской областях и Алтайском крае. Остальную часть кузнецких энергетических углей поставляют практически по всей России. Кузнецкие коксующиеся угли и кокс применяют все металлургические и коксохимические предприятия России. Исключительно кузнецкие угли и кокс потребляют металлургические и коксохимические предприятия Кузбасса, Алтая, восточного и южного Урала. С 1990-х гг. на западном направлении внутрироссийского рынка наметилась тенденция уменьшения потребления кузнецких углей: если в начале 1990-х гг. его доля составляла более 50 % от общего количества, то в 2012 г. этот показатель опустился ниже 15 %. С середины 2000-х гг. происходит общее уменьшение доли внутрироссийского потребления кузнецких углей.

На внешнем рынке кузнецкие угли и кокс вывозятся в 50 стран мира. Начиная с появления экспортных поставок в 1980-х гг. их доля непрерывно растет и с 2012 г. составляет более половины добытого кузнецкого угля (50,5 % – в 2012 г., 53,7 % – в 2013 г.), что дает 85–88 % общероссийского экспорта угля и кокса. Экспорт углей энергетических марок угля превышает экспорт коксую-

щихся марок и кокса. Можно выделить западное и восточное (относительно Кемеровской области) направления экспорта кузнечких углей.

В западном направлении кузнечкие угли и кокс идут через порты Мурманска, Усть-Луги, Туапсе, Прибалтики и Украины, а также через погранпереходы с Казахстаном, Украиной, Беларусью и Финляндией в Европу, на Карибские острова, Ближний Восток, в Южную Азию и Казахстан. На западное направление приходится около $\frac{3}{4}$ экспорта кузнечких углей. Главными европейскими импортерами кузнечких углей являются Великобритания (первое место со значительным отрывом), Нидерланды, Бельгия и Германия [1]. Из них Великобритания, Финляндия, Польша и Румыния больше потребляют энергетический уголь, а Бельгия, Германия, Испания, Венгрия и Словакия, а также Турция, ОАЭ, Казахстан и Индия – коксующийся уголь и кокс [3; 8].

В восточном направлении кузнечкие угли и кокс идут через порты Ванино, Восточный, Посыет, Находка и через погранпереходы с Китаем в Японию, Республику Корею, Китай и Китайскую Республику (Тайвань). Восточноазиатские страны приобретают как энергетические, так и коксующиеся угли и кокс. Доля восточноазиатских стран в кузбасском угольном экспорте медленно, но закономерно растет. Быстрыми темпами увеличивается потребление кузнечких углей Китаем (около 5 % экспортных поставок в 2011 г. и около 10 % – в 2013 г.).

Конкурентоспособность кузнечких углей на мировом рынке обеспечивают прежде всего высочайшие качественные показатели: малая зольность, малое содержание серы, влаги и других включений, высокая теплоемкость и в то же время более низкая экспортная цена на европейском рынке. Это связано, в первую очередь, с низкой себестоимостью добычи кузнечкого угля вследствие благоприятных горно-геологических условий залегания угольных пластов.

Кемеровская область является одним из ведущих промышленных регионов России. Ее экономика напрямую связана с угольной промышленностью региона. Именно добыча и экспорт кузнечкого угля дают значительные поступления в бюджет региона, создают рабочие места, стимулируют развитие инфраструктурных отраслей, устойчиво являются «центром притяжения» инвестиций, оставаясь единственным способом выживания и развития региона [7]. Отсюда видно, что экономика области зависит

от мировых цен и спроса на уголь. Зависимость валового регионального продукта от объемов добычи угля весьма наглядна. В то же время события, начавшиеся во второй половине 2014 г. и продолжающиеся по сей день, показали, как снижение мировых цен на энергоносители может вызвать кризисные явления в экономике стран и регионов с экспортоориентированной энергетической специализацией хозяйства. Однобокая ориентированность на добычу и экспорт энергоносителей является сейчас одной из основных проблем экономики как Кемеровской области, так и России в целом.

Следующая (после уязвимости от мировых цен и спроса на уголь) проблема дальнейшего развития угольного комплекса Кузбасса – проблема транспортировки угля с месторождений, что находятся практически в центре материка, до основных потребителей, находящихся, главным образом, в европейских и восточноазиатских странах. Средняя дальность перевозок кузнецкого экспортного угля до морских портов в пределах России – 5075 км, до погранпереходов – 4093 км [6]. Кемеровская область является абсолютным лидером в России по объему перевозок грузов железнодорожным транспортом (по объему погрузки), делая уголь главным грузом железных дорог страны. Вследствие больших объемов перевозимого угля дает о себе знать недостаточная пропускная способность железных дорог. Мощности железной дороги не справляются с потребностями в сбыте: Транссибирская магистраль перегружена, а на выездах из Кузбасса постоянно образуются «пробки».

Другая немаловажная проблема – высокие железнодорожные тарифы. С начала 1990-х гг. наблюдается опережающий рост транспортных тарифов по сравнению с ценами на перевозимую продукцию. Например, за период 1991–2009 гг. оптовые цены на продукцию промышленности увеличились в 34 тыс. раз, в то время как железнодорожные грузовые тарифы возросли в 53 тыс. раз [2]. Сегодня транспортная составляющая в цене кузнецкого угля доходит до 60 %, вследствие чего при доставке до портов стоимость угля увеличивается более чем вдвое. Для сравнения: транспортная составляющая в цене черных металлов составляет около 12 % [6]. Намечившееся увеличение транспортной составляющей в цене угля, скорее всего, будет расти. В период низких мировых цен угольные компании работают в убыток, так как поставки угля становятся невыгодными. Таким образом, железнодорожные

тарифы в условиях внутриконтинентального положения и гигантских расстояний перевозки могут свести на нет все благоприятные факторы Кузбасса (запасы угля, его качество и спрос).

Сложившуюся на текущий момент в России систему железнодорожных грузоперевозок угольные компании считают одним из основных рисков на пути развития собственного бизнеса и отечественной угольной отрасли в целом. Для решения этой проблемы необходимо резкое увеличение пропускной способности железных дорог и установление справедливых железнодорожных грузовых тарифов, либо же поиск альтернативных способов перевозки угля. С другой стороны, можно увеличить глубину переработки угля. Переход от продажи сырья к продаже полуфабриката и готовой продукции позволит максимизировать прибыль и уменьшить физический объем перевозимой продукции.

Таким образом, в современном развитии Кузбасса можно выделить следующие тенденции: 1) рост экспортных поставок углей (с 1980-х гг.); 2) снижение потребления углей на западном направлении внутрироссийского рынка (с 1990-х гг.); 3) почти непрерывный рост уровня добычи угля (с 1997 г.); 4) уменьшение общего внутрироссийского потребления углей (с 2000-х гг.); 5) увеличение потребления углей Китаем (с 2010-х гг.); 6) рост железнодорожных тарифов, приводящий к увеличению транспортной составляющей в цене угля (с 1991 г.).

Список литературы

1. Администрация Кемеровской области [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – URL: <http://www.ako.ru>.

2. Безруков Л. А. Межрегиональные контрасты проявления в России глобального кризиса 2008–2009 гг. / Л. А. Безруков, Е. А. Бонадысенко // Российские особенности глобального кризиса: территориальный анализ. – Иркутск, 2010. – С. 5–49.

3. Жигир И. Рынок кокса СНГ: куда пойдет профицит? [Электронный ресурс] // Металлоснабжение и сбыт. – 2012. – № 2. – URL: <http://www.metalinfo.ru/ru/magazine/2012/2/1557>.

4. Зайденварг В. Е. Об углублении процессов реструктуризации угольной промышленности России / В. Е. Зайденварг, А. Б. Яновский // Материалы конференции по угольной промышленности. – М., 1995. – С. 10–13; 26–31.

5. Конкурентные стратегии и управление развитием региона (на примере Кузбасса) / Ю. А. Фридман, Г. Н. Речко, Е. Ю. Логинова, Э. В. Алексеенко, Д. В. Крицкий, Ю. А. Писаров // Региональное и муниципальное управление социально-экономическим развитием в Сибирском федеральном округе / под ред. А. С. Новосёлова. – Новосибирск, 2014. – С. 205–237.

6. Логинова Е. Внешнеторговый оборот Кемеровской области по итогам 2011 г. вырос на 3,6 % до 10,9 млрд долл. // Деловой Кузбасс. – 2012. – 6 февр.

7. Рябов В. А. Промышленный комплекс Кузбасса / под ред. В. П. Удодова // Кемеровская область. Ч. 2. Социально-экономическая характеристика и экология. – Новокузнецк, 2009. – С. 5–32.

8. Тулеев А. М. Уголь России в XXI веке: Проблемы и решения / А. М. Тулеев, С. В. Шатилов. – М. : Совершенно секретно, 2002. – 304 с.

9. Шерин Е. А. Историко-географические особенности формирования угольного комплекса Кузбасса // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. История. – 2016. – № 2 (40). – С. 56–62.

10. Шерин Е. А. Экономико-географический анализ развития угольного цикла производств Кузбасса за пределами Кемеровской области // Изв. ИГУ. Сер. Науки о Земле. – 2015. – Т. 14. – С. 128–138.

11. Экономическая география России : учебник / под общ. ред. В. И. Видяпина. – М. : ИНФРА-М, Рос. экон. акад., 1999. – 533 с.

KUZBAS IN THE COUNTRY AND THE WORLD: TRENDS AND DYNAMICS OF DEVELOPMENT

E. A. Sherin

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. This study observes economical and geographical particular features of the coal-mining industry system, based on the use of the Kuznetsk coalfield's assets (the Kuzbas). Analyzes the current trends and dynamics of the region's development, both in the scale of the country and in the world.

Keywords: coal industry, Kuzbas, Kemerovo region's economy.

Шерин Егор Александрович – младший научный сотрудник, лаборатория георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: vampire_256@mail.ru

Sherin Egor Aleksandrovich – Junior Research Fellow, Laboratory for Geological Resources and Political Geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: vampire_256@mail.ru

УДК 141.7

К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО АБСЕНТЕИЗМА

Р. Ю. ЗУЛЯР, Д. А. ГРИГОРЬЕВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается явление абсентеизма, его причины, классификация его типов и видов. Кратко дан обзор региональных исследований абсентеизма молодежи как особой социально-демографической группы. Рассмотрены последствия абсентеизма.

Ключевые слова: абсентеизм, молодежный абсентеизм, электоральное поведение, молодежь и политика, протестное голосование.

Политический абсентеизм – явление общемировой политической практики, существующее в государствах, функционирующих на началах представительной демократии. Наличие свободных выборов (необязательно равных и конкурентных) – необходимое условие для появления абсентеистов – тех, кто по различным причинам и с различной целью бойкотирует, не посещает их, т. е. сознательно не проявляет политическую активность. Цель работы: кратко рассмотреть сложившиеся теоретические взгляды на абсентеизм, при этом делая акцент именно на молодежном абсентеизме. Рассматриваются основные причины, классификация типов и видов, последствия абсентеизма.

Политический абсентеизм возникает при наличии свободного выбора гражданина – когда исчезает принуждение для участия в различных политических процессах и политическое действие остается исключительным выбором только самого индивида. Распространение избирательного права, в особенности активного, на широкие круги населения привело к развитию в государствах демократических процессов, совершенствованию избирательных механизмов, и в итоге должно приводить к улучшению качества жизни рядовых граждан. Собственно говоря, построение гражданского общества тоже напрямую связано с увеличением количества граждан, активно сотрудничающих с государством хотя бы посредством собственного волеизъявления.

Причины, в силу которых часть граждан стала пренебрегать своими политическими и электоральными правами, множественны и зависят от разных факторов, начиная от экономического благосостояния и заканчивая распространенным типом политической культуры. Последствия такого политического поведения также могут быть различны и неоднозначны.

В силу исторических обстоятельств политическая наука наиболее успешно развивалась в США и странах Западной Европы. Именно там и зародилось направление политологии, изучающее электоральную активность граждан и их политическую культуру. Основными центрами, которые внесли вклад в исследование проблем электорального поведения и абсентеизма в частности, стали Чикагская, Колумбийская, Мичиганская и другие школы политической науки в США. Стоит отметить, что прерогатива изучения абсентеизма как вида электоральной активности или следствия психологических особенностей индивида всегда оставалась за электоральным или психологическим ответвлением политической науки.

Немецкий социолог и политолог Э. Фромм, являвшийся представителем Франкфуртской школы социальных и политических исследований, пришел к выводу, что истоки абсентеистского поведения граждан лежат в их психологических особенностях, отношении к свободе в широком смысле и политической в частности [22]. Западные исследователи Г. Алмонд и С. Верба, выпустившие работу, посвященную политической культуре и основанную на анализе данных, собранных из пяти стран, считают, что уклонение от политических действий может быть связано с принадлежностью субъекта к определенному типу гражданской политической культуры, распространенному в конкретном обществе [3].

В СССР направление политологии, изучающее проблемы электорального характера, появилось в 1980-х гг., но развитие получило только после демократических преобразований 1990-х гг. и вместе со становлением института выборов. Отечественный исследователь А. И. Юрьев связывает проявления абсентеизма с омертвлением групповых норм, потерей индивидом чувства принадлежности к определенной социальной группе, что вызывает у него отчуждение от социальных норм и ценностей и заставляет использовать иные механизмы для достижения собственных целей [6]. Другой известный российский политический психолог, Д. В. Ольшанский, называет одной из причин политического абсентеизма несформированность политического самосознания [18]. Л. Я. Гозман видит причину политического неучастия в ощущаемом личностью чувстве собственного бессилия и веры, что от собственных действий ничего не зависит. Группа исследователей – Е. Б. Шестопад, Е. С. Соина, Ф. Т. Алескеров – считают, что причиной политического абсентеизма является стремление выразить протест против существующей политической системы в государстве [2; 24]. Исследования О. В. Анисимовой – российского социального психолога, приводят к выводу о том, что причиной политического абсентеизма может послужить уровень эмоциональной насыщенности индивида, и, кроме этого, степень получаемого удовлетворения от собственной деятельности. Чем выше уровень последних двух, тем выше степень политической вовлеченности [4]. Отдельная работа В. Ф. Коврова посвящена обзору трудов отечественных ученых, исследующих проблему электорального абсентеизма [15].

Помимо исследований крупных и авторитетных ученых, существует довольно много работ молодых ученых, стремящихся раскрыть проблему (в региональном аспекте) абсентеизма молодежного, последствия которого особо значимы. Н. В. Савчук на основе своих исследований делает вывод о взаимосвязи типа политической культуры молодежи и ее электорального неучастия, а также формирует модели абсентеизма молодежи в России [20]. К. А. Катусева выявляет объективные причины, способствующие формированию абсентеизма у молодых граждан [14]. Научные труды Д. Н. Бобровой касаются природы политического поведения молодежи, а также способов управления им [7]. Д. А. Пинаева исследует факторы, влияющие на электоральное поведение молодежи, основываясь на данных социологических опросов, проведенных среди молодежи Зеленодольского муниципального района [19]. Кроме этого, О. З. Муштук, политический психолог, в своих трудах представила видение проблемы абсентеизма россиян глазами студенческой молодежи [17]. Изучением современных политических практик российской молодежи, в том числе и отказом от участия в выборах, занимается отечественный политолог Е. В. Галкина. Также она рассматривает проблему повышения политической грамотности молодых россиян [10].

Анализ показывает, что тема политического поведения и электоральной политики в России достаточно изучена, ее теоретические основы построены на работах и выводах ведущих политологов мира и на достоверной эмпирической базе. Абсентеизм как проблема политического неучастия населения, в том числе молодежи (как особой социально-демографической группы), не обделена вниманием со стороны исследователей – работы выходят в различных центрах политической науки; как в федеральных университетах, так и в регионах. Однако актуальность тематики данных изысканий далеко не исчерпана, так как новые электоральные циклы федерального уровня, выборы и референдумы регионального и местного значения вместе с новыми социологическими исследованиями предоставляют большой массив данных для изучения и проверки новых теорий.

Зарубежным исследователям и отечественным ученым удалось сформировать многогранное представление о проблеме политического абсентеизма, его причинах, факторах и воздействии на политическую систему. Но это не означает конца теоретико-

методологических изысканий по проблемной тематике, так как вопрос имеет непосредственное отношение к сохранению дееспособности политических систем и легитимности государственного строя.

Политический абсентеизм – уклонение граждан от участия в выборах – довольно распространенное явление в общемировой электоральной практике. Известно, что даже в странах развитой демократии явка на общенациональные и региональные выборы редко превышает 60–70 %. Это означает, что примерно треть граждан, наделенная избирательными правами, попросту их не реализовывает, дистанцируется от участия в политическом процессе [6].

Исследование проблемы абсентеизма имеет одно методологическое ограничение – это критерии, по которым гражданина возможно отнести к страте «уклонистов». Какие это должны быть критерии, что необходимо брать во внимание исследователю в первую очередь? Это открытый вопрос, и именно он способствует значительному многообразию научных точек зрения на проблему абсентеизма, заставляет давать этому явлению множество дефиниций.

В 2008 г. европейскими политологами была предпринята попытка проведения кросс-национального исследования, которое помогло бы выявить процент граждан определенной страны, интересующихся в достаточной степени политическими событиями и проявляющих интерес к миру политики в целом. Опросы проводились в 28 странах Европы, в число которых вошли такие государства, как Дания, Люксембург, Чехия и др. Основной вывод, который был получен в ходе кросс-национального исследования, гласил, что процент граждан, которые являются потенциальными абсентеистами и не уделяют должного внимания миру политики, наиболее высок в странах так называемой молодой демократии. Это страны бывшего советского лагеря, которые еще не сформировали полностью дееспособные демократические институты и чье население сравнительно недавно получило возможность конвенционального политического участия. Страны, которые обладают наименьшим количеством абсентеистов и наибольшим числом граждан, проявляющих интерес к политике, имеют эффективные демократические институты и развитую гражданскую и политическую культуру населения [12, с. 89].

По мнению российского исследователя, кандидата политических наук А. В. Абрамова, интерес индивида к политике не может являться надежным индикатором уровня политического абсен-

теизма. Существуют формы мобилизованного политического участия, при которых гражданин вопреки своему желанию может быть вовлечен в политическую деятельность. Поэтому наиболее верным индикатором уровня абсентеизма граждан можно считать их участие в самой обычной и наиболее распространенной форме политической активности – в выборах и референдумах [1].

Перед перечислением причин политического абсентеизма, классификацией его видов и типов необходимо обратить внимание на непосредственно объект исследования (в то же время и субъект мира политического) – непосредственно представителей группы политических уклонистов. Основы подобной классификации политических абсентеистов были предложены отечественными исследователями М. В. Рыбиной и Н. П. Давыдовой [1]. К первой категории относятся люди апатичные, которые не интересуются политическими событиями и не принимают в таковых участия в силу собственной увлеченности другими проблемами. Политика лежит за границами их субъективного мира, поэтому представляется неинтересной и непонятной. Следующая группа – это люди, отчужденные от политики. Они уверены, что все политические решения принимаются политической элитой, а их собственный голос не способен на что-то повлиять. На их взгляд, вовлечение рядовых граждан в политический процесс бессмысленно и бесполезно, так как не принесет никакой пользы для них. Этой категории политических уклонистов свойственно отрицать функционирование политической системы как таковой. Третья группа политических абсентеистов – это аномичные люди. Им пришлось пережить утрату идентичности с определенной социальной группой, потерять веру в собственные силы. Поэтому им свойственно, ощущая собственную беспомощность, считать политический процесс непредсказуемым и независимым от их участия. Последняя группа – граждане, оказывающие доверие политикам. Они не принимают участия в голосовании, так как доверяют руководящим лицам, парламенту, верят в законность и справедливость политических решений даже без собственного участия.

Другую группировку абсентеистов предлагает российский ученый А. А. Галкин. По его словам, тех, кто не голосует, можно разделить на три группы. Во-первых, это избиратели, которые не принимают участия в голосовании по объективным причинам, таким как болезнь, плохая погода. Во-вторых, это граждане, кото-

рые не имеют серьезных претензий к ситуации в обществе и, стремясь только лишь к кардинальным политическим изменениям, считают, что участие в выборах – это пустая трата времени. И третья группа – это те избиратели, которые не удовлетворены существующим положением дел и не считают, что их голос на выборах может на что-либо повлиять, либо рассматривают уклонение от голосования как форму политического протеста. А. А. Галкин отмечает, что первая категория абсентеистов характерна для всех демократических стран мира, где есть свободные выборы, и она будет существовать во все времена. Вторая категория присуща политически и экономически стабильным государствам, где граждане не участвуют в выборах в результате удовлетворенности положением дел. Третья же категория встречается в странах, которые переживают глубокий кризис и потрясения [9].

Нельзя не отметить такой особенности политического абсентеизма, как разделение сторонников неучастия в выборах на две основных группы. К первой можно отнести уклонистов, которые не проявляют электорального участия в силу апатии к миру политики: политическая система воспринимается ими как чужеродная. Вторая группа абсентеистов – это те граждане, которые рассматривают бойкот выборов как наилучшее выражение собственной враждебности и недоверия к существующей электорально-политической системе [5; 11].

Вышеприведенная группировка позволила разделить политических абсентеистов на категории, которые не посещают избирательные участки в силу преобладания причины определенного характера. Для более полного понимания сущности проблемы политического абсентеизма необходимо проанализировать основные причины, которые и приводят к возникновению данного явления. Необходимо подчеркнуть, что речь идет о проблеме политического участия в современной России. Проблема политического абсентеизма в СССР решалась авторитарными методами власти; этому способствовало и сращение государственного и партийного аппарата, в условиях правления которого политическая активность гражданина была неотъемлемой составляющей успешной профессиональной самореализации. Советская власть обеспечивала высокую явку на выборы с помощью мобилизованного политического участия. Для гражданина стимулом посетить избирательный участок были также и развитые ценности коллек-

тивизма. Политическая социализация и воспитание молодежи в СССР, например детские и молодежные политически ориентированные организации способствовали формированию ответственного отношения гражданина к институту выборов [5].

Одной из основных причин политического абсентеизма в России является неверие части граждан в равные и конкурентные выборы. Избиратели не уверены, что их голос может повлиять на результаты голосования. Выборы, в сознании абсентеистов, не являются должным средством коррекции курса власти, способом заставить удовлетворить нужды людей. Причиной этого стало продолжительное отчуждение власти от общества, отсутствие демократических традиций, обеспечивающих населению возможность защищать собственные интересы перед властью законными и формальными способами [6].

Еще одной причиной политического неучастия граждан является отсутствие развитой политической социализации, необходимой для усвоения гражданами норм эффективной политической активности. Это происходит потому, что в России, в силу исторических причин, не удалось сформировать единые и общепринятые политические ценности [11]. Следуя данным политико-психологических исследований, можно выделить еще одну причину, приводящую к возрастанию в российском обществе тенденции политического неучастия. Это высокий уровень неудовлетворенности социальных потребностей, приводящий к сужению круга интересов индивида, в границах которого места для политики уже не остается [4].

На электоральную активность граждан очень заметно влияет уровень социально-экономического развития общества. Следуя данным как зарубежных, так и отечественных исследований, основанных на широком эмпирическом материале, можно сделать вывод, что наименее экономически обеспеченные слои общества отличаются и низким электоральной активности [21].

Уровень абсентеизма в обществе определяется несколькими факторами, которые можно разделить на две основные группы: 1) объективные факторы, 2) субъективные факторы. К числу объективных факторов можно отнести уровень и тип выборов. К примеру, выборы федерального масштаба обладают более высоким показателем явки голосующих, чем выборы региональные или местные [23]. Уровень экономического развития, социальное

положение избирателя, его социально-демографические характеристики также относятся к объективным факторам. Индивидуальные и психологические свойства личности абсентеиста, уровень и специфика его культуры (в том числе и политической), а также психологически-эмоциональное состояние относятся к группе субъективных факторов [8].

Украинский исследователь В. В. Кравченко предлагает собственную классификацию типов абсентеизма с учетом факторов. *Политический тип*: уклоняясь от выборов, избиратель выражает недоверие субъектам политического процесса и их предвыборным программам. Также политический абсентеизм может быть вызван сомнениями избирателя в возможности проведения честных выборов, реального влияния на результаты голосования. *Экономический тип* политического абсентеизма предполагает, что избиратель выражает протест против сложной экономической ситуации в стране, проявляющейся в безработице, низком уровне благосостояния, социальной незащищенности граждан. *Поведенческий тип* политического неучастия проявляется как равнодушное отношение гражданина к институту выборов и своим политическим правам. При таком типе абсентеизма можно говорить о фактическом отсутствии интереса избирателя не только к выборам, но и к политике в целом [16].

Распространенность абсентеистической модели поведения избирателей может иметь определенные последствия как для политической системы государства и характера властных отношений, так и для повседневной социально-экономической жизни населения. Для глубокого изучения проблемы политического абсентеизма считаем необходимым исследование его последствий.

Большинство исследователей считает, что последствия политического неучастия значительной части населения, обладающей избирательными правами, – негативны. Широкая распространенность абсентеистических настроений в обществе способна дискредитировать избирательную систему государства и институт выборов. Власть, которая избирается меньшей частью населения, не может быть легитимной, а выборы, на которые не пришла большая часть населения, – результативными [5].

Политическое неконвенциональное участие также может являться последствием политического абсентеизма. Граждане, не посещающие избирательные участки и выражающие таким обра-

зом свой политический протест, могут склониться к более решительным и противозаконным способам политического участия: забастовки, стачки и др. Что, в свою очередь, окажет негативное влияние на развитие гражданского общества и государства в целом. Дистанцирование власти от общества, пожалуй, – одно из наиболее значимых и заметных последствий практики политического неучастия. Если люди верят своим политическим элитам, то они ходят голосовать на выборы, тем самым показывая, что они в большинстве вопросов согласны с правилами игры и к выбранной власти относятся лояльно. Однако если интерес населения к выборам падает до опасно низкого уровня, то это свидетельствует о наличии проблем во взаимоотношениях власти и общества [14].

Последствия распространения политического абсентеизма среди населения негативны для электоральной и политической системы и несут угрозу социально-политической стабильности в государстве. Поэтому данная модель электорального поведения нуждается в дальнейшем изучении. Проблема политического абсентеизма молодежи не должна оставаться без должного внимания исследователей. Недооценка значимости данной проблемы может обернуться обострением кризиса взаимодействия власти и общества в будущем или, что также вполне возможно, приведет к разрушению демократического строя государства.

Список литературы

1. *Абрамов А. В.* Абсентеисты как политическая страта современного российского общества / А. В. Абрамов, М. В. Рыбина, Н. П. Давыдова // Изв. МГТУ «МАМИ». Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 6, № 15. – С. 31–36.
2. *Алескеров Ф. Т.* Выборы. Голосование. Партии / Ф. Т. Алескеров, П. М. Ортешук. – М. : Академия, 1995. – 208 с.
3. *Алмонд Г.* Гражданская культура : политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд, С. Верба ; пер. с англ. Е. Генделя. – М. : Мысль, 2014. – 500 с.
4. *Анисимова О. В.* Социально-психологический анализ проблемы абсентеизма / О. В. Анисимова // Изв. Саратов. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Акмеология образования. Психология развития. – 2009. – Т. 2, № 1(5). – С. 41–46.
5. *Аринина К. И.* Абсентеизм в политике: причины и последствия // Учен. зап. Казан. ун-та. Гуманитар. науки. – 2014. – Т. 156, кн. 1. – С. 214–220.
6. *Беляев А.* Тенденция абсентеизма в современном российском обществе / А. Беляев, Е. Тарасов // Власть. – 2013. – № 5. – С. 43–45.
7. *Боброва Д. Н.* Философско-социологические аспекты управления электоральным поведением молодежи // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2014. – № 169. – С. 105–109.

8. Бушенева Ю. И. Абсентеизм как фактор избирательного процесса в современной России : дис. ... канд. полит. наук / Ю. И. Бушенева. – СПб., 2007. – 180 с.
9. Галкин А. А. О сенсации, которая не состоялась // Полис. – 2004. – № 1. – С. 6–9.
10. Галкина Е. В. Политические практики современной российской молодежи [Электронный ресурс] // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3-1(29). – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-praktiki-sovremennoy-rossiyskoj-molodezhi> (дата обращения: 07.06.2016).
11. Джандубаева З. З. Абсентеизм как феномен современной российской практики : автореф. дис. ... канд. соц. наук / З. З. Джандубаева. – М., 2005. – 22 с.
12. Европейское социальное исследование: изучение базовых социальных, политических и культурных изменений в сравнительном контексте. Россия и 25 стран Европы : аналит. докл. – М. : Ин-т сравнит. соц. исслед., 2008. – 89 с.
13. Зуйков В. В. Психологические основы абсентеизма / В. В. Зуйков, Е. В. Звонова // Сб. конф. НИЦ Социосфера. – 2013. – Вып. 33. – С. 74–82.
14. Катусева К. А. Тенденции политического участия молодежи в России: политический абсентеизм, автономное и мобилизованное участие [Электронный ресурс] / К. А. Катусева // ГосРег : электрон. науч. журн. – 2012. – № 1. – URL: <http://gosreg.amchs.ru> (дата обращения: 12.03.2016).
15. Ковров В. Ф. Отражение проблемы электорального абсентеизма в трудах отечественных ученых // Социол. науки : науч. альманах.. – 2015. – № 9(11). – С. 1372–1376.
16. Кравченко В. В. Конституционное право Украины : учеб. пособие / В. В. Кравченко. – 3-е изд., доп. – Киев : Аттика, 2004. – 512 с.
17. Муштук О. З. Причины политической инфантильности россиян глазами студенческой молодежи [Электронный ресурс] // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та : электрон. журн. – 2014. – № 1. – URL: <http://www.evestnik-mgou.ru> (дата обращения: 05.04.2016).
18. Ольшанский Д. В. Основы политической психологии : учеб.-метод. пособие / Д. В. Ольшанский. – СПб. : Питер, 2002. – 496 с.
19. Пинаева Д. А. Факторы, влияющие на электоральное поведение молодежи (на примере Зеленодольского муниципального района) // Система ценностей современного общества. – 2011. – Вып. № 18. – С. 122–127.
20. Савчук Н. В. Абсентеизм как проблемный фактор формирования политической культуры молодого человека // Сб. науч. тр. Ангар. гос. техн. ун-та : материалы Первой Междунар. конф. – Ангарск, 2012. – С. 159–165.
21. Социологи посоветовали не ждать реформ в России еще 10 лет [Электронный ресурс] // РосБизнесКонсалт: электр. журнал. – 2012. – URL: <http://top.rbc.ru/society/18/12/2012/837066.shtml> (дата обращения: 19.04.2016).
22. Фромм Э. Бегство от свободы : монография / Э. Фромм ; ред. Г. Ф. Швейник. – М. : Аст, 2011. – 450 с.
23. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. Информационный центр [Электронный ресурс] : офиц. сайт. – URL: <http://www.cikrf.ru> (дата обращения: 04.04.2016).
24. Шестопал Е. Б. Политическая психология : учебник / Е. Б. Шестопал. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Аспект-Пресс, 2012. – 342 с.

TO THE QUESTION OF THE STUDY OF POLITICAL ABSENTEEISM THEORY

R. Yu. Zulyar, D. A. Grigoriev
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The phenomenon of absenteeism and its causes are considered. The review of area studies of absenteeism among young people being a specific socio-demographic group is given.

Keywords: absenteeism, youth absenteeism, voting behavior, youth and politics, protest voting.

Зуляр Раксана Юрьевна – кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: raksana-m@yandex.ru

Zulyar Raksana Yurievna – Candidate of Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: raksana-m@yandex.ru

Григорьев Даниил Александрович – магистр, кафедра религиоведения и теологии, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-411, тел.: 8(3952)334372, e-mail: lovebarrett@mail.ru

Grigoriev Daniil Aleksandrovich – Magister, Department of Religious Studies and Theology, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-411, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: lovebarrett@mail.ru

УДК 316.772.5

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И ИХ РОЛЬ В ПОСТРОЕНИИ ДИАЛОГА МЕЖДУ ОРГАНИЗАЦИЯМИ И ЗАИНТЕРЕСОВАННЫМИ ГРУППАМИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

С. А. РЫБАЛКО

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Настоящее исследование изучает использование при составлении «Fortune 500 компаний» популярного сайта социальной сети «Твиттер» для выстраивания диалога с заинтересованными сторонами. Проанализировано использование диалогических функций как на странице твиттер-профиля, так и в тексте самих сообщений. Результаты показали, что организации, которые имеют диалогическую ориентацию на «Твиттер» (61 %), использовали принцип «сохранения посетителей» в большей степени и принцип «генерация повторных посещений» в меньшей степени, чем организации, имеющие недиалогическую ориентацию на «Твиттер» (39 %).

Ключевые слова: социальные сети, диалог, диалогический потенциал онлайн-коммуникации, «Твиттер».

Социальные медиа являются одним из каналов коммуникации, используемых компаниями для общения и выстраивания долгосрочных отношений с клиентами. Forrester Research показало, что 75 % интернет-пользователей читают блоги, оставляют комментарии или отзывы на сайтах потребителей, а также используют социальные сети. Социальные медиа – это средство коммуникации, которое является более эффективным и экономичным по сравнению с любыми другими традиционными инструментами. Одним из ее потенциальных применений является привлечение к диалогу заинтересованных сторон. Работники сферы связей с общественностью определяют социальные медиа как инструмент, помогающий участвовать в обсуждении и не только.

Имеется ряд научных работ, в которых исследован диалогический потенциал онлайн-коммуникации для выстраивания и поддержания отношений с разными группами общественности. Диалогическая теория связей с общественностью [4, с. 25–30] определяет главную роль коммуникации (диалога) в процессе построения отношений. Специалисты по связям с общественностью призваны управлять коммуникацией с целью выстраивания здоровых отношений между организациями и заинтересованными сторонами.

Кент и Тейлор [3, с. 321–325] предположили, что организации имеют возможность строить диалогические отношения с заинтересованными сторонами за счет использования стратегически разработанных сайтов. Они определили пять принципов диалогического общения, которые могли бы использовать организации для содействия диалогическому общению со своими целевыми аудиториями.

Эти принципы включают: 1) простоту интерфейса – пользователи должны иметь возможность легко перемещаться по сайту; 2) сохранение посетителей – пользователей следует поощрять оставаться на сайте как можно дольше; 3) генерацию повторных посещений – пользователи должны иметь стимул для возвращения на сайт; 4) предоставление полезной информации для различных групп – пользователи должны найти информацию, которая учитывает их потребности; 5) поддержание диалогического цикла (*dialogic loop*) – предоставляя пользователям возможность задавать вопросы и обеспечивая обратную связь.

Taylor и др. [8, с. 272] разделили эти принципы на два кластера: а) технические особенности и дизайн, куда входит полезность информации, простота использования и сохранения посетителей; б) диалогический кластер, который включал в себя генерацию повторных посещений и диалогический цикл.

Данное исследование использовало контентный анализ как метод исследования – анализ профилей компании (93) и самих сообщений (930). 170 компаний из «Fortune 500» были идентифицированы как имеющие активную учетную запись в «Твиттере», из которых была сделана случайная выборка из 93 компаний.

Исследователь обозначил следующие определения диалогических принципов: диалогический принцип – полезность информации для трех целевых аудиторий: СМИ, инвесторов и потребителей. Следующие элементы были определены как полезные для СМИ: ссылки на пресс-релизы, медиаконата, выступления, видео- и аудиоматериалы, а также новости индустрии. Следующие элементы были определены как полезные для широкой общественности: ссылки на веб-страницу, вакансии, домашнюю страницу и «другие» страницы на сайте компании.

Диалогический принцип – сохранение посетителей (conservation of visitors) – был определен как: ссылка на страницу с описанием продуктов или услуг компании; ссылка на другие страницы веб-сайта компании; ссылки на сайты социальных сетей («Фейсбук» и «Ютьюб»). Блог компании может быть воспринят как часть расширенного присутствия компании в диалогическом пространстве социальных сетей.

Диалогический принцип – генерация повторных посещений

Тейлор с соавторами утверждали, что отношения требуют много времени и повторяющихся встреч [8, с. 263–266]. Следующие элементы были определены в качестве поощрения посетителей возвращаться на сайт: ссылки на страницы сайта компании, где посетители могли бы запросить дополнительную информацию; ссылки на страницу с описанием событий компании; ссылки на новости компании.

Принцип «диалогический цикл» (dialogic loop) был определен как участие компании в обсуждении с заинтересованными сторонами путем постановки вопроса на «Твиттере», непосредственного реагирования на вопрос или комментарий пользователя.

Результаты исследования

Чаще всего на сайте встречались индикаторы следующих принципов: диалогический цикл; генерация повторных посещений; сохранение посетителей; предоставление полезной информации.

Три наиболее распространенные диалогические особенности, найденные в сообщениях: 1) организационный ответ на вопрос конкретного пользователя (60,2 %); 2) размещения новостной информации о компании (58,1 %); 3) попытки стимулировать диалог, задавая вопрос (30,1 %).

Диалогичность компаний

Каждый профиль был квалифицирован как диалогический или недиалогический. В зависимости от наличия переменной – «отзывчивость» (esponsiveness) 61 % организаций были классифицированы как «диалогические» и 39 % – как «недиалогические».

Отличия в использовании диалогических принципов

«Диалогические» компании в большей степени, чем «недиалогические», использовали принцип «сохранения посетителей». Они предпринимали больше усилий по удержанию пользователей в онлайн-диалогическом пространстве компании, по-видимому, для того, чтобы иметь возможности для продолжения диалога. Постоянное обновление сообщений потенциально будет заинтересовывать целевую аудиторию в отслеживании данного профиля, что также отражает приверженность компании к регулярной коммуникации с аудиторией.

Полученные данные показывают, что «сохранение посетителей» является одним из ключевых диалогических принципов, используемых «Fortune 500 компаний» с диалогической ориентацией на «Твиттер». Это отражает приверженность компании к предоставлению посетителям идеального пространства, где диалог может состояться.

Согласно результатам, недиалогические организации (M = 14,65) и диалогические организации (M = 14,67) не различались в отношении принципа «предоставления полезной информации». Диалогические компании в меньшей степени представляли ссылки на новости на веб-сайте, на описание товаров и услуг, что, по сути, отражает традиционную одностороннюю коммуникацию, неприемлемую для социальных сетей. Диалогические компании используют социальную сеть не для простой пропаганды, а для поощрения диалога с заинтересованными сторонами.

Что касается принципа диалогического цикла, результаты показали, что 60,2 % из списка «Fortune 500 компаний» отвечали на комментарии пользователей; 30,1 % пытались стимулировать обсуждение с пользователями, задавая спонтанные вопросы; 26,9 % компаний задавали последующие вопросы.

Исследование подтверждает общий тренд литературы по онлайн-коммуникации и диалогу – компании не до конца используют диалогический потенциал социальных сетей.

Многие компании рассматривают «Твиттер» как одно из средств распространения рекламных объявлений, а не для выстраивания диалогических отношений с заинтересованными сторонами. Несмотря на то что компании не до конца используют имеющийся диалогический потенциал социальных сетей, тем не менее, по сравнению с результатами исследования Park и Reber [6, с. 410], корпорации используют «Твиттер» более эффективно, чем их веб-сайты, в содействии открытого диалога.

Список литературы

1. *Bortree Seltzer*. Dialogic strategies and outcomes: an analysis of environmental advocacy groups' Facebook profiles // *Public Relations Review*. – 2009. – N 35. – P. 317–319.
2. *Esrock S. L.* Organization of corporate webpages: Publics and functions / *S. L. Esrock, G. B. Leichty* // *Public Relations Review*. – 2000. – N 26. – P. 327–344.
3. *Kent M. L.* Building dialogic relationships through the World Wide Web / *M. L. Kent, M. Taylor* // *Public Relations Review*. – 1998. – N 24. – P. 321–334.
4. *Kent M. L.* Toward a dialogic theory of public relations / *M. L. Kent, M. Taylor* // *Public Relations Review*. – 2002. – N 28. – P. 21–37.
5. *Kent M. L.* The relationships between website design and organizational responsiveness to stakeholders / *M. L. Kent, M. Taylor, W. J. White* // *Public Relations Review*. – 2003. – N 29. – P. 63–77.
6. *Park H.* Relationship building and the use of Websites: How Fortune 500 companies use their Websites to build relationships / *H. Park, B. Reber* // *Public Relations Review*. – 2008. – N 34. – P. 409–411.
7. *Seltzer T.* The dialogic potential of weblogs in relationships building / *T. Seltzer, M. Mitrook* // *Public Relations Review*. – 2007. – N 33. – P. 227–229.
8. *Taylor M.* How activist organizations are using the Internet to build relationships / *M. Taylor, M. L. Kent, W. J. White* // *Public Relations Review*. – 2001. – N 27. – P. 263–284.

SOCIAL NETWORKS AND THEIR ROLE IN BUILDING A DIALOGUE BETWEEN ORGANIZATIONS AND PUBLIC INTEREST GROUPS: WESTERN EXPERIENCE

S. A. Rybalko
Baikal State University, Irkutsk

Abstract. The current study extends the investigation of online relationship building by examining how Fortune 500 companies use the popular social network site Twitter to facilitate dialogic communication with stakeholders. A content analysis of a random sample of the Twitter profiles maintained by Fortune 500 companies (n = 93) and individual tweets posted on those profiles (n = 930) examined the use of dialogic features within the Twitter profiles as well as the individual tweets. Results indicated that

organizations that have a dialogic orientation to Twitter use (61 %) employed the principle of conservation of visitors to a greater degree and generation of return visits to a lesser degree than organizations with a non-dialogic orientation to Twitter (39 %).

Keywords: Social networks, dialogue, dialogic potential of online communication, twitter.

Рыбалко Светлана Александровна – PhD, доцент, кафедра иностранных языков, факультет мировой экономики и государственного управления, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, тел.: 8(3952) 255-983, e-mail: sveta.rybalko@gmail.com

Rybalko Svetlana Aleksandrovna – PhD “Mass media communication”, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of World Economy and Public Administration, Baikal State University, 11, Lenina st., Irkutsk, 664003, tel.: 8 (3952) 255-983, e-mail: sveta.rybalko@gmail.com

УДК 061.2(571.5)

«ИНОСТРАННЫЕ АГЕНТЫ» В СИБИРИ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

А. В. ПЕТРОВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена действию Федерального закона № 121 от 20 июля 2012 г. в Сибирском федеральном округе, в частности в Иркутской области. Анализируется деятельность организаций, которые попали под действие закона, экспертные мнения и последствия применения данного закона.

Ключевые слова: «иностраный агент», федеральный закон, «Байкальская экологическая волна», общество.

10 ноября 2015 г. Министерство юстиции РФ включило одну из старейших в области НКО «Байкальская экологическая волна» в реестр некоммерческих организаций, выполняющих роль иностранного агента. Несмотря на возражения, которые были направлены от экологической организации, в декабре Минюст составил четыре протокола об административном правонарушении за отказ добровольного включения в реестр – один на организацию и три на каждого из сопредседателей. Так закон, который признан одним из самых неоднозначных в деятельности Государственной Думы РФ шестого созыва, начал действовать в Иркутской области.

По итогам проверки было доказано, что организация получила из зарубежных фондов около 2 млн руб., которые пошли на организацию конференции «Реки Сибири и Дальнего Востока»,

разработку школьной программы по эффективному использованию ресурсов и энергии, а также проект по строительству биотуалетов на Байкале. Зарубежными донорами организации являлись Норвежское общество охраны природы, Фонд «Глобал Гринрантс», Фонд «Евразия» и Тихоокеанский центр защиты окружающей среды и природных ресурсов. Однако вся эта деятельность была отнесена к политической, как и выступление одного из участников организации М. Воронцова на слушаниях по вопросам строительства центра плавления радиоактивных отходов под Ангарском, и статья активиста организации в одной из местных газет о ситуации с пожарами на Ольхоне.

13 января 2016 г. в поддержку организации высказался Уполномоченный по правам человека в Иркутской области В. А. Лукин, который призвал Управление Министерства юстиции РФ по Иркутской области пересмотреть решение: причины включения в реестр организации с 25-летним стажем экологической защиты прав в регионе неубедительны, поскольку она не занимается политической деятельностью. Но уже 29 января 2016 г. Свердловский районный суд Иркутска оштрафовал на 150 тыс. руб. организацию и на 50 тыс. руб. сопредседателей [9]. Общественники пытались оспорить решения суда, но неудачно [6]. В апреле 2016 г. «Байкальская экологическая волна» заявила о том, что будет ликвидирована [2]. 1 августа 2016 г. она исключена из списка «иностранных агентов» Минюста по причине утраты юридического статуса [9].

Здесь стоит отдельно обсудить собственно понятие «политическая деятельность», на которую ссылается закон. 13 июля 2012 г. Государственная Дума РФ, через две недели после внесения, приняла Федеральный закон № 121-ФЗ, поправив Закон 1996 г. «О некоммерческих организациях». Согласно ему, если организация занимается политической деятельностью на территории России и получает денежные средства и иное имущество от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, она признается иностранным агентом. К политической деятельности законодатели отнесли организацию и проведение политических акций «в целях воздействия на принятие государственными органами решений, направленных на изменение проводимой ими государственной политики, формировании общественного мнения»,

кроме деятельности в области науки, культуры, искусства, здравоохранения, профилактики и охраны здоровья граждан, социальной поддержки и защиты граждан, защиты материнства и детства, соцподдержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты животного и растительного мира, благотворительной деятельности [1]. Однако, проанализировав список организаций, которые попали в перечень «иностранных агентов», можно сделать вывод, что любая экологическая, воспитательная, культурная деятельность влияет на общественное мнение, следовательно, может стать основой для включения организации в «иностранные агенты».

В 2014 г. Конституционный Суд РФ вынес постановление, что НКО, которые защищают экологию, нельзя отнести к иностранным агентам, однако одним из первых в список был включен Сибирский экологический центр, который с 2000 г. занимается проблемой сохранения сибирских лесов, защитой степных экосистем, противодействием контрабанде редких животных. По мнению юристов, Минюст посчитал политической деятельностью опубликованное на сайте центра обращение к гражданам принять участие в акции в защиту активистов «Гринпис», которых хотели привлечь к уголовной ответственности за протест на нефтяной платформе «Приразломная», статью с критикой решения Госдумы о внесении изменений в Налоговый кодекс, связанных с предоставлением льгот нефтедобывающим компаниям для разработки шельфа, а также тот факт, что директор центра подписала обращение к президенту об освобождении активистов «Гринпис» [11].

На октябрь 2016 г. в списке «иностранных агентов» значилось 145 организаций, из которых 18 представляли Сибирский федеральный округ: Новосибирская область – 6, Алтайский край, Республика Алтай – по 3, Красноярский край, Омская область – по 2, Иркутская область, Забайкальский край – по 1 [9]. Отметим, что 6 организаций уже ликвидированы, следовательно, исключены из списка, а две организации (Сибирский центр поддержки общественных инициатив и Красноярское агентство общественных инициатив) доказали свою правоту и вышли из списка, сохранив право на продолжение деятельности. Так, СЦПОИ существует с 1995 г. Организация занимается экспертной поддержкой некоммерческих неправительственных организаций, работающих в

Сибирском федеральном округе. Центр является членом «Форума доноров», а его партнерами выступают Министерство экономического развития РФ, общественные палаты РФ и Новосибирской области, Ассоциация сибирских и дальневосточных городов и др. Агентство общественных инициатив (Красноярск) работает с 1999 г. По данным сайта, НКО занимается развитием гражданских инициатив и местного сообщества». Например, Агентство организовало в Красноярске десять благотворительных сезонов, а также координировало проведение акции «Весенняя неделя добра» [5].

Список организаций, выполняющих функции иностранного агента, по данным Министерства юстиции РФ

Наименование НКО	Дата включения	Дата исключения	Причина исключения
Алтайская региональная спортивно-патриотическая молодежная общественная организация «Арктика»	06.07.2016		
Региональная общественная организация «Школа экологии души «Тенгри»	17.05.2016		
Региональная общественная экологическая организация Республики Алтай «Архар»	05.04.2016	06.10.2016	Ликвидация НКО
Забайкальское краевое общественное учреждение «Общественный экологический центр «Даурия»	30.12.2015	01.09.2016	Ликвидация НКО
Иркутская региональная общественная организация «Байкальская экологическая волна»	10.11.2015	01.08.2016	Ликвидация НКО
Омская городская общественная организация «Фото клуб «Событие»	28.10.2015	16.12.2015	Ликвидация НКО
Красноярское региональное экологическое общественное движение «Друзья сибирских лесов»	28.10.2015		
Региональная общественная организация по улучшению качества жизни общества «Сибирская линия жизни»	03.09.2015		
Межрегиональный общественный экологический фонд «ИСАР – СИБИРЬ»	26.08.2015		
Алтайский краевой эколого-культурный общественный фонд «Алтай – 21 век»	22.07.2015	22.03.2016	Ликвидация НКО

Наименование НКО	Дата включения	Дата исключения	Причина исключения
Алтайская краевая общественная организация «Геблеровское экологическое общество»	23.06.2016		
Региональная общественная организация «Центр независимых исследователей Республики Алтай»	10.06.2015		
Межрегиональная благотворительная общественная организация «Сибирский экологический центр»	12.02.2015		
Некоммерческое партнерство «Институт развития прессы – Сибирь»	30.01.2015		
Межрегиональный общественный фонд «Сибирский центр поддержки общественных инициатив»	19.06.2016	21.09.2016	Прекращение выполнения функций ин. агента
Омская региональная общественная организация «Центр охраны здоровья и социальной защиты «СИБАЛЬТ»	15.02.2016		
Красноярская региональная общественная организация «Агентство общественных инициатив»	27.05.2016	21.09.2016	Прекращение выполнения функций ин. агента
Новосибирский областной общественный фонд «Фонд защиты прав потребителей»	17.04.2016	12.05.2016	Ликвидация НКО

Весной 2015 г. Ресурсный правозащитный центр выпустил доклад «Иностранцы: мифические враги и реальные потери российского общества», в котором проведен первичный анализ деятельности НКО, признанных «иностранными агентами» [4]. Поводами включения в Реестр, выяснили эксперты, становились, например, просмотр и обсуждение видеороликов или участие в велопробеге. Так, 38 % некоммерческих организаций занимались правовым просвещением и правозащитной деятельностью, 16 % – экологическими инициативами, 13 % являлись профессиональными объединениями, 11 % оказывали услуги СМИ и только 7 % наблюдали за выборами, что может быть ближе всего к политической деятельности, хотя и здесь мнения экспертов разделились [3].

Омская организация «Сибальт» занимается профилактикой ВИЧ-инфекции и программами по обеспечению информацией тех, кто подвержен дискриминации и насилию из-за своего ВИЧ-

статуса, сексуальной ориентации или гендерной идентичности. Издание брошюры «ЛГБТ. Права человека в России», в которой содержалась критика принятого в 2013 г. закона о запрете «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений», стала основанием для включения общественников в Реестр. Фото клуб из Омска выиграл грант Посольства США на участие в городском арт-фестивале «Пространство множественности». Мэрия Омска пригласила на его открытие генконсула США, и после этого Минюст решил, что фото клуб занимается «формированием социального мнения» и собирается влиять на принятие решений государственными органами [7]. Некоторые эксперты сравнивают данный российский закон с американским законодательством. Там также существует термин «политическая активность», который понимается как деятельность, направленная на изменение позиции федерального правительства по поводу внутренней или внешней политики страны. В 1938 г. в США был принят закон, направленный на борьбу с нацистской и коммунистической пропагандой, но за семьдесят лет он неоднократно менялся, и с 1966 г. для внесения организации в реестр «иностранных агентов» необходимо доказать, что она работает по просьбе иностранного заказчика либо занимается политической деятельностью в его интересах. Закон об «иностранных агентах» мог быть принят в Киргизии, однако в мае 2016 г. большинство депутатов проголосовали против этого, решив, что он негативно отразится на международном имидже государства.

В заключение можно отметить, что Закон об «иностранных агентах» стал одним из самых обсуждаемых в последние годы. Президент РФ В. В. Путин в 2015 г. подписал изменения в закон, по которому в случае неполучения иностранного финансирования в течение года организация может быть исключена из списка [8]. Не исключено, что в закон могут быть внесены и другие изменения, ведь в 2016 г. в список вошли старейшие российские организации – фонд «Династия», «Левада-центр», «Мемориал» и др.

Список литературы

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента : федер. закон от 20 июля 2012 г. № 121-ФЗ // Рос. газ. – 2012. – 23 июля.

2. «Байкальская экологическая волна» самоликвидируется [Электронный ресурс] // Иркут. репортер. – 2016. – 19 апр. – URL: <http://www.vsp.ru/social/2016/04/19/562516>.
3. «Иностранным агентам» запретили наблюдать за выборами [Электронный ресурс] // РБК. – 2014. – 8 дек. – URL: <http://www.rbc.ru/politics/08/12/2014/548470efcbb20f4643badc16>.
4. Иностранные агенты: мифические враги и реальные потери российского общества. – СПб. : Ресурс. правозащит. центр, 2015. – 81 с.
5. Красноярское НКО «Агентство общественных инициатив» признали иностранным агентом [Электронный ресурс] // Дела. ру. – 2016. – 30 мая. – URL: <http://www.dela.ru/lenta/182673/>.
6. *Махнева А.* Агенты экологии [Электронный ресурс] // Вост.-Сиб. правда. – 2016. – 16 февр. – URL: <http://www.vsp.ru/social/2016/02/16/561280>.
7. Омский фотоклуб стал соотым «иностранным агентом» [Электронный ресурс] // Большой город. – 2015. – 28 окт. – URL: <http://bg.ru/society/news/6182/>.
8. Путин призвал скорректировать закон об иностранных агентах [Электронный ресурс] // Forbes. – 2015. – 23 июн. – URL: <http://www.forbes.ru/news/292181-putin-prizval-skorrektirovat-zakon-ob-inostrannykh-agentakh>.
9. Сведения реестра НКО, выполняющих функции иностранного агента [Электронный ресурс] // М-во юстиции РФ. – URL: <http://unro.minjust.ru/NKOForeignAgent.aspx>.
10. Суд оштрафовал «Байкальскую экологическую волну» на 300 тыс. руб. за отказ от статуса иностранного агента [Электронный ресурс] // МК-Байкал. – 2016. – 1 февр. – URL: <http://baikal.mk.ru/articles/2016/02/01/sud-oshtrafoval-baykalskuyu-ekologicheskuyu-volnu-na-300-tys-rublej-za-otkaz-ot-statusa-inostrannogo-agenta.html>.
11. Экологические НКО признают иностранными агентами вопреки решению КС [Электронный ресурс] // РБК. – 2015. – 18 март. – URL: <http://www.rbc.ru/politics/18/03/2015/550812909a79475f79d367cc>.

“FOREIGN AGENTS” IN SIBERIA: CAUSES AND CONSEQUENCES

A. V. Petrov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The Article is devoted to Federal law No. 121 of July 20, 2012 in the Siberia and the Irkutsk region in particular. The article analyzes the activities of organizations that came under the operation of law, expert opinions and the implications of this law.

Keywords: foreign agent, Federal law, Baikal environmental wave, society.

Петров Алексей Викторович – кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: alexey1975irk@gmail.com

Petrov Alexey Viktorovich – Candidate of Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: alexey1975irk@gmail.com

КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ И МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОРЫ ПРОЦЕССОВ КОМПЛЕКСНОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

И. А. АРЗУМАНОВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена вопросам, связанным с влиянием конфессионального и миграционного факторов на процессы комплексного развития территорий Российской Федерации. Проводится анализ базовых документов стратегического планирования социально-экономического развития. Выявляются взаимосвязи деструкции процессов развития с фактором демографической дестабилизации. Анализируются нормативные документы, регулирующие вопросы контроля над миграционными процессами. Исследуются потенциальные угрозы для социополитической стабильности в результате активизации миграционных процессов и деятельности конфессиональных институтов в Восточно-Сибирском регионе. Делается вывод о том, что конфессиональный фактор потенциально играет дестабилизирующую роль в процессах реализации федеральных целевых программ, направленных на интеграцию российского общества.

Ключевые слова: развитие, комплексность, территория, демография, миграционные процессы, конфессиональные институты, социокультурная стабильность.

Экономическое развитие (промышленный, сельскохозяйственный секторы) на современном этапе немислимо без должного обеспечения человеческим капиталом – квалифицированными кадрами, и в целом демографического благополучия. Определяемые Прогнозом долгосрочного социально-экономического развития РФ (разработанным Министерством экономического развития РФ до 2030 г.) положения о демографическом дискурсе в социальной политике РФ базируются на целом ряде основополагающих документов, среди которых: Конституция РФ, Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, Указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 596–606, Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. и др.

Сценарные факторы роста и стагнации в демографической сфере общественных отношений непосредственно увязываются с процессами расселения населения, ростом городов, миграционной подвижностью населения (в частности, с соотношением интересов и прав мигрантов и коренного населения), демографиче-

скими процессами, развитием и размещением городской и сельской поселенческой сети. В качестве «угрозы» национальной безопасности РФ с точки зрения геополитической, социополитической и социально-экономической дестабилизации, определяются терроризм, межнациональная рознь, религиозная вражда, недостаточность трудовых ресурсов, неконтролируемая и незаконная миграция, неравномерность регионального развития, а также неустойчивость национальной системы расселения [19, п. 1-3].

Значение понятия «национальная безопасность», данное разработчиками Стратегии, базируется на необходимости обеспечения конституционных прав, свобод, достойных качества и уровня жизни граждан РФ. Взаимосвязь социально-демографического и миграционного факторов стратегических угроз выходят на первый план. И неслучайно. Например, в Иркутскую область, согласно данным Иркутскстата, за 10 месяцев 2015 г. приехали 51 689 чел., а уехало на 4831 чел. больше. Несмотря на достаточно высокий уровень рождаемости, убыль населения составила 9 % по сравнению с периодом 2000–2015 гг. Численность населения региона, с учетом миграционных процессов, сократилась. Если в 2000 г. она составляла 2 644 022 чел., то в 2015 г. – уже 2 414 913 чел. [9]. Деструктивные демографические тенденции ставят под вопрос эффективность «комплексного развития территорий». Под комплексным развитием понимается процесс устойчивого и систематизированного социально-экономического развития отдельно взятых территорий, который ведет к решению экономических, социальных проблем на федеральном и региональном уровне. В целях устранения стагнации экономического роста Стратегией национальной безопасности определяются различные меры, в том числе стимулирование трудовой миграции [19].

Постановка проблемы компенсации демографической стагнации и нехватки трудовых ресурсов за счет стимуляции процессов трудовой миграции характерна для целого ряда документов стратегического характера. Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2015 г., Концепцией долгосрочного развития РФ факторы внутренней и внешней миграции рассматриваются в качестве одного из ключевых условий улучшения демографической ситуации в стране (в частности, в Дальневосточном регионе и Сибири) (разд. 3 п. 1 Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г.) [11; 12].

В связи с этим возникают проблемы, связанные с обеспечением соотношения баланса интересов различных социальных групп, прежде всего представителей коренного населения и трудовых мигрантов. Данные проблемы по ряду позиций носят ярко выраженный социокультурный характер – имеются в виду этнические, языковые, культурные и конфессиональные различия.

Последнее достаточно примечательно, если учесть, что субъектами социально-экономической политики являются не только органы государства, местного самоуправления, но и институты гражданского общества, в том числе и конфессиональные институты.

Данный дискурс высвечивает проблематику аспектов национальной безопасности в области культуры, обозначенных в Стратегии национальной безопасности в п. 79–81. В основе посылов, зафиксированных в Стратегии безопасности, лежит базовый принцип примата культуры в обеспечении интегративной функции государства и целевой установки на «сохранение, умножение духовно-нравственных и культурных ценностей», традиционных для народов России. Если учесть, что согласно п. 6 Концепции демографической политики РФ к 2025 г. планируется довести общий ежегодный миграционный прирост до 300 тыс. чел. [11], то задачи адаптации, интеграции иммигрантов в пространство традиционной (во многом религиозно-детерминированной) российской культуры могут стать проблемой.

Одним из элементов механизма реализации данного положения является разработка соответствующих государственных программ, непосредственно направленных на преодоление тенденций изоляции мигрантов от принимающего их социума и негативного к ним отношения. В Концепции миграционной политики указывается и на необходимость формирования культуры взаимодействия между представителями различных национальностей и религий в целях избежания таких негативных последствий, как ксенофобия, национальная и расовая нетерпимость (п. 24 «е» Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г.). Это выражается термином «толерантность» [10]. Он широко используется при характеристиках социокультурных параметров государственной политики обеспечения гражданского единства. В частности, в положениях Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.)»

(далее – ФЦП), принятой во исполнение Стратегии государственной национальной политики РФ толерантность выступает в качестве структурно-смысловой, системообразующей категории [21].

В связи с этим социально-интеграционный потенциал религиозных комплексов выводится в качестве одного из системообразующих факторов. Понятийный аппарат как Стратегии, так и Федеральной целевой программы, касающийся собственно видения ракурса проблематики в условиях полиэтноконфессионального пространства РФ, определен двумя базовыми детерминантами:

1) международно-правовым блоком, определяющим обязательства РФ по сохранению этнокультурного многообразия и своеобразия и прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств;

2) необходимостью снять латентное нарастание межэтнической и межконфессиональной напряженности на фоне макроэкономической стагнации.

Посыл не случаен, поскольку согласно данным, приведенным в положениях Государственной программы Иркутской области «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Иркутской области» на 2014–2020 гг., при оценке вероятности конфликтогенной ситуации даже между коренными жителями на национальной почве оценивалась в период с 2009 по 2012 г. в возрастающей динамике (от 3,8 % до 12,9 % респондентов соответственно). За этот же период вероятность конфликтогенной ситуации между коренными жителями и мигрантами была оценена на порядок выше (от 18,7 % до 28,9 % респондентов соответственно) [20].

Взаимосвязь миграционных процессов с вопросами национальной безопасности определяется различными факторами миграционных процессов, имеющих разные маркеры. Среди основных миграционных потоков выделяют вынужденную, трудовую (или социально-экономическую) и нелегальную миграцию. Исследователи говорят о различных аспектах обеспечения безопасности в связи с миграционными факторами. Среди них военный, экономический, международный, социальный, демографический, культурный, этнический, эпидемиологический и др. [1, с. 56–72; 4; 13, с. 190–181; 14].

Криминологические и правовые проблемы миграции становятся предметом особого внимания юридического сообщества. В

частности, предметом исследования становятся некоторые аспекты взаимосвязи миграции и преступности [15, с. 83–88], миграции и криминологической безопасности [16, с. 88–91], миграции и экономической преступности [5, с. 117–121]. Особое значение приобретают вопросы, связанные с интенсивностью миграционных потоков и тенденциями этнической преступности [2, с. 128–32; 8, с. 95–109].

В социальных системах субъектов РФ, образованных по национально-территориальному признаку, вопрос об интеграционной и унифицирующей функциях этноконфессиональных институтов и вопросов социокультурной безопасности носит подчас предельно выраженный характер.

Конфессиональный код культуры зачастую является основным детерминирующим фактором как этноинтеграции (в локальных процессах), так и этнодезинтеграции (в процессах глобальных, усиливающих атомизацию социокультурного пространства). Возникает вопрос: что считать непосредственной основой духовного единения, подразумевая единство системы ценностей экзистенциального порядка? Если рассматривать религиозный фактор в качестве базового, то вопрос о духовном единстве становится практически не решаемым в рамках межконфессиональных отношений [3, с. 123–129; 6, с. 62–82; 7, с. 122–128; 17, с. 48–65].

Положения документов стратегического характера (ФПЦ и региональных реплик данной программы), направленные на всестороннее развитие этнокультурного и этноконфессионального своеобразия (как предмета политико-правовой охраны), фактически работают на дезинтеграцию общества по этноконфессиональному признаку. Данный посыл определяет и сепарационный характер процессов этнокультурной дифференциации, усугубленной конфессиональным фактором.

Вследствие этого целевые установки стратегических документов ФЦП и ее региональных реплик, в контексте этноконфессиональной детерминации, не имеют под собой реальных методологических оснований для их осуществления. На региональном уровне проблематика реализации подпрограмм государственной поддержки в сфере этноконфессиональных отношений и профилактики экстремистских проявлений на территории Иркутской области связана с конфессиональной спецификацией миграционных процессов и экономическими трудностями

ми реализации прав КМН. Региональные миграционные потоки имеют два основных конфессиональных вектора – конфуцианский (китайский) и исламский.

Китайский вектор интересен в связи с процессами выработки в Поднебесной методологии разворота интеграционного потенциала конфуцианских базовых этико-мировоззренческих комплексов (об этом будет сказано ниже).

Исламский же фактор показателен рядом характеристик. Во-первых, этническим разнообразием (татары, дагестанцы, чеченцы, ингуши, азербайджанцы, таджики, киргизы). Во-вторых, контекстом традиционных и нетрадиционных направлений ислама, определяющих практику государственных структур, ответственных за благополучие этноконфессионального «мезальянса»: сунниты (примерно 95 % от общего количества мусульман, проживающих в Иркутской области), шафииты, шииты (в том числе исмаилиты). Полиэтничность направлений ислама, активные миграционные процессы проявляются в борьбе за влияние в мусульманской умме. Еще одна достаточно любопытная грань региональных процессов реализации ФЦП имеет выраженный геополитический окрас и связана с религиозной и национальной политикой Китая, являющейся сильнейшим детонатором для проявлений экстремизма в рамках национально-освободительных движений (например, в Синьцзянь-уйгурском автономном округе). Поэтому неслучайно появление на территории Забайкалья исламских экстремистов, в ряду которых числился и небезызвестный Саид «бурятский».

Выявляемые методологические противоречия, лежащие в основе проблем реализации ФПЦ, характеризуются следующими факторами:

- отсутствием возможности использования сугубо конфессиональных детерминаций при реализации основной задачи – выработки духовного единения. В условиях поликонфессиональности данная задача становится проблемой, не имеющей в доктринальных основах конфессиональной культуры достаточных методологических оснований для ее решения;

- использованием религиозного фактора в политических целях (в том числе и глобального характера) и актуализацией управленческих функций государства в этноконфессиональной сфере общественных отношений.

Все вышеперечисленное лишь отчасти отражает специфику проблем реализации задач эффективного комплексного развития территорий, определяя фактор конфессиональности в миграционных процессах в качестве дезинтеграционного.

Список литературы

1. *Абалкин Л. И.* Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // *Вопр. экономики.* – 1994. – № 12. – С. 56–72.
2. *Алтухов С. А.* «Национальное лицо» криминальной миграции // *Новые криминальные реалии и реагирование на них* / под ред. А. И. Долговой. – М., 2005. – С. 128–132.
3. *Арзуманов И. А.* Религиозно-культурные и философско-правовые аспекты формирования гражданского единения россиян // *Учен. зап. Забайк. гос. ун-та. Сер. Философия, культурология, социология, соц. работа.* – 2014. – № 4 (57). – С. 123–129.
4. *Безопасность России: Правовые, социально-экономические и научно-технические аспекты. Экономическая безопасность – вопросы реализации государственной стратегии* : сб. материалов Всерос. конф. – М. : Знание, 1998. – 234 с.
5. *Витвицкий А. А.* Миграция и экономическая преступность // *Новые криминальные реалии и реагирование на них* / под ред. А. И. Долговой. – М., 2005. – С. 117–121.
6. *Зуляр Ю. А.* Институт губернаторства как отражение политической системы современной России: иркутский сюжет // *Иркут. ист.-экон. ежегодник: 2014.* – Иркутск, 2014. – С. 62–82.
7. *Зуляр Ю. А.* История и политика иркутских постсоветских губернаторов // *Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История.* – 2012. – № 2(1). – С. 122–128.
8. *Зюков А. М.* Миграционные потоки и тенденции этнической преступности // *Новые криминальные реалии и реагирование на них* / под ред. А. И. Долговой. – М., 2005. – С. 95–109.
9. *Иркутскстат* [Электронный ресурс]. – URL: <http://irkutskstat.gks.ru>.
10. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://migrant.ru/wp-content/uploads/2015/>.
11. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/konceptsiya/konceptsiya25.html>.
12. Концепция долгосрочного развития РФ до 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28.
13. *Метелёв С. Е.* Национальная безопасность и приоритеты развития России: социально-экономические и правовые аспекты : монография / С. Е. Метелёв. – М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006. – 223 с.
14. *Новые криминальные реалии и реагирование на них* / под ред. А. И. Долговой. – М. : Рос. крим. ассоциация, 2005. – 300 с.
15. *Номоконов В. А.* Некоторые аспекты взаимосвязи миграции и преступности // *Новые криминальные реалии и реагирование на них* / под ред. А. И. Долговой. – М., 2005. – С. 83–88.
16. *Перекрестов В. Н.* Миграция и криминологическая безопасность / В. Н. Перекрестов, Н. А. Кутепова // *Новые криминальные реалии и реагирование на них* / под ред. А. И. Долговой. – М., 2005. – С. 88–91.

17. Силантьева М. В. Компаративный анализ ревитализации национально-культурного мифа в религиозном измерении: Россия vs Западная Европа // Изв. ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. – 2016. – № 16. – С. 48–65.

18. Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. : утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/70284810/>.

19. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. : утв. Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537 [Электронный ресурс]. – URL: rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html.

20. Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Иркутской области : гос. программа Иркут. обл. на 2014–2020 гг., утв. постановлением Правительства Иркут. обл. от 30 дек 2013 г. № 628-пп [Электронный ресурс]. – URL: <http://irkobl.ru/sites/ngo/national/unity/>.

21. Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 гг.) : федер. целев. Программа : утв. 19.12.2012 [Электронный ресурс]. – URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp>.

CONFESSIONAL AND MIGRATION FACTORS OF THE PROCESSES OF COMPREHENSIVE DEVELOPMENT OF TERRITORIES

I. A. Arzumanov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article examines the issues concerning the influence of migration and confessional factors on the processes of comprehensive development of territories in the Russian Federation. The research provides analysis of the basic documents for strategic planning of socio-economic development. The paper discovers a correlation between the destruction of the development process and the factor of demographic destabilization. The study provides analysis of regulations governing the control of migration processes. The paper examines potential threats to the socio-political stability as a result of increased migration and activity of religious institutions in the East Siberian region. It is concluded that the confessional factor potentially plays a destabilizing role in the implementation of federal target programs aimed at the integration of Russian society.

Keywords: development, complexity, territory, demography, migration, religious institutions, social and cultural stability.

Арзуманов Игорь Ашотович – доктор культурологии, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Юридический институт, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: arzumanov@mail.ru

Arzumanov Igor Ashotovich – Doctor of Culturology Sciences, the Department of Theory and History of State and Law, Law Institute, Irkutsk State University, 1-412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: arzumanov@mail.ru

РОЛЬ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНФЕССИОНАЛЬНОМ И НАУЧНОМ ОПЫТЕ ДАГЕСТАНА

Т. Е. ВОРОНИНА

Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

Аннотация. Исследуются особенности субъектно-объектных отношений в конфессиональном и научном опыте Дагестана, анализируется роль релятивизма, который в период глобализации обостряет национальное самосознание населения, активизирует роль религии и порождает экстремизм в регионе.

Ключевые слова: релятивизм, религия, глобализм, этносы, субъект, конфессиональный опыт, наука, объект, общество.

Глобализация трактуется как объективный процесс всеобщего развития мира на основе целостной экономической, социокультурной и политической суперсистемы капитализма. Но чаще глобализацию рассматривают как антисоциализм, как процесс, во многом «рукотворный». «Говоря об этом процессе, нельзя игнорировать следующие его последствия: насаждение единых стандартов, препятствия для развития отечественного производства, игнорирование специфики и традиций, рост национализма в экономически слабых странах» [1, с. 1278–1280].

Сегодня нет более важной сферы, чем реализация концепции «религия и государство» на государственном и региональном уровне. В связи с этим напомним, что понятие и идея субъекта существуют не сами по себе, а связаны с исторической сменой научных парадигм. В широком понимании субъект проявляет свою внутреннюю антропологическую сущность и интегративные свойства на правовой основе, являясь смыслом и сущностью внутрипарадигмального действия. По отношению к объекту субъекты проходят три этапа: 1) они ставят перед объектом определенные цели, которые хотят реализовать; 2) доказывают необходимость решения этих вопросов; 3) уточняют качественную характеристику и объективность антропологического участия. Это значит, что сфера природы и интересов религиозных групп, сект и общин должна быть под контролем местной власти в качестве профилактики экстремизма. Как известно из истории, в любом государстве субъектом духовного и материального творчества является народ. Еще ни разу «...отпадение субъекта от мира

не происходило» [3, с. 8]. И. Кант также констатировал «активность познающего субъекта» [4]. Данные умозаключения верны, так как аксиологизм феномена глобализма выглядит неоднозначно.

Каждая религия субъектна по отношению к той или иной государственной системе (объекту) и стремится по-своему, на исторических примерах, используя факторы чудодейственности, сформулировать законы бытия, совместить их с государственными. На этом общекультурном фоне государственная задача видится в том, чтобы свести эти законы к их главной сути, подкрепив государственными мерами, определив их в виде системы. Однако государственный подход к религии имеет несколько иные критерии. «Государство может заключать с религиозной организацией договор, определяющий их взаимоотношения, но договор не освобождает религиозную организацию от выполнения определенных обязанностей как субъекта, подчиняющегося установленному общественному и правовому порядку в стране. Государство может привлекать к различным видам ответственности руководителя или саму организацию, но, как правило, эта ответственность связана с нарушением многочисленных административных правил, установленных государством. Несмотря на разные характеристики государств, все они используют одинаковые административно-правовые инструменты в отношении религиозных организаций: регистрация и лицензирование, признание и аккредитация, запреты и ограничения, контроль и ответственность» [7, с. 6].

После победы Октябрьской революции, в первых декретах большевиков был взят курс на борьбу с религией, как ложным мировоззрением и воспитание нового человека, лишённого религиозных предрассудков. Ставилась задача формирования у людей научно-материалистического понимания таких духовных ценностей и нравственных идеалов, которые способны были освободить их сознание от бесплодных иллюзий и несбыточных ожиданий. Борьба возымела успех, и у части населения в результате титанических усилий государства было сформировано материалистическое миропонимание, что привело к осознанию своего культурного богатства и творческих возможностей. Однако в дальнейшем причин к возрождению религии оказалось немало. Как отмечал К. Маркс, «религия всегда являлась показателем несовершенства бытия общества» [6, с. 368]. Изменение моти-

вазии деятельности Российского государства, усложнение социальных связей и т. д. явились причинами высокого роста религиозности, вызвали повышенную этническую конфликтность во всей России. Глобализация без учета проблем этносов ведет к всеместному распространению религии, порождает бесконтрольность на местах и, в конечном счете, способствует изменению статуса территорий. интерес к религии поощряется на всех уровнях власти. Особенно это проявилось в ряде республик Северного Кавказа. Необходимо в связи с этим выделить ряд субъектно-объектных программ и рассмотреть, носителями каких идей и установок они являются для населения и местных аппаратов власти.

Заметим, что сектанство получает право на существование и вовлекает в свои ряды людей, которые хотят получить ответы на волнующие их вопросы, в чем не всегда могут быть заинтересованы власти. Эта тема – «вечная» в идеологии нашей страны. Глобализация в отношении к религии регионализирует, конкретизирует и определяет цель и способ ее влияния на регион. Религиозная и национально-культурная реакции на глобализм со стороны населения понятны в целом, но неприемлемы в качестве протеста на региональном уровне, допустимы лишь только как критика. Соответственно, глобальная культура может не только способствовать объединению или участвовать в «религиозном ренессансе», но и разъединять, укрупняя одних и умаляя других. В положительном плане внутренний инструментарий глобализма как бы нацелен на конкретику развития отдельных программ, однако ослабление роли национальных правительств, социальное размежевание являются заметным итогом усиления местничества, проявления субъективизма. «Религиозность населения зависит от социально-экономических, территориальных, социополитических, исторических, конфессиональных и этнических факторов. В целом по России это соотношение составляет примерно 3:1. Оно совпадает в Центральном, Северо-Западном, Уральском и Сибирском федеральных округах. В Южном и Приволжском религиозное население превышает нерелигиозное в 4 раза (4:1). И только в Дальневосточном Федеральном Округе данное соотношение равно (1:1)» [5, с. 103].

Уровень религиозности населения в Северо-Кавказском федеральном округе сегодня – самый высокий по России. Надо сказать, что рост религиозности не прекращается, особенно среди

мусульман. Самоидентификация населения в вопросах веры и атеизма в СКФО в процентном отношении выглядит так: атеизм исповедуют 5 %; иудаизм – 1 %; ислам – 41 %; протестантизм – 13 %; православие – 40 %.

В отличие от западной глобальной религиозности в Дагестане религиозность объявляется неповторимым культурным достоянием всех конфессий. Атеизм как одна из форм идеологии не занял ведущего положения в ментальности населения республики. Конечно, в этом многообразии культур «идея должна, прежде всего, действовать не на рациональную, а на эмоциональную сферу» [2, с. 38]. Но атеизм, совсем недавно рассматриваемый нашими учеными как инструмент общественных движений и классовой борьбы, хотя и не устоял под натиском святых писаний, что привело, в конечном счете, к возрождению религии и к смене парадигм, однако он достойно опирается на учение о материализме, ведь законы диалектики еще никто не отменял! Они вечны, как и идея единого бога. Некоторое шарханье в сторону религии оказалось не очень эффективным инструментом в вопросе определения ее роли и места в обществе. Но, как показывает практика, никакая религия не является непреодолимым препятствием на пути прогрессивного развития общества и правильного решения вопросов духовной и материальной культуры, а также соблюдения законов диалектики, но давно пора понять, что наша эволюция требует иных подходов, нежели прежде. Необходимо разобраться и в том, почему американцы считают, что «наши действия, в основном, обусловлены памятью, традицией и мифом» [8, с. 3–5]. К этому их мнению следует прислушаться, присмотреться. Может быть, и оспорить его.

Особенностью Дагестана является активизация межсубъектных и субъектно-объектных отношений в решении конфессиональных вопросов, в повышении роли традиционного и инновационного в культуре этносов, роли науки. Его пример в поле субъектно-объектных отношений представляет собой важную тему для отечественных и зарубежных исследователей. Острота межконфессиональных отношений в республике требует повышения роли образования, усиления борьбы за мир. Возникает необходимость подготовки молодежи к мирному строительству и управлению обществом.

Разработка темы о субъектно-объектных отношениях для других регионов на примере Дагестана в ее диалектическом понимании позволяет признать роль религии как катализатора перемен. Толерантное взаимодействие разных культур и религий касается как внутренних, так и внешних проблем субъектно-объектных отношений в государстве и требует правопорядка. Хотя религия в XXI в. редко выступает как единственный источник конфликтов на религиозной и национальной почве, политикам все же необходимо принимать во внимание уровень и значимость религиозности в регионах, где проживает население, в своем большинстве исповедующее ислам, опорой которого исторически являются именно обычаи и традиции. Надо думать о том, как гармонизировать на местном уровне эту конфессию с другими. Прежде всего необходимо обратить внимание на решение социальных вопросов.

Выводы

История религиозных разногласий насчитывает несколько столетий. В наше время конфликты на религиозной почве отмечаются в мире с 80-х гг. XX в. Наиболее ожесточенный характер имеют столкновения между мусульманами и христианами.

Миротворческая деятельность религиозных общин, организаций, движений должна способствовать смягчению межконфессиональной напряженности в нашей стране. Ответственность за регулирование этого процесса, конечно же, в первую очередь, ложится на государство в лице его руководителей, в том числе регионов.

Список литературы

1. *Гутарева Н. Ю.* Проблема глобализации современной культуры / Н. Ю. Гутарева, Н. В. Виноградов // Молодой ученый. – 2015. – № 9. – С. 1278–1280.
2. *Дьяконов И.* История эмоций // Знание – сила. – 1988. – № 5. – С. 38.
3. *Ильин А. Н.* Субъект в массовой культуре современного общества потребления : монография / А. Н. Ильин. – Омск : Амфора, 2010. – 376 с.
4. *Кант И.* Критика чистого разума / И. Кант. – М. : Мысль, 1994. – 591 с.
5. *Кублицкая Е. А.* Особенности религиозности в современной России // Социол. исслед. – 2009. – № 4. – С. 96–107.
6. *Маркс К.* О религии / К. Маркс, Ф. Энгельс, В. Ленин. – М. : Политиздат, 1983. – 368 с.
7. *Мещеряков Д. А.* Глобализация в религиозной сфере общественного бытия : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Д. А. Мещеряков. – Омск, 2007. – 24 с.
8. *Шлезингер А.* Циклы американской истории / А. Шлезингер. – М. : Прогресс, 1992. – 692 с.

THE ROLE SUBJECTIVE-OBJECTIVE REFERENCE IN THE CONFESSIONAL AND SCIENTIFIC EXPERIENCE OF THE DAGESTAN

T. E. Voronina
Dagestan State University, Mahachkala

Abstract. In this article explores the work peculiarity subjective-objective reference in the confessional and scientific experience of the Dagestan, analysis the role relativism, which in the time of the globalism aggravation the national self-awareness of the people of the population, activates the role of the religion and produce the extremism in the region.

Keywords: relativism, religion, globalism, nations, subject, confessional experience, science, object, society.

Воронина Татьяна Евгеньевна – кандидат философских наук, кафедра философии и социологии, Дагестанский государственный университет, 367000, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Гаджиева, 43-а, тел.: 8 (8722) 68-23-26, e-mail: spasibo51@mail.ru

Voronina Tatiana Evgenievna – Candidate of Philosophy Sciences, Department of the Philosophy and Sociology, Dagestan State Universities, 43-a, Hajiyev st., Makhachkala, Republic of Dagestan, 367000, tel.: 8 (8722) 68-23-26, e-mail: spasibo51@mail.ru

УДК [323.28+297](669.1)

ФАКТОРЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ МУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ НИГЕРИИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

С. А. ГОРОХОВ
Институт географии РАН, г. Москва

Р. В. ДМИТРИЕВ
Институт Африки РАН, г. Москва

Аннотация. Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что появление новых ячеек исламских экстремистских организаций, таких как «Боко Харам», наиболее вероятно в пределах территорий, населенных преимущественно мусульманами. Чем ниже уровень их грамотности и уровень доходов, тем выше эта вероятность. Выявлено, что потенциальный вектор дальнейшего территориального развития «Боко Харам» имеет западное и северо-западное направление.

Ключевые слова: Нигерия, административно-территориальные единицы, религиозная структура населения, исламский экстремизм, «Боко Харам».

В последнее время в связи с активизацией деятельности в регионах бассейна озера Чад исламских радикальных организаций (прежде всего запрещенной в России «Боко Харам»¹) данные тер-

¹ С 2015 г. – «Западноафриканская провинция Исламского государства». Однако далее в настоящей статье мы сохраним за группировкой ее старое название.

ритории стали привлекать все более пристальное внимание представителей различных областей научного знания. Главным очагом нестабильности в бассейне озера Чад в сегодня является северо-восток Нигерии – основной район деятельности «Боко Харам». Рост нестабильности здесь, как отмечается в [2], связан в первую очередь с усилением процесса конфессиональной поляризации населения. По заявлению лидеров группировки, Нигерия должна быть разделена на 2 государства, соответствующих в своих границах северной (мусульманской) и южной частям страны. Более того, во всей Нигерии должен быть введен шариат, а жители страны, не являющиеся мусульманами, должны принять ислам [12]. Таким образом, как представляется, исламистский «вектор» является определяющим в развитии деятельности группировки: иными словами, вероятность возникновения новых и развития существующих ячеек «Боко Харам» наиболее высока в населенных прежде всего мусульманами районах Нигерии, а также пограничных регионах Нигера, Чада и Камеруна.

Несмотря на то что «...некоторые исламские ученые отрицают, что последователи Мохаммеда Юсуфа¹ – мусульмане» [8, р. 136], последний, тем не менее, призывал именно «... мусульманское сообщество исправить вероучение, поведение и мораль, ...дать детям правильное исламское образование, чтобы затем осуществить джихад на пути Аллаха» [11, р. 12]. Отводя, таким образом, одну из основных ролей в достижении поставленных целей образованию, М. Юсуф, тем не менее, делал акцент на запрете того, что подпадает под определение «западный тип образования»². Вполне ожидаемо, что распространение нового (по М. Юсуфу) типа образования будет происходить эффективнее там, где любое образование, в целом, не получило широкого распространения, чем в районах, где необходимо «замещение» сложившегося под влиянием уже полученного образования образа жизни. В этой связи в качестве второй составляющей успеха распространения экстремистской идеологии нам видится низкий уровень образования населения.

Одной из основных задач «Боко Харам» М. Юсуф видел также «свержение существующего в Нигерии политического режима

¹ Основатель и лидер «Боко Харам» с 2002 по 2009 г.

² Один из вариантов перевода названия группировки на русский язык – «Западное образование – грех».

и замену его на государственную модель по типу халифата; введение в стране исламских правовых норм» [3, с. 29]. В настоящее время уровень жизни большинства населения страны – «жертв ресурсного проклятия и свирепствующей укоренившейся коррупции» – имеет более низкие значения, чем даже после получения независимости в 1960 г. [7]. При этом уровень жизни населения мусульманского Севера Нигерии ниже, чем христианского Юга. Это создает известную политическую напряженность внутри страны и способствует обострению межконфессиональных противоречий. Таким образом, посеянные еще до появления экстремистов семена недовольства могут быть с большим успехом возвращены ими прежде всего на тех территориях, где ниже уровень жизни и выше количество недовольных сложившейся политической и экономической ситуацией жителей Нигерии. Действительно, как справедливо отмечается в [1, с. 58] применительно к Африке в целом, частые конфликты здесь «...обусловлены скорее низким уровнем доходов населения, а не большой конфессиональной неоднородностью».

Вполне закономерно ожидать, что исламистская группировка «Боко Харам» при прочих равных условиях может рассчитывать на большую поддержку в тех частях Нигерии, где проживает значительное число мусульман. Если говорить о стране в целом, то, по данным DHS [10], адепты христианства составляют абсолютное большинство населения – 51,2 %¹. Если рассматривать религиозный состав штатов Нигерии, то мусульмане составляют абсолютное большинство во всех штатах Северо-Восточной и Северо-Западной (кроме штата Кадуна) геополитических зон Нигерии, а также в штатах Нигер и Квара Северо-Центральной зоны.

Было установлено, что среди одиннадцати штатов и одной столичной территории, подушевой ВВП которых превышает средний по стране (1157 долл. в 2007 г.), мусульмане преобладают лишь в трех, в то время как христиане – в остальных девяти. При этом среди остальных 25 штатов с доходом ниже среднего не наблюдается столь четкой дифференциации по религиозному признаку, хотя незначительно преобладают мусульманские регионы.

Следует подчеркнуть, что наименьшие показатели грамотности населения характерны для тех штатов Нигерии, где преобла-

¹ По другим данным, в Нигерии наблюдается паритет между числом христиан и мусульман, при этом ни одна из общин не составляет абсолютного большинства [12].

дают мусульмане (Северо-Запад, штат Нигер и Северо-Восток, исключая штат Адамава). В то же время среди остальных штатов с более высоким уровнем грамотности лишь в пяти адепты ислама составляют абсолютное или относительное большинство населения.

Использование иерархического кластерного анализа позволило сгруппировать штаты Нигерии в четыре кластера по степени вероятности возникновения новых ячеек исламских экстремистских организаций: крайне высокая, высокая, низкая, крайне низкая. В качестве наиболее вероятных районов с точки зрения распространения существующих и возникновения новых ячеек исламских экстремистских организаций нами были выделены административно-территориальные единицы прежде всего Северо-Восточной и Северо-Западной геополитических зон Нигерии, а также приграничные с ними регионы Нигера и Чада.

Несмотря на то что между государствами бассейна озера Чад существует достаточное большое число неконтролируемых участков границ, организованные (в том числе военные) действия их правительств налагают существенные ограничения на масштабы трансграничного распространения «Боко Харам». Таким образом, наиболее вероятным вектором развития данной группировки является западный и, в меньшей степени, северо-западный.

В современной ситуации возникновение и распространение «Боко Харам» обусловлено, как представляется, действием не только упомянутых в настоящей статье факторов, но и этнической составляющей. Действительно, представители народа канури, образующие основу группировки, составляют значительную часть населения штатов Борно (41,8 %), Йобе (13,9 %) и Адамава (7,8 %), а также некоторых пограничных регионов Нигера, Чада и Камеруна [6] – т. е. той территории, которая была обозначена в 1960-е гг. панканури-движением как Greater Kanowra [9]. При этом, как справедливо отмечается в [4], если ранее до 90 % «Боко Харам» составляли канури, то в настоящее время она «...стремится создать панэтническое исламское движение».

Большая опасность таится в разворачивании деятельности внутри Нигерии. В этой связи наиболее вероятным следующим этапом на пути достижения экстремистами своих целей выглядит именно дестабилизация экономической и политической обстановки внутри государства, которая, в свою очередь, может иметь своим следствием усиление сепаратистских настроений, получе-

ние широкой автономии в пределах существующих границ Нигерии и, тем самым, выход на региональный уровень с перспективой создания собственных государственных образований с включением частей приграничных государств.

Список литературы

1. *Горохов С. А.* Религиозная мозаичность как фактор экономического развития регионов современного мира // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2014. – № 4. – С. 56–61.
2. *Дмитриев Р. В.* Межобщинный конфликт в Нигерии как результат конфессиональной поляризации населения Африки / Р. В. Дмитриев, И. А. Захаров // Изв. ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 13. – С. 109–116.
3. *Зеленев Е. И.* Феномен исламского образования // Азия и Африка сегодня. – 2015. – № 10 (699). – С. 25–30.
4. *Лебедева Э. Е.* «Бoko Харам» и региональная нестабильность // Запад – Восток – Россия. – 2014 : ежегодник / отв. ред. В. Г. Хорос, Д. Б. Малышева. – М., 2015. – С. 167–173.
5. Нигерия. – М. : Ин-т Африки РАН, 2013. – 378 с.
6. Afrobarometer: An African-led series of national public attitude surveys on democracy and governance in Africa [Electronics recours]. – URL: <http://www.afrobarometer.org/>.
7. Curbing Violence in Nigeria (II): The Boko Haram Insurgency (Africa Report No. 216). – Brussels : International Crisis Group, 2014. – 62 p.
8. Pérouse de Montclos M.-A. Boko Haram and politics: From insurgency to terrorism // Boko Haram: Islamism, Politics, Security and the State in Nigeria / ed. by M.-A. Pérouse de Montclos. – Leiden : African Studies Centre, 2014. – P. 135–157.
9. Tanchum M. Al-Qa'ida's West African Advance: Nigeria's Boko Haram, Mali's Touareg, and the Spread of Salafi Jihadism // Israel Journal of Foreign Affairs. – 2012. – Vol. 6, no. 2. – P. 75–90.
10. The Demographic and Health Surveys (DHS) Program. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dhsprogram.com>.
11. Thurston A. 'The disease is unbelief': Boko Haram's religious and political worldview. – Washington : Brookings Institution, 2016. – 30 p.
12. Walker A. What Is Boko Haram? (Special Report). – Washington : United States Institute of Peace, 2012. – 16 p.

THE FACTORS OF MUSLIM RADICALIZATION IN NIGERIA: REGIONAL LEVEL

S. A. Gorokhov
Institute of Geography (RAS), Moscow
R. V. Dmitriev
Institute for African Studies (RAS), Moscow

Abstract. We propose the working hypothesis that the emergence of new cells of Islamic extremist organizations such as Boko Haram most likely within the territories predominantly populated by Muslims. The lower their income level and literacy rate, the higher the probability of emergence. We revealed that Boko Haram has the western and north-western potential direction of its territorial development.

Keywords: Nigeria, territorial-administrative units, religious structure of population, Islamic extremism, "Boko Haram".

Горохов Станислав Анатольевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, лаборатория географии мирового развития, Институт географии РАН, 119017, г. Москва, Старомонетный пер., 29, тел.: 8 (495) 959-37-43, e-mail: stgorohov@yandex.ru

Gorokhov Stanislav Anatolievich – Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Recreational Geography and International Development, Institute of Geography RAS, 29, Staromonetny st., Moscow, 119017, tel.: 8 (495) 959-37-43, e-mail: stgorohov@yandex.ru

Дмитриев Руслан Васильевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Центр глобальных и стратегических исследований, Институт Африки РАН, 123001, г. Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, тел.: 8 (495) 6910061, e-mail: dmitrievrv@yandex.ru

Dmitriev Ruslan Vasilievich – Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Center for Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, 30/1, Spiridonovka st., Moscow, 123001, tel.: 8 (495)6916100, e-mail: dmitrievrv@yandex.ru

УДК 342.552

ФРАНЦУЗСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА СУБНАЦИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ: СПЕЦИФИКА ЭВОЛЮЦИИ И РАЗВИТИЯ

М. Л. ЛЕБЕДЕВА

*Российский государственный аграрный университет – МСХА
имени К. А. Тимирязева, г. Москва*

Аннотация. Предметом исследования является региональная политика Франции в историко-политико-правовой ретроспективе. В качестве объекта исследования выступают политические сообщества субнационального уровня (регионы) Франции. Комплексное изучение всех аспектов французской модели регионализма позволило автору выделить специфику эволюции и тенденции развития регионов Французской Республики.

Ключевые слова: регион, власть, модель, регионализм, эволюция, развитие.

Второй ступенью функционирования государственной власти является региональный уровень государственного управления. Франция прошла в своем развитии эволюцию процесса регионализации (реального процесса перераспределения полномочий от центра к регионам; процесса структурирования политического пространства [7, с. 24]), что проявилось в исторической традиции и политической практике.

Отношения федерального центра и регионов – сложная проблема федерализма, решение которой – в углублении теоретиче-

ских знаний о моделях политико-правового регулирования государственно-территориального развития. Интерес представляет опыт унитаризма, а именно французской модели организации властных технологий на уровнях: государство – регион; регион – регион. Политической системе Французской Республики свойственен регионализм как стратегия, основанная на согласии внутри региона, направленная на создание более сильных и эффективных политических и административных структур с целью его ускоренного развития, граничащая с формой организации федеративного государственно-территориального построения. Регион является субъектом принятия политических решений, субъектом самоуправления и фактором политического давления.

Французская федерация регионализма, исторически первая в Европе, сложилась к 1990 г. [9, с. 50]. В качестве субъекта политической регионализации определился политический регион. Территориально Франция состоит из 27 регионов (22 региона находятся в метрополии, 5 заморских регионов, включающих по 3–8 департаментов) [8, с. 117]. Статус регионов является одинаковым, что подтверждено ст. 72 Французской конституции: регионы – это «территориальные сообщества», которые «свободно управляются избранными советами» [4].

Основы регионализма заложены в период Французской буржуазной революции (1789–1799 гг.). Были проведены реформы централизации управления, унификация правового статуса и структуры региональной власти, организации самоуправления [3, с. 122]. Как единицы организации политического пространства, регионы были образованы 5 апреля 1919 г. Законом от 19 апреля 1941 г. в образовавшихся 17 регионах были поставлены региональные префекты, каждый из которых являлся одновременно префектом департамента. Таким образом, власть центральная и региональная объединились в лице одного должностного лица. Количество регионов увеличивается, и к 1956 г. французская территория насчитывает уже 21 регион. Закон от 5 июля 1972 г. наделил регионы особым статусом публично-правовой структуры, создав представительный орган управления – региональный совет. Имея статус местного коллектива, с 1982 г. регионы были наделены полномочиями самоуправления (формирование собственного бюджета, планирование, благоустройство территории, профессиональная подготовка, транспорт, культура, научные исследования и пр.) [7, с. 24].

В последние годы политического развития наблюдаются тенденции сокращения количества регионов, в связи с чем президентом Франции Франсуа Олландом 2 июня 2014 г. был представлен проект реформирования регионального деления страны. Основное содержание проекта сводится к слиянию части регионов и сокращению их общего числа с 22 до 14 [11]. Новое территориальное устройство, на основе принятого 16 января 2015 г. закона, начало действовать с 1 января 2016 г. [14].

Регионы выступают одной из сторон модели французской региональной политики «Субсидиарная интеграция» – *Modèle français de «Intégration filiale» de la politique régionale* [5, с. 1067–1069]. Принцип subsidiarности означает следующее – властные технологии центрального уровня должны быть максимально приближены к региональному уровню, власть центра обладает необходимыми средствами для поддержания стабильности, безопасности и порядка в регионе. Центральная власть должна выполнять subsidiарную (вспомогательную) роль, решая только те тактические задачи, которые не могут быть эффективно выполнены на региональном (локальном) уровне [2, с. 13–15].

Поскольку природа французского региона является институциональной, Франция имеет пятиуровневое административно-территориальное деление: регионы, департаменты, округа, кантоны и коммуны. В то же время кантоны и округа не имеют собственных властных органов, поэтому региональная власть организуется на трех уровнях – регион, департамент и коммуна. Основной вопрос состоит в установлении «баланса между политическим центром и регионом, между властью государства и правами граждан, между национальными и государственными интересами» [9, с. 56].

Система административных политических сообществ субнационального уровня Франции регламентируется: Конституцией Французской Республики от 4 октября 1958 г.; Законом от 5 июля 1972 г.; Законом от 2 марта 1982 г. о правах и свободах коммун, департаментов, регионов; Законом от 7 января 1983 г. о распределении компетенций между государством и коммунами, департаментами и регионами; Законом от 6 января 1986 г. о выборах в региональный совет; Законом от 3 февраля 1992 г. о статусе местных депутатов; Законом от 6 февраля 1992 г. о территориальном управлении Республики; Законом от 21 февраля 1996 г., утвер-

дившим Кодекс территориальных сообществ и регулирующим всю систему местного самоуправления (действует с 2000 г.), и др. [6, с. 107–108].

Регион был создан по образцу коммун и департаментов. Отличает его от департамента то, что в каждом регионе учреждаются экономические и социальные комитеты. Они необходимы для реализации национального и собственного плана развития. Фактически экономические и социальные комитеты в регионах и Экономический и социальный совет на национальном уровне могут рассматриваться как институционализированные формы лоббистской деятельности [1, с. 10]. Кроме того, регионам дано право заключать контракты с государством в целях исполнения планов. Важные компетенции имеет регион в социальной сфере, особенно в профессиональном и профессионально-техническом обучении. Так, например, регионы получили возможность создавать свои программы по профессиональному обучению. К региону перешли также некоторые полномочия в культурной сфере, в области транспорта и строительства жилищ.

Декретами и законами урегулировано финансовое положение региона [1, с. 47]. Регион стал получать средства от местных коллективов и от государства, наделен правом производить займы, получать дарения и имущество по завещанию, вводить обязательные и факультативные налоги. Однако финансовые возможности региона ограничены, они представляют собой только административный уровень, не имея гарантированного конституционного статуса.

Начиная с 1982 г. региональный совет с разрешения правительства может заключать соглашения в рамках приграничного сотрудничества с территориальными коллективами иностранного государства, имеющего с регионом общую границу [Там же, с. 50–55]. Сотрудничество осуществляется в рамках Совета Европы на основе Конвенции об основах приграничного сотрудничества территориальных коллективов или территориальных органов власти.

Представителем государства в регионе является префект региона (комиссар республики региона, он же – префект департамента, в котором находится главный город региона) [Там же, с. 55–66]. Префект региона участвует в подготовке решений центральных государственных органов по уполномоченному регио-

ну, осуществляет административный контроль за законностью решений регионального совета и его председателя, руководит деятельностью местных служб центральных государственных административных органов, заключает договоры между государством и регионом при разработке и исполнении плана, ежегодно направляет премьер-министру доклад об исполнении национального и регионального планов.

В рамках региональной политики регламентируются взаимосвязи между центром и регионами, определяются права и полномочия административных единиц, складывается практика влияния центра на регионы и регионов на центр. Организация власти региона тесно связана с организацией общенациональной власти. В централизованном государстве основным принципом организации региональной власти является контроль со стороны центральной власти, что подразумевает создание политически зависимых властных органов. В федеративном государстве региональная власть обычно является проекцией общенациональной власти, повторяя на более низком управленческом уровне те же самые организационные формы.

Для России характерна многоуровневая структура региональной политики. Она должна соответствовать определенной региональной стратегии – единым, концептуально проработанным положениям политики государства применительно к регионам. Региональная стратегия государства основывается на выборе способов решения двух проблем: эффективной интеграции территорий (здесь сталкиваются унитаризм и федерализм) и контроля над зонами геополитического риска: пограничными, сепаратистскими, спорными, стратегически важными. Соответственно, актуальна проблема выбора формы государственно-территориального устройства: между концепцией унитарного государства и федеративной моделью.

Список литературы

1. Алферова Е. В. Регионализм во Франции (нормативные материалы) / Е. В. Алферова. – М. : ИНИОН РАН, 1994. – 103 с.

2. Андреев В. В. Проблемы делегирования отдельных государственных полномочий органам местного самоуправления в Российской Федерации / В. В. Андреев, Н. А. Иванцова // Пробелы в рос. законодательстве. – 2015. – № 1. – С. 13–15.

3. Евдокимов В. Б. Местные органы власти зарубежных стран: правовые аспекты / В. Б. Евдокимов, Я. Ю. Старцев. – М. : Спарк, 2001. – 251 с.

4. Конституция Французской Республики. Официальный сайт Конституционного совета Франции [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.conseil-constitutionnel.fr/conseil-constitutionnel/francais/la-constitution/la-constitution-du-4-octobre-1958/la-constitution-du-4-octobre-1958.5071.html>.

5. Лебедева М. Л. Модель региональной политики Франции в условиях российского федерализма // Политическая наука перед вызовами современной политики : материалы VII Всерос. конгресса политологов. – М., 2015. – С. 1067–1069.

6. Лебедева М. Л. Модель региональной политики Французской Республики: проблемы применения в России / М. Л. Лебедева. – М. : МГУП, 2013. – 172 с.

7. Лебедева М. Л. Процесс регионализации Франции: история и эволюция // Проблемы в рос. законодательстве. – 2015. – № 5. – С. 23–25.

8. Лебедева М. Л. Французский регионализм: политико-правовое исследование // Бизнес в законе : экон.-юр. журн. – 2015. – № 2. – С. 115–119.

9. Макарычев А. С. Регионализм: проблемы и перспективы // Обществ. науки и современность. – 1991. – № 3. – С. 50–58.

10. О сокращении регионов, региональных и ведомственных выборах и о внесении изменений в избирательный календарь : закон № 2015-29 от 16 янв. 2015 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=JORFTEXT000030109622>.

11. Четыре вопроса наилучшего понимания территориальной реформы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/2014/06/18/01002-20140618ARTFIG00019-quatre-questions-pour-mieux-comprendre-la-reforme-territoriale.php>.

FRENCH SUBNATIONAL POLITICAL COMMUNITY: THE SPECIFICS OF THE EVOLUTION AND DEVELOPMENT

M. L. Lebedeva

Russian State Agrarian University – MSHA K. A. Timiryazev, Moscow

Abstract. The subject of the study is regional policy of France in the historical-political-legal retrospect. As the object of study are the political community, subnational (regions) of France. A comprehensive study of all aspects of the French model of regionalism allowed the author to identify the specifics of the evolution and trends of the French Republic regions.

Keywords: region, power, model, regionalism, evolution, development.

Лебедева Маргарита Леонидовна – кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева, 127550, г. Москва, ул. Тимирязевская, 49, тел.: 8(499) 976-0480; e-mail: lebedevameg@mail.ru

Lebedeva Margarita Leonidovna – Candidate of Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science, Russian State Agrarian University – MSHA K. A. Timiryazev, 49, Timiryazevskaya st., Moscow, 127550, tel.: 8(499) 976-0480, e-mail: lebedevameg@mail.ru

БРЕТОНСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н. Е. ЧУГУНОВА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Дается краткий обзор путей развития бретонского регионализма. Рассмотрены основные исторические вехи развития региона Бретань, отражены экономические и политические особенности бретонского регионализма на современном этапе.

Ключевые слова: бретонский регионализм, Бретань, Франция, регион, политические партии, политическая культура.

Бретань – один из регионов Франции, обладающий наибольшей оригинальностью и переживший многие эпохи. Для Бретани характерно разнообразие пейзажей, многочисленные архитектурные памятники, богатство культуры, истории и удивительный язык. Однако в регионе длительное время сохраняется особое социально-политическое явление – бретонский регионализм, обзор специфики и основные характеристики которого представлены в данном материале. Для понимания особенностей бретонского регионализма представляется необходимым сделать краткий исторический обзор.

До появления бретонцев Бретань носила название Арморика. В это время стали появляться сохранившиеся до наших дней мегалитические сооружения. По всей территории Бретани «разбросаны» сотни дольменов, курганов, менгиров. Одним из крупнейших в Бретани и мире скоплением мегалитов является комплекс «Карнакские камни», расположенный на территории французской коммуны Карнак. В нем насчитывается около 4 тыс. отдельно стоящих вертикальных камней [4, с. 2].

Первые бретонцы стали появляться в регионе приблизительно в 500–700-х гг. н. э. Население Бретани пополнялось за счет прибывавших на ее территорию мигрантов с юго-запада Великобритании. Первые бретонцы начали называть свои города совершенно оригинально. Самыми древнейшими считаются названия, оканчивающиеся на морфему *плу-* (*plou-*) и *ак-* (*ac-*) [4, с. 10].

Хронологические рамки существования независимого Бретонского королевства исследователь Андре Шедвиль определяет как 700–939 гг. [Там же, с. 15]. Во времена феодализма в 939–

1341 г. в Бретани появляются сильные герцоги, сконцентрировавшие в своих руках всю полноту власти. Постепенно, к середине XV в. складывается настоящее бретонское государство.

После окончания Столетней войны король Людовик XI больше не признавал бретонских герцогов в качестве своих васалов, но видел в них бунтарей, с которыми необходимо бороться [Там же, с. 26]. С этого момента начинается процесс постепенной потери независимости регионом Бретань. В 1532 г. штаты Бретани ратифицируют процесс вхождения региона в состав французского государства. Однако бретонцы сохранили собственный парламент, занимавшийся решением финансовых и налоговых (но не политических) вопросов.

В период 1532–1675 гг. Королевство Франция не уделяет пристального внимания Бретани после ее присоединения. Во время войн с Италией и с Испанией данный регион не рассматривался французскими властями как стратегически важный. Религиозные войны при участии Католической лиги повлекли за собой экономическую разруху и стали причиной крестьянских протестов. Бретань во главе с парламентом, основанным в 1552 г., была зависимой от центральных властей. В данный период постепенно начинают развиваться сельскохозяйственные и металлургические отрасли производства [Там же, с. 32].

Во времена «старого порядка» и вплоть до начала Великой французской революции Бретань сохраняла свою автономию – существовал собственный парламент, суд, а бретонский язык имел (как и французский) статус официального.

В январе 1789 г., за несколько месяцев до революции, в бретанском городе Ренн произошла стачка студентов, пропагандировавших идеи реформ и властных институтов, в результате которой три студента погибли. Бретонцы встретили Великую французскую революцию с некоторым опасением, так как местное население было более религиозным, чем население остальной Франции. Революционеры выступали за единую Францию, что вызывало беспокойство бретонцев, стремившихся получить автономию. Таким образом, бретонцы поддержали контрреволюционные силы.

В годы Первой мировой войны, как отмечает Р. С. Ступин, бретонцев посылали на передовую чаще, чем этнических французов. В результате если в 1914–1918 г. среди французов погибал

каждый восьмой солдат, то среди бретонцев – каждый четвертый. Система подготовки бойцов лишь мешала бретонцам, так как обучение велось на французском языке, которого бретонские солдаты просто не знали. Бретонских моряков отправляли преимущественно в пехоту, которая несла основные потери [2, с. 17].

Войска нацистской Германии оккупировали регион в период с 18 по 22 июня 1940 г. Захватчики разместили свои военные базы для подводных лодок в Бресте, Лориенте и Сен-Лазаре. Оккупация продлилась после прихода коллаборационистского режима Виши, отделившего в 1941 г. область Луара-Атлантика с центром в г. Нант от Бретани. Война оставила после себя разрушенные почти до основания города, порты, вокзалы [4, с. 56].

* * *

В настоящее время регион Бретань поделен на четыре департамента с центром в г. Ренн. Основные отрасли – пищевая промышленность (один из основных сельскохозяйственных регионов Франции. – Н. Ч.), рыболовство и рыбное хозяйство (отметим, что в Бретани открылся первый во Франции центр консервирования рыбы); гражданское и военное судостроение; аэрокосмическая промышленность; автомобилестроение (заводы компании «Ситроен»); туризм. Бретань – это второе по популярности туристическое направление, которое выбирают французы для своего отдыха. Таким образом, регион обладает мощной экономической базой, являющейся основой для регионализма.

Другим фактором регионализации Бретани является культура. Как отмечалось выше, полуостров был практически независимым – существовали региональные языки бретонский и гало [5, с. 23]. Бретонский язык – это одно из ярчайших проявлений регионализма в Бретани. Сегодня бретонский язык уже не так популярен, в регионе на нем говорит всего лишь каждый десятый житель. Но администрации бретонских городов делают многое, чтобы вернуть этому языку былую популярность. К примеру, практически все таблички с названиями улиц, городов, направлений продублированы на бретонском языке. Названия административных учреждений помимо французского носят еще и бретонские названия. Не говоря уже о множестве небольших «ресто» и кафе, которые создают аутентичную, «местную» атмосферу с помощью бретонских названий.

В 1898 г. появляется организация Union Régionaliste Bretonne (Союз бретонских регионалистов), выступавшая за расширенную автономию Бретани. Через тринадцать лет появилась Федерация бретонских регионалистов, выступавшая за полную независимость региона. Как отмечает Р. С. Ступин, первые политические организации на местах, ставившие своей целью независимость, появляются лишь в начале XX в. – в 1900 г. основана Социалистическая федерация Бретани, в 1904 г. была опубликована Национальная конституция Республики Бретань, составленная Л. Радигэ, а в 1911 г. Камилла ле Мерсье д'Эрм основывает первую бретонскую политическую партию – Parti nationaliste breton (Бретонская националистическая партия), объединившую силы бретонских патриотов и националистов [2, с. 16].

В последующем поэтапно были созданы левые и левоцентристские партии – Коммунистическая партия Бретани, Социалистический бретонский фронт.

В 1964 г. в регионе действует политическая партия левого толка – Union Démocratique Bretonne (Бретонский демократический союз). Также следует отметить федералистов, сторонников федеративного устройства Французской Республики, затем – роялистов (FBL), ультралевых (Breizhistance или Emgann) и ультраправых (Adsav), в то время как *Parti Breton* (Бретонская партия) представляет собой левоцентристскую политическую силу, которая стремится создать в рамках Европейского союза Республику Бретань [2, с. 20].

Бретонские политические партии малочисленны, так как носители бретонского языка составляют около 20 % от населения региона. На парламентских выборах 2009 г. партия UDB получила 2,81 % голосов, что не позволило ей перейти 5%-ный барьер. Сегодня только 34 % коренных жителей Бретани называют себя бретонцами, а не французами, еще 31 % полагает, что Бретань – особый регион Франции, инициативу по отделению от Франции поддерживает около 12 % населения региона [Там же, с. 20].

Говоря о политической регионализации, необходимо упомянуть о бретонских политических организациях различного толка. Как отмечают И. Н. Артемьев и Г. Н. Новиков, «первые региональные организации в Бретани появились еще в XIX в. и были культурно направленными. Однако политика 3-й республики была нацелена на “изведение” всех локальных языков и культур» [1, с. 56].

Произошла определенная трансформация политических сил, эволюционировавших от движений за политическое самоопределение к движениям за защиту прав этнических меньшинств, а затем – к лозунгам за сохранение культурной идентичности [1, с. 57].

К политическим особенностям бретонцев относится коллективизм. Для кандидата прежде всего необходимо показать свою вовлеченность в дела региона, так как в первую очередь жители Бретани – бретонцы, а уже потом – французы. Отношения между политическими акторами более жесткие, так как жители Бретани считаются людьми сурового и резкого характера. Отмечается, что из-за удаленного, полуостровного расположения Бретани ее жители имеют особое видение политических процессов, происходящих во Франции [6, с. 59].

Представив краткий обзор одного из интереснейших в политическом плане региона Франции – Бретани – можно констатировать, что предпосылки для существующих тенденций регионализма лежат в истории данного региона. Из-за территориальной удаленности на полуострове сложился особый политический и культурный климат. Население говорило на совершенно отличном от французского языке, что и стало причиной значительного культурного различия с основной массой населения Франции и одной из основ бретонского регионализма. Однако на сегодняшний день бретонский язык не является козырем бретонской региональной политики, так как на нем говорит все меньшее и меньшее количество населения.

У бретонцев свой, особый взгляд на общезападные политические процессы. Стоит отметить, что один из ярчайших французских политиков Жан-Мари Ле Пен, основатель политической партии «Национальный фронт», – из Бретани [3]. На протяжении всей истории бретонское население пыталось создать партию, которая бы защищала интересы полуострова, и на сегодняшний день существует примерно пять партий бретонской направленности. Но все эти партии существуют лишь на региональном уровне и получают места в региональных парламентах.

Регион Бретань – это своеобразная нация в нации, со своей особой культурой, которую любят не только во Франции, но и во всем мире, и со своим видением политики и политической организации общества. На сегодняшний день бретонский регионализм проявляется не так явно, как в прошлом, но он существует, и не столько в политическом, сколько в экономическом и в значительной мере культурном аспектах.

Список литературы

1. *Артемьев И. Н.* Особенности бретонского регионализма / И. Н. Артемьев, Г. Н. Новиков // Вестн. ИГУ. Спец. вып. : материалы ежегод. науч.-теор. конф. молодых ученых. – Иркутск, 2006. – С. 56–57.
2. *Ступин Р. С.* Лоскутная Европа: сепаратизм и интеграция / Р. С. Ступин. [Электронный ресурс] // Агентство инновационного развития : АНО. – URL: <http://rusinnovations.com/wp-content/uploads/2016/04/Stupin-R.S.-Loskutnaya-Evropa.pdf>.
3. *Biografie* [Electronic resource] // Jean-Marie Le Pen. Site Officiel. – URL: <http://www.jeanmarielepen.com/p/biographie.html>.
4. *Chedeville A.* Histoire de la Bretagne / A. Chedeville. – Ouest-France, 1997. – 128 p.
5. *Favereau F.* Bretagne contemporaine Culture-Langue-Identite / F. Favereau. – Skol Vreizh., Rennes, 1993. – 214 p.
6. *Un modele politique breton?* / Nono, Chartier-Le Floch E., Nigen V. L., Gouerou C. – Coop Breizh, 2014. – 201 p.

BRETON REGIONALISM: HISTORY AND PRESENT

N. E. Chugunova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article presents an overview of the ways of development of the Breton regionalism. The main historical landmarks of the region of Brittany, reflected economic and political features of the Breton regionalism at the present stage.

Keywords: Breton regionalism, Brittany, France, region, political parties, political culture.

Чугунова Надежда Евгеньевна – магистр, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: nadya-chugunova38@yandex.ru

Chugunova Nadezhda Evguenyevna – Magister, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: nadya-chugunova38@yandex.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ «ЦЕНТР – РЕГИОНЫ» В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI В.

ПАК ХЭ ДЖА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Анализируется динамика развития взаимоотношений центрального правительства и регионов Республики Корея. Последовательно рассматривается процесс децентрализации власти и распределения полномочий между регионами страны за последние 70 лет. Делается вывод о том, что в настоящее время регионы превратились в важнейших партнеров центра, совместно производящих общественные услуги и активно участвующих в развитии страны.

Ключевые слова: регион, отношения центр – регионы, центральное и региональное правительство, демократизация, децентрализация, региональное самоуправление, современная история, Республика Корея.

В Республике Корея в последнее время роль и влияние регионов существенно расширяются. Все более и более активно обсуждаются вопросы отношений между центром и регионами и децентрализации. Многие ученые утверждают, что усиление роли и участия гражданского общества в управлении регионами позволит развивать конкурентоспособность регионов в разных сферах, что в свою очередь приведет к более стабильному и устойчивому развитию страны.

Чтобы понять современный механизм и направление развития политики в регионах Кореи, необходимо рассмотреть становление и развитие отношений «центр – регионы» в Республике в конце XX – начале XXI в.

Термин «отношения между правительствами» (Intergovernmental Relations) впервые появился в США в 30-е гг. XX в. Американский ученый Андерсон определил его как «совокупность взаимных действий и поведения, которые возникают между всеми уровнями и формами государственных единиц в федеральной системе США» [9; 10].

Так как Республика Корея является страной не с федеральной, а унитарной системой управления, исследования отношений центра и регионов начались сравнительно поздно по сравнению с другими странами. Республика Корея традиционно была мононациональным и централизованным государством с жестко структурированной системой отношений между центром

и регионами. В современном понимании после института президентства в стране наиболее значимым во властной архитектуре, а также для общественного мнения является институт губернаторства [1, с. 66]. Однако регионы Кореи как административно-территориальные единицы всегда являлись зависимой переменной величиной государства. А понятие «правительство» часто обозначало только «центральное правительство».

Регионы в качестве самостоятельных субъектов политики в Корею появились в XX в., когда началось строительство государственных институтов на основе демократических ценностей. В 1948 г. в первой корейской Конституции, в статье 8 было закреплено положение о региональном самоуправлении. На основе этой Конституции и «Закона о региональном самоуправлении», принятом в 1949 г., все региональные правительства Кореи стали называться «органами регионального самоуправления» (*local autonomous entity*) [3, с. 53–54].

Понятие «региональное самоуправление» (*local autonomy*) первоначально появилось в Европе. Существуют две модели самоуправления. Первая модель – модель «самоуправления населением» – распространилась в Великобритании и США. Вторая – модель «самоуправления органами» – развивалась во Франции и Германии. После Второй мировой войны во многих странах эти два вида самоуправления были интегрированы [4]. То есть сформировалась такая система самоуправления, которая могла, с одной стороны, гарантировать стабильное развитие страны, с другой стороны, обеспечить широкие возможности для участия населения в управлении регионами. В полной мере это относится к Республике Корея, которая после Второй мировой войны пошла по пути демократического развития.

Государственная власть обычно в нем представлена назначенными «сверху» чиновниками, которые осуществляют контроль в отношении местного самоуправления, но по нормам права – только за соблюдением законов [2, с. 70].

По «Закону регионального самоуправления» все «органы регионального самоуправления» являются «юридическими лицами» и разделяются на два вида. Первый – орган самоуправления большой территории (*regional local entity*), который прямо подчиняется центру. В него включаются: а) город особого статуса (столица Кореи Сеул); б) города-мегаполисы (6 городов); в) провин-

ции (8 провинций). Второй – орган базового самоуправления (basic local authority) включает города, уезды, муниципальные округа, поселки, волости, городские районы и деревни, которыми заведуют органы самоуправления большой территории [5].

Начало региональному самоуправлению в Корее было положено первыми региональными выборами в законодательных собраниях регионов в 1952 г. С этого момента по 1960-е гг. глав «органов базового самоуправления» избирали на региональных выборах, а глав «органов самоуправления большой территории» назначали из центра. В те времена взаимоотношения центрального и региональных правительств осуществлялись и на вертикальном, и на горизонтальном уровнях. Одновременно с этим Корея пыталась найти разумный баланс между централизацией и децентрализацией власти. Результатом этих поисков явились 5 поправок к «Закону регионального самоуправления» [6, с. 391–392]. Однако 16 мая 1961 г. все эти попытки были прекращены «военной революцией».

Военная власть, оправдывая диктатуру и стараясь укрепить центральную власть, утверждала, что это необходимо ради обеспечения безопасности страны, в качестве защиты от коммунистической угрозы, исходящей из Северной Кореи, и ради поднятия экономики и развития страны. Поэтому многие законы и институты, регламентирующие права и свободы населения и регионов, были отменены. В 1962 г. были приняты поправки к Конституции, согласно которым процесс развития регионального самоуправления был отложен на неопределенное время. Наряду с этим все выборы в регионах также были приостановлены.

Только в 1991 г. закон о региональном самоуправлении был восстановлен, и в марте – июле этого года были проведены выборы в региональные думы городов и провинций. Это было событие, которого люди ждали в течение 30 лет. В 1995 г. были проведены выборы глав регионов, т. е. выборы глав «органов самоуправления большой территории» и «органов базового самоуправления». Таким образом, с 1995 г. Корея вступила в эру регионального самоуправления [6, с. 57–61].

1990-е гг. для Кореи были временем демократизации и глобализации. На волне международной демократизации центральное правительство Кореи пыталось поэтапно осуществлять не только формальное, но и подлинное региональное самоуправление. В связи с этим предпринимались попытки децентрализации и передачи части государственных административных дел регионам.

В 1993 г. всенародно избранный президент Ким Ён Сам сформировал новое правительство, взявшее курс на ускорение процесса демократизации страны. Центральным правительством был сформирован комитет для рассмотрения административных полномочий, которые могли быть переданы региональным правительствам. Результатом работы этого комитета явилась передача 1639 административных полномочий. В 1998 г. вновь избранный президент Ким Дэ Джун, являвшийся символом демократического движения Кореи, сформировал специальный комитет для передачи еще целого ряда полномочий центра регионам. Эти решения показывали, что развитие регионального самоуправления продолжалось. Но в то же время они отражали тот факт, что центральной власти необходимо передать еще больше полномочий регионам [6, с. 391].

Регионы, получив из центра широкие полномочия, сразу включились в процесс формирования собственных планов экономического и политического развития. Если корейское региональное самоуправление и децентрализация в XX в. развивались в рамках «глобальной демократизации», то с начала XXI в. они явились стимулом нового развития страны. Проблема корейского «экономического чуда» состояла в том, что экономическое развитие было сконцентрировано главным образом в центре – т. е. только в больших городах, например в Сеуле. Перед Кореей стояли задачи определить стратегию сбалансированного развития центра и регионов. Кроме этого, когда Корея в 1998 г. получила помощь МВФ и испытала экономический кризис, ее внутренняя экономическая структура абсолютно изменилась. В силу этого пришлось искать новые пути развития страны. В качестве ключа для нового стимула стабильного развития экономики страны было избрано усиление конкурентоспособности регионов.

«Реформы для децентрализации» – один из важнейших лозунгов кандидата в президенты на выборах в 2002 г. Новый президент Но Му Хён называл свой режим «правительством участия». Он внес большой вклад в развитие процесса демократизации, в том числе децентрализации власти.

Об этом говорят три специальных закона «децентрализации»: «Закон строительства новой административной столицы», «Специальный закон сбалансированного развития страны», «Специальный закон децентрализации» [7], вступивших в силу в

2003 г. Наряду с этим в ноябре 2004 г. правительство приняло пятилетний план комплексного проведения децентрализации. Первым шагом реализации этих законов было строительство новой административной столицы Кореи – г. Се-Джонг в провинции Чунгчонг-до, расположенной в середине Корейского полуострова. Вслед за этим почти все органы исполнительной власти переехали в новую административную столицу. Вторым шагом было распределение и перемещение всех государственных компаний из центра в разные регионы страны. Эти меры позволили существенно усилить экономический потенциал и политические полномочия регионов.

Президент Но Му Хён, выступая перед главами «органов регионального самоуправления» в Голубом доме в 2004 г., отмечал, что «перемещение административной столицы – это проект, интересующий не только регионы. Этот вопрос должен обсуждаться в рамках стремления к “сбалансированному развитию” и “все-сторонней децентрализации” с целью конструирования будущего страны на 30–50 лет вперед» [8].

Однако, несмотря на реальные шаги в сторону децентрализации, многие исследователи критикуют действия правительства, утверждая, что до сих пор право управления регионами главным образом сконцентрировано в центре. Корея достигла определенного прогресса на пути демократизации и укрепления регионального самоуправления. Но проблема все еще остается и, в частности, состоит в том, что вопрос децентрализации касается не только разделения полномочий, сосредоточенных в центральном правительстве, но и того, как правильно распределять государственные ресурсы и определять роль и ответственность населения в регионе.

По нашему мнению, при отсутствии серьезной уверенности в том, что децентрализация может улучшить уровень жизни населения в регионе, повысить эффективность управления государством и, в конце концов, будет способствовать развитию страны, она не может быть осуществлена. Только на основе взаимного доверия между центральным и региональными правительствами и в рамках существующих социальных норм и традиционной политической культуры можно осуществлять процесс развития страны.

В заключение можно сказать, что развитие отношений «центр – регионы» в Республике Корея в конце XX – начале XXI в.

проводилось в три этапа. Первый этап – 60–90-е гг., когда региональное самоуправление было ограничено, регионы полностью опирались на центр. Второй этап – 90-е гг., когда система регионального самоуправления начала реализовываться, регионы включились в процесс формирования собственных планов экономического и политического развития. Регионы на этом этапе пытались самостоятельно развиваться, но одновременно они осознали важность сотрудничества с центром и другими регионами. Третий этап – начало XXI в. – наши дни, когда системы регионального самоуправления и децентрализации укрепились. Регионы больше не являются простыми потребителями политики центрального правительства. Взаимоотношения между центром и регионами становятся все более и более доверительными и открытыми. В настоящее время регионы превратились в важнейших партнеров центра, совместно производящих общественные услуги и со всей ответственностью участвующих в развитии страны.

Список литературы

1. Зуляр Ю. А. Восстановление и развитие института губернаторской власти в регионе // Современная история Иркутской области 1992–2012 гг. В 2 т. : учеб. пособие / Ю. А. Зуляр. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 201 с.
2. Зуляр Ю. А. Политология. В 2 т. : учеб. пособие / Ю. А. Зуляр. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. – Т. 2. – 740 с.
3. Иль Соуп Зонг. Региональное самоуправление Республикой Корея / Зонг Иль Соуп. – Сеул : [б. и.], 2015. – 405 с.
4. Региональное самоуправление (*local autonomy*) [Электронный ресурс] // Словарь государственного управления, – Сеул : Изд-во большой культуры, 2009. – URL: <http://terms.naver.com/entry.nhn?docId=77901&cid=42155&categoryId=42155>.
5. Закон о региональном самоуправлении [Электронный ресурс] // Ду-сан : энцикл. – URL: <http://terms.naver.com/entry.nhn?docId=1144219&cid=40942&categoryId=31710>.
6. Процесс развития корейского регионального самоуправления // Понятие «корейское региональное самоуправление» / Со Зин Каунг [и др.]. – Сеул : Ассоциация регион. самоуправления Кореи – Пак Ённг Са, 2013. – 428 с.
7. Три специальных закона «децентрализации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://terms.naver.com/entry.nhn?docId=1144219&cid=40942&categoryId=31710>.
8. Президент Но: «Необходимо смотреть на проблему сбалансированного развития с государственной точки зрения» [Электронный ресурс] // Портал политики. – 2004. – 29 окт. – С. 2. – URL: <http://news.naver.com/main/tool/print.nhn?oid=078&aid=0000006047>.
9. Anderson W. Intergovernmental Relations in Review / W. Anderson. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1960.
10. Wright D. Understanding Intergovernmental Relations / D. Wright. – 3rd ed. – Pacific Grove : Brooks/Cole Publishing Company, 1988.

**THE ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF RELATIONS “CENTER –
REGIONS” IN THE REPUBLIC OF KOREA IN THE LATE XXTH –
EARLY XXI CENTURIES**

Puk Khe Dzha
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article talks about the dynamics of the development of relationship between Central government and regions of the Republic of Korea. Has seen the process of decentralization of power and distribution of authority between the regions of the country over the past 70 years. It is concluded that at the present time, the regions became the most important partners of the centre, jointly producing public services and actively participating in the development of the country.

Keywords: region, the relationship center-regions, Central and regional government, democratization, decentralization, regional self-government, modern history, Republic of Korea.

Пак Хэ Джа – аспирант, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: haejpark12@mofa.go.kr

Puk Khe Dzha – Postgraduate Student, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History Irkutsk State University, 1-412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: haejpark12@mofa.go.kr

РАЗДЕЛ
«СИБИРЬ В XVII–XXI ВВ.:
ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ, ЭКОНОМИКА,
ЭКОЛОГИЯ, ПРАВО»

УДК 03.01.07

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ГНОСЕОЛОГИИ ИСТОРИИ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

А. А. ЕВСТРАТЧИК, М. П. ЯЦЕНКО

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Аннотация. В статье освещаются особенности исторического познания в условиях глобализации, одной из важных характеристик которого является силовая интерпретация истории. Доказывается, что она проводится в интересах субъектов глобализации, т. е. ведущих стран Запада, за счет стран второго и третьего миров, поэтому идеологи глобализации не заинтересованы в объективном изучении исторического прошлого. Они используют историю в ее европоцентристском варианте, в основе которого лежат мондиалистические тенденции, оправдывающие агрессивные устремления инициаторов глобализации. Результатом этого становится угроза потери отдельными социумами своей социокультурной сущности. В данной ситуации особую роль приобретает учет аксиологических особенностей истории России, обосновывающий ее место в глобализирующемся мировом сообществе при опоре на собственные исторические традиции.

Ключевые слова: историческое познание, историческая гносеология, познавательные структуры, динамика исторического знания, дифференциация исторического знания, исторические основания глобализации.

В современной исторической науке как никогда актуальна проблема доминирования дифференцированного подхода, о чем свидетельствует чрезмерное количество узкоспециализированных работ, заполняющих нынешнее научное пространство. Эта проблема характерна не только для истории, но и для всей науки в целом. На сегодняшний день естественные и гуманитарные науки переживают так называемый кризис интеграционного подхода, результатом чего явилось выделение множества мелких

дисциплин, а с их появлением – и множества узких специалистов. Эту ситуацию ярко описал американский философ и кибернетик Норберт Винер: «В настоящее... время лишь немногие ученые могут назвать себя математиками, или физиками, или биологами, не прибавляя к этому дальнейшего ограничения. Ученый становится теперь топологом, или акустиком, или специалистом по жесткокрылым. Он набит жаргоном своей специальной дисциплины и знает всю литературу по ней и все ее подразделы. Но всякий вопрос, сколько-нибудь выходящий за эти узкие пределы, такой ученый чаще всего будет рассматривать как нечто, относящееся к коллеге, который работает через три комнаты дальше по коридору. Более того, всякий интерес со своей стороны к подобному вопросу он будет считать непозволительным нарушением чужой тайны» [3. с. 12].

К середине XIX в. придворные ученые сформировали картину прошлого, угодную царскому правительству. Интеграция происходила путем обобщения и анализа прямых источников: летописей, архивных данных, археологических находок (с первой половины XVIII в.) и мн. др.

На рисунке показан принцип взаимодействия этих двух диалектически противоположных друг другу процессов, без которых не обходится развитие ни одной науки, равно как и исторической.

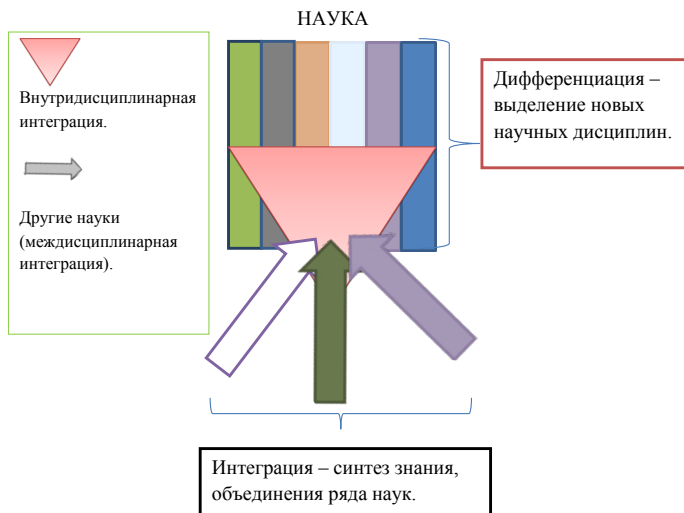

Рис. Процессы дифференциации и интеграции для любой условно взятой науки

Тем не менее процессы дифференциации имели свою специфику в интерпретации ведущих ученых. В частности, И. Д. Ковальченко представляет дифференциацию истории XIX в. как разделение на отечественную и зарубежную линии [5]. В свою очередь, в отечественной линии позиционируются специализации, где критерием для сужения сектора исследования выступают отдельные исторические эпохи или группы стран. Например, основоположником антиковедения стал М. С. Куторга, чьи работы по Древней Греции были признаны во всем мире. В 1830–1840-е гг. складывается такая отрасль исторической науки, как медиевистика, а ее родоначальниками были профессора Московского университета Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев и С. В. Ешевский, вслед за которыми историю Средневековья начали развивать повсеместно как отдельную самостоятельную историческую дисциплину. Например, к концу века средневековой историей уже занимались не только в Москве, но и в Петербурге (И. М. Гревс, Д. М. Петрушевский, А. И. Веселовский), Киеве (Ф. Я. Фортинский, И. В. Лучицкий), Харькове (В. К. Надлер, А. Л. Петров), Казани (Н. А. Осокин) [8].

В 1917 г. был сломан весь прежний строй жизни, существовавший на протяжении всей истории России, из остатков которого нужно было искусственно слепить исторические доказательства своей легитимности. Однако большевики справились с данной задачей, и к началу 1930-х гг. новая, «социалистическая», картина была создана. Дифференциация, если и присутствовала, то восполняла пробелы в общей картине. В этот период наиболее известными историками, подвергавшими критике буржуазную историю и творящими новую, «достоверную», были М. Н. Покровский, В. И. Невский, В. В. Адоратский, Г. С. Фридлянд, С. М. Дубровский и др. [1, с. 76–91].

В конце 1930-х гг., когда «новая» история прижилась в обществе, начинается поворот к дифференциации исторической науки как главной тенденции последних десятилетий. Начинается разработка отдельных периодов, сфер, явлений в истории [4, с. 144–151]. Поднимается большое количество архивных материалов, и в 60–70-е гг. XX в. происходит кульминация этого подхода в истории, а в середине 1970-х гг. дифференциация становится уже проблемой, которая существует в современной науке до сих пор.

Опасность неконтролируемой дифференциации состоит в том, что дробление исторического прошлого возможно практически до бесконечности, т. е. на каком-то этапе ученый перестает быть таковым, поскольку теряет объект исследования и другие признаки научности. Одновременно происходит и активное привлечение методологии, характерной для других наук, например психоанализ личности для объяснения мотивов поведения той или иной исторической личности или радиоуглеродный метод датирования источников, активно применяемый в археологии, либо метод контент-анализа, заимствованный из математики и используемый историками для анализа источников с помощью количественных методов, и т. д. [7]. Тенденцию смыкания наук охарактеризовал В. И. Вернадский: «Впервые сливаются в единое целое все до сих пор шедшие в малой зависимости друг от друга, а иногда вполне независимо, течения духовного творчества человека. Перелом научного понимания космоса совпадает, таким образом, с одновременно идущим глубочайшим изменением наук о человеке. С одной стороны, эти науки смыкаются с науками о природе, с другой – их объект совершенно меняется» [2, с. 252].

Одним из внешних проявлений проблемы соотношения интеграции и дифференциации истории являются дискуссии о едином учебнике по истории. С 2013 г. ведутся активные дискуссии о создании единого учебника, которые зашли в тупик к 2014 г., в результате чего было принято решение о создании единого культурного стандарта. Можно, конечно, приводить аргументы «за» или «против» создания подобного учебника, однако стоит отметить, что, возможно, это стало бы решением проблем, связанных с преподаванием истории в школе, но не для исследователей. Необходимо написание коллективных обобщающих монографий, которые, конечно, присутствуют в современной науке, однако узкоспециализированные работы перекрывают их. Тот богатый материал, который в течение многих лет формировался дедуктивным методом, необходимо теперь поэтапно воссоединять при помощи индукции. И речь не о том, чтобы собрать воедино все точки зрения и взгляды и свести их к одному единственному «правильному», а о том, чтобы воссоединить максимально полную и гармоничную мозаику российской истории.

Многополярный мир отрицает неконструктивное, насильственное навязывание конкретной системы ценностей всему ми-

ровому сообществу, вплоть до потери им своей социокультурной идентичности. Однако именно в таком мире у России есть шанс не утратить свой суверенитет и идентичность. Сохранение и развитие национальной культуры также будет способствовать этому процессу. «Трансформации исторического прошлого, выступающей как оправдание глобализации, предшествовала фальсификация истории в условиях европоцентризма, который предполагает, что быть прогрессивным – значит, вписать себя в исторический процесс» [9, с. 102].

Таким образом, на примере развития исторической науки в нашей стране можно утверждать, что имманентная противоположность процессов дифференциации и интеграции не свидетельствует об их взаимоисключающих свойствах, однако они не могут находиться в равновесии, что-то всегда преобладает. По этой причине историку-исследователю следует заботиться не о равновесии, а скорее об оптимальном балансе, который необходим в разных исторических условиях для развития.

Список литературы

1. *Артизов А. Н.* Проблемы отечественной историографии в трудах ученых старой школы в послеоктябрьский период // История СССР. – 1988. – № 6. – 218 с.
2. *Вернадский В. И.* Проблема биохимии / В. И. Вернадский. – М.: Наука, 1988. – 282 с.
3. *Винер Н.* Кибернетика / Н. Винер. – М.: Наука, 1958. – 273 с.
4. *Гришаев О. В.* Историческое образование и наука в СССР в конце 1920 – начале 1930-х гг. // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. – 2014. – № 15. – С. 144-151.
5. *Ковальченко И. Д.* Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко. – М.: Наука, 1987. – 440 с.
6. *Кохановский В. П.* Философия и методология науки: учебник / В. П. Кохановский. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – 576 с.
7. *Миронов Б. Н.* Историк и математика (Математические методы в историческом исследовании) / Б. Н. Миронов, З. В. Степанов. – Л.: Наука, 1975. – 184 с.
8. *Наумова Г. Р.* Историография истории России / Г. Р. Наумова, А. Е. Шикло. – М.: Академия, 2011. – 480 с.
9. *Яценко М. П.* Исторические аспекты глобализации как управляемого процесса // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2009. – № 110. – С. 101-108.

THE MAIN TRENDS OF EPISTEMOLOGY OF HISTORY: TRADITION AND MODERNITY

A. A. Evstratchik, M. P. Yatsenko
Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Abstract. In the given article we consider peculiarities of historical cognition under the conditions of globalization, of which one of the most important characteristics is a forceful interpretation of history. Here, we prove that it is performed in the interest of

the subjects of globalization, i. e. leading western countries on the account of the countries of «the Second and the Third World», and that is why the ideologists of globalization are not interested in objective study of the historical Past. They use history in its euro-centric variant, in which basis there are mondialistic tendencies, justifying aggressive ambitions of globalization initiators, and the result of it becomes the menace that separate societies can lose their socio-cultural essences. In the given situation, consideration of axiological peculiarities of Russia becomes of special importance and substantiates its place in the globalized world society upon the basis of its own historical traditions.

Keywords: historical knowledge, historical epistemology, cognitive structures, dynamics of historical knowledge, differentiation of historical knowledge, the historical bases of globalization.

Евстратчик Анна Андреевна – студентка, историко-философский факультет, Сибирский федеральный университет, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79/10, тел.: 8(391)2448625, e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru

Evstratchik Anna Andreevna – Student, Historical-philosophical Faculty, Siberian Federal University, 79/10, Svobodnyy ave., Krasnoyarsk, 660041, tel.: 8(391)2448625, e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru

Яценко Михаил Петрович – доктор философских наук, профессор, кафедра глобалистики и геополитики, Сибирский федеральный университет, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79/10, тел.: 8(391)244-86-25, e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru

Yatsenko Mikhail Petrovich – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Global Studies and Geopolitics, Siberian Federal University, 79/10, Svobodny ave., Krasnoyarsk, 660041, tel.: 8 (391)2448625, e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru

УДК 94(517)

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ И МОНГОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

Ю. В. КУЗЬМИН

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Дана характеристика изучения в России и Монголии истории монголоведения, основных научных центров и ведущих монголоведов. Определены основные спорные вопросы исследования российского монголоведения, намечены направления дальнейших научных поисков. Дана периодизация монголоведных историографических исследований в России, важное внимание уделяется проблеме методологии историографических исследований.

Ключевые слова: российское монголоведение, история Монголии, научные центры, ведущие монголоведы, спорные вопросы, методология.

¹ Исследование выполнено в рамках проектов РГНФ: грант 15-21-03007 «Концептуальные вопросы российско-монгольских отношений в первой половине XX в.: история, политика, экономика», грант 15-21-03008 «Энциклопедия российско-монгольских отношений».

Российское монголоведение имеет глубокие традиции изучения истории, литературы и культуры Монголии. Географическая близость России к соседней кочевой стране, языковое и конфессиональное единство монголоязычных и тюркских народов Сибири и Монголии определили глубокий научный интерес русской научной мысли. Становление и развитие российского монголоведения происходило в XVIII–XIX вв. и связано с именами выдающихся российских монголоведов: Я. И. Шмидта, А. В. Игумнова, О. М. Ковалевского, А. В. Попова, Д. Банзарова, Г. Гомбоева, К. Ф. Голстунского, А. М. Позднеева, Б. Я. Котвичка, Н. Н. Поппе.

К началу XX в. российское монголоведение превратилось в цельную комплексную область научного знания и получило мировое признание и приоритет [6]. В XX в., особенно в 1920–1930-е и 1990-е гг., в российском востоковедении и монголоведении происходили существенные изменения – трансформировалась тематика и методология научных исследований. В настоящее время происходит возврат к традиционной тематике российского монголоведения и восстановление престижа в мировой науке.

Наблюдаются важные изменения и в географии монголоведных исследований в России: ослабляется роль прежде основных центров монголоведения (Москва, Санкт-Петербург) и усиливается роль региональных: Улан-Удэ, Элиста, Казань, Новосибирск, Кызыл, Иркутск, Владивосток, Барнаул. Представляется, что ведущим центром современного российского монголоведения становится Бурятия, которая имеет значительное число специалистов-монголоведов, проводит международные научные конференции. Институт монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБиТ), возглавляемый член.-корр. РАН Б. В. Базаровым, и Бурятский государственный университет являются ведущими центрами подготовки российских монголоведов и издания обобщающих коллективных работ, существенно продвигающих развитие российского востоковедения и монголоведения.

История становления и развития научных организаций России, представляет особую важность в современных условиях реформирования и оптимизации системы научных исследований в стране. Историография – наиболее трудоемкий и синтетический вид исторического исследования, требующий основательных знаний конкретной истории страны, методологии и источниковедения научной отрасли, историографии сложных и спорных проблем.

История российского монголоведения – область постоянного внимания современных отечественных ученых. Она имеет глубокие научные традиции в нашей стране. Особенно резкий бум научного интереса к осмыслению научного вклада российских монголоведов произошел в последние двадцать лет в связи с поиском новой парадигмы монголоведческих исследований, резкой смены тематики исследования и методологии научного поиска. Возвращение в постсоветский период к проблематике традиционного классического монголоведения потребовало значительно переосмысления научного и творческого пути целой области востоковедения и научного вклада отдельных монголоведов.

Российские монголоведы активно и плодотворно занимаются вопросами истории монголоведения: российского, монгольского и западного. Об этом свидетельствуют обзорные статьи в коллективных обобщающих работах «Очерки истории русского востоковедения», «История отечественного востоковедения» в двух томах, монографии, статьи, рецензии и обзоры. Этими исследованиями занимаются специалисты соседних специальностей: востоковеды (китаеведы, японоведы), филологи, историки. Издана подробная библиография отечественных работ по монголоведению (Е. В. Бойкова), опубликованы обзорные статьи по истории российского монголоведения известных монголоведов Н. П. Шастиной, И. И. Иориша, М. И. Гольмана, В. В. Грайворонского, Д. Б. Улымжиева, Ш. Б. Чимитдоржиева, Б. В. Базарова, В. Д. Дугарова, Е. И. Лиштованного, О. Н. Полянской, С. К. Рощина, Г. С. Матвеевой (Яскиной), И. Я. Златкина, И. В. Кульганек, В. Л. Успенского, Л. К. Герасимович, С. Г. Кляшторного и др.

В разные годы российскими историками были предприняты попытки создания коллективного труда по истории востоковедения и монголоведения. Об этом свидетельствуют «Очерки русского востоковедения», «История отечественного востоковедения до середины XIX в.» (1990) [7], «История востоковедения с середины XIX в. до 1917 г.» (1997), «Монголика» (12 выпусков), «Российское монголоведение» (вып. 1–6). Особо следует выделить исследования академика В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России», Н. И. Веселовского «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России» (1879), многочисленные статьи Н. П. Шастиной, которая готовила докторскую диссертацию по истории русского монголоведения, но не завершила

ее, а также монографии Д. Б. Улымжиева «Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведов» (1994), «Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в.» (1997) [13; 14], Ш. Б. Чимитдоржиева «Российские монголоведы (XVII – нач. XX в.)» (1997), «Выдающиеся бурятские деятели» (вып. 1–4) [12; 16].

Одним из направлений историографических исследований является подготовка творческих биографий крупных историков-монголоведов. Подготовлены следующие биографии крупных российских монголоведов: о профессоре О. М. Ковалевском (1983) [17], Я. П. Шишмареве (2009), Н. Н. Поппе (1996), С. А. Козине (1994), О. М. Ковалевском (2001). Основательно изучена научная деятельность бурятских монголоведов Д. Банзарова, Ц. Жамцарано, Г. Цыбикова, много лет проводятся научные чтения. Пока наиболее популярен формат отдельных статей, посвященных биографии монголоведов, имеющий в основном юбилейный характер. Монографический формат только осваивается. Заслуживают специального монографического исследования творческие биографии таких крупных российских монголоведов, как Я. И. Шмидт, Н. Я. Бичурин, А. В. Игумнов, А. М. Позднеев, В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов, Ц. Ж. Жамцарано, И. Я. Златкин, С. Д. Дылыков, Л. К. Герасимович, М. И. Гольман. Творческое наследие крупных монголоведов сложнее исследовать, требуется значительное время и глубина анализа. Исследователю необходимо соответствовать научному уровню корифеев монголоведения.

Специального изучения заслуживает проблема научных взаимоотношений между разными поколениями ученых. Характер этих взаимоотношений определяет различие научных подходов и формирование неформальных групп в научной среде, а также профессиональную конкуренцию и личные отношения.

Назрела необходимость приступить к созданию серии монографических работ, посвященных творческой деятельности и научному вкладу известных монгольских историков Б. Ширендыба, Ш. Нацагдоржа, Ш. Биры, Х. Пэрлээ, Б. Ринчена. Монголоведные историографические исследования в Монголии в последнее десятилетие получили широкое распространение. Видимо, это связано с изменением методологии и тематики исторических исследований, поиском преемственности исторических традиций. Важное внимание также уделяется введению в научный

оборот новых исторических источников и формированию современной концепции истории Монголии, особенно в новое и новейшее время.

Историографические исследования продолжают известные монгольские ученые Ш. Бира, Ж. Болдбаатар, Ж. Урангуа, Пунсалдулам, З. Лонжид, Ц. Ишдорж, Н. Хишигт. Наибольший вклад в традиционную историографию Монголии вносит академик Ш. Бира, ведущий специалист в данной области, которому принадлежит также заслуга в координации монголоведческих исследований в Монголии и мире, проведении международных конгрессов, публикации биобиблиографий ведущих монголоведов мира [2]. Профессор Монгольского госуниверситета Ж. Урангуа – руководитель творческого коллектива монгольских ученых – опубликовала двухтомник «Монголоеды мира» (2015) [15].

Итоги развития советской марксистской школы XX в., к сожалению, до сих пор не подведены. По нашему мнению, обобщение опыта развития советского монголоведения позволит выявить успехи данного исторического направления, определить ложность и тупиковость некоторых исторических концепций, определить реальный вклад отдельных крупных историков в исследование важных исторических событий и ключевых периодов истории XX в. Советская школа монголоведения представлена именами И. М. Майского, Б. Я. Владимирцова, А. В. Бурдукова, Е. М. Даревской, Н. Н. Козьмина, Н. П. Шастиной, И. Я. Златкина, С. Д. Дылыкова, Н. Л. Жуковской, Л. Л. Викторовой, В. В. Волкова, Д. Б. Улымжиева, Ш. Б. Чимитдоржиева, Е. И. Кычанова, Г. И. Михайлова, К. Н. Яцковской, Г. С. Матвеевой, С. К. Рощина, М. И. Гольмана и др.

Осмысление итогов исторических исследований по истории Монголии XX в. позволит выявить уровень и глубину исследования важных и наиболее сложных проблем истории, персональный вклад отдельных известных авторов в изучение наиболее дискуссионных проблем истории Монголии, определить малоизученные вопросы и перспективы дальнейших научных поисков.

В обобщающей работе российских востоковедов «История отечественного востоковедения» (1990) впервые выделено военное востоковедение как составная часть отечественного востоковедения. К сожалению, в работе основное внимание было уделено деятельности военных специалистов на Ближнем Востоке. В

настоящее время деятельность военных востоковедов отражена в работах Н. А. Самойлова, А. А. Колесникова, М. К. Басханова, В. В. Глушкова, М. Алексеева, А. А. Шаравина, Г. В. Мелихова, А. В. Постникова, В. Г. Дацышена, Е. В. Бойковой и др. Особо можно выделить крупное исследование М. К. Басханова «Русские военные востоковеды. Биобиблиографический словарь» (2005) [1]. К сожалению, научной деятельности российских военных монголоведов не уделено специального и достаточного внимания. Экспедиции военных в Монголию, их научные результаты не стали предметом научного изучения.

Военно-исследовательская деятельность А. А. Баранова, В. Л. Попова, А. Хитрово, Ю. Кушелева, Тонких и других военных монголоведов заслуживает, по нашему мнению, специального исследования [9]. Таким образом, российская и монгольская историография показывает, что проблема научного вклада отечественных военных монголоведов требует внимательного и специального исследования и современная историческая мысль сможет решить данную проблему.

В современном монголоведении назрела проблема подготовки обобщающей коллективной работы, посвященной истории российского монголоведения на протяжении трех веков. Предприняты первые успешные попытки отдельных российских ученых [3; 10]. Так, в 2015 г. в Бурятии опубликована фундаментальная монография доктора исторических наук, профессора Бурятского государственного университета Владимира Доржиевича Дугарова «Российская историография истории Монголии» [4]. Работа посвящена становлению и развитию российского монголоведения с XVII по XXI в. – классической отрасли отечественного востоковедения, имеющей мировое признание и представленной блестящими классиками науки. Автор данного научного исследования В. Д. Дугаров – известный в российском монголоведении ученый, который более 30 лет занимается изучением истории Монголии в новое и новейшее время, историографией истории Монголии. Он опубликовал 6 монографий, 7 сборников, 5 учебных пособий по монголоведению и более 160 статей. В. Д. Дугаров – представитель бурятской школы российского монголоведения, ученик Д. Б. Улымжиева – достойно продолжает дело подготовки современных российских монголоведов на историческом факультете Бурятского государственного университета.

Несомненным достоинством данной монографии В. Д. Дугарова является обращение к вопросам методологии монголоведных исторических исследований, смены парадигмы научного подхода: переход от марксистской к современной методологии, лишенной идеологической нагрузки. «Методологическая цель данного труда заключается в том, что в период отхода от марксистской парадигмы развития народов монгольской этносферы и формирования новой российской исторической науки актуальными становятся проблемы комплексного историографического анализа огромного блока бесценного отечественного монголоведного материала. Автор в данном труде предпринял попытку проанализировать сложные теоретико-методологические процессы в современном российском востоковедении» [4, с. 8]. Данный подход В. Д. Дугарова представляется нам справедливым и обоснованным.

В последние годы историей российского монголоведения плодотворно занимается доцент Бурятского госуниверситета О. Н. Полянская, опубликовавшая монографии об О. М. Ковалевском и ряд оригинальных статей, основанных на архивных материалах: «Монголоведные исследования В. Л. Котвича (1872–1944)» (2012), «Монголоведные направления в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» (2013), «Изучение монгольских народов в Читинском отделении Русского Географического Общества» (2014), «Переписка востоковеда О. М. Ковалевского и В. П. Васильева по истории монголоведения» (2015), «Преподаватели синодальных учебных заведений России у истоков научного монголоведения: А. А. Бобровников (1822–1865)» (2015) и др. [11].

Целый ряд публикаций по истории российских монголистов-филологов осуществил московский ученый В. Э. Раднаев: «Первый российский монголовед (Я. И. Шмидт)» (2007), «Казанская школа монголоведов в трудах отечественных и зарубежных монголоведов» (2009), «Сравнительно-историческая монголистика: вехи развития, состояние и перспективы» (2010), «Истоки грамматической мысли в Монголии: по страницам исследований зарубежных и отечественных ученых» (2011). Несомненным достоинством статей В. Э. Раднаева является критический анализ работ российских монголоведов.

Вопросы российской историографии Монголии привлекают и молодых исследователей. Об этом свидетельствуют диссертаци-

ции Л. Г. Арсеньевой, А. В. Михалева, А. О. Гомбоева, Е. В. Нолева, И. А. Гусевой, А. С. Хеубшман, И. С. Даниловой, О. Н. Пушечниковой и др. Новое направление исследований – изучение западного монголоведения: немецкого, польского, чешского, венгерского. Назрела необходимость перехода в истории изучения монголоведения с уровня описания, обзорности к анализу научной мысли России, изучению основных проблем монголоведения.

История российского монголоведения нуждается в дальнейшем углубленном исследовании [8]. Большого внимания заслуживают ключевые проблемы монголоведения, эволюция научных идей, формирование национальной школы монголоведения и ее региональных подразделений, имеющих свою специфику. Основное внимание необходимо уделить эволюции ключевых направлений и концепций российского монголоведения. Наследие известных монголоведов имеет не только серьезные научные достижения и творческие прорывы, но и некоторые ошибочные заключения и научные заблуждения, поэтому необходимо усилить элемент критичности научного анализа.

Список литературы

1. *Басханов М. К.* Русские военные востоковеды : биобиблиогр. слов. / М. К. Басханов. – М. : Изд-во вост. лит., 2005. – 295 с.
2. *Бира Ш.* Монгольская историография XIII–XVIII вв. / Ш. Бира. – М. : Наука, 1983. – 320 с.
3. *Гольман М. И.* Изучение истории Монголии на Западе (XIII – середина XX в.) / М. И. Гольман. – М. : Наука, 1988. – 221 с.
4. *Дугаров В. Д.* Российская историография истории Монголии / В. Д. Дугаров. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 2015. – 376 с.
5. *Дугаров В. Д., Курас Л. В.* Российское монголоведение XVII–XXI вв. (периодизация проблемы) / В. Д. Дугаров, Л. В. Курас // Иркут. ист.-экон. ежегодник. – Иркутск, 2015. – С. 576–583.
6. *История Монголии. Век XX.* – М. : ИВ РАН, 2007. – 448 с.
7. *История отечественного востоковедения.* – М. : Изд-во вост. лит., 1990. – 435 с.
8. *Кузьмин Ю. В.* Некоторые вопросы историографии российского монголоведения // VI Междунар. конгресс монголоведов : докл. рос. делегации. – М., 1992. – Ч. 1. – С. 119–125.
9. *Кузьмин Ю. В.* Монголия и Китай начала XX в. в оценках военных исследователей / Ю. В. Кузьмин. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2007. – 132 с.
10. *Кузьмин Ю. В.* Иркутская школа монголоведения (XVIII–XX вв.) / Ю. В. Кузьмин, В. В. Свинин ; под науч. ред. А. П. Суходолова. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2014. – 438 с.
11. *Полянская О. Н.* Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX в.) / О. Н. Полянская. – Улан-Удэ : Бурят. науч. центр Сиб. отд-ния РАН, 2001. – 140 с.

12. Российские монголоеды (XVIII – начало XX в.). – Улан-Удэ : Бурят. науч. центр Сиб. отд-ния РАН, 1997. – 163 с.

13. Улымжиев Д. Б. Страницы отечественного монголоведения. Казанская школа монголоведения / Д. Б. Улымжиев. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1994. – 107 с.

14. Улымжиев Д. Б. Монголоведение в России во второй половине XIX – начале XX в. Петербургская школа монголоведения / Д. Б. Улымжиев. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1997. – 216 с.

15. Урангуа Ж. Монголоеды мира. В 2 т. / Ж. Урангуа. – Улан-Батор, 2015. – Т. 1. – 357 с. ; Т. 2. – 380 с.

16. Чимитдоржиев Ш. Б. Российские калмыковеды // Российские монголоеды (XVIII – начало XX в.). – Улан-Удэ, 1997. – С. 150–154.

17. Шамов Г. Ф. Профессор О. М. Ковалевский. Очерк жизни и научной деятельности / Г. Ф. Шамов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1983. – 113 с.

CONTROVERSIAL ISSUES OF MODERN RUSSIAN AND MONGOLIAN HISTORIOGRAPHY

Y. V. Kuzmin

Baikal State University, Irkutsk

Abstract. The characteristics of studying in Russia, the Mongolian, the major scientific centers and the leading Mongolian. The main problems of the research of Russian Mongolian studies, planned direction of further research. The periodization Mongoloids historiography in Russia, emphasizes the problem of methodology of historiographical research.

Keywords: Russian Mongolian studies, history of Mongolia, research centers, leading Mongoloid, methodology, trends of historiographical research.

Кузьмин Юрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, кафедра мировой экономики, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: kuzminuv@yandex.ru

Kuzmin Yuriy Vasilevich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of World Economy, Baikal State University, 11, Lenin st., Irkutsk, 664003, e-mail: kuzminuv@yandex.ru

УДК 913.1:314.8.001.57

ВЕТВЛЕНИЕ ГЕОИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА ОСВОЕНИЯ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ РУССКИМ ГОСУДАРСТВОМ В XVII В.

А. К. ЧЕРКАШИН

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Для количественного исследования геоисторического процесса освоения новых земель используются уравнения модели смены состояний динамических систем и понятия теории надежности. На этой основе анализируются данные исторических документов о переселении в Восточную Сибирь первых ссыльных – запорожских черкасов, определенных в пашенные крестьяне на р. Лене. Вычисленные показатели позволяют дать оценки направленности и интенсивности конкретного геоисторического процесса по месту и времени на общем фоне изменения демографической ситуации.

Ключевые слова: геоисторический процесс, математическая модель, вероятностные оценки, сибирская ссылка, документальные материалы.

Геоисторический процесс – это совокупные изменения, происходящие на Земле и в обществе в пространственном и временном измерениях. Его изучение связано с переходом от анализа фактов к осмыслению последовательности явлений, обусловленных многочисленными факторами и условиями, что требует применения количественных и математических методов. При становлении и развитии методов математического моделирования исторических процессов особое место принадлежит демографии, изначально имевшей дело с измеримыми и однозначно интерпретируемыми величинами [4]. Имеющийся опыт моделирования дает новое понимание закономерностей геоисторического развития [5].

Геоисторический процесс естественным образом складывается из линий жизни отдельных людей. Линия жизни по аналогии с мировой линией в физике – это движение в пространстве-времени живых существ со сменой их состояний. Причем состояние трактуется и как размещение в пространстве (местоположение), и как положение во времени (возраст), и как качественное состояние, связанное с самосовершенствованием и выполнением новых функций. Геоисторический процесс – это ветвящийся динамический процесс, поскольку каждому человеку постоянно приходится делать выбор предстоящих действий по смене состояния силой собственной воли, а также под влиянием внешней природной или социально-экономической исторической среды. Этому выбору соответствует образ «витязя на распутье», когда определение географического направления однозначно влияет на ход исторического процесса.

Формально геоисторический процесс представляется в виде ветвящегося ориентированного графа, в котором вершины (точки) соответствуют состояниям – конкретному положению человека в обобщенном пространстве в связи с историческим событием, а стрелки – направлениям смены состояний (движения). Такой граф динамики удобно формализовать в количественных показателях и аналитических уравнениях. Например, в точке ветвления i часть людей p_{ij} будет перемещаться в j -м, в одном из возможных $j = 1, \dots, n_i$ направлений. В узле ветвления в сумме эти переходные вероятности, естественно, равны $\sum_{j=1}^{n_i} p_{ij} = 1$.

В том случае, если выделяется некоторый магистральный процесс, например водный путь в Сибирь и освоение ее пространств, то отклонение от этой доминирующей линии жизни по разными причинам рассматривается как бифуркационное явление. К примеру, жизнь одновозрастной группы населения, когда отклонениями считает миграция или смерть людей. В данном случае есть две возможности ветвления: продолжить путь из i -го положения с вероятностью p_i или отклониться от этого пути с вероятностью p_{0i} , так что $p_i + p_{0i} = 1$. Величина p_{0i} соответствует вероятности отказа продолжать движение по выбранному маршруту, мере опасности, риска реализации данного геоисторического процесса.

Произведение величин p_i , начиная от начального $i = 1$ до текущего состояния $i-1$, соответствует надежности P_i^* достижения промежуточной цели i , т. е. то, какая часть $P_i^*(t) = N_i(t) / N_0$ людей $N_i(t)$ из вышедших в поход N_0 со временем t попадет в состояние

i : $P_i^* = \prod_{j=1}^i p_j$. Величина $P_i = p_{0i} P_i^*$ равна доле отставших на i -м этапе

пути. Она зависит от транспортной доступности i -го местоположения и местных условий жизнедеятельности. Например, в конце XIX в. Иркутскую губернию в качестве места постоянного жительства выбирало $P_i = 0,004$ (0,4 %) переселенцев в Сибирь из Европейской России. В период и после сооружения Транссибирской магистрали, перед революцией 1917 г. в ней оставалось на порядок больше $P_i = 0,04$ (4 %) всех сибирских переселенцев [1; 2]; часть переселенцев $p_{0i} = P_i / P_i^*$ из доли P_i^* , добравшихся сюда, не поехали дальше.

Сам процесс колонизации Сибири, его скорость определяется трудностями и затратами на преодоление огромных расстояний, расходом больших средств и времени, необходимых для переезда. Интенсивность потока переселенцев от места к месту по магистральному пути в момент t определяется показателем

$$I_i(t) = \frac{P_i}{\Delta t_i} N_i(t), \text{ где } p_i - \text{доля людей, продолживших продвижение;}$$

Δt_i - время, необходимое для движения из пункта i в пункт $i+1$; $N_i(t)$ - численность активного населения в пункте i . Величина $N_i(t) = N_{ti}(t) - N_{pi}(t)$ отражает подвижную, пассионарную часть местного коренного и русского населения, способного участвовать в

геоисторическом процессе. Пассивная часть $N_{pi}(t)$ всего населения $N_{ii}(t)$, в основном представленная коренным населением $N_{ki}(t)$, адаптированным к местным условиям, его жизнь и постоянная численность детерминированы географической средой [2]. В число $N_{pi}(t)$ также входит пришлое население, решившее остаться жить на i -й территории: $N_{ki}(t) - N_{pi}(t) = \int_0^t p_{0i}(\xi) P_i^*(\xi) d\xi$.

На основе уравнения потока создается балансовое соотношение изменения численности активного населения в каждом населенном пункте:

$$\frac{dN_i}{dt} = \alpha_{i-1} N_{i-1} + \beta_{i+1} N_{i+1} - \alpha_i N_i - \alpha_{0i} N_i - \gamma_{0i} N_i - \beta_i N_i + \lambda_{0i} N_i + u_i(t), \alpha_i = \frac{p_i}{\Delta\tau_i}, \alpha_{0i} = \frac{p_{0i}}{\Delta\tau_i}, \quad (1)$$

где интенсивность движения населения α_{i-1} – из предшествующих мест, β_i – из данного (i -го) места в последующее $i+1$, β_{i+1} – в обратном направлении в пункт $i-1$, α_{0i} – интенсивность укоренения, λ_{0i} – коэффициент рождаемости, γ_{0i} – коэффициент смертности; $u_i(t)$ – управление процессом освоения и включение в этот процесс местного населения. В данном случае в уравнении вероятность p_{0i} не включает долю умерших и вернувшихся назад. Величина p_i рассчитывается по соотношению числа людей $N_{fi}(t)$, продолживших путь, и числа $N_{gi+1}(t)$ достигших следующего пункта назначения: $p_i = N_{gi+1}(t) / N_{fi}(t)$.

Относительная интенсивность перемещения населения α_i определяется соотношением проходимости пути p_i на каждом этапе и времени $\Delta\tau_i$ продвижения из пункта в пункт. При $p_i = 0$ продвижение в выбранном направлении невозможно по причине, например, противодействия местных народов. При очень большом значении $\Delta\tau_i$ движение также прекращается, в частности из-за географических препятствий на пути следования.

Заселение и освоение Сибири в XVII в. протекало по нескольким направлениям за счет быстрого продвижения небольших воинских формирований казаков и служилых людей, охотничьих артелей промысловиков, промышленных и торговых людей, «гулящих» людей, беглых помещичьих и монастырских крестьян и др. Особую группу составляли ссыльные переселенцы. Хотя их доля в XVII в. была незначительной, их перемещение подробно фиксировалось в документах, которые содержат важную информацию для геоисторического анализа.

Большое количество таких документов воспроизведено в недавнем трехтомном труде Г. Б. Красноштанова [3], где подробно описывается жизнь и ссылка запорожских черкасов, прибывших с территории Речи Посполитой в Русское государство в 1638 г. после неудачи восстания Я. Острияницы и побега в обратном направлении.

Черкасы входили в пределы Русского государства по разным направлениям. Все старались устроиться в пограничных городах: размещались в основном в окрестностях Чугуева, Курска и Воронежа. Эти группы вошли в историю как чугуевские, курские и воронежские черкасы. Их историческая судьба была различна. Чугуевские черкасы, убив гетмана Я. Острияницу, бежали обратно на польскую Украину в район Полтавы. Черкасы из Курска в 1641 г. также пытались вернуться на родину, но безуспешно. Беглецов настигли в 40 верстах от Хотмыжска. Произошло кровопролитное сражение, в ходе которого много черкасов погибло, а оставшихся вернули в подданство московского царя.

Интересная судьба у воронежских черкасов, которых после побега с семьями поймали и часть сослали в Восточную Сибирь на р. Лену в пашенные крестьяне к ленскому воеводе П. П. Головину. В начале сентября 1638 г. эти черкасы во главе с атаманом М. А. Рябухой попали в Путивль и их расселили в разных приграничных городах. Денежное жалование в Воронеже в августе 1641 г. непосредственно перед побегом выдавалось 137 чел., из них на Лену в июне 1646 г. попало меньше 20 черкасов с семьями.

Историю их ссылки в Сибирь по документам можно проследить довольно точно, иногда с точностью до часа: *в Воронеж с Борщевской заставы 27 августа 1641 г. за час до вечера (16 часов) прискакал сын боярский Григорий Макаров* [3, с. 408]. Выписывая сроки перемещения ссыльных из пункта в пункт и соотношение потерь людского состава в пути, мы имеем возможность оценить время, затраченное на перемещение между населенными пунктами, с учетом длительности остановок в каждом из них, переходные вероятности движения по выбранному пути в каждом из пунктов, надежность достижения этих пунктов и интенсивность перемещения (табл.). На основе этих показателей оцениваются коэффициенты уравнений модели (1).

Таблица

Количественные характеристики геоисторического процесса перемещения ссыльных черкасов в Восточную Сибирь на территорию Верхнего Приленья

Маршрут движения	Дата прибытия	Длительность, дни Δt_i	Вероятность, p_i	Надежность, P_i^*
<i>Путивль – Воронеж</i>	01.09.1638	185	1,00	1,00
<i>Воронеж – Москва</i>	01.03.1939	939	0,46	0,46
<i>Москва – Казань</i>	29.09.1641	62	1,00	0,46
<i>Казань – Верхотурье</i>	01.12.1641	196	0,67	0,31
<i>Верхотурье – Тобольск</i>	12.06.1642	17	1,00	0,31
<i>Тобольск – Нарым</i>	29.06.1642	44	1,00	0,31
<i>Нарым – Енисейск</i>	13.08.1642	62	1,00	0,31
<i>Енисейск – Ленский волок</i>	15.10.1642	1052	0,32	0,10
<i>Ленский волок – р. Кута</i>	01.09.1645	260	1,00	0,10
<i>Устье р. Куты – р. Тутура</i>	16.05.1646	16	0,50	0,05
<i>Устье р. Тутура</i>	02.06.1646			

В таблице позиция «Дата прибытия» (по старому стилю, в XVII в. дата нового стиля плюс 10 суток) соответствует моменту прибытия в исходный пункт данного этапа перемещения по заданному геоисторическому маршруту. Например, 1 декабря 1641 г. черкасы были присланы на стрелецкую службу в понизовые города приказа Казанского дворца: Свяжской, Курмыш, Ядрин и др. Здесь они пробыли примерно полгода, вновь собраны в Казани (93 чел.) и с женами и детьми (всего 188 чел.) направлены в ссылку в Сибирь для устройства в государеву пашню. Черкасы относительно долго (Δt_i) находились в окрестностях Воронежа (с. Костёнки), откуда пытались бежать, и в Енисейске. В этих местах они успели обзавестись небольшим хозяйством, но в основном существовали за счет государева жалования. Длительная остановка в Енисейске связана с трудностью преодоления пути с Енисея на Лену вверх по течению Тунгуски (Ангары) и по порогам Илима, а также через необжитые территории Ленского волока. Приходилось возвращаться в Енисейск и снова пытаться достигнуть бассейна Лены. В 1645 г. до морозов дошли Тунгуской и Илимом до Ленского волока, где зимовали в трудных условиях и восемь месяцев готовились к выходу на Лену.

На всем рассматриваемом геоисторическом пути по разным причинам, учтенным в уравнении (1), численность ссыльных черкасов и их семей как уменьшалась, так и возрастала за счет добавления в группу новых участников процесса и рождения детей. Переходные вероятности p_i рассчитываются по величине потерь численного состава ссыльных на каждом этапе. В 1645 г. из первой партии черкасов, живших в Енисейском остроге, повторно на Ленский волок было собрано и отправлено только 20 (с женами и детьми всего 77 чел.) из-за недостатка судов (дощаников), а также хлебных запасов и денежных средств. На Лене их разделили на две группы, одну из которых отправили вниз по течению реки, а вторую – вверх на устье р. Тутуры в район Верхоленского острога, где в дальнейшем возникла Тутурская слобода. Из примерно 100 черкасов с семьями – выходцев из Полтавского края, что пришли с Путивля в Воронеж, в устье р. Тутуры оказалось 5 чел. (надежность достижения цели $P_i^* = 0,05$). Поскольку прибыло 10 семей, это означает, что еще около 100 семей беженцев были добавлены (u_i) в основной процесс на разных этапах, в частности на Тутуру среди воронежских попали и курские черкасы.

С учетом того, что в Восточной Сибири на первых этапах освоения оседало только 0,4 % переселенцев, вычисленная надежность (обеспеченность) достижения этой территории 5 % высока, что можно объяснить тем, что переселение ссыльных – контролируемый и достаточно хорошо обеспеченный процесс. Он не допускает значительных потерь численного состава, в отличие от свободного перемещения людей, оседающих на понравившихся землях. Если начало миграционного процесса считать от Москвы ($p_i^* = 1$), то для достижения эмпирического показателя $p_i^* = 0,004$ для Восточной Сибири на каждом этапе с учетом вычисленных характеристик сложности пути p_i должна оставаться примерно половина переселенцев.

Таким образом, доступные исторические документы с использованием модели динамики переселения позволяют исследовать геоисторический процесс первоначального освоения сибирских территорий в количественных показателях и дать оценки направленности и интенсивности этого процесса по месту и времени. Предлагается общая схема процесса демографического освоения, абстрагированная от частных географических и исторических обстоятельств его реализации, влияние которых неявно

учитывается в коэффициентах уравнений. Так идет концентрация информации (данных и знаний) и придание ей математической строгости, осуществляется проверка гипотез и решаются обратные задачи геоисторического исследования методами статистического анализа данных.

Список литературы

1. *Винокуров М. А.* Экономика Иркутской области. В 4 т. / М. А. Винокуров, А. П. Суходолов. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 1998. – Т. 1. – 203 с.
2. *Воробьев В. В.* Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы) / В. В. Воробьев. – Новосибирск : Наука, 1975. – 199 с.
3. *Красноштанов Г. Б.* На ленских пашнях в XVII в. Документальное повествование / Г. Б. Красноштанов. – М. : Древлехранилище, 2012. – Ч. 1. – 890 с.
4. Международная конференция «Математическое моделирование исторических процессов» / В. В. Алексеев, Л. И. Бородкин, А. В. Кортаев, Г. Г. Малинецкий, А. В. Подлазов, С. Ю. Малков, П. В. Турчин // Вестн. РФФИ. – 2007. – № 6 (56). – С. 37–47.
5. Турчин П. В. Историческая динамика: на пути к теоретической истории / П. В. Турчин. – М. : ЛКИ, 2010. – 368 с.

BRANCHING GEOHISTORICAL PROCESS OF NEW LANDS DEVELOPMENT IN THE RUSSIAN STATE IN THE XVII CENTURY

A. K. Cherkashin

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. Equations of state transitions model of dynamic systems and concepts of reliability theory are used to study quantitatively geohistorical process of new lands development. On the basis, data of historical documents on the resettlement in Siberia the first exiles, zaporozhye cherkas, appointed to the peasants in river Lena region are analyzed. The calculated indicators allow to assess the direction and intensity of the specific geohistorical process at the place and time against the background of demographic changes.

Keywords: geohistorical process, mathematical model, probabilistic assessment, Siberian exile, documentary materials.

Черкашин Александр Константинович – доктор географических наук, профессор, зав. лабораторией теоретической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: cherk@mail.icc.ru

Cherkashin Alexander Konstantinovich – Doctor of Geographical Sciences, Professor, Head Laboratory of Theoretical Geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: cherk@mail.icc.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII В. (НА ПРИМЕРЕ СИБИРИ)

Д. Н. ГЕРГИЛЕВ

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Аннотация. Анализируются особенности государственного управления в сибирских регионах. Автор на конкретных примерах показывает проблемы взаимодействия между высшей властью и местным чиновничеством. Несмотря на недостатки, по мнению автора, этот опыт может быть использован в региональном строительстве современной России.

Ключевые слова: самоуправление, государственное управление, Сибирский регион, административно-территориальное становление, региональное деление.

История административного управления в Сибири всегда привлекала внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Наиболее интересным для них периодом был конец XVIII – начало XIX в., когда в административном управлении Сибири проходили постоянные изменения. Механизм управления Сибирью в XVIII в. является существенной и своеобразной частью общей системы империостроительства, развития российской государственности XVIII – начала XX в. В нем ярко проявилась извечная проблема соотношения общих и специфических элементов структуры и функционирования. Специфическими чертами Сибирского региона были: протяженная территория и огромные расстояния от столиц при неразвитой системе коммуникаций, суровый климат, слабая заселенность и полиэтничный состав населения. Заметно сказывались и такие факторы, как картога и ссылка, пограничный характер ряда территорий и др.

Исследуя вопросы управления в Сибири, полезно отслеживать управление и самоуправление различных социальных категорий населения в процессе колонизации края. В соответствии с идеями Петра I усилились централистские тенденции в государственном управлении, хоть и в 1697 г. сохранялся Сибирский приказ. Только с 1708 г. начались административно-территориальные реформы, коснувшиеся всей азиатской части России [11, с. 3]. Подобная политика была продолжена и в XIX в. Императорский указ от 9 сентября 1801 г. гласил: «Статья 6. Когда губернское и уездное управление восстанавливаемых губерний воспримет свое действие, главною обязанностью начальников губерний будет: 1)

Постановить пределы губерний, и для сего, избрав достаточное число надежных губернских чиновников вместе с губернским землемером и снесясь с начальниками губерний прикосновенных, отправить их на границу, где, соединясь с таковыми же чиновниками из смежной губернии и быв снабжены от губернского правления подробными сведениями и наставлениями, имеют они положить пределы губернии, соображаясь не только бывшему доселе разграничению, но если усмотрят новые уважения к лучшему, могут назначить и перемены в нем по обоюдному согласию и с изъяснением причин, их к тому подвигнувших» [9, с. 66–67].

Красноречивым свидетельством специфики управления сибирскими регионами является следующая цитата из письма М. М. Сперанского князю А. Н. Голицыну, которое было написано им 18 сентября 1819 г. по дороге в иркутскую ссылку: «В пути отсюда до Иркутского уезда жалобы продолжались, но в сем уезде все замолкло: такова сила страха, в течение 13 лет все умы одержавшего. Устранение губернатора, решив колебания, облегчило бы изыскания. Не имея сего средства, я должен развивать клубок, чрезмерно спутанный, с медленностию и терпением. Чем злоупотребления очевиднее, тем тягостнее искать еще на очевидность сию доказательств, и искать их среди страха, здесь еще действующего, и каких-то надежд, из Петербурга с каждою почтою сюда льющихся» [7, с. 597]. Дело в том, что образование министерств не изменило принципов построения государственного управления на местах – в губерниях и уездах. В соответствии с еще екатерининским законодательством, главной фигурой, «хозяйном» губернии оставался губернатор. Считалось, что губернаторы являлись представителями центральной власти на местах, подчиненными непосредственно Сенату. Фактически же они все чаще были ставленниками Министерства внутренних дел, что вызывало возражения других ведомств, которые имели свои органы в губерниях, неизбежно оказывавшиеся под надзором губернаторов [10, с. 84]. Важно подчеркнуть, что Сибирский комитет собирался по мере накопления дел, а его положения поступали на утверждение прямо к царю, минуя другие инстанции. «Мнения Сибирского комитета представлялись царю и принимали силу закона в виде высочайше утвержденных положений Сибирского комитета» [1, с. 322]. По именному указу, данному Сенату 16 августа 1802 г., губернаторам разрешалось лишь

наблюдать за дворянскими выборами, не вмешиваясь, а также запрещалось домогаться избрания одних депутатов и отстранения от должности других. Согласно указу 1821 г., подтвержденному в Законах о состояниях, губернское правление и палаты «...не могли посылать предводителям распоряжений и требовать от них отчетов, но сносились как с губернскими, так и с уездными предводителями или через депутатское собрание или через губернатора» [5, с. 143].

Начиная разрабатывать план преобразований, М. М. Сперанский хорошо знал и учитывал исторические особенности Сибири. Он считал, что недостатки «Учреждения о губерниях» 1775 г. усиливались в Сибири следующими факторами: 1) отсутствием дворянства; 2) большими расстояниями; 3) малочисленностью населения; 4) недостатком чиновников; 5) отсутствием эффективного надзора за действиями администрации. Сперанский пришел к выводу, что одной из основных причин неэффективности административных органов в Сибири является отсутствие четкого определения их полномочий. В заключение своей деятельности в Сибири Михаил Михайлович составил ряд проектов по преобразованию управления этим обширным краем и в январе 1820 г. доложил царю о том, что его миссия в Сибири окончена. Показательно, что уже в марте 1820 г. новый министр внутренних дел В. П. Кочубей выслал ему официальное уведомление, в котором содержалась воля Александра: прибыть М. М. Сперанскому в Петербург к марту 1821 г.

В целях усиления контроля со стороны Сибирского комитета за прохождением дел, касающихся Сибири, в июле 1854 г. Николай I повелел сибирским генерал-губернаторам ежеквартально представлять ведомости дел, по которым еще не последовало решений в министерствах. На небольшой период Сибирский комитет повысил управляемость регионов, обеспечил принятие многих важных управленческих решений. Впервые после реформ М. М. Сперанского Сибирский комитет предпринял попытку, хотя и неудачную, выработать комплексный подход к освоению Сибири.

Трудности управления Сибирью далеко не всегда принимались во внимание в СССР. По замыслу, этот край должен был вносить максимально возможный вклад в развитие народного хозяйства и обороноспособность страны. «Однако ошибочным было взваливать на Сибирь непосильную ношу, заставляя ее вы-

полнять задания, которые наносили невосполнимый ущерб раю (экология, разорение т. п.) и, главное, обрекали на голодное существование народонаселение» [6, с. 307]. Более того, «Временное положение об управлении туземных племен и народностей северных окраин РСФСР», предусматривая организацию родовых советов, допускало объединение населения в советы на территориальной основе. Между тем опыт советского строительства на Севере выявил ограниченность как территориального, так и родового признаков. И дело здесь не только в том, что к кочевому населению нельзя было применить территориальный признак, а к оседлому – родовой. Если организация территориальных советов имела тот существенный недостаток, что игнорировала национальный состав населения, происходила в некоторых местах в форме сельских... Советов, то организация родовых Советов не соответствовала в целом реальным связям этого населения...» [4, с. 153].

А. П. Дворецкая на конкретных исторических примерах демонстрирует еще одну важную особенность Сибири в региональной политике: «В начале 1920-х гг. начался поиск оптимальных внутренних границ территории. Первым этапом районирования стало преобразование низовых территориально-административных единиц – волостей и сельсоветов. Власти попытались построить новые административные единицы по экономическому принципу, упростить, удешевить административный аппарат. Первоначально были объединены отдельные волости, созданы новые, отдельные населенные пункты были присоединены к другим уездам и городам» [2, с. 14–15].

Осуществляемая субъектами Российской Федерации власть не может рассматриваться как самостоятельный феномен, потому что проявить свои правовые свойства она может лишь в системно-органичном единстве с общефедеративной властью, приоритетно действующей в пределах каждого из субъектов Российской Федерации [8, с. 8–9]. Изменения административно-территориального устройства, как правило, происходят в ходе его реформирования, проведение которого обычно диктуется текущими политическими потребностями государств и изменением принципов территориального управления. Для России с ее огромной территорией сетка административно-территориального деления и принцип его устройства служат одной из основ государственности, а их эволюция – отражением и важной компонентой эпох и циклов регионализации [3, с. 36].

Таким образом, в региональной политике Российского государства Сибирь играет принципиальную роль, поскольку на примере этого региона можно отрабатывать оптимальные образцы управленческих решений.

Список литературы

1. Власть в Сибири: XVI – начало XX в. / сост. М. О. Акишин, А. В. Ремнев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск : Сова, 2005. – 696 с.
2. *Дворецкая А. П.* Районирование территории Приенисейского региона в 1924–1925 гг. // Новосибирская область в контексте российской истории : материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию образования Новониколаев. губернии. – Новосибирск, 2011. – Ч. 2. – С. 14–17.
3. *Егорова Е. Д.* Административно-территориальные изменения и формирование архивных фондов Алтайского края и Новосибирской области // Новосибирская область в контексте российской истории : материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию образования Новониколаев. губернии. – Новосибирск, 2011. – Ч. 2. – С. 35–45.
4. *Зибарев В. А.* Советское строительство у малых народностей Севера (1917–1932 гг.) / В. А. Зибарев. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1968. – 334 с.
5. *Иванова Н. А.* Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX в.) / Н. А. Иванова, В. Л. Желтова. – М. : Нов. хронограф, 2010. – 752 с.
6. *Познанский В. С.* Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е гг. XX в. / В. С. Познанский. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2007. – 307 с.
7. *Сперанский М. М.* Руководство к познанию законов / М. М. Сперанский. – СПб. : Наука, 2002. – 680 с.
8. Федерализм в России (История. Проблемы. Перспективы). – М. : Элит, 2008. – Т. 2. – 504 с.
9. *Шепелев Л. Е.* Аппарат власти в России. Эпоха Александра и Николая / Л. Е. Шепелев. – СПб. : Искусство-СПБ, 2007. – 461 с.
10. *Шепелев Л. Е.* Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. / Л. Е. Шепелев. – СПб. : Искусство-СПБ, 2001. – 479 с.
11. *Ярков А. П.* К 90-летию Новониколаевской губернии: исторический опыт укрепления российской государственности // Новосибирская область в контексте российской истории : материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию образования Новониколаев. губернии. – Новосибирск, 2011. – Ч. 2. – С. 3–8.

FEATURES OF REGIONAL POLICY IN RUSSIA IN THE FIRST QUARTER OF THE XVIII CENTURY (THE CASE OF SIBERIA)

D. N. Gergilev

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Abstract. This article analyzes the features of public administration in the Siberian regions. Author case studies shows the problems of interaction between the highest authority and local officials. Despite the shortcomings, according to the author, this experience can be used in the regional construction of modern Russia.

Keywords: Government, public administration, the Siberian region. administrative-territorial formation, regional division.

Гергилев Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, директор Гуманитарного института, Сибирский федеральный университет, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79/10, тел.: 8 (391) 2448625, e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru

Gergilev Denis Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Director of Humanitarian Institute, Siberian Federal University, 79/10, Svobodny ave., Krasnoyarsk, 660041, tel.: 8(391) 2448625, e-mail: mikhailyatzenko@yandex.ru

УДК 930.1

В. О. КЛЮЧЕВСКИЙ ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

А. С. МАДЖАРОВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматривается процесс изучения В. О. Ключевским метода исторического исследования, его логической структуры; выясняются тупики позитивистской методологии; раскрывается междисциплинарность метода исторического исследования В. О. Ключевского.

Ключевые слова: В. О. Ключевский, исторический метод, методология, историческая закономерность, междисциплинарный метод, логика и образ.

В. О. Ключевский о методе как задаче исторического познания

В историографической практике второй половины XIX в. осмысление философии, методологии истории отставало от ее конкретно-исторического освещения. Василий Осипович Ключевский (1841–1911) был первым историком России, который разработал и преподавал студентам Московского университета специальные курсы лекций по методологии, историографии, источниковедению, исторической терминологии.

В 1884–1885 гг. историк подготовил и прочитал студентам Московского университета курс «Методология русской истории» [2, с. 5–93]. Курс он начал тезисом об «отсутствии метода» изучения истории. «Нашу русскую историческую литературу нельзя обвинить в недостатке трудолюбия, – констатировал исследователь, – она многое обработала; но я не взведу на нее напраслины, если скажу, что она сама не знает, что делать с обработанным ею материалом; она даже не знает, хорошо ли его обработала» [2, с. 5]. Ключевский предпринял попытку исправить выявленный недостаток – осветить исторический метод исследования.

В курсе «Методологии ...» он приоткрыл свою лабораторию исследования истории, вывел методологию, до этого скрытую в конкретно-исторических работах, в отдельную, самостоятельную проблему, описал ее как «механизм». Историк попытался воссоздать зримую часть метода, ту структуру, которая укладывалась в рамки логики научного познания.

Ученый понимал различие между гуманитарными и естественными науками, особенности познания в истории. Уже в «Методологии ...» (1885) он писал: мы «никогда не достигнем того, чтобы история стала экспериментальной наукой» [2, с. 79]. Тем не менее Ключевский пытался вычертить метод изучения истории как строгий логический механизм, применение которого приводило бы к ожидаемому результату – открытию исторической закономерности.

Выявленная и вербализованная «Методология ...» не удовлетворяла Ключевского, возможно, потому, что не исчерпывала его метода. Биограф Ключевского академик М. В. Нечкина даже высказала мнение, что Василий Осипович в историческом исследовании к своей «Методологии ...» не прибегал. По словам Миллицы Васильевны, «любопытной чертой “Методологии” была... практическая бесполезность ее для самого автора – он не испытывал необходимости пользоваться ею» [5, с. 267].

Так ли это? Что о познавательных возможностях описанного им логического метода думал сам В. О. Ключевский? Можно ли было, опираясь на этот метод, решить главную проблему исторического познания – установить историческую закономерность?

В. О. Ключевский об исторической закономерности

Целью исследования, основанного на историческом методе, согласно доктрине Ключевского, в конечном счете должно быть открытие исторической закономерности.

В «Методологии ...» он пытался, по крайней мере, приблизиться к пониманию исторических законов, исторической закономерности. «Исторические законы, – констатировал Ключевский, – надобно понимать как законы взаимодействия исторических сил», законы «сложения исторических сил» [2, с. 83, 84]. В других работах, в последующие годы, историк не раз упоминал о существовании исторической закономерности и необходимости учитывать в политике законы развития общества. «Исторический закон, – подчеркивал он, в частности, в работе «Русская историография 1861–1893» (написана не ранее 3 декабря 1902 г.), – строгий дядька незрелых народов и бывает даже их палачом» [3, с. 385].

В первой лекции ««Курса русской истории» (1904) Ключевский говорил уже о «тайне исторического процесса» (сравните: тайна и закон. – А. М.), которую видел в «многообразных и изменчивых счастливых или неудачных сочетаниях внешних и внутренних условий развития». Однако эти сочетания он законами не считал, полагая теперь, что открытие подлинных законов истории – дело будущего. «Из науки о том, как строилось человеческое общежитие, – размышлял он, – может, со временем – и это будет торжеством исторической науки – выработается и общая социологическая часть ее – наука об *общих* законах строения человеческих обществ, приложимых независимо от преходящих местных условий» [1, с. 39].

Историческая закономерность как факт истории ускользала от логического анализа и в «Методологии ...», и в последующем «Курсе русской истории». Ключевский это понимал. Но публично, в печати и в лекциях, на тему исторической закономерности высказывался осторожно. Свои сокровенные размышления на этот счет он доверял дневнику.

25 февраля 1903 г., в период подготовки первого тома «Курса русской истории» к изданию, он сделал в дневнике запись, которая свидетельствовала о его подлинных бесцензурных мыслях о методе исторического исследования и исторической закономерности.

«Что такое *историческая закономерность*? – писал Ключевский. – Законы истории, прагматизм, связь причин и следствий – это все понятия, взятые из других наук... Законы возможны только в науках физических, *естественных*. Основа их – причинность, категории необходимости. Явления человеческого общежития регулируются законом достаточного основания, допускающим ход дел и так, и эдак, и по-третьему, т. е. случайно» [4, с. 325].

По словам историка, категории, взятые из области логического мышления (причины и следствия), можно было бы применить в историческом исследовании, если бы история была «разумным, сознательным планомерным процессом». На деле же в истории действуют силы, которым «чужды логические определения». «История процесс не логический, – заключал он, – а народно-психологический... В нем основной предмет научного изучения – проявление сил и свойств человеческого духа... *настроение и движение*» [4, с. 325, 326].

На следующий день, 26 февраля 1903 г., историк продолжил свои размышления об исторической закономерности и, одновременно, о продуктивности современного метода исследования. «В духовной жизни, – писал он, – совокупность взаимно переплетающихся влияний так сложна, что лишь весьма редко оказывается возможным определенно и ясно указать на их законы» [4, с. 327].

Спустя почти год, в записи от 24 декабря 1903 г., Ключевский констатировал, что логика познания, законы существуют. Но историческая наука на данном этапе ее развития еще не может подняться «до чистых законов логики». Она вынуждена довольствоваться «предварительными, более практическими формами мышления и определениями познания. «Мы знаем, – заключал он, – что в исторической жизни, как и во всем мироздании, должна быть своя закономерность, необходимая связь причин и следствий. Но при наличных средствах исторической науки наша мысль не в состоянии уловить эту связь, проникнуть в эту логику жизни и довольствуется наблюдением преемственности ее процессов» [4, с. 331].

Через полгода, в записи от 3 июня 1904 г., Ключевский вновь подчеркнул, что в истории нет «закономерности явлений повторяющихся» и, одновременно, историческое явление нельзя воспроизвести экспериментально. «В истории, – писал он, – вскрывается общежительная природа человека, и вопрос о закономерности исторических явлений заменяется вопросом о последовательности, с какой вскрываются разные стороны и свойства этой природы» [4, с. 333].

Система методологических построений, предпринятая Ключевским в «Методологии ...» и других работах, не смогла решить сверхзадачу – наметить путь, ведущий к открытию исторической закономерности, открыть ее. Факт неудачи, которую потерпел Ключевский в поисках исторической закономерности в «Методологии ...», подтверждала и Нечкина. «Итог поисков исторических законов, – писала она, – привел лектора к явному краху. Он не мог формулировать ни одного» [5, с. 266].

Междисциплинарный метод В. О. Ключевского

Отрицательный результат в осмыслении исторического метода, полученный Ключевским, тем не менее был движением вперед по сравнению с его предшественниками. Отсутствие исчерпывающей методологической рефлексии не означало отсутствия методологии.

Реальный метод исторического исследования Ключевского, говоря современным языком, был не одномерным, как описанный в его «Методологии...», а междисциплинарным.

В «Курсе русской истории», в работах по историографии, истории культуры и религии Ключевский писал о людях, подчас вопреки собственному представлению о предмете истории используя «субъективный» метод, раскрывал «субъективное» начало истории.

Он создал «Историю России», которая отличалась от трудов Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, А. П. Щапова и других историков постановкой новых тем, новой проработкой проблем государства, общества, народа, личности, колонизации и др., именно благодаря иной, чем у его предшественников, методологии, в частности ее новой грани – методу художественного познания.

Список литературы

1. Ключевский В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский // Соч. : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – С. 33–48.
2. Ключевский В. О. Методология русской истории / В. О. Ключевский // Соч. : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. – М. : Мысль, 1989. – Т. 6. – С. 5–93.
3. Ключевский В. О. Русская историография 1861–1893 гг. / В. О. Ключевский // Соч. : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. – М. : Мысль, 1989. – Т. 7. – С. 381–388.
4. Ключевский В. О. Дневники и дневниковые записи / В. О. Ключевский // Соч. : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. – М. : Мысль, 1989. – Т. 9. – С. 267–362.
5. Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества / М. В. Нечкина. – М. : Наука, 1974. – 636 с.

V. O. KLYUCHEVSKY ABOUT HISTORICAL PATTERNS

A. S. Madzharov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article discusses the process of studying the V. O. Klyuchevsky method of historical research, its logical structure; it turns out stubs positivist methodology; interdisciplinarity is disclosed a method of historical research of V. O. Klyuchevsky.

Keywords: V. O. Klyuchevsky, the historical method, methodology, historical pattern, interdisciplinary method, logic and image.

Маджаров Александр Станиславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)243875, e-mail: massa49@yandex.ru

Madzharov Alexander Stanislavovich – Doctor of History Sciences, Professor, Department of History of Russia, Faculty of History, Irkutsk State University 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)243875, e-mail: massa49@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В 2016 Г.

Е. А. СЕРЕБРЯКОВ

*Государственный архив новейшей истории Иркутской области, г. Иркутск
Иркутский государственный университет, г. Иркутск*

Аннотация. Кратко представлена история ГАНИИО, его структура, глубина фондов. Рассказано об организованных архивом выставках, проходящих на его базе.

Ключевые слова: государственный архив новейшей истории Иркутской области, история архивов, история комсомола, комсомольские стройки.

Если всерьез заняться исследованиями истории Иркутской области в XX в. и проводить эту работу ответственно и вдумчиво, как это делает профессиональный историк, краевед или журналист, то рано или поздно такая сложная и трудоемкая работа обязательно приведет исследователя в архив.

У большинства не связанных с наукой обывателей любой архив ассоциируется с учреждением мрачным, со множеством тайн, хранящихся в пыльных, ветхих и затянутых паутиной хранилищах. Этот стереотип отчасти навеян литературно-художественными произведениями, фильмами и прочими материалами, не относящимися к достоверным источникам получения правдивых знаний.

Что же такое архив, и кто такие архивариусы или архивисты, знает далеко не каждый. К большому сожалению, в данном контексте «не каждый» – это тот, кто по роду своей деятельности должен и обязан прибегать к услугам архива. Это прежде всего историки-краеведы, журналисты, писатели, исследователи и ряд других представителей социогуманитарных наук, работы которых опираются на факты. Попробуем представить читателю немного этих самых фактов из истории архивной деятельности.

У архивистов России есть свой профессиональный праздник, его отмечают ежегодно 10 марта. Это было установлено решением коллегии Федеральной архивной службы России 5 марта 2003 г. До этого профессиональный праздник архивистов был 1 июня, в этот день в 1918 г. Совет народных комиссаров РСФСР принял декрет «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР». Этим же декретом впервые был создан общерос-

сийский орган управления архивным делом – Главное управление архивным делом (ГУАД), или Главархив, сейчас это Федеральное архивное агентство России (Росархив).

Особенности труда архивиста связаны с быстрым и точным поиском информации; кроме того, «специалисты данной сферы занимаются хранением, учетом документации. Она может иметь историческую, производственную, правовую и иную ценность. В обязанности работников архива входит принятие мер по предотвращению порчи, хищения, повреждения, подделки носителей информации. Они контролируют выдачу, ведут картотеку для ускорения поиска и обращения со сведениями» [5].

В России главным административным распорядителем архивной деятельности является Росархив. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 2016 г. № 293 Росархив является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере архивного дела и делопроизводства, а также по контролю, оказанию государственных услуг и управлению федеральным имуществом в этой сфере. Руководство деятельностью Федерального архивного агентства осуществляет Президент Российской Федерации. На федеральном уровне подготовку специалистов для архивов осуществляет Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела (ВНИИДАД). Это очень краткая информация по тематике архивов в России [1].

Если же немного отвлечься от высших сфер государственной архивной политики и связанных с ней проектов и вернуться на нашу Сибирскую землю, то стоит рассказать о деятельности архивов и в Иркутской области. Главным органом государственной власти в области архивов является министерство культуры и архивов Иркутской области, за ним следует архивное агентство Иркутской области, в подчинение которого входят подведомственные областные государственные архивы [1; 5]. Об одном из таких учреждений и пойдет речь.

Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО) является областным государственным казенным учреждением, подчинен архивному агентству Иркутской области. История создания архива берет свое начало с сентября 1920 г., когда Декретом СНК при Наркомпросе РСФСР была со-

здана Комиссия для собрания и изучения материалов по истории Октябрьской революции и РКП(б).

Архив был создан в 1931 г. как партийный архив Востсибкрайкома ВКП(б), с 1937 г. – партийный архив Иркутского обкома партии. В августе 1991 г. партийные архивы по Указу Президента РСФСР были переданы в государственную архивную службу. Архив получил название «Центр документации новейшей истории Иркутской области», в 2001 г. постановлением губернатора Иркутской области был преобразован в областное государственное учреждение «Государственный архив новейшей истории Иркутской области». Специализированное здание архива построено в 1975 г. [5].

С 2012 г. архив возглавляет директор Рудакова Ирина Константиновна.

В структуре архива четыре основных отдела:

- 1) комплектования и работы с ведомственными архивами;
- 2) обеспечения сохранности и централизованного учета документов;
- 3) информации, публикации и научного использования документов;
- 4) административно-хозяйственный отдел.

Основными задачами архива являются:

- комплектование его новыми документами в соответствии со своим профилем;
- обеспечение сохранности поступивших в архив документов, их учет, совершенствование научно-справочного аппарата к ним, обеспечивающее использование документов в научно-практических целях;
- выставочная деятельность, работа с социально-правовыми запросами граждан и учреждений.

По состоянию на 1 июля 2016 г. в 3638 фондах хранятся 6822 описи, 769 147 дел (единиц хранения) на бумажном основе и фотодокументов.

В архиве хранятся документы начиная с 1920 г. по настоящее время. Документы дореволюционного периода содержатся в старейшем фонде архива – Истпартотделе, который включает в себя источники по истории революционного движения и Гражданской войны в Восточной Сибири, самый ранний документ датируется 1861 г. Всего в фонде насчитывается 1049 дел. Это прокла-

мации, листовки, копии жандармских документов о политических ссыльных, донесения о революционном движении рабочих, солдат в армии, о деятельности социал-демократических организаций. Значительная часть документов отражает события 1912 г. на Ленских приисках. В большом объеме представлены воспоминания участников революций 1905, 1917 гг. и участников Гражданской войны.

В архиве представлены фонды:

- органов, организаций, учреждений коммунистической партии, органов партийного контроля, политотделов, политчастей, политсекторов, первичных партийных организаций, партийных фракций во внепартийных организациях, учреждений партии;

- органов, организаций и учреждений комсомола, комитетов комсомола с правами райкомов предприятий, организаций, учебных заведений;

- общественно-политических организаций, профсоюзных, взаимопомощи и социальной защиты; оборонно-спортивных, научно-технических обществ; культурно-просветительных организаций и творческих союзов;

- органов, организаций и предприятий промысловой и потребительской кооперации;

- фонд федерального государственного унитарного предприятия «Восточно-Сибирская железная дорога» (до момента акционирования);

- документы по личному составу партийных, советских, комсомольских органов, типографии «Восточно-Сибирская правда» (Дома печати);

- коллекции документов по подготовке и проведению Всесоюзного и Всероссийского референдумов, выборов Президента РСФСР, Государственной Думы и Совета Федерации, Федерального Собрания, проводимых на территории Иркутской области (1991-1993 гг.), и документов Иркутской областной общественной организации ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов;

- фильтрационные дела на бывших военнопленных, уроженцев Иркутской области и призванных в армию с территории области;

- фонды личного происхождения иркутских историков Н. А. Ганзбург, И. И. Кузнецова, личный фонд В. Т. Агалакова [5; 6].

Для оказания помощи в работе пользователей архив выпустил путеводитель по фондам архива [6], с которым они могут ознакомиться в читальном зале. Кроме того, к их услугам большой научно-справочный аппарат, который помогает исследователю быстрее найти необходимую информацию, а также научно-справочная библиотека. Режим работы архива и читального зала – ежедневно с 9 до 17 часов без перерыва.

Что же требуется исследователю для плодотворной работы в архиве? Заявителю нужно подать официальное письмо, так называемое отношение на имя директора с указанием цели исследования и просьбой допустить заявителя к работе в архиве. Но необходимо понимать: доступ к архивным документам – дело особое, не каждый материал дается для исследования или тем более для создания с него копий.

Дела, документы, содержащие сведения о личной и семейной тайне гражданина, его частной жизни, выдаются при наличии письменного разрешения гражданина, а после его смерти – с письменного разрешения наследников данного гражданина до истечения 75 лет со дня создания документов. Все, что принято в архив от собственников или их владельцев, выдается впоследствии только в том случае, если это не противоречит условиям их передачи на хранение.

Пользователь имеет право заказывать в архиве дела, документы, справочно-поисковые средства к ним по теме исследования для работы в читальных залах одновременно в течение рабочего дня. Пользователь получает дела в работу их не позднее чем через 2 рабочих дня со дня оформления заказа, в объемах до 20 дел с общим количеством не более 1500 листов из фондов архива (либо не более одного дела объемом свыше 1500 листов). Что касается фондов личного происхождения, исследователь может получить не более 500 листов (либо не более одного дела объемом свыше 500 листов).

Исследователи имеют доступ к описям рассекреченных фондов. Собрание научно-справочной литературы (более 4,5 тыс. томов), соответствующей профилю документов архива, доступно для исследователей в читальном зале [1].

Заявителям по социально-правовым запросам нужно написать заявление на имя директора архива в произвольной форме. Если нужна информация для подтверждения стажа, требуются

копии трудовой книжки и первой страницы паспорта. Ответ по социально-правовым и тематическим запросам, связанным с уточнением стажа работы, заработной плате, различными награждениями и поощрениями, даты рождения родственника, создания и истории предприятий, организаций и другой информацией, доступной в архиве, дается не позднее чем через 30 календарных дней с момента подачи заявления.

Прием посетителей ведет директор ежедневно в часы работы архива. И, что особенно важно сейчас, когда за все приходится платить, все услуги архивом выполняются на безвозмездной основе.

Немного хотелось бы рассказать о культурно-просветительской деятельности архива. Не менее четырех раз в год на основе уникальных материалов и фондов, хранящихся в архиве, организуются тематические выставки, которые в основном посвящены знаковым событиям в истории Иркутской области. Среди уникальных выставок, состоявшихся в период 2015–2016 гг., можно отметить выставку «Пионерское движение Приангарья», освещающую некоторые страницы из истории пионерского движения в Иркутской области, сформированную на основе документов из личного фонда Надежды Айзиковны Ганзбург.

Выставка «События и встречи на земле иркутской» была посвящена юбилею видного общественного деятеля, работника культуры и просвещения Евстафия Никитича Антипина.

Но об одной из выставок хотелось бы поговорить подробнее. Она дает представления о жизни Иркутской области в период конца 1950-х – начала 1980-х гг. XX в. и называется «По комсомольской путевке – из истории Всесоюзных ударных комсомольскихстроек в Иркутской области».

В послевоенный «восстановительный» период истории СССР характерной чертой являлись массовые стройки, направленные на возрождение народного хозяйства страны. Основной движущей силой в данном направлении, без сомнения, можно считать прежде всего студенческую и рабочую молодежь всего Советского Союза. Ядром и идейной силой этого масштабного движения по праву является Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ). Первый этап строительства можно отнести к 1932 г., когда ВЛКСМ взял под свою ответственность города Комсомольск-на-Амуре, с которого начинается старт всесоюзных ударныхстроек. Послевоенный период созидательной государственной политики в строительстве начинается в середине 50-х гг. XX в.

Выставка, организованная сотрудниками Государственного архива новейшей истории Иркутской области, посвящена как раз одному из ярчайших периодов комсомольского движения в СССР – всесоюзным ударным стройкам, проходившим в Приангарье.

Участие молодежи в ударных советских стройках вносило определенные коррективы в привычные способы строительства. Ударные комсомольские стройки всегда отличались не только высокими темпами работы, лучшей организацией труда и культурой производства, но и тем, что стали подлинными лабораториями, своеобразными полигонами для испытания всего нового, прогрессивного, чем располагала тогдашняя наука и техника. На их базе проводятся сложнейшие социально-экономические эксперименты по созданию устойчивых комсомольско-молодежных объединений с общественным самоуправлением [4; 9; 31]. Стенограммы, протоколы конференций, пленумов, заседаний бюро крайкома, обкомов, горкомов, райкомов КПСС и ВЛКСМ позволяют проследить роль партийных и комсомольских организаций в мобилизации молодежи, решении вопросов повышения политического, образовательного и культурного уровня молодых строителей, создании им благоприятных жизненных условий. В документах анализируются различные стороны ушедшей эпохи, нашедшие отражение в уникальных материалах, хранящихся в ГАНИИО.

Кроме того, стоит отметить тот факт, что наряду с производственной и народно-хозяйственной значимостью строительства можно выделить особый подход к молодежной политике на государственном уровне, дающей возможность извлечения из исторического опыта уроков, которые могут быть полезными для современной России и региональной власти.

Возвращаясь к теме выставки «По комсомольской путевке – из истории Всесоюзных ударных комсомольскихстроек в Иркутской области», нужно обозначить или особо подчеркнуть те поворотные моменты для Иркутской области, которые отразились в масштабном строительстве. Из огромного массива материалов, которые находятся в фондах ГАНИИО, сотрудниками отдела информации, публикации и научного использования документов были выделены наиболее интересные факты из истории комсомольского строительства в регионе.

Есть город в Иркутской области, да и, пожалуй, во всей Восточной Сибири, который стал легендарным символом освоения

новых территорий и покорения природных стихий, – это город Братск. 12 декабря 1955 г. указом Президиума Верховного Совета РСФСР рабочий поселок гидростроителей был преобразован в город областного подчинения. В 2015 г. Братску исполнилось 60 лет. В городе прошли юбилейные торжества, его строители и ветераны вспоминали свое трудовое прошлое.

Братск – это уникальный город, собравший на своей земле пять легендарных комсомольских строек XX в. Грандиозное строительство было развернуто в короткие сроки, молодежь строила Братскую ГЭС, Братский лесопромышленный комплекс, алюминиевый завод, ЛЭП-500 и сам город Братск, который в период 1950–1980-х гг. XX в. из небольшого поселка на севере Иркутской области превратился в крупный промышленный гигант Восточной Сибири. Тысячи молодых людей со всей страны приняли участие в грандиозном строительстве.

С уникальными материалами возможно ознакомиться, посмотрев стенды выставки, где представлены документы, ярко иллюстрирующие страницы истории страны, хранящиеся в ГАНИИО. Например, порядок оформления и пути следования по комсомольской путевке можно узнать на примере выдержки из справки об условиях труда на строительстве Братской ГЭС [27].

17 июня 1955 г. пленум Иркутского обкома ВЛКСМ объявил сооружение линии электропередачи ЛЭП-220 Иркутск – Братск ударной комсомольской стройкой. На выставке представлены выдержки из выступления на VI пленуме Иркутского обкома ВЛКСМ 17 июня 1955 г. главного инженера Братскгэсстроя А. М. Гиндина о первейшей необходимости возведения ЛЭП-220 [25].

Участие комсомольцев в строительстве крупнейшей гидроэлектростанции проиллюстрировано такими документами, как постановление VI пленума Иркутского обкома ВЛКСМ от 17 июня 1955 г. «Об участии комсомольских организаций в строительстве Братской ГЭС» [15] и «Разнарядка по направлению комсомольцев на строительство Братской ГЭС» [24].

После Братской ГЭС пришел черед Усть-Илимской, соорудить которую было поручено «Братскгэсстрою». Усть-Илимск – город трех ударных комсомольских строек. В 1966 г. начинается строительство Усть-Илимской ГЭС. Первый агрегат ГЭС дал промышленный ток 28 декабря 1974 г., а 20 мая 1975 г. гидроэлектростанция выработала свой первый миллиард кВт/ч электро-

энергии. В 1975 г. был заложен фундамент целлюлозного завода. В 1976 г. прибыл первый интернациональный отряд из Болгарии. В разное время в строительстве принимали участие отряды из ГДР, Венгрии, Польши. В 1979 г. получена первая целлюлоза.

На стенде, посвященном строительству Усть-Илимской ГЭС и ЛПК, выставлены заявления и письма в комсомольскую организацию стройки с просьбой выслать комсомольские путевки: письмо комсомолок Г. Наумовой и Г. Конурниковой [18], письмо моряков – воинов Советской армии, желающих после демобилизации приехать на строительство Усть-Илимской ГЭС [19].

Следующим обзорным моментом выставки можно выделить один из самых значимых для страны объектов – БАМ. Эта всесоюзная стройка имела множество громких названий: «Дорога в будущее», «Дорога XXI века», «Главная стройка комсомола».

30 мая 1974 г. в Областном доме Советов в Иркутске состоялся сбор бойцов областного отряда – посланцев горкомов и райкомов комсомола Иркутской области на БАМ, каждому была вручена комсомольская путевка. Участие посланцев ленинского комсомола проиллюстрировано на выставке следующими документами: выпиской из протокола № 29 заседания бюро Иркутского обкома КПСС от 22 апреля 1975 г. «О направлении комсомольцев и молодежи на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку БАМ» [12]; постановлением бюро Иркутского обкома ВЛКСМ о комплектовании на БАМ ударного комсомольского строительного отряда Иркутской области [23], заявлением и характеристикой комсомольцев для направления на БАМ [8]. И это только малые крохи той бесценной информации по молодежным стройкам, которые хранятся в архиве и представлены на стендах выставки.

Рассказывая об истории Иркутской области в разрезе истории КПСС и ВЛКСМ и приведенных выше фактов, нельзя не упомянуть о деятельности строительных студенческих отрядов (ССО). История развития и становления студенческих отрядов в Приангарье насчитывает уже не одно десятилетие. Со времен грандиозных строек, освоения богатейших месторождений природных ресурсов, открытия новых пионерских лагерей начали формироваться строительные студенческие отряды. Представители ССО принимали участие в строительстве почти всех крупнейших объектов не только в Иркутской области, но и в других регионах Сибири. Это Братская, Красноярская, Усть-Илимская

ГЭС, Красноярский и Братский алюминиевые комплексы, Братский и Усть-Илимский лесопромышленные комплексы.

Большой массив источников содержится в ГАНИИО – более 3 тыс. дел из различных фондов. Это фонды комитета ВЛКСМ высших и средних учебных заведений Иркутской области, Иркутского областного комитета КПСС (ф. 127), Иркутского обкома ВЛКСМ (ф. 185), Иркутского горкома КПСС (ф. 159), Братского горкома КПСС (ф. 4847). В перечисленных фондах содержится информация по вопросам организации работ студенческих отрядов в летние периоды, численного состава отрядов, места их дислокации, охраны труда. В данных материалах показана в основном положительная роль партийных организаций вузов в формировании общественно-политической и трудовой активности студентов.

На выставке представлена копия постановления бюро Иркутского обкома ВЛКСМ от 17 марта 1965 г. «О направлении ССО для работы в период летних каникул на ударных стройках, в колхозах и совхозах Иркутской области» [14] и выписка из протокола № 25 заседания бюро Иркутского обкома ВЛКСМ от 22 февраля 1967 г. «О направлении летом 1967 г. студенческих строительных отрядов на стройки области» [13]. Областной штаб ССО выпускал летнее приложение к газете «Советская молодежь» под названием «Стройфронт», вырезки из которой также выставлены на стенде, посвященном студенческим стройотрядам [30].

О деятельности архива и об архивных документах и материалах можно рассказывать бесконечно, представляя читателям интереснейшие факты из социально-экономической, культурной, идеологической и бытовой жизни Иркутской области в прошлом XX в. Именно за бесценными сведениями, представленными в описях и фондах, приходят сюда преподаватели Иркутского классического университета, студенты и аспиранты, публицисты, историки-краеведы. Каждый находит для себя в архиве тот пласт истории, который интересен именно ему. Если читатель заинтересуется представленными выше материалами и захочет сам прикоснуться к настоящей живой истории Иркутской области, пусть без опасений приходит в Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Здесь его примут, выслушают и будут всегда рады помочь начинающему исследователю.

Список литературы

1. Архивы России : портал [Электронный ресурс] : специализирован. отрасл. СМИ / Федер. архив. агентство. – URL: <http://www.rusarchives.ru/o-sayte>.

2. *Вербицкий Ю.* Правда о БАМе. БАМ глазами участников его строительства / Ю. Вербицкий, В. Сущевич. – М. : Мол. гвардия, 2004. – 112 с.
3. Выписка из решения заседания комитета ВЛКСМ треста «Иркутсколюминстрой» от 10 апр. 1961 г. // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 12. Д. 341. Л. 8.
4. *Гаврилов Н. К.* Комсомол на ударных стройках Западной Сибири 1971-1975 гг. : дис. ... канд. ист. наук / Н. К. Гаврилов. – Новосибирск, 1984. – 226 с.
5. Государственные архивы [Электронный ресурс] // Архив. агентство Иркут. обл. : офиц. сайт. – URL: <http://irkobl.ru/sites/archiv/archivobl/gosudarstvennie/ogu%20ganiio/>.
6. Государственный архив новейшей истории Иркутской области : путеводитель / сост. М. Д. Покачалова, Т. Г. Щербакова. – Иркутск : Отгиск, 2008. – 664 с.
7. Заявление на выдачу комсомольской путевки на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку Усть-Илимского ЛПК // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 26. Ед. хр. 8. Л. 1.
8. Заявления и характеристики комсомольцев о направлении на БАМ // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 26. Д. 18. Л. 29, 31.
9. *Королева Т. М.* История движения студенческих отрядов Иркутской области (1960–1980-е гг.) : дис. ... канд. ист. наук / Т. М. Королева. – Иркутск, 2006. – 270 с.
10. Мы помним тебя, комсомол! История. Документы. Воспоминания. – Иркутск : Облмашинформ, 2000. – 415 с.
11. О закреплении за отрядами трудных подростков : постановление Иркут. обл. штаба ССО от 27.06.1975 // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 18. Д. 131. Л. 14.
12. О направлении комсомольцев и молодежи на Всесоюзную ударную комсомольскую стройку БАМ : выписка из протокола № 29 заседания бюро Иркутского обкома КПСС от 22 апр. 1975 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 100. Д. 145. Л. 67.
13. О направлении летом 1967 г. студенческих строительных отрядов на стройки области : выписка из протокола № 25 заседания бюро Иркут. обкома ВЛКСМ от 22 февр. 1967 г. // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 17. Д. 4. Л. 46–47.
14. О направлении ССО для работы в период летних каникул на ударных стройках, в колхозах и совхозах Иркутской области в 1965 г. : постановление бюро Иркут. обкома ВЛКСМ от 17 марта 1965 г. // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 13. Д. 8. Л. 113–114.
15. Об участии комсомольских организаций в строительстве Братской ГЭС : постановление VI пленума Иркут. обкома ВЛКСМ 17 июня 1955 г. // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 10. Д. 273. Л. 106–107.
16. Обращение членов ВЛКСМ Железногорской средней школы № 3 к комсомольцам и школьникам Нижнеилимского района // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 19. Д. 220. Л. 1, 2.
17. Паспорт Всесоюзной ударной комсомольской стройки Коршуновского ГОКа // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 26. Ед. хр. 4. Л. 4–5.
18. Письмо комсомолок Г. Наумовой и Г. Конурниковой с просьбой о предоставлении им работы на строительстве Усть-Илимской ГЭС // ГАНИИО. Ф. 5844. Оп. 1. Д. 2. Л. 6.
19. Письмо моряков-воинов Советской Армии, желающих после демобилизации приехать на строительство Усть-Илимской ГЭС // ГАНИИО. Ф. 5844. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.
20. Письмо секретарю Иркутского обкома ВЛКСМ А. В. Власову от зам. начальника строительства БратскГЭССтроя о направлении 2000 человек по комсомольским путевкам // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 12. Д. 300. Л. 13.
21. План мероприятий Иркутского обкома ВЛКСМ по шефству над ударными комсомольскими стройками на 1962 г. // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 12. Д. 409. Л. 66–67.

22. План формирования и дислокации студенческих строительных отрядов на лето 1967 г. // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 17. Д. 4. Л. 49.
23. Постановление бюро Иркутского обкома ВЛКСМ о комплектовании на БАМ ударного комсомольского строительного отряда Иркутской области // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 18. Д. 94. Л. 6-7.
24. Разнарядка по направлению комсомольцев на строительстве Братской ГЭС // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 10. Д. 273. Л. 108.
25. Речь главного инженера А. М. Гиндина о первейшей необходимости возведения ЛЭП-220, на VI пленуме Иркутского обкома ВЛКСМ 17.06.1955 // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 10. Д. 273. Л. 10, 11.
26. Справка о состоянии ввода важнейших объектов ударных строек Иркутской области в 1961 г. // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 12. Д. 341. Л. 7.
27. Справка об условиях труда на строительстве Братской ГЭС: порядок оформления и пути следования по комсомольской путевке // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 12. Д. 181. Л. 5.
28. Справка по комсомольской организации ЛЭП-500, участок Тулун-Братск // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 12. Ед. хр. 300. Л. 20-21.
29. ССО: стройка, студенты, отряд / В. П. Ляскин [и др.]. - М. : Стройиздат, 1978. - 191 с.
30. Стройфронт. Газета «Советская молодежь» 1974 г. // ГАНИИО. Ф. 185. Оп. 18. Д. 124.
31. Янгель Т. Я. Партийное руководство интернациональной деятельностью комсомольских организаций Восточной Сибири (1966-1975): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Т. Я. Янгель. - Л., 1985. - 19 с.

CONCERNING ACTIVITIES CARRIED OUT BY IRKUTSK REGION CONTEMPORARY HISTORY STATE ARCHIVE: 2016

E. A. Serebryakov
Irkutsk Region Contemporary History State Archive, Irkutsk
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. A brief history of Irkutsk Region Contemporary History State Archive, its structure, and its funds profundity are concerned with in the paper. The exhibitions taking place in the archive are told about.

Keywords: Irkutsk Region Contemporary History State Archive, the archives history, Komsomol history, Komsomol construction projects.

Серебряков Евгений Александрович – начальник, отдел информации, публикации и научного использования документов, ОГКУ «Государственный архив новейшей истории Иркутской области», 664025, г. Иркутск, ул. Марата, 19, тел.: 8(3952)203278, e-mail: silver.sea@yandex.ru;

преподаватель, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: silver.sea@yandex.ru

Serebryakov Evgeny Aleksandrovich – Head of the Department of Information, Publication and Document Use for Scientific Purposes, Irkutsk Region Contemporary History State Archive, 19, Marat st., Irkutsk, 664025, tel.: 8(3952) 203278, e-mail: silver.sea@yandex.ru;

Senior Teacher, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History Irkutsk State University, 1-412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: silver.sea@yandex.ru

**МАТЕРИАЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ГАРФ)
О СИБИРСКОЙ ССЫЛКЕ**

Н. Ф. ВАСИЛЬЕВА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена документальным материалам о сибирской ссылке, отложившимся в фонде 533 Государственного архива РФ. Фонд появился после закрытия Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев в 1935 г., которое собирало материалы для исследования и публикации.

Ключевые слова: Государственный архив РФ, фонд 533, Всесоюзное общество бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев, сибирская ссылка.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) содержит фонд 533, где сосредоточен архив Всесоюзного общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев (1921–1935 гг.). Общество представляло собой разветвленную систему, центр которой – Центральный совет со всевозможными руководящими структурами – находился в Москве. С точки зрения советской власти Общество должно было выполнять важную политическую задачу – осуществлять воспитание молодежи в духе марксизма-ленинизма и пропаганду революционных идей среди населения.

В фонде имеется пять описей. В первой описи сосредоточены дела общего делопроизводства, отражающие историю Общества, сведения по истории революционного прошлого России, во второй описи – личные дела членов Общества, в третьей описи – личные дела на лиц, выбывших или исключенных из Общества, подававших документы, но не принятых в связи с наличием в них компрометирующих данных или закрытием Общества. В четвертой описи – секретная переписка, в пятой описи – отдельные документы, в том числе о закрытии Общества.

Документы, отложившиеся в фонде Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, отражают историю Общества и его научную деятельность, а также содержат сведения по истории революционного движения в России, истории каторги, ссылки и эмиграции от времен ссылки декабристов до конца Гражданской войны, и в частности, сибирской. Материалы фонда охватывают период 1924–1935 гг.

В фонде содержится три группы документальных источников. Первая группа состоит из руководящих документов Общества политкаторжан: положения о разнообразных структурах (центрального совета, НИИСа, секций, комиссий), информативные письма, стенографические отчеты пленумов, доклады, инструкции, протоколы, решения, резолюции. Они помещены в первую и пятую описи.

Вторая группа материалов включает историю революционного движения и репрессий и, в частности, историю сибирской ссылки. Одна часть документов представляет застенографированные воспоминания бывших ссыльных, дополненные их товарищами; рукописи в подлиннике; воспоминания в виде ответов на заранее подготовленные вопросы; темы для коллективных проработок по регионам ссылки; материалы журнала «Каторга и ссылка» «Издательства политкаторжан». Другая часть архивных источников представляет подготовительный материал к выпущенным и планируемым изданиям: библиографический словарь «Деятели революционного движения в России», «Биографический словарь членов Общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев», вспомогательные рабочие картотеки по подготовке издания «История политической тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции эпохи царизма и белого террора эпохи Гражданской войны 1917–1922 гг.». К этой же группе можно отнести подготовительный материал к тому биографического словаря «Деятели революционного движения в России», который был издан в 1927 г.; копии архивных материалов, выявленных членами Общества в государственных архивах, фондах местных полицейских, жандармских, судебных учреждений, фондах тюрем. Преобладающая часть материалов представляет машинописный текст. Материалы сосредоточены также в первой и пятой описи.

Третья часть документов содержит важные сведения персональной направленности. Во второй описи помещены личные дела членов Общества, в третьей описи – личные дела на лиц выбывших или исключенных из Общества или подававших документы на вступление, но не принятых в связи с наличием компрометирующих данных. Особая часть документов содержится в четвертой описи под названием «Секретная переписка». Она не выдается исследователям, и поэтому ее содержание закрыто. После ликвидации Общества документы через какое-то время под-

верглись научно-технической обработке и научной экспертизе. В 1953 г. к фонду 533 были присоединены материалы фонда 1724 «Редакция журнала «Каторга и ссылка».

Документальный материал первой описи систематизирован по структурно-хронологическому принципу за 1924–1935 гг. и состоит из 41 раздела. Первый раздел содержит очерк по истории Общества. Второй раздел вобрал материалы Центрального совета. Третий, четвертый, пятый разделы содержат материалы о внутренней жизни Общества: документы комиссий по культурной и просветительской работе, ветеранской и шефской. Следующие разделы посвящены научно-исторической деятельности Общества. Возглавляет этот блок описи раздел о центральном бюро научно-историко-исследовательских секций (НИИС).

Некоторые разделы посвящены работе научных секций: по изучению декабристов и их времени; по изучению общественного движения в России (30–70-е гг. XIX в.); по изучению истории Гражданской войны; секция и комиссия по изучению истории тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции; секция по изучению культурного влияния политических ссыльных на население Сибири; секция по изучению революционного движения среди евреев; секция по составлению списка политических процессов; музейная секция, в составе которой была сосредоточена и работа музея «Каторга и ссылка»; справочная секция, якутская секция. Значимые секции дробились еще на более мелкие структуры: подсекции, кружки, группы, бригады и т. д. Секция по изучению участников революционного движения 1905 г. (12-й раздел) имела в своем составе десять структур: аграрная подсекция; подсекция по изучению вооруженного восстания; кружок краснопресненцев; группа железнодорожников; группа, занимающаяся организацией воспоминаний участников революционного движения в армии и флоте в 1905 г., и др. Секции занимались разнообразной работой. Справочная секция, например, составляла карточки процессов и делала выписки из газет и журналов на лиц, привлекавшихся за принадлежность к политическим партиям (46 листов) [2]; готовила карточки процессов на участников покушений на должностных лиц в 1906 г. (147 листов) [3]; составляла карточки процессов на участников революционного движения в армии и флоте 1906 г. (163 листа) [4], готовила справочники членов Всесоюзного общества политкаторжан и др.

В секцию по изучению революционного движения и ссылки в Сибири входили бригады: по изучению социал-демократического движения в Сибири; по изучению 1905 г. в Сибири; по боевым дружинам в Сибири; по побегам из сибирских тюрем и ссылки. Яркий пример деятельности бригады по побегам из сибирских тюрем и ссылки – обсуждение 26 октября 1931 г. воспоминаний Розеноера «Побеги политических ссыльных из Тобольской и Якутской ссылок» и выступления с комментариями Крамольникова, М. А. Цукасовой, Попова и Юдина. Выступающие были сибирскими ссыльными и, что называется, «изнутри» знали вопрос. Они подчеркивали, что не только центр руководил побегам, но и местные партийные организации, раскиданные по территории Сибири, оказывали поддержку побегам, так как были заинтересованы в беглецах для использования их на партийной работе на местах. Беглецам «выдавали» подложные паспорта, и под другой фамилией они работали в Сибири на благо революции в типографиях, кооперативах и др. [1, л. 27]. Результаты работы бригады по побегам отложились и в других делах: дело 523 – воспоминания А. А. Мельникова о побегах заключенных из Красноярской тюрьмы, дело 524 – о побегах из Александровской каторжной тюрьмы, дело 525 – воспоминания В. М. Коробова о побегах ссыльных из Туруханского края. В деле 527 отложилась дискуссия бывших ссыльных Ауэрбаха, Валентинова, Крамарова, Мошкина, Никитиной, Ульянинского по докладу профессора Гернета «Психология побегов».

Часть разделов содержит документы о научной работе комиссий, входящих в структуру НИИС. Среди них библиографическая комиссия, комиссия по архивной работе, которая содержит положение о комиссии и материалы по организационной работе комиссии [5], переписку с архивными комиссиями местных отделений Общества по вопросу выявления документальных материалов [6], списки членов комиссии [7]. Рабочие материалы архивной комиссии вобрала в себя: список фондов центральных и местных архивов, по которым выявлялись документальные материалы по истории тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции с 1825 по 1917 г. [8], «разработку» документального материала Главного тюремного управления по тюрьмам: история тюрьмы, каторги и ссылки за период 1880–1917 гг. [8], выписки из документальных материалов центральных архивов о побегах заключенных по

тюрьмам и списки бежавших [9], выписки из документальных материалов фонда Главного тюремного управления о перемещении заключенных каторжных и пересыльных тюрем [10] и др. Одно из дел содержит копии с документальных материалов центральных и местных архивов по теме «История тюрьмы, каторги и ссылки и эмиграции». Объем материалов довольно разнообразен. Например, дело 633 включает 150 листов, дело 638 – 192 листов, дело 640 – 42 листа, дело 626 – 7 листов.

Часть разделов описи имеет региональные компоненты: Енисейская секция; Якутская секция, Александровско-Тобольское землячество, Енисейское землячество, Иркутское землячество, Красноярское землячество, Нерчинское землячество, Орловское землячество, Псковское землячество, Рижское землячество, землячество центральных тюрем, Шлиссельбургское землячество, землячество южных тюрем, землячество центральных тюрем, Якутское землячество.

Например, план научно-исследовательской работы Иркутского землячества на 1934–1935 гг. включал организацию и проведение работ, связанных с подготовкой материалов для серьезного издания «История политической тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции», которое, по мысли членов общества, должно было подытожить всю работу за предшествующие годы [13, л. 2]. Планировалось ознакомиться с рукописным фондом ЦБ НИИС, чтобы в дальнейшем провести литературную обработку в целях публикации, для статистических сводок и музейных целей. Архивная бригада землячества должна была поработать в Москве в фондах Главного тюремного управления и 3-го отделения царской администрации, а также в иркутских архивах для дополнения списка ссыльнопоселенцев Иркутска и Иркутской губернии за период 1825–1905 гг. Литературная бригада землячества планировала издать в дополнение к первому сборнику «Иркутская ссылка» еще два. Была определена тематика третьего сборника – «Участие политических ссыльных в Ленских событиях 1912 г. и революционная работа в подпольных и легальных организациях в годы Первой мировой войны». Кроме того, члены землячества планировали подготовить шесть докладов по важным темам истории Иркутской ссылки: большевики в ссылке, участие ссыльных в Гражданской войне, отношение ссыльных к империалистической войне, роль ссыльных в Ленской забастовке, роль

ссылных в союзе сибирских рабочих, стародумцы в ссылке, о комитете по эвакуации ссылных и др. Литературная комиссия Иркутского землячества для историко-исследовательской работы наметила план исследовательской работы: уточнение пунктов ссылки в Иркутской губернии, составление карты с указанием пунктов ссылки и количественного состава, маевки в Иркутской ссылке, умершие в ссылке, провокаторские организации в Иркутске, анархистские конференции в Иркутской ссылке, артели грузчиков и работа по сплаву на Лене [13, л. 4].

В архивных материалах Енисейского землячества за 1934 г. содержится тематическая разработка «Большевики в Енисейской ссылке» и проект тезисов «Туруханский бунт» [11]. Тематическая разработка должна была помочь докладчикам и исследователям готовить материалы. Одиннадцать пунктов плана включают: количественный состав Енисейской ссылки по годам и партийности; удельный вес большевиков в Енисейской ссылке; роль и значение большевиков в жизни ссылных Енисейской губернии; партийно-политическая работа большевиков; подпольная работа; прибытие большевиков-втородумцев в ссылку; большевики и война; литературная работа ссылных; занятия большевиков в ссылке и т. д. Землячества занимались сбором данных на ссылных. Например, в деле 1001 находятся «карточки лиц, отбывавших ссылку в Енисейской губернии в 1905–1907 гг.», в деле 1002 – списки членов Енисейского землячества, одновременно являвшихся членами общества старых большевиков. Среди перечисленных 49 членов под номером 40 числился Сталин Иосиф Виссарионович [12, л. 14].

Таким образом, фонд 533 Государственного архива Российской Федерации вообрал в себя большой пласт революционной истории и государственных репрессий досоветского периода. Бывшие революционеры, объединенные в Общество, начали свою исследовательскую работу по зову души и заданию политической системы. Для этого они создали разветвленную структуру, которая занималась сбором исторических материалов, изданием и популяризацией революционного прошлого. Скопился огромный объем архивного материала, сформированный из документов, собранных секциями, комиссиями, кружками, бригадами, землячествами; документов местных региональных отделений, подготовительных материалов библиографического словаря,

«Издательства Политкаторжан», журнала «Каторга и ссылка» и др. Объемный фонд по истории революционного движения, в том числе каторги и ссылки в Сибирь, не был использован в полной мере при жизни бывших политкаторжан. Они не смогли осуществить свой грандиозный проект: написать и издать обобщающий труд по истории тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции в силу непрофессионализма, нападок политической системы, нехватки времени и материальных ресурсов. В 1935 г. Общество было закрыто, а фонд оказался востребован профессиональными историками только с 60-х гг. XX в.

Список литературы

1. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 521.
2. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 536.
3. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 537.
4. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 540.
5. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 626.
6. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 633.
7. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 636.
8. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 637.
9. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 638.
10. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 639.
11. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 973.
12. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1002.
13. ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1010.

MATERIALS OF THE PUBLIC RECORDS OFFICE (GARF) ABOUT SIBERIAN EXILE

N. F. Vasiljeva
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Article is devoted to the documentary materials about Siberian exile laid in fund 533 of the Public Records Office of the Russian Federation. The fund appeared after closing of All-Union society of the former political convicts and ssynoposelenets in 1935 which collected materials for a research and the publication.

Keywords: Public Records Office of the Russian Federation, fund 533, All-Union society of the former political convicts and ssynoposelenets, Siberian exile.

Васильева Наталья Федоровна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: vasil.nf@mail.ru

Vasilyeva Natalya Fedorovna – Candidate of History Sciences, Senior Lecturer, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: vasil.nf@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА СОСЛАННЫХ В СИБИРЬ ПОЛЯКОВ – УЧАСТНИКОВ ЯНВАРСКОГО ВОССТАНИЯ 1863 Г.

А. А. ИВАНОВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения численности сибирских ссыльных – участников Январского восстания 1863 г. в отечественной историографии. Установление действительного количества ссыльных поляков в Сибири – одна из ключевых задач сибирско-польской темы. Ее неизменная излишняя политизация в 1920–1990-х гг. приводила исследователей к искаженным выводам, что, безусловно, негативно влияло на изучение политической истории России и Польши.

Ключевые слова: ссылка поляков, Январское восстание 1863 г., Сибирь, Иркутская губерния.

Определение численности поляков – участников Январского восстания, высланных в 1863–1883-х гг. в Сибирь, – научная проблема, имеющая свою многолетнюю, а точнее, более чем полутора-вековую историю. Первым ее исследователем по праву считается С. В. Максимов. Его книга сначала была издана в качестве служебной записки, а затем в 1871 г. в дополненном виде уже как «Сибирь и каторга» и переиздавалась неоднократно.

Труд С. В. Максимова действительно представляет значительный интерес в качестве ценного и разнопланового источника по истории сибирской ссылки XVII–XIX вв. Книга содержит многочисленные фактические сведения, рассказы и свидетельства современников. Исторические анекдоты соседствуют здесь с официальной статистикой, анкетные данные – с отрывками из работ Е. Н. Анучина, неопубликованные архивные материалы – с личными впечатлениями автора – все, без чего не обойтись ни одному исследователю этой темы. Наконец, живой и увлекательный язык книги делает ее понятной, интересной и доступной любому современному читателю.

Легкость изложения не помешала С. В. Максиму поставить и по-своему решить несколько серьезных научных проблем в истории ссылки поляков в Сибирь, в том числе первым определить количественные характеристики этого явления. В третьей главе своей книги автор делает это следующим образом: «С весны

1863 г. ... по 20 декабря 1866 г. всего поступило в Сибирь, со включением и добровольно пришедших за ссыльными жен и детей, 18 623 души обоего пола». Здесь же дана и динамика ссылки по годам: в 1863 г. – 524 чел., в 1864 г. – 10 649, в 1865 г. – 4671 и в 1866-м – 2829 ссыльных (между прочим, арифметическое сложение всех цифр дает нам несколько отличное от заявленного автором число в 18 673 чел.) [8, с. 179].

Каким образом С. В. Максимов получил эту цифру? К сожалению, автор не объясняет своему читателю методику подсчетов, нет у него и ссылок на использованные источники, что уже само по себе заставляет несколько усомниться в достоверности результатов исследований. При этом отметим, что на настоящий существенный недостаток трудов С. В. Максимова уже указывалось в отечественной историографии. Так, еще в 1898 г. А. М. Скабичевский, называя «Сибирь и каторгу» целой «эпопеей, в своем роде Илиадой и Одиссеей каторжной жизни», отмечал, что труд Максимова содержит весьма незначительное количество конкретных ссылок, работы же «предшественников» если и цитируются, то делается это столь «вольно», что читатель не может порой отличить, где авторский текст, а где иллюстрация чужой мысли. «К сожалению, – пишет Скабичевский, – Максимов редко извещает читателя, из каких источников взял он те или другие факты» [13, с. 717].

Как видим, замечание существенное. Между тем – и это для нас главное – оно было оставлено без внимания, и показатели С. В. Максимова были взяты на вооружение многими последующими исследователями этой темы, стали применяться ими без надлежащей критики, в качестве уже непогрешимого источника для построения научных концепций. Проиллюстрируем это положение надлежащими примерами, составленными в хронологическом порядке.

Одним из первых расчеты С. В. Максимова подхватил Дж. Кеннан. В 1906 г. в России впервые была издана его книга «Сибирь и ссылка». Рассказывая о тюрьмах Нерчинской системы, Кеннан пишет и о «тысячах польских повстанцев», сосланных сюда после 1863 г. Стремясь конкретизировать их численность, автор приводит целиком подсчеты С. В. Максимова – 18 623 чел. в целом, из них 8199 – в Восточной Сибири [3, с. 408].

И в советский период нашей истории к подсчетам С. В. Максимова относились без должной критики. Так, в 1932 г. в «Сибирь-

ской Советской энциклопедии» появилась статья М. М. Константинова, в которой автор дает большой обобщающий исследовательский материал об уголовной и политической ссылке в Сибирь со времен невольного пребывания в Братском остроге и Забайкалье протопопа Аввакума (1653–1663 гг.) до декрета Временного правительства в начале марта 1917 г. Не обходит вниманием автор и историю ссыльных поляков в Сибири, в том числе пребывание здесь участников Январского восстания. Говоря об этом времени, Константинов пишет: «Всего прибыло в Сибирь вместе с семьями в 1863 г. – 524 чел., в 1864 г. – 10 649, 1865 – 4671, 1866–2829. Из этого числа ушло на каторгу 3894 чел., на поселение 2153, на житье 2254 и для водворения 8491, добровольных – 1830» [4, с. 591].

В 1936 г. Ф. А. Кудрявцев в книге «Александровский централ», делая широкий экскурс в историю карательной системы России, указывает, что «первой наиболее значительной группой политических ссыльных были участники польского восстания 1863 г.». И далее определяет количество высланных в целом для Сибири – «до 18 600 чел.» [5, с. 16–17].

«Хрущевская оттепель» благотворно сказалась и на исторических исследованиях. В 1960-е гг. советские историки, в том числе и сибирские, заметно расширили проблематику своих научных интересов. В этой связи заслуживает быть отмеченной особо книга Н. П. Митиной (1966). Это первое монографическое исследование истории пребывания участников Январского восстания в Сибири. Автор, говоря о высланных за участие в восстании 1863–1864 гг. и опираясь на ведомости Министерства внутренних дел по 39 губерниям, называет уже 36 459 чел., в целом подвергшихся репрессиям, однако для Западной и Восточной Сибири количество ссыльных дает опять же ближе к Максиму – 18 606 чел. [9, с. 11, 12].

Безраздельное господство подсчетов С. В. Максимова в отечественной историографии было нарушено С. Ф. Ковалем. В изданном в 1968 г. третьем томе «Истории Сибири», в параграфе «Политическая ссылка 60–80-х гг. XIX в.», подготовленном этим ученым, встречаем иную, значительно бóльшую, цифру «январских поляков»: «Общее число ссыльных повстанцев, – указано в тексте, – превышало в Сибири 22 тыс.»... [2, с. 114].

Выводы С. Ф. Коваля нашли подкрепление в 1971 г. в «Очерках» по истории Иркутска. Ф. А. Кудрявцев и Г. А. Вендрих указывали: «В 60-х гг. в Сибирь были сосланы участники восстания

1863–1864 гг. в Польше, Литве и Белоруссии. В исторической литературе количество их определялось в 18 600 чел. Более точные подсчеты по документам, произведенные С. Ф. Ковалем, показали, что число каторжан и ссыльных по этому восстанию превышало 22 тыс. чел.» [6, с. 111–112].

Казалось бы, с появлением данных С. Ф. Ковалю подсчеты С. В. Максимова должны отойти на второй план. Однако в 1971 г. В. Н. Дворянов в своей монографии опять указывает знакомые цифры: «с 1863 по 1867 г. в Тобольскую губернию, – пишет автор, – было сослано 4101, в Томскую – 6306, в Енисейскую – 3719, а в Иркутскую – 4424 польских повстанца», а всего, следовательно, 18 550 чел. [1, с. 64, 65].

Наконец в 1976 г. у Л. П. Рощевской в статье «Последний осколок приказной системы» обосновывается другое, нежели у Максимова и Ковалю, количество ссыльных участников Январского восстания: «Всего за 1864–1869, 1876–1894 гг., т. е. почти за 30 лет, – пишет автор, – в Сибирь поступило через Приказ (Тобольский. – А. И.) 25 473 политических и государственных ссыльных. Из них – 23 056 повстанцев 1863–1864 гг.» [12, с. 207–208].

Постперестроечное время, к сожалению, мало что добавило к уже имеющимся количественным показателям участников Январского восстания, сосланным в Сибирь. Современные исследователи, не проводя собственных специальных широких изысканий, по-прежнему опираются на результаты поисков своих предшественников. Так, западносибирский исследователь С. А. Мулина считает, что «в результате восстания в Сибирь было выслано около 20 тыс. поляков» [10, с. 504]. Похожие цифры встречаем и у С. В. Леончика: «более 22 тыс. поляков были осуждены и высланы в Сибирь, в Енисейскую губернию – 3719 чел....» [7, с. 54].

Наконец в 2009 г. в «Исторической энциклопедии Сибири», аккумулировавшей все наработанные за этот период результаты исследований, было сделано следующее заключение: «Численность репрессированных повстанцев, по официальным правительственным источникам, составляла около 18 тыс. чел. В общей сложности на каторгу, поселение, в воен. службу по суду, а также в административном порядке и под надзор властей до конца 1866 г. было сослано от 16 до 20 тыс. чел., в том числе на каторгу – 23 %, на поселение с лишением прав состояния – 12,8, на житель-

ство – 8, на вечное жительство – 50,5, в административном порядке – 5,7 %» [11, стб. 645].

Итак, историографический анализ отечественной литературы заставляет нас сделать, по крайней мере, два обобщающих вывода. Прежде всего очевидно, что и сегодня среди ученых не существует единого мнения о количестве участников Январского восстания, сосланных в Сибирь. Конечные данные их исследований существенно разнятся – от 18 до 23 тыс. Такое расхождение – яркое свидетельство того, что настоящая научная проблема до сих пор далека от своего решения. Во-вторых, значительная «разноголосица» итоговых цифр – отражение весьма сложной (а нередко и противоречивой) источниковой базы проблемы. Ее квалифицированное прочтение требует объединения усилий как польских, так и российских специалистов с целью скоординированного отдельного изучения с привлечением новых, ранее не вводимых в научный оборот материалов. Установление подлинной численности участников Январского восстания могло бы значительно скорректировать некоторые обобщающие положения специалистов в области политической истории России и Польши второй половины XIX в. в целом.

Список литературы

1. *Дворянов В. Н.* В Сибирской дальней стороне... (Очерки истории царской каторги и ссылки. 60-е гг. XVIII в. – 1917 г.) / В. Н. Дворянов. – Минск : Наука и техника, 1971. – 333 с.
2. История Сибири. Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. – Л.: Наука, Ленингр. отд., 1968. – 530 с.
3. *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка / Дж. Кеннан. – СПб.: Изд. В. Врублевского, 1906. – 460 с.
4. *Константинов М.* Каторга и ссылка в Сибири // Сиб. Сов. энцикл. – М.: Зап.-Сиб. отд. ОГИЗ, 1932. – Т. 2. – С. 575–622.
5. *Кудрявцев Ф. А.* Александровский централ / Ф. А. Кудрявцев. – Иркутск: Тип. ОГИЗа треста «Полиграфкнига», 1936. – 100 с.
6. *Кудрявцев Ф.* Иркутск. Очерки по истории города / Ф. Кудрявцев, Г. Вендрих. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. – 436 с.
7. *Леончик С.* Поляки юга Енисейской губернии. История ссылок и заселения // Сибирь в истории и культуре польского народа: пер с пол. – М.: Ладомир, 2002. – С. 52–58.
8. *Максимов С. В.* Собрание сочинений. В 7 т. Т. 2. Сибирь и каторга: Ч. 2–4; Примечания / С. В. Максимов. – М.: Книговек, 2010. – 640 с.
9. *Митина Н. П.* Во глубине сибирских руд. К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте / Н. П. Митина. – М.: Наука, 1966. – 145 с.
10. *Мулина С. А.* Участники Польского восстания 1863 г. в Сибири: проблемы адаптации // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. науч. ст. – Омск, 2005. – С. 496–509.

11. Поляки / Р. В. Оплаканская, А. И. Савин, Е. Н. Туманик, Б. С. Шостакович // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск: Ист. наследие Сибири, 2009. – Т. 2. – Стб. 644–649.

12. Роцевская Л. П. Последний осколок приказной системы // Вопр. ист. – 1976. – № 12. – С. 203–208.

13. Скабичевский А. М. Каторга пятьдесят лет тому назад и ныне // Рус. мысль. – 1898. – Кн. 9–10. – С. 685–746.

TO A PROBLEM OF DETERMINATION OF NUMBER OF THE POLES BANISHED TO SIBERIA – PARTICIPANTS OF JANUARY 1863 OF A REVOLT

A. A. Ivanov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Article is devoted to a problem of determination of number of the Siberian exiled – participants of January 1863 of a revolt in a domestic historiography. Establishment of the valid number of exiled of Poles in Siberia – one of key problems of the Siberian-Polish subject. Her invariable excessive politicization in the 1920–1990th years led researchers to the distorted conclusions that, certainly, negatively influenced studying of political history of Russia and Poland.

Keywords: reference of Poles, revolt January 1863, Siberia, Irkutsk province.

Иванов Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: ottisk@irmail.ru

Ivanov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of History Sciences, Professor, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: ottisk@irmail.ru

УДК 347.961(571.53)(091)

ПЕРВЫЕ ИРКУТСКИЕ МАКЛЕРЫ И НОТАРИУСЫ (КОНЕЦ XVIII – XIX В.)

Г. В. ЛОГУНОВА
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье исследуется процесс возникновения и становления института нотариата в Иркутске, деятельность первых маклеров и нотариусов.

Ключевые слова: Сибирь, Иркутск, Устав благочиния, органы городского самоуправления, нотариат, маклер, нотариус.

История развития нотариата в России во многом совпадает с историей развития правовой системы в нашей стране, изменением отношений и содержания гражданского оборота. Сама по-

требность в нотариате как особой функции и нотариусах как носителях этой функции (независимо от их названия в конкретный исторический период) возникла и увеличивалась по мере развития торгового оборота, необходимости удостоверения различных юридически значимых обстоятельств в этой сфере.

Процесс становления нотариата в Сибири, несомненно, отличается от аналогичного процесса в масштабах всего государства как хронологически, так и по сути. Целью работы является реконструкция истории возникновения и становления института нотариата в Иркутске на примере деятельности первых маклеров и нотариусов с конца XVIII в. до начала осуществления в Сибири судебной реформы, которая проводилась на основе «Временных правил о применении судебных уставов к губерниям и областям Сибири» 1896 г.

Начиная с Петра I, зарождающиеся в России нотариальные учреждения распались на две части:

1) крепостную (связанную с актами о поземельной собственности);

2) собственно нотариальную, которую представляли маклеры и нотариусы и которая формировалась до середины XIX в.

Впервые английский термин «маклер» встречается в 1721 г. в Указе Петра I об учреждении купеческих бирж, в котором рекомендуется избирать маклеров для записи торговых договоров. Правда, в Коммерц-коллегии еще в 1717 г. был учрежден гоф-маклер для сделок с казенными товарами.

Впервые латинский термин «нотариус» упоминается в Вексельном уставе 1729 г., обязавшем протестовать векселя, «призвав публичного нотариуса». Своеобразным прологом к появлению института нотариата в России стало назначение первого публичного нотариуса 11 января 1725 г. Кристиана Корнелиуса. Содержание ему не выплачивалось, а за труды свои он получал от купцов, кто что по своему разумению даст.

Среди формирующихся нотариальных органов можно было выделить:

- публичных (городовых) нотариусов;
- биржевых маклеров, гоф-маклеров, биржевых нотариусов;
- узкоспециализированных маклеров (государственно-коммерческого банка, слуг и рабочих людей, ремесленных управ и т. д.);

– магистратов или таможенных чиновников (при отсутствии маклера или нотариуса).

Закон не делал различия между маклером и нотариусом и не имел четкой системы в регулировании их деятельности.

В 1781 г. появились, по изданным в тот период правовым актам, нотариусы для торговых сделок; а в 1831 г. – биржевые нотариусы. Уставом благочиния от 8 апреля 1782 г. были учреждены частные маклеры (т. е. состоящие при частях города) для свидетельства сделок с недвижимостью.

В Сибири по Уставу благочиния маклеры появились в самых крупных центрах торговли: в Иркутске, например, уже в 1782 г. [22, с. 27–28]. В 1782 г. иркутским маклером был назначен Василий Бушуев [20, л. 1], а с ноября 1783 г. маклером в документах значится Андрей Тиунцов [21].

Уставом благочиния была утверждена также должность маклера слуг и рабочих людей для посредничества между нанимаемыми и нанимателями в деле приискания работы. В статье П. Струве в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона говорится, что «о фактическом существовании и деятельности Маклера слуг и рабочих людей не имеется, по-видимому, никаких указаний. Следует думать, что это учреждение существовало если не исключительно, то главным образом на бумаге, хотя о нем упоминается еще в Своде Законов 1832 г.» [1].

Однако должность маклера слуг и рабочих людей существовала в Иркутске – видимо, в такой должности нуждались крупные торговые города. Известно, что в 1800 г. по решению магистрата маклером слуг и рабочих людей был определен мещанин Михаил Телепнев [3, л. 108]. Он находился в этой должности до марта 1812 г., вынужден был ее оставить по состоянию здоровья, а вместо него маклером слуг и рабочих людей был назначен мещанин Андрей Тиунцов.

А. Тиунцов к этому времени уже несколько лет исполнял должность городского маклера, зарекомендовал себя как добропорядочный человек, жалоб и неудовольствий по его работе не было. В журнале Иркутской городской думы записано, что поскольку при вступлении в должность городского маклера Тиунцов в Богоявленском соборе принимал присягу на верность службе, то, не приводя его к присяге, можно велеть ему исправлять должность маклера слуг и рабочих людей вместо Телепнева [3, л. 66].

Из документов следует также, что А. Тиунцов был назначен маклером слуг и рабочих людей с условием взноса в доходы городской думы $\frac{2}{3}$ суммы, получаемой им от записей в маклерскую книгу контрактов, а $\frac{1}{3}$ должна была оставаться в доход маклеру. Как городской маклер А. Тиунцов должен был вносить в доход городской думы $\frac{1}{2}$ суммы, получаемой им от записи предъявляемых ему векселей. При этом как городской маклер он должен был брать $\frac{1}{4}$ копейки с рубля (0,25 % с суммы), а как маклер слуг и рабочих людей – $\frac{1}{2}$ копейки с рубля (0,5 % с суммы) [4, л. 1].

Сибирский историк В. П. Зиновьев пишет, что, как правило, сибирские городские маклеры брали за свидетельство сделок по 0,5 % от их стоимости [22, с. 28]. Таким образом, никакого государственного жалования маклеры не получали, жили на часть доходов от оформляемых сделок, документов.

В апреле 1815 г. в Иркутской городской думе слушали запрос иркутского губернского правительства. В запросе говорилось, что иркутский мещанин Андрей Иванович Тиунцов с 1 апреля 1812 г. по постановлению городской думы определен вместо маклера слуг и рабочих людей Телепнева с тем, чтобы с записи в маклерскую книгу контрактов от полученных взносов $\frac{2}{3}$ вносить в доход города, а $\frac{1}{3}$ оставлять у себя. В должности городского маклера, которую он исполняет уже несколько лет, получает с записи предъявляемых ему векселей по $\frac{1}{4}$ копейки с рубля. С полученной суммы никакой части в доход города не платит. Городская дума приняла постановление – поскольку А. И. Тиунцов исполняет две маклерские должности, получает немалую себе пользу, не платит в доход города как городской маклер, призвать его платить в доход города как городского маклера $\frac{1}{2}$ получаемой суммы [4, л. 75].

Следует отметить, что бюджет городской думы в определенной степени формировался и за счет поступлений от деятельности маклеров и нотариусов. Поэтому очень важно было, чтобы все акты, сделки, которые совершались в Иркутске, обязательно свидетельствовались маклерами и нотариусами. Так, в 1841 г. Иркутский гражданский губернатор в представлении на имя императора сообщал, что совершаемые в Иркутске между частными людьми различные акты весьма редко свидетельствуются маклерскими при городской думе учреждениями. От этого город теряет законно определенный ему доход, и нередко казна теряет то, что

ей должно принадлежать [9, л. 19]. В ответ последовал императорский указ (27 сентября 1842 г.), в котором было сказано, что необходимо обязать Иркутскую общую городовую управу объявить городским жителям, чтобы они контракты и условия, заключаемые по найму недвижимости, о подрядах, о личном найме и прочие обязательно доставляли для засвидетельствования маклеру. Все договоры должны предъявляться для засвидетельствования только в городе. Это условие должно было быть объявлено городским жителям под подписку, а подписку необходимо было предоставить в Иркутскую городскую думу [9, л. 20].

Вообще в обязанности городской думы входил надзор за маклерами и нотариусами. Из документов видно, что гласные городской думы порой исполняли обязанности маклера. Например, в 1822–1823 гг. обязанности маклера исполнял гласный городской думы Николай Мичурин [7, л. 2, 20, 30; 33]. В 1839 г. гласными по части маклерской были Петр Солдатов – 14 апреля 1839 г. датируется его просьба о выдаче книги на запись контрактов [8, л. 39] и Петр Чурин [8, л. 103].

В 1879 г. городovým маклером был Семен Чурин [13, л. 6]. В документах за 1887–1892 гг. городovým маклером значится Иннокентий Могилев [14, 15, л. 2].

Кроме городových и частных маклеров, маклеров слуг и рабочих людей были в Иркутске и ремесленные маклеры для свидетельствования контрактов мастеров с подмастерьями и учениками. В ГАИО хранятся документы о деятельности иркутского ремесленного маклера Павла Шангина. Вероятно, он исполнял обязанности ремесленного маклера на протяжении 1880-х гг.

Работа маклера была достаточно напряженной. Так, только за июнь 1879 г. ремесленному маклеру ежедневно поступало к свидетельству и протесту до десяти векселей и порядка пяти актов, которые необходимо было оформить [12, л. 19–22]. Городовой маклер И. Могилев писал, что в декабре 1891 – январе 1892 г. в день ему поступало к свидетельству до 30 контрактов [15, л. 2].

Маклерство в Сибири прекратило существование в 1895 г., после проведения в крае судебной реформы. Маклеров заменили нотариусы [22, с. 28].

Как видим, в Иркутске до определенного времени не было совмещения должностей, существовали как городовые маклеры, так и маклеры слуг и рабочих людей, ремесленные маклеры, а также публичные нотариусы.

Должность публичного нотариуса, как уже отмечалось, впервые была упомянута в 1729 г. в вексельном уставе.

Из документов, хранящихся в Государственном архиве Иркутской области, следует, что в конце XVIII в. публичным нотариусом Иркутска был Илья Миловидов. Он находился в этой должности с 1784 по 1793 г. Миловидов приехал в Иркутск в конце 1783 г. из Санкт-Петербурга, где был купцом, занимался коммерцией. В 1783 г. было учреждено Иркутское наместничество, первым генерал-губернатором был назначен И. В. Якоби. И. Миловидов оставил купеческое звание и торговое дело, перебрался в Иркутск, где, по указанию наместнического правления, был определен при губернском магистрате публичным нотариусом [2, л. 3]. После И. Миловидова 20 августа 1793 г. публичным нотариусом был выбран иркутский мещанин Федор Елезов [2, л. 2].

До появления в Иркутске должности публичного нотариуса оформление документов происходило, скорее всего, в органах городского и губернского управления. В это время уже требовалось правовое регулирование имущественных отношений. В 1686 г. Иркутск получил статус города. Постепенно город приобретал значение главного транспортного и торгового центра. К началу XVIII в. в Иркутске насчитывалось до 1000 жителей. По оброчным книгам в 1698 г. числилось 110 чел. посадских, вместе со своими семьями они составляли свыше 300 жителей. Среди них были ремесленники, мелкие торговцы, «хлебные оброчники» [24, с. 21]. Занятие ремеслами, торговлей, промыслами требовало оформления различных сделок, прав собственности и т. д. В конце XVIII в. в Иркутске проживали 9522 чел., по-прежнему основные занятия жителей города составляли торговля, промыслы и ремесло [24, с. 47]. В 1764 г. Иркутск становится губернским городом. Губернская канцелярия была завалена делами по сыску беглых и возвращению их на место жительства. В ней же происходила регистрация купли и продажи дворовых, регистрация отпусков на заработки, выдача паспортов и т. д. [23, с. 302].

В 1822 г. М. М. Сперанским было разработано «Сибирское учреждение», ставшее первым сводом комплексных законов для одного обширного региона. Оно появилось в то время, когда в России, за исключением ее западных окраин, действовали общие для империи юридические нормы, рассеянные в бесчисленном множестве указов.

Реформа 1822 г. надолго закрепила основные принципы административно-территориального деления, управленческие, фискальные, национальные и другие направления имперской политики в Азиатской России. «Сибирское учреждение» 1822 г. стало первым в истории страны региональным сводом законов, опередив общеимперскую кодификацию на целых десять лет.

Как видим, нотариальные и маклерские должности находились в ведении органов городского самоуправления и были введены в управление в состав Иркутской городской думы еще до появления «Учреждения для управления Сибирской губернией» 1822 г.

Из содержащихся в ГАИО копий правительственных указов и предписаний Иркутской городской думы публичному нотариусу 1819–1833 гг. следует, что весной 1819 г. обязанности нотариуса исполнял гласный городской думы Дудин [19, л. 1]; осенью 1819 г. – гласный городской думы Смирных [19, л. 12]; в 1820 г. – гласный городской думы Матвей Москвитин, им составлены ведомости и рапорты в городской магистрат о протестах по векселям [17. Д. 31]; месячные ведомости и рапорты за январь–апрель 1821 г. подписаны гласным думы Иваном Чупаловым; а за май–сентябрь 1821 г. – гласным думы Максимом Апрельковым [16, д. 26]. Вообще нести общественную службу по очереди – это одна из характерных черт иркутского городского общества, отмеченная исследователем М. М. Плотниковой [25, с. 34].

23 сентября 1821 г. последовал указ о назначении публичным нотариусом Егора Черных [19, л. 17]. Егор Черных, вероятно, и до этого времени (как видим, с перерывами) исполнял обязанности публичного нотариуса, поскольку в ГАИО хранится книга, данная из Иркутской городской думы определенному из иркутских мещан нотариусу Егору Черных на записку с 1 января 1810 г. протестуемых им векселей и обязательств за 1810–1811 гг. [18, д. 66]. Возможно, что он был в этой должности преемником Федора Елезова.

Егор Черных достаточно долго был публичным нотариусом. В ГАИО хранятся, например, документы о снятии с публичного нотариуса взноса в городские доходы за его службу в 1824–1833 гг. [7], документы датируются 1835 г. Е. Черных был публичным нотариусом и в 1844 г. – в ГАИО хранится Дело о публичном нотариусе, его обязанностях за 1844 г. [10].

Из книги по учету поступивших сумм в пользу иркутского публичного нотариуса за 1856 г. видно, что нотариус оставляет

себе $\frac{1}{4}$ часть суммы за свидетельство векселей и заемных писем и $\frac{3}{4}$ суммы за протест векселей и заемных писем [11]. В результате доход нотариуса в 1856 г. составил 343 руб., в доход города было передано 440 руб. Нотариусом в это время был некто Николай Черных. Интересно, кем он приходился Егору Черных?

Что касается дальнейшей деятельности иркутских публичных нотариусов, то после Н. Черных пока никаких данных в ГАИО не обнаружено. Вероятно, в 1880-е гг. функции нотариуса исполнял иркутский городской маклер. Он же исполнял и обязанности маклера слуг и рабочих людей. Об этом свидетельствуют выписки из книг иркутского городского маклера по «части нотариусской» [5], а также отчет о количестве явленных к маклерскому свидетельству актов и к протесту векселей за 1880 г. В отчете содержатся сведения не только о заключенных актах на подряды, поставки и проч., но и о контрактах и условиях принятия на работу слуг и рабочих людей, а также об опротестованных векселях и заемных письмах [5, л. 271, 272].

Таким образом, в законах, действовавших в России начиная с Петра I, не имелось строгого различия между нотариусами и разного рода маклерами; не говорилось ни о порядке избрания и назначения нотариусов, ни о требуемых от них познаниях, ни о порядке удостоверения в подлинности актов, им предъявляемых, ни об установлении самоличности сторон, требующих совершения сих актов. Общие выражения, касающиеся этих предметов, очевидно, были недостаточны для обеспечения правильности и законности их действий. Только относительно крепостных актов был установлен более четкий порядок, но далекий от совершенства. Поэтому в 1866 г. появилось Положение о нотариате – важная составляющая судебной реформы, проведенной Александром II. Были упразднены все прежние учреждения крепостных дел и должности чиновников при них, которые ведали не только сделками на землю, но и на все недвижимое имущество, в том числе и на крепостных крестьян и дворовых людей. Обязанности по совершению и засвидетельствованию актов стали исполнять младшие и старшие нотариусы, а должности маклеров и «публичных нотариусов» были упразднены. Нотариат стал самостоятельным правовым институтом, а нотариусы – должностными лицами при соответствующих окружных судах, наделенными властью совершать и свидетельствовать нотариальные акты в Рос-

сии. Нотариусы относились к «судебным» чинам наряду с прокурорами, канцеляристами, судебными приставами. Таким образом, были обозначены главные принципы организации нотариата в России. Однако, как уже отмечалось, реформа судебной системы в Сибири начинает осуществляться только в конце XIX в.

Список литературы

1. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. – URL: <http://enc-dic.com/brokgause/Makler-slug-i-rabochih-ljude-130449.html>.
2. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 158.
3. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 589.
4. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 702.
5. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 850.
6. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 1231.
7. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2113.
8. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 2737.
9. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 3249.
10. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 3709.
11. ГАИО. Ф. 70. Оп. 1. Д. 4821.
12. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 650.
13. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 851.
14. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 2201.
15. ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 2881.
16. ГАИО. Ф. 336. Оп. 1. Д. 26.
17. ГАИО. Ф. 336. Оп. 1. д. 31.
18. ГАИО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 66.
19. ГАИО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 7.
20. ГАИО. Ф. 447. Оп. 1. Д. 1а.
21. ГАИО. Ф. 447. Оп. 1. Д. 104.
22. *Зиновьев В. П.* Маклерские книги как источник по истории сибирского купечества // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие : материалы I Всерос. науч. конф. (11–13 апр. 2014 г., г. Томск). – Томск, 2014. – С. 27–30.
23. История Сибири с древнейших времен до наших дней. В 5 т. / гл. ред. А. П. Окладников. – Л. : Наука. Ленингр. отд., 1968–1969. – Т. 2. Сибирь в составе феодальной России / [В. А. Александров [и др.]]. – 540 с.
24. *Кудрявцев Ф.* Иркутск. Очерки по истории города / Ф. Кудрявцев, Г. Вендрих. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1971. – 435 с.
25. *Плотникова М. М.* Иркутское городское развитие при сибирском генерал-губернаторе М. М. Сперанском // Изв. ИГУ. Сер. История. – 2014. – Т. 7. – С. 32–43.

THE FIRST IRKUTSK BROKERS AND NOTARIES (THE END OF XVIII – XIX CENTURIES)

G. V. Logunova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. *The article investigates the process of emergence and development of the Institute of notaries in the city of Irkutsk, the activity of the first brokers and notaries.*

Keywords: *Siberia, Irkutsk, discipline regulation, municipal government bodies, notaries, broker, notary.*

Логунова Галина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: logunova@admin.isu.ru

Logunova Galina Viktorovna – Candidate of History Sciences, Senior Lecturer, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: logunova@admin.isu.ru

УДК 94:364.65:303.432(571.1/5)

ИЗУЧЕНИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ИСТОРИИ СИБИРИ НАЧАЛА XX В.

Т. А. КАТЦИНА

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Аннотация. Представлены возможности изучения региональных и локальных аспектов гражданского общества в позднейимперской России на основе создания исторической базы данных.

Ключевые слова: база данных (БД), структура базы данных, веб-сайт, Восточная Сибирь, Русско-японская война, Первая мировая война, жертвы войны, социальная помощь.

Изучение благотворительных организаций в истории Сибири начала XX в. выполняется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект «Революционная Россия: смена модели и практик социальной помощи в первой четверти XX в. (на материалах Восточной Сибири)» № 16-11-24002. Реализация этого проекта позволит взглянуть на переломный и богатый трагическими событиями период истории России (1904–1921 гг.) через призму социальной помощи населению под воздействием военного и революционного факторов, в различных общественно-политических условиях. Важно понять, как трансформировались благотворительные организации и структуры, какова была роль факторов добровольчества и приспособленчества к новому режиму.

Российское государство, вступив в январе 1904 г. и в августе 1914 г. в масштабные вооруженные конфликты, столкнулось с необходимостью не только мобилизовать экономику и население на противостояние военным противникам, но и выработать систему мер, призванных смягчить последствия резко усилившейся

социальной мобильности. Для помощи пострадавшим от военных действий (жертвам войны) по всей стране создавались разнообразные организации, деятельность которых с точки зрения социальных потребностей и интересов общества изучена пока недостаточно, прежде всего в силу своей обширности и многоплановости. Между тем вопрос о присутствии институтов гражданского общества в политической системе дореволюционной России и уровне их зрелости принадлежит в исторической науке к числу наиболее дискуссионных [7, с. 62].

Анализ такого сложного политического, социального и духовного явления, как общественные организации возможен на основе исторических баз данных. Отметим, что использование баз данных не создает новой исследовательской парадигмы, а представляет собой один из способов облегчения традиционных методов поиска и анализа исторических сведений, поскольку является универсальным, мобильным инструментом, позволяющим хранить, редактировать и осуществлять быстрый поиск внесенной информации по заданным критериям запроса.

В данной статье представим опыт создания и применения базы данных «Общественные организации Сибири XIX – начала XX в.» [1], массив которой содержит 88 объектов. БД разрабатывалась в 2013–2014 гг. при финансовой поддержке РГНФ (проект «Социальное попечение в Восточной Сибири в условиях войн начала XX в.» № 13-11-24002), приуроченный к памятным датам военной истории России 2014 г.: 110-летию с начала Русско-японской и 100-летию с начала Первой мировой войн. В настоящее время мы продолжаем заполнение базы данных, расширяя ее территориальные и хронологические границы, преследуя справочно-информационные и аналитические цели.

Традиционно для создания баз данных историками используются формализованные массовые источники (переписи населения, бюджетная статистика и т. д.), которые позволяют характеризовать идентичные явления за длительные исторические промежутки. Нам пришлось компилировать источники, связывающие слабоструктурированный материал. Это делопроизводственная документация (организационно-распорядительная, учетно-контрольная, отчетно-информационная); справочно-статистические материалы организаций и учреждений разного профиля; периодическая печать (общая и специализированная)

трех уровней – центрального, регионального и муниципального. Использование источников было неравнозначным и зависело, прежде всего, от их непосредственной связи с выбранной темой и решаемыми исследовательскими задачами. С одной стороны, имеется значительный объем дореволюционной литературы по проблемам благотворительности и помощи нуждающимся группам населения в чрезвычайных обстоятельствах военного времени. С другой стороны, утрачены многие архивные документы, иногда целые фонды (например, в Государственном архиве Красноярского края – ф. 857 «Красноярский уездный комитет помощи беженцам»), а сохранившиеся материалы крайне разрозненны. Информацию об Усинском дамском патриотическом кружке удалось извлечь только из газеты «Енисейские губернские ведомости». Поэтому некоторые поля БД оказались не заполнены или заполнены частично.

Разработка структуры базы данных была осуществлена на основе свободно распространяемого стандарта БД MySQL; установлены фильтры для классификации общественных организаций по губерниям и областям Восточной Сибири; применен модуль динамической статистической обработки информации. Данные по организациям в алфавитном порядке выгружаются в таблицу с использованием программы Microsoft Excel. Таблица служит основным хранилищем данных, состоит из записей (строк) и полей (столбцов). Каждая строка соответствует отдельной благотворительной организации, каждый столбец (их 10) представляет собой поле базы данных: название организации; начало деятельности; месторасположение; состав правления; цели и задачи; источники средств; объект(ы) помощи; направления работы; размер и меры социальной поддержки; источники данных [5, с. 335]. Технология PHP позволила интегрировать БД в веб-сайт, работающий в тестовом режиме. Тематический запрос в БД может быть сделан по названию организации или адресату социальной помощи (беженцы, военнопленные и т. д.). Развернутая информация по каждой благотворительной организации воспроизводится при переходе по ссылке с названием организации и формируется автоматически из БД в виде информационной «карточки». В «карточку» можно добавлять фото- и копии документов. Сопровождение и динамическое наполнение базы данных обеспечивает режим «Администратор». После ввода ло-

гина и пароля появляется возможность вносить в таблицу новые данные, корректировать существующие [4; 5, с. 336]. Учет системы принципов при построении базы данных обеспечил ее высокое быстродействие (малое время отклика на запрос), простоту обновления данных, их независимость (возможность изменения логической и физической структуры БД), совместное использование данных многими пользователями, безопасность данных (защита от искажения или разрушения), простой интерфейс пользователя.

Анализ БД показал, что в годы Русско-японской войны главными объектами помощи были осиротевшие дети и малообеспеченные семьи фронтовиков. Меры государственной поддержки распределялись через губернские и уездные распорядительные комитеты по призрению семейств нижних воинских чинов, благотворительной – через местные отделы Алексеевского Главного комитета по призрению детей лиц, погибших в войну с Японией, Российского общества Красного Креста и состоящие при них дамские комитеты, другие немногочисленные общественные организации [2; 6]. Первая мировая война вызвала к жизни большое число общественных организаций разных организационно-правовых форм, чья деятельность была направлена на оказание помощи жертвам войны. Это публично-правовые объединения (например, Всероссийский союз городов), благотворительные именные комитеты, поддерживаемые членами императорской семьи (Комитет Ее Императорского Высочества великой княжны Татианы Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий и др.), общества частной инициативы (Комитет помощи семьям призванных на войну служащих и рабочих Богом дарованной группы приисков рудника Российского золотопромышленного общества, Иркутский комитет по сбору пожертвований для населения, пострадавшего от неприятельского вторжения, Кружок дам 27-го Сибирского стрелкового полка и др.), приходские попечительные советы. К концу 1915 г. только в Енисейской губернии функционировало более 100 мелких благотворительных организаций. Цели и задачи отдельных ассоциаций менялись, адаптируясь к запросам населения в связи с нуждами военного времени. Например, иркутское Еврейское общество по охранению здоровья евреев «силой событий превратилось... в Еврейский комитет помощи беженцам».

Работа организаций зависела от личных качеств членов правления, их социального опыта, выбора приоритетов помощи, общественного восприятия организации, ее финансовой устойчивости. Так, почти 75 % средств, которыми располагали отделы Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от военных действий (Сибиртет), направлялись на нужды передовых позиций, даже когда раненых стали эвакуировать в Сибирь и потребовалось устройство питательных пунктов [8, с. 253]. Некоторые горожане состояли одновременно в трех и более благотворительных обществах. Например, красоярка А. А. Кускова председательствовала в Синельниковском обществе благотворителей и попечителей сирот, заведовала материальной частью дамского комитета Красного Креста, квартирной секцией Комитета помощи беженцам, входила в состав местного комитета Всероссийского союза городов и организованный при нем дамский комитет.

Разнообразен был социально-профессиональный состав обществ: гражданские чиновники и их жены, учителя, священнослужители, крестьяне (в большинстве), фельдшер – в Курагинском комитете Красного Креста; крестьяне, казаки, потомственный дворянин, сельские учителя, отставной старший унтер-офицер – в отделе Сибиртета в с. Таштыпском [7, с. 64]. Деятельность представителей различных социальных групп определялась солидарностью, нравственными и гражданскими потребностями, мировоззренческими установками, связанными с представлениями о расширении помощи пострадавшим от военных действий. Однако, как справедливо отметила О. А. Харусь, по мере обострения общенационального кризиса идеи консолидации и солидаризации сибирского населения утрачивали свою начальную привлекательность, уступая место иным ценностям, ориентирам и устремлениям, связанным с социальной и политической поляризацией общества и усилением конфронтации различных его слоев и групп [3, с. 99].

Итак, формируемая БД позволяет получить ряд количественных показателей и качественных характеристик общественных организаций, ввести в научный оборот большой массив новых источников, рассмотреть уникальную историю стихийно действовавшего гражданского общества.

Список литературы

1. Катцина Т. А. База данных «Общественные организации Сибири XIX – начала XX в.» : зарег. в Реестре программ для ЭВМ 12 дек. 2014 г. / Т. А. Катцина, В. А. Помазан // Св-во Федер. службы по интеллектуал. собственности, патентам и товарным знакам № 2014621723.

2. Катцина Т. А. Характеристика жизненного уровня, организация и меры социальной поддержки населения Сибири в годы Русско-японской войны // Гуманитар. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 2 (32). – С. 68–79.

3. Харусь О. А. Сибиртет как организационная форма актуализации региональной идентичности в условиях Первой мировой войны // Сибирь в войнах начала XX в. : материалы Сиб. ист. форума (Красноярск, 3–6 дек. 2013 г.). – Красноярск, 2014. – С. 96–100.

4. Kattsina T. A. Content and potential of database on the history of charitable institutions in eastern Siberia during major military conflicts in the early XXth century / T. A. Kattsina, V. A. Pomazan // Life Science Journal. – 2014. – N 11(8s). – P. 76–79.

5. The Experience of the Design of Thematic Network Resource, Concerning the History of the Public Assistance in the Extreme Conditions of Wars of the Early XX / T. A. Katts(s)ina, O. M. Dolidovich, I. P. Pavlova, V. A. Pomazan // Bylye Gody. – 2014. – N 33 (3). – P. 354–360.

6. Kattsina T. A. The Organization of Social Support of the Population of Siberia in the Years of Russian-Japanese War (1904–1905) // Bylye Gody. – 2015. – N 37 (3). – P. 663–669.

7. Kattsina T. A. The Siberians in Voluntary Associations Brought to Life by the Needs of the First World War / T. A. Kattsina // Bylye Gody. – 2014. – N 31 (1). – P. 62–66.

8. Kattsina T. A. The “Vast process of social construction...” in Siberia during World War I (1914–1918) // Terra Sebus: Acta Mvsei Sabesiensis. – 2014. – Special Issue. – P. 245–258.

A STUDY OF CHARITABLE ORGANIZATIONS IN THE HISTORY OF SIBERIA THE BEGINNINGS OF THE XXth CENTURY: ON DATABASE MATERIALS

T. A. Kattsina

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

Abstract. The paper presents the possibility of studying the regional and local civil society perspectives in late imperial Russia through the creation of a historical database.

Keywords: database (DB), database structure, website, Eastern Siberia, Russian-Japanese war, First World War, war victims, social help.

Катцина Татьяна Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и методики социальной работы, Юридический институт, Сибирский федеральный университет, 660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79/10, тел.: 8(391)244-86-25, e-mail: katsina@list.ru

Kattsina Tatyana Anatolievna – Candidate of History Sciences, Senior Lecturer, Department of Theory and Methods of Social Work, Institute of Law, Siberian Federal University, 79/10, Svobodny ave., Krasnoyarsk, 660041, tel.: 8(391)2448625, e-mail: katsina@list.ru

УДК 356.161(571.1/.5)(092)

ГЕОРГИЕВСКИЕ КАВАЛЕРЫ 7-Й СИБИРСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ (ИЗ ОПЫТА АНАЛИЗА ИСТОЧНИКОВ)

А. В. АНУФРИЕВ

*Иркутский государственный университет, г. Иркутск
Музей истории города Иркутска, г. Иркутск*

Аннотация. Статья посвящена воинам 7-й Сибирской стрелковой дивизии, награжденным георгиевскими крестами и медалями. Используя выявленные в РГВИА документы, автор рассказывает о системе награждений в русской армии и описывает (опираясь на наградные листы) подвиги георгиевских кавалеров, рассматривает их дальнейшую судьбу.

Ключевые слова: Первая мировая война, Иркутск, Георгиевский крест, Георгиевская медаль, 7-я Сибирская стрелковая дивизия.

Прошло более столетия с начала Первой мировой войны, той войны которую современники называли великой отечественной. В 2014 г. к юбилею этих событий группа сибирских историков, при финансовой поддержке фонда «Вернувшийся полк», подготовила и издала монографию «Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне» [1].

При работе над данным проектом одной из основных задач авторского коллектива было выявление георгиевских кавалеров – иркутян (сведения о которых вошли в приложения к данной монографии). При работе в Российском государственном военно-историческом архиве (далее – РГВИА) были выявлены документы о награждении георгиевскими наградами воинов 7-й и 12-й Сибирских стрелковых дивизий. Особенно примечательно то, что значительную часть контингента этих дивизий составляли уроженцы Иркутской губернии.

Георгиевские награды (Георгиевский крест (далее – ГК) и медаль (далее – ГМ)) являлись основной наградой для нижних чинов русской императорской армии.

В настоящий момент полных списков награжденных (георгиевских кавалеров) не существует. В преддверии юбилея Росархив запустил проект по созданию базы данных о лицах, награжденных всеми видами георгиевских наград (<http://cavalier.rusarchives.ru>). В настоящий момент в БД внесено более 1,2 млн записей.

К сожалению, основой для БД стали не документы РГВИА (где в делах частей и соединений русской армии содержатся

представления к награде, в которых в обязательном порядке имелось описание подвига представленного к награде воина, его фамилия, имя, отчество, звание и место службы, иногда место рождения и призыва), а документы Российского исторического архива (где имелись только фамилии, имена, отчества, а также вид награды с указанием степени и ее номер). Исходя из этих сведений, БД получилась крайне куцей и малоинформативной, а если добавить, что она является неполной и в настоящий момент ее наполнение идет крайне медленными темпами, то ситуация с ее исторической ценностью резко падает.

При работе автора над данной проблематикой просматривались фонды 7-й (ф. 2519) и 12-й (ф. 2524) Сибирских стрелковых дивизий и полков, входящих в их состав: 25-го (ф. 3359), 26-го (ф. 3360), 27-го (ф. 3361), 28-го (ф. 3362) из состава 7-й Сибирской стрелковой и 45-го (ф. 3379), 46-го (ф. 3380), 47-го (ф. 3381), 48-го (ф. 3382) – из состава 12-й Сибирской стрелковой.

В предвоенный период полки 7-й Сибирской стрелковой дивизии (далее – 7-я СДД, с полками аналогичные сокращения. – *Прим. авт.*) составляли костяк гарнизона Иркутска, откуда и ушли на фронт; а 12-я Сибирская стрелковая была создана на базе кадров 7-й ССД в Иркутске и пополнена уроженцами Восточной Сибири.

Львиная доля документов о награждениях сосредотачивалась в делах двух типов, имевших стандартные заголовки: «Алфавит стрелков полка, награжденных георгиевскими крестами и медалями» и «Переписка о представлении к наградам», хотя встречались и исключения. Так, в делах 12-й ССД отложилось дело 502 – переписка со штабом Иркутского военного округа о выдаче пенсий и вручении наград родственникам павших на поле брани георгиевских кавалеров.

Наиболее полными и удобными для исследования являются алфавиты георгиевских кавалеров полка. В полковых фондах 7-й ССД данные алфавиты награжденных выявлены в трех полках (25-м ССП им. генерала Кондратенко [2], 26-м СПП [3] и 28-м СПП). В фондах полков 12-й ССД, к сожалению, данных документов не найдено. Стоит отметить, что данные дела находятся в плохом физическом состоянии. Так, алфавит 25-го полка удалось получить с большим трудом. Само дело действительно находилось в россыпи, ветхие страницы буквально разваливались на глазах [2].

Стоит остановиться на алфавите 28-го Сибирского стрелкового полка. Само дело представляет стандартный канцелярский журнал, на обложке которого имеется название дела – «Алфавит стрелков полка, награжденных георгиевскими крестами и медалями». Алфавит составлен в начале 1917 г. и располагает воинов полка – георгиевских кавалеров – в алфавитном порядке, новая буква начинается с новой страницы. Всего в дело включено 1950 представлений, из них 211 отклонено по тем или иным причинам. На данный период в полку имелось 12 полных георгиевских кавалеров, в том числе [5, л. 155]:

1. *Абдульминов Ерулла*, подпрапорщик, командир команды конных разведчиков, награжденный георгиевскими крестами и медалями всех степеней (правда, Георгиевские кресты 3-й и 4-й степени были получены им за подвиги, совершенные в Русско-японскую войну). В БД есть запись о его награждении ГК 2-й степени (№ 621), но имя пишется как Герулла.

2. *Василевский Лейба*, ефрейтор (ГК 1–4-й ст., ГК 1-й ст. за № 7154 получен в 1917 г.).

3. *Ершов Анисим*, ефрейтор (четыре ГК, в том числе два креста 2-й ст.).

4. *Иванов Тихон*, подпрапорщик (ГК 1–4-й ст.).

5. *Кауфман Роберт*, подпрапорщик (ГК 1–4-й ст, ГМ – 4-й ст.). Из представления на награду: «15 ноября после ранения и выбытия из строя начальника команды (охотничьей) принял командование и удерживал порядок в команде», удостоен ГК 2-й ст.

6. *Куценко Василий*, старший унтер-офицер (четыре ГК, в том числе два креста 2-й ст.).

7. *Кондрашов Николай*, подпрапорщик (ГК 1–4-й ст.).

8. *Лаздынев Владимир*, старший унтер-офицер (ГК 1–4-й ст.).

9. *Обливальной Яков*, фельдфебель (ГК 1–4-й ст., ГМ – 4-й ст.).

10. *Попов Василий*, старший унтер-офицер (ГК 1–4-й ст., ГМ – 3-й ст. – дважды).

11. *Росляков Иван*, подпрапорщик, командир команды конных разведчиков (ГК 1–4-й ст., ГМ – 2–4-й ст.).

12. *Шабалин Василий*, старший унтер-офицер (ГК 1–4-й ст.).

При проверке по БД из 12 полных георгиевских кавалеров отсутствуют сведения по пяти из них. У остальных сведения неполные. Так, у Е. Абдульминова есть сведения по ГК – 2-й ст., у Р. Кауфмана по ГК – 4-й ст., у В. Шабалина – о ГК 4-й, 3-й, 1-й ст.

В алфавите присутствуют сведения об отклонении представлений к наградам, без полного указания причин. Рекордсменом полка стал полный георгиевский кавалер Василий Попов, который представлялся к наградам 7 раз и получил не только четыре георгиевских креста, но и 3 отказа в наградах.

Причины могли быть абсолютно разные, чаще всего – несоответствие подвига и параграфов статута. Так, не получил ГК 3-й ст. ефрейтор 28-го ССП Максим Чурсин. В представлении на награду было: «за то, что в бою 11 октября 1914 г. вынес под огнем неприятеля раненного взводного», отказ же был мотивирован тем, что по ст. 26 Статута надо было спасти офицера.

К сожалению, в данном деле отсутствует информация о месте рождения или призыва георгиевских кавалеров.

Второй вид документов, где содержатся материалы о награждениях, – переписка о представлении к наградам. Подобные дела выявлены по всем исследуемым нами полкам. Дела подобного вида крайне информативны, ибо там отлагаются документы о представлении к наградам (с полным описанием подвига и соответствии его определенной статье Статута, иногда встречается и место рождения и призыва военнослужащего) и копии корпусных приказов о присвоении наград. Интерес представляет и переписка с вышестоящим начальством. В качестве примера можно привести полемику о награждении воинов 28-го полка в боях у Боржигмена. Из рапорта начальника 7-й дивизии командиру 3-го Сибирского армейского корпуса от 02.12.1914 г.: «...ходатайствую о награждении н. ч. 28 полка георгиевскими крестами и медалями согласно представляемого списка. Кроме тех нижних чинов 2 и 4 батальонов, которые были представлены за бой под Боржигменом, так как эти батальоны в ночь с 10 на 11 число потеряли свои позиции и отступили. Означенные н. ч. отмечены в списке цветным карандашом». Узнав об этом, командир 28-го ССП отправляет начальнику дивизии рапорт от 21 ноября 1914 г.: «не могу отнестись безучастно к героическим подвигам отдельных чинов и... закрыть глаза на все ими содеянное за все 10 дней... в особенности, когда лишь благодаря работе этих богатырей не только полк, но и вся дивизия своевременно обнаружила в ночь с 18 на 19 октября отход немцев от Боржигмена. А 9 и 10 ноября эти богатыри вели ожесточеннейший бой за обладание Боржигменом. В силу изложенного... прошу представляемым обратно ходатайствам дать дальнейшее движение по команде» [6, л. 167–170]. В этом кон-

фликте командир корпуса принял сторону командира полка, и представленные стрелки стали георгиевскими кавалерами.

Подвиги, за которые нижние чины удостоивались наград, были различны, все их описать невозможно, поэтому рассмотрим наиболее характерные.

Спасение офицера либо вынос его тела. Стрелки Иван Ковалев, Николай Анисимов, Мухамет Ясатгалиев представлены к ГК 4-й ст. за то, что «в ночь с 12 на 13 октября вызвались охотниками в расположение немцев для разведки у м. Боржимен окопов противника и выноса из непосредственной их близости трупа своего погибшего ротного командира капитана Золотилова». Стрелок Андрей Солтыков представлен к ГК 4-й ст. за то, что «в бою 6 сентября 1915 г. под жестоким ружейным огнем противника, когда немцы, зайдя почти в тыл расположения роты, с криком «ура!» бросились на роту и в штыковой схватке пытались окружить... Солтыков, видя нападение на своего ротного командира, бросился на нападавших, отбил удар и вывел изнемогающего своего ротного командира» [6, л. 790, л. 828].

Геройский побег из плена. Стрелок Иван Ельцов представлен к ГМ 4-й ст. «Будучи захвачен в плен и отправлен к неприятельским войскам, сбил сопровождающего конвоира с пути и направил его на свой секрет, после чего схватил конвоира и препроводил его к своим» [6, л. 540].

Взятие неприятельских орудий. Старший унтер-офицер Иван Соснора представлен к ГК 3-й ст. за то, что в бою на перешейке между озерами Тиркло и Бувельно, «предварительно разведав, где находится неприятельская батарея, вышел со взводом в тыл ей, привел в замешательство немцев, захватил 6 орудий и упорно оборонял их до подхода всей роты» [6, л. 303].

Спасение собственных пулеметов либо арт. орудий. 1 февраля 1915 г. после панического отступления Камского полка стрелки 1-й роты 28-го СПП подпрапорщик Андрей Буценко совместно с унтер-офицерами И. Руденко, В. Поповым, И. Сычковым и П. Сениным остановили бегущих и отразили атаку немцев, вместе с переброшенной ротой 26-го СПП перешли в контратаку и спасли ситуацию, смогли отразить атаку немцев и спасти оставленные 2 пулемета [6, л. 377].

Спасение раненых. Представлен к ГМ 4-й ст. Иван Шаманов за то, что «по окончанию боя у околицы Богуши 20 сентября 1915 г. вызвался охотником для уборки раненых, брошенных 7-м фин-

ляндским полком вблизи немецких окопов, несмотря на явную опасность для собственной жизни под... сильным действительным... огнем противника вынес 2 раненых и принес их винтовки и снаряжение» [6, л. 785].

Принятие командования. Представление на ГК 1-й ст. на фельдфебеля 15-й роты Федора Гилева за бой у фольварка Тратцен 30.01.1915 г. «Будучи тяжело раненым в голову и находясь в полубессознательном состоянии, не захотел идти на перевязочный пункт, а когда его силой усадили» на сани, истерично со словами кричал: «Не хочу никуда, мое место в роте». В предшествующем бою он же в связи с «выбытием всех офицеров роты принял командование и выбил противника из окопов» [6, л. 305].

Георгиевскими кавалерами становились и нестроевые нижние чины. Так, ГМ 3-й ст. был награжден старший унтер-офицер музыкантской команды 28-го СПП Андрей Рябов «за то, что 27–29 марта 1915 г., находясь на передовых перевязочных пунктах под сильным и действительным ружейным и артиллерийским огнем неприятеля, проявляя необычайное самоотвержение и с явной опасностью для жизни занимался перевязкой раненых и переноской их». Стоит отметить, что только за этот бой было представлено к награде 6 воинов музыкантской команды.

Иногда встречаются данные о георгиевских кавалерах и в других документах. Так, в фонде 27-го СПП есть дело о вручении наград родственникам погибших георгиевских кавалеров, проживающим в Восточной Сибири. И если одних находили достаточно быстро, – к примеру, ГК 4-й ст. был передан вдове фельдфебеля Андрея Носкова Иустине, то родственников стрелка Николая Красильникова, призванного из с. Казачинского Балаганского уезда, так и не нашли [4, л. 256, 116].

Полк имел многонациональный и поликонфессиональный характер. Бок о бок сражались башкир из Поволжья, сибиряк из глухой деревни, поляк-католик из Варшавы, старообрядец из Забайкалья и еврей из черты оседлости. Этнический состав полка не был статичным, огромные потери пехотных полков вели к быстрой смене состава, и к началу 1916 г. полки сибирских дивизий, остались сибирскими только по названию. Так, к 01.01.1916 г. в 15-й роте 27-го СПП при штатной численности в 370 чел. (из них в наличии 324) уроженцев Иркутской области было всего 4 чел. Более половины состава роты являлись уроженцами Вятской и Уфимской губерний [4, л. 26].

Георгиевскими крестами награждались все. Разница была только в том, что лица нехристианского вероисповедания получали Георгиевский крест не с изображением Георгия Победоносца, а с государственным гербом – «дабы не оскорбить религиозные чувства». Так, за один из первых боев ГК 4-й ст. получил стрелок Герш Хаимович Иткин иудейского вероисповедания: «за то, что при отступлении под сильным неприятельским оружейным огнем вывез с позиции оставленный пулемет 20-го Финляндского полка и затем спас одну пулеметную лошадь с вьюком» [6, л. 52]. В деле о награждении стрелков 25-го СПП имеется даже язычник – стрелок Сайфутдин Воязит, представленный к ГК 4-й ст. [2, л. 39].

Часто награда находила героя спустя месяцы, а то и годы. Интересна история фельдфебеля 11-й роты 26-го СПП, полного георгиевского кавалера Андрея Саблина. Призванный на военную службу из крестьян Уфимской губернии, он прибыл в полк 28 апреля 1914 г. Отличился в первых же боях, был удостоен ГК 4-й ст. «за боевые отличия против германцев», представлен и к другим наградам. 12 декабря 1914 г. пропал без вести. Позднее выяснилось, что он, будучи тяжело раненым, в бессознательном состоянии попал в плен. Как инвалид был передан русской стороне летом 1915 г., тогда же получил ГМ 4-й ст. и уволен с военной службы. В 1916 г. получил последовательно все награды, к которым был представлен: ГК 3-й, 2-й и 1-й ст. (№ 476) и ГМ 3-й ст. [7, л. 7].

Стоит отметить тот факт, что георгиевские награды получали не только мужчины, но и женщины. Так, награжденный ГК 4-й ст. за № 559067 доброволец 26-го СПП Борис Борисов в реальности оказался девицей Екатериной Епанчинцевой [2, л. 477].

Подводя итог работы, стоит обратить внимание, что история Первой мировой хотя и вернулась из небытия, но хранит еще много неисследованных страниц.

Хотелось бы, чтобы появился список или электронная база данных, где были бы аккумулированы все данные об иркутянах – участниках Первой мировой войны, с отдельными разделами о георгиевских кавалерах и списками погибших, раненых и без вести пропавших жителей Иркутской губернии.

Список литературы

1. Иркутск и иркутяне в Первой мировой войне: исслед. и материалы / под ред. Ю. А. Петрушина. – Иркутск : Отиск, 2014. – 448 с.
2. РГВИА. Ф. 3359. Оп. 1. Д. 172.

3. РГВИА. Ф. 3360. Оп. 1.
4. РГВИА. Ф. 3361. Оп. 1. Д. 178.
5. РГВИА. Ф. 3362. Оп. 1. Д. 75.
6. РГВИА. Ф. 3362. Оп. 1. Д. 73.
7. РГВИА. Ф. 2519. Оп. 1. Д. 429.

GEORGE KNIGHT 7 SIBERIAN RIFLE DIVISION (ANALYSIS OF SOURCES)

A. V. Anufriev
Irkutsk State University, Irkutsk
The Museum of City History of Irkutsk, Irkutsk

Abstract. The article is devoted to the Siberian soldiers of the 7 infantry division, was awarded the George cross and medals. Using identified in rgvia documents, the author tells us about the award system of RIA and describes (based on award lists) the exploits of the knights of St. George and considers their fate.

Keywords: the first world war, Irkutsk, George cross, George medal, 7th Siberian rifle division.

Ануфриев Александр Валерьевич – старший преподаватель, кафедра истории России, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)334372, e-mail: a.anyfriev@iokm.ru

Anufriev Aleksandr Valerievich – Senior Teacher, the Department of History of Russia, Faculty of History, Irkutsk State University, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: a.anyfriev@iokm.ru

УДК 94(47).084.6:908(571.51)

ВКЛАД А. В. ХАРЧЕВНИКОВА В РАЗВИТИЕ МИНУСИНСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ ИМ. Н. М. МАРТЬЯНОВА

Н. Я. АРТАМОНОВА

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

Аннотация. *Статья посвящена деятельности А. В. Харчевникова, директора Государственного краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова в период с 1929 по 1937 г. Отмечается его роль в активизации научной, культурно-просветительской работы музея, в улучшении его материально-технического состояния. Делается вывод о значимом вкладе А. В. Харчевникова в дальнейшее развитие музея, музейного дела.*

Ключевые слова: *Александр Васильевич Харчевников, Минусинский краеведческий музей, музейное дело, директор, научная работа, культурно-просветительская деятельность.*

Успешная деятельность любой организации, научного, научно-просветительского учреждения зависит от личности руководителя. Минусинским краеведческим музеем руководили

люди, достойно представлявшие музей во все времена его существования и внесшие свой вклад в его развитие. Основатель музея Н. М. Мартьянов показал образец самоотверженности, истовости и безграничной преданности музейному делу, самому музею. Традиции подвижнической деятельности были продолжены последователями Н. М. Мартьянова: Н. И. Тропиным, А. А. Яриловым, И. Т. Савенковым, В. Д. Кожанчиковым, А. В. Харчевниковым, В. А. Ковалевым, Л. Н. Ермолаевой.

В данной статье речь пойдет о деятельности А. В. Харчевникова, бывшего около десяти лет заведующим Минусинским краеведческим музеем. О его пребывании в г. Минусинске и работе в местном музее написано немного [8]. В большей мере известно о читинском периоде жизни А. В. Харчевникова [2; 6; 7].

А. В. Харчевников после окончания в 1915 г. Харьковского университета в течение нескольких лет преподавал в разных учебных заведениях Читы, работал в Читинском музее [8]. С юношеских лет его привлекала музейная работа, и он «при всякой возможности старался быть музеем полезным» [6].

В Читинском краеведческом музее Александр Васильевич стал, по мнению краеведа Г. А. Жеребцова, «настоящим помощником» директора музея А. К. Кузнецова, его «правой рукой» [Там же]. Будучи сотрудником музея, он занялся изучением сибирского наследия декабристов, провел огромную организационную и научную работу, посвященную 100-летию юбилею восстания декабристов [Там же].

Во второй половине 1920-х гг., пишет Г. А. Жеребцов, «в период еще робких нападков на представителей старой интеллигенции, он по распоряжению большого начальства» с 1 октября 1927 г. был уволен из музея [Там же].

В 1928 г. он переехал в Омск, где недолго исполнял обязанности директора Западно-Сибирского областного музея [8, с. 55], но вскоре уехал в Минусинск, где в сентябре 1929 г. стал заведующим Государственного музея имени Н. М. Мартьянова (с 1934 г. – директор. – Н. А.), сменив на этом посту В. Д. Кожанчикова. Музей в этот период переживал не самые лучшие времена. Из писем А. В. Харчевникова в краевые органы государственной власти можно узнать о состоянии в конце 1920-х гг. Минусинского краеведческого музея. Приступив к работе, писал А. В. Харчевников в одном из писем, он увидел картину невероятной запущенности

музея. Как несомненное достижение Харчевников отмечает ремонт здания музея в 1928 г. и возобновление издательской деятельности, выразившееся в выпуске «Ежегодника». Во всех же других отношениях «положение музея нужно признать чрезвычайно критическим и требующим скорейшего выправления» [3, л. 7 об.]. Музей значительно отставал от всех других музеев Сибкрая по объему бюджета, обеспеченности научными работниками [Там же]. Александр Васильевич развернул всестороннюю деятельность по возвращению Минусинскому музею его былого авторитета.

В докладной записке о положении музея в правление Общества изучения Сибири директор Харчевников обращает внимание на необходимость срочного ремонта здания библиотеки, недостаточность сметных ассигнований по содержанию музея, необеспеченность научными сотрудниками, охраной, отсутствие средств на массово-просветительскую работу [Там же]. Большое значение он придавал издательской деятельности музея. При новом директоре возобновился выпуск «Ежегодника», который выходил с 1923 г. в течение шести лет. Затем был перерыв, и выпуск издания музей опять возобновил только в 1935 г. под названием «Известия». Первый номер помечался как 12-й и «являлся продолжением издававшегося ранее ежегодника» [4, с. 42, 43]. В 1936 г. Музей издал «Краткий путеводитель по историческому отделу музея» (сост. В. П. Левашева). Но выпуск этих изданий, едва начавшись, прекратился из-за недостатка средств, а также в связи с арестом директора А. В. Харчевникова и группы сотрудников музея [Там же, с. 43].

В 1930-е гг. А. В. Харчевниковым была продолжена работа по теме «Декабристы», тем более что у него сохранился материал по декабристам: книги, рукописи, а также коллекции предметов. После А. В. Харчевникова, по мнению Л. Н. Ермолаевой, нынешнего директора Минусинского краеведческого музея, научных исследований по этой теме не велось. Работа по теме «Декабристы» носила, скорее, просветительный характер [5, с. 59].

Тревожным в жизни музеев был период конца 1920-х – начала 1930-х гг., когда идеологическим ориентиром в деятельности музеев провозглашался марксизм-ленинизм. Этот тезис был провозглашен в Постановлении ВЦИК и СНК РСФСР «О музейном строительстве в РСФСР» (1928 г.), а начало новому этапу музей-

ного строительства положил Первый Всероссийский музейный съезд (Москва, 1930 г.). В соответствии с решениями съезда ряд музеев был ликвидирован, многие из них подверглись реэкспозиции, созданию новых, «марксистских» музеев» [1, с. 36]. По словам А. С. Вдовина, вопрос о реэкспозиции коснулся и Минусинского музея. Работа над новой археологической экспозицией была начата В. П. Левашевой, которая уже через год подготовила основные материалы [Там же, с. 37]. На заседании специальной комиссии Музейного отдела Наркомпроса (21 ноября 1933 г.) план археологического отдела и текст путеводителя представлял А. В. Харчевников. Проект экспозиции получил положительные отзывы членов Комиссии. Комиссия сделала вывод о том, что реэкспозиция проводится «в правильном направлении – дается история развития общественных формаций применительно к Минусинской котловине... Касаясь содержания экспозиции, необходимо отметить, что основные положения соответствуют современному уровню требований советской марксистской исторической науки», «нужны лишь некоторые исправления» [Цит. по: Там же]. Реэкспозиция археологического отдела Минусинского музея, отмечает А. С. Вдовин, была одобрена одной из первых в стране и первой из сибирских музеев [Там же].

В Минусинском музее А. В. Харчевников занимался фотосъемками улусов и быта хакасов, совершив для этого этнографические экспедиции в районы области, в частности в Аскизский район [9, с. 52]. Дело в том, что Минусинский музей со времени основания собирал и хранил фотоматериалы, отражающие быт и культуру хакасского народа. В 2003 г. на основе имеющихся уникальных фотоматериалов по этнографии Хакасии, которым уже более 100 лет, Минусинский музей подготовил к выпуску иллюстрированный альбом «Этнография хакасов». В альбоме представлено около 300 фотоснимков, которые принадлежат людям, чья жизнь была тесно связана с Минусинским музеем. Среди них: Петр Евгеньевич Островских, Николай Васильевич Федоров, Александр Васильевич Харчевников [Там же].

Деятельность А. В. Харчевникова в Государственном краеведческом музее им. Н. М. Мартьянова продолжалась недолго. Он был арестован 7 августа 1937 г. Органами НКВД было разработано дело под № 4435, по которому проходило семь фигурантов, чьи биографии были «запятнаны» службой в Гражданскую войну

на стороне Белой армии. Среди них оказался и А. В. Харчевников. Тройкой УНКВД Красноярского края его приговорили к расстрелу, и 30 ноября 1937 г. в Красноярске его жизнь трагически оборвалась. Александр Васильевич был реабилитирован только в 1957 г. [6].

Для А. В. Харчевникова работа в Минусинском краеведческом музее была недолгой, драматичной и в то же время наполненной огромными заботами о том, чтобы музей стал «учреждением крупного значения в нашей социалистической стране». Своей недолгой, но плодотворной научной, культурно-просветительской, организаторской деятельностью он способствовал дальнейшему развитию Минусинского краеведческого музея в 1930-е гг. Ему удалось продолжить исследования по теме декабристов, обогатить этнографические коллекции за счет сделанных собственноручно фотодокументов, провести организационные мероприятия, способствующие улучшению материально-технической базы музея.

Список литературы

1. Вдовин А. С. К истории археологического отдела Минусинского музея в 1930-е гг. // Мартъяновские краеведческие чтения (2008–2009 гг.): сб. докл. и сообщ. – Минусинск, 2010. – Вып. 4. – С. 36–38.
2. Гантимурова М. И. Научно-просветительская деятельность забайкальского отделения РГО и краевого музея в Чите (1920–1922 гг.) [Электронный ресурс]. – URL: nauchno-prosvetitskaya-deyatelnost-zabaykalskogo-otdeleniya-rgo-i-kravovogo-muzeya-v-chi.
3. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 217. Оп. 1. Д. 56.
4. Ермолаева Л. Н. Издания Минусинского музея // Мартъяновские краеведческие чтения (2003–2004 гг.): сб. докл. и сообщ. – Минусинск, 2005. – Вып. 3. – С. 41–43.
5. Ермолаева Л. Н. Работа Минусинского музея по теме «Декабристы» // Мартъян. краевед. чтения (1999–2002 гг.): сб. докл. и сообщ. – Минусинск, 2003. – Вып. 2. – С. 58–60.
6. Жеребцов Г. А. Александр Васильевич Харчевников [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.proza.ru/2013/11/26/1180>.
7. Закаблуконская Н. Н. Музейное дело Восточного Забайкалья [Электронный ресурс] / Н. Н. Закаблуконская. – URL: <http://cheloveknauka.com/muzeynoe-delo-vostochnogo-zabaykalya#ixzz44XXc2mMB>.
8. Китова Л. Ю. Воспоминания В. П. Левашевой о работе в Минусинском музее / Л. Ю. Китова, М. А. Дэвлет // Мартъяновские краеведческие чтения (2008–2009 гг.): сб. докл. и сообщ. – Минусинск, 2010. – Вып. 6. – С. 54–58.
9. Сидорина Е. Ю. Альбом фотоматериалов Минусинского музея им. Н. М. Мартъянова «Иллюстрированная этнография хакасов» // Мартъяновские краеведческие чтения (2003–2005 гг.): сб. докл. и сообщ. – Минусинск, 2005. – Вып. 3. – С. 52–53.

**CONTRIBUTION OF A. V. KHARCHEVNIKOV
TO THE DEVELOPMENT OF THE MINUSINSK MUSEUM OF LOCAL
LORE NAMED AFTER N. M. MARTYANOV**

N. Y. Artamonova
N. F. Katanov's Khakhas State University, Abakan

Abstract. The article is devoted to the activities of A. V. Kharchevnikova, Director of the state local history Museum. N. M. Martyanova in the period from 1929 to 1937. Notes his role in enhancing the scientific, cultural and educational work of the Museum to improve its material condition. The conclusion about the significant contribution of A. V. Kharchevnikova in the future development of the Museum and of museology.

Keywords: Alexander Kharchevnikov, Minusinsk Museum of local history, musology, director, research, culture-educational activity.

Артамонова Надежда Яковлевна – доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 655000, г. Абакан, ул. Ленина, 90, тел.: 8(3902)243018, e-mail: lazar1918@yandex.ru

Artamonova Nadezhda Yakovlevna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of the History of Russia N. F. Katanov's Khakhas State University, 90, Lenin st., Abakan, 655000, tel.: 8(3902)243018, e-mail: lazar1918@yandex.ru

УДК 502.72 (571./ .5)

ЗАПОВЕДНОЕ ДЕЛО НА СИБИРСКОМ ПОЛИГОНЕ

Т. П. КАЛИХМАН

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

А. Д. КАЛИХМАН

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск

Аннотация. Анализируются этапы эволюции системы особо охраняемых природных территорий на пространствах Сибири. Анализ сопровождается оценками результатов внедрения в практику заповедного дела новаций.

Ключевые слова: Сибирь, сибирский полигон, охрана природы, заповедные территории, заповедное дело.

Сибири принадлежит официально признанный приоритет в создании первых российских заповедников. Дальнейший столетний период сложного и противоречивого пути развития здесь территориальной охраны природы позволяет определить его в терминах сибирского полигона заповедного дела в России.

История заповедного дела в России в равной степени полагает в качестве исходных две концепции, или подхода, создания охраняемых природных территорий: организации территорий

для сохранения промысловых животных и «необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы», по названию основополагающего доклада профессора Г. А. Коженикова [1; 7]. Сибирский полигон формировался на основе первой концепции, как итоге проведенных в 1913–1914 гг. трех экспедиций для обоснования Баргузинского, Саянского и Камчатского заповедников с целью воспроизводства сократившихся ресурсов соболя. Уже в 1914 г. был организован Китойский, в 1915 г. – Саянский соболиные заповедники, а 29 декабря 1916 г. правительственным постановлением был учрежден Баргузинский заповедник. Известно весьма прямолинейное высказывание по этому поводу Ф. Р. Штильмарка: «Таким образом, в России наметились две разные позиции в заповедном деле – сохранение “девственных” эталонов природы на принципе невмешательства в ход природных процессов и создание охотничьих заповедников, в постановлениях о которых не было ни слова о науке или научных наблюдениях, зато предусматривалось расположение вблизи резерватов специальных охотничье-промысловых участков (в Прибайкалье – в непосредственной близости от заповедника, в Саянах – отдельного Казырсуковского хозяйства). Такая двойственность вскоре дала о себе знать и в определенной степени охранялась впоследствии» [12, с. 157]. В настоящее время своеобразным эквивалентом охоты становится туристская деятельность во всех проявлениях, но как и прежде сохраняется противоречие, возрастающее до уровня дуальной оппозиции согласно социокультурной терминологии: от «абсолютной заповедности» до «обеспеченности доступа к природному наследию или попросту природным территориям» на полюсах.

Следует упомянуть также более существенное в заповедном деле противоречие, наблюдаемое в другой системе координат. Связано оно с редко подвергаемым сомнению глобальным природоохранным императивом и региональным природопользовательским императивом. Сибирь здесь является характерным примером при обсуждении проблем создания новых заповедных территорий различного уровня, где доминирует обязательная ресурсная составляющая, к месту и не к месту подкрепляемая изречением Ломоносова.

Современное состояние

Для анализа эволюции системы ООПТ на сибирском полигоне следует определить современный состав и распределение всех категорий федеральных и региональных охраняемых территорий. Необходимо сразу отметить институциональное несоответствие, прямо не касающееся ООПТ, в силу которого из традиционных представлений о Сибири формально исключены территории Тюменской области, отнесенной к Уральскому федеральному округу, и Республики Саха (Якутия), отнесенной к Дальневосточному федеральному округу. Поэтому в таблице представлены общие сведения об ООПТ Сибири, с учетом окружной принадлежности регионов, по основным категориям с указанием их числа и площади, процентных показателей на 1 января 2016 г.

Из таблицы следует, что значимых для сохранения ландшафтного разнообразия ООПТ насчитывается 397 (здесь не учтены памятники природы, ботанические сады и пр.). Наибольшее число ООПТ приходится на Республику Саха (Якутия), Тюменскую область и Красноярский край – это и самые значительные по площади субъекты страны. В Тюменской области 13 ООПТ федерального значения, в Красноярском крае – 11, причем на севере края располагаются 3 крупнейших в стране по площади заповедника. Наибольшее число региональных ООПТ создано в Республике Саха (Якутия) – 83, в Тюменской области – 65, в Алтайском крае – 36.

Максимально охвачена природоохранным режимом Республика Алтай (почти 1/4 от площади субъекта РФ) и Якутия (более 1/5), в наименьшей степени – Омская, Иркутская и Томская области (менее 3,5 %). В Иркутской области продолжает сказываться природоохранная доминанта озера Байкал. И хотя в 2014 г. был наконец создан заметный по площади региональный заказник «Лебединые озера (Окунайский)», основную часть площади составляют федеральные ООПТ.

В Республике Бурятия без учета значительного по площади Тункинского национального парка (единственного в стране, границы которого совпадают с границами одноименного района, что не позволяет оценивать его управление и природоохранный статус за 25 лет существования как эффективные) доля остальной части ООПТ составляет 5,6 %.

Таблица

Распределение ООПТ регионального и федерального значения в Сибири по состоянию на 01.01.2016 г.

Федеральные округа	Сибирский											Общая площадь, тыс. га	Доля от площади Сибири (965 300 тыс. га), %					
	Алтайский край	Республика Алтай	Республика Бурятия	Иркутская область	Забайкальский край	Кемеровская область	Красноярский край	Новосибирская область	Омская область	Томская область	Республика Тыва			Республика Хакасия	Томская область	Дальневосточный край	Общее число ООПТ, шт.	Общая площадь, тыс. га
Субъекты РФ	1	2	3	2	2	1	7					1	4	2	27	18 921,6	2,0	
Категории ООПТ		1	2	1	2	1	1								8	2974,1	0,30	
Заповедники																		
Национальные парки																		
Заказники федерального значения	1	4	1	2	2	3	1	2	1	2	1	1	8	6	23	4553,7	0,5	
Природные парки																		
Заказники регионального значения	35	2	13	13	16	13	36	24	7	16	5	5	47	13	255	25 873,6	2,7	
Ресурсные резерваты															62	46 844,1	4,8	
Полигон экологического мониторинга													1	1	1	3,7	0,0	
Общее число ООПТ, шт.	37	9	22	18	22	15	48	25	10	17	19	8	65	83	397			
Общая площадь, тыс. га	747,1	2295,8	2828,9	2620,79	2315,79	1302,9	14587,9	1480,19	390,29	1077,0	1463,10	904,6	11577,1	66126,8		109 723,4	10,7	
Доля от площади субъекта РФ, %	4,445	24,712	8,053	3,382	5,362	13,611	6,164	8,327	2,765	3,426	8,678	14,692	7,907	21,445				

На заповедники в Сибири приходится 2 % всей территории, что составляет также 17 % от общей площади ООПТ. Наименее представленными пока остаются национальные и природные парки – категория ООПТ, которая помимо природоохранных функций призвана развивать туристско-рекреационную деятельность. С учетом того, что в последние годы декларируется необходимость туристского развития Сибири, создание национальных и природных парков чрезвычайно актуально.

Общая площадь региональных заказников Сибири составляет 2,7 % от площади всей территории, а ресурсных резерватов – 4,8 %. В сумме они превышают общую площадь заповедников почти в 4 раза. Специфическая категория ООПТ в Республике Саха (Якутия) – ресурсные резерваты, составляла недавно 5,5 % от площади Сибири, но теперь часть из них переведена в заказники – более защищенную категорию ООПТ. В пределах ресурсных резерватов возможны сезонные ограничения на традиционное использование природных ресурсов, допускается сохранение родовых земель.

Периоды созидания

Многочисленные попытки выделения и организации заповедных территорий в России в конце XIX – начале XX в. позволили наметить пути их официального признания. Ученые созданной в 1912 г. Природоохранительной комиссии при Императорском русском географическом обществе и практики Департамента земледелия были готовы к реализации проектов заповедников. Как отмечает Ф. Р. Штильмарк, «успех же пришел к прагматикам, к тем, кто занялся организацией заповедников в более практических целях, а именно для охраны ценных пушных зверей, прежде всего – драгоценного соболя, которому, как писали историки, Россия обязана присоединением Сибири» [12, с. 154]. И далее: «Благодаря благосклонному отношению Иркутского генерал-губернатора Князева к мерам по охране соболя, в 1914 г. в Китайской лесной даче Ангарского лесничества был учрежден заповедник для зверя и птицы всякого рода, в котором всякая охота совершенно запрещена» [Архив РАН. Ф. 445. Оп. 4. Д. 203. Л. 5]. Площадь его была определена в 20 тыс. десятин, охрана возложена на объездчиков. Как писал заведующий лесоустройством Иркутской губернии Ф. Карльс, на Китое образуется «естественный рассадник ценного зверя». По существу, это был самый первый

охотничий заповедник в Сибири. Китойский заповедник отмечался как действующий в некоторых публикациях и отчетах вплоть до начала 20-х гг., но затем прекратил свою деятельность и, забыт нынешними авторами» [12, с. 155].

Из отчета Д. К. Соловьева об организации Саянского заповедника: «В 1915 г., вследствие нашего представления о необходимости принять предварительные меры охраны проектируемого заповедника от дальнейшего истребления соболя, обязательным постановлением Иркутского Генерал-Губернатора от 28-го Мая 1915 г., на основании 27 ст. Лесного Устава, изд. 1905 г., и примечания к ней, проектируемая под Саянский заповедник лесная площадь была изъята из пользования населения и объявлена заказной (дачей единственного владения казны) и согласно 349 ст. Лесного Уст. изд. 1905 г. меры взыскания, постановленные в Уложении о Наказаниях и в Уставе о Наказаниях, а также в ст. 762–767 Устава Лесного, назначенные за самовольную порубку леса, поджоги лесов и другого рода истребления (и порчи) леса, а также за несоблюдение правил, предписанных для предупреждения лесных пожаров, распространились на названную дачу. В этом же году (1915) Департаментом Земледелия было ассигновано 1795 р. на предварительную охрану заповедника, и три стражника были поселены на зимовьях по северной границе проектируемого заповедника» [11, с. 294].

После революции Сибирь по-прежнему была первой или в числе первых по организации новых ООПТ, не считая совершенно декларативного ленинского декрета СНК РСФСР от 31.01.1921 «О Байкальских государственных заповедниках-зоофермах». Следует отметить, что составитель текста декрета Ф. Ф. Шиллингер, инициатор создания Всероссийского общества охраны природы, заведующий отделом заповедников Наркомпроса РСФСР, один из основателей нынешней системы заповедников, занимался проектированием заповедных и заказных территорий еще в 1911–1913 гг. [9]. Планировавшийся им к созданию в 1921 г. Байкальский заповедник так и не стал функционирующим, а в 1925 г. под Красноярском был организован заповедник «Столбы». Кроме заповедников предлагались и другие виды охраняемых территорий. В изданной Природоохранительной комиссией в 1918 г. брошюре «Типы организаций, способствующих охране природы» Д. К. Соловьев, заведующий кафедрой охотоведения

Лесного института, предлагал наряду с постоянными заповедниками временные, называемые заказниками – охотничьими, лесными, степными, водными [10]. В докладе К. А. Забелина в 1929 г. на первом Всероссийском съезде по охране природы один из основателей Баргузинского заповедника упомянул о наличии трех заказников в Забайкалье [3; 4]. Речь шла о Вьдринском (21 тыс. га) и Брянском (11 тыс. га) заказниках для охраны соболя и других видов животных, а также Мухинском заказнике для водоплавающей дичи.

Заказники, вследствие простоты и доступности «заказа», стали массовым явлением в 1920-х гг. в Западной и Средней Сибири [9]. По данным Ю. А. Кудрявцева, много сделавшего для широкого распространения этой формы охраны природы, в 1926 г. в РСФСР было не менее 500 заказников площадью 4–5 млн га, а в 1927 г. – 611 площадью 7,9 млн га [8].

Создание новых и возобновление работы старых заповедников в Сибири началось в конце 1960-х гг. В 1967 г. возобновил работу Алтайский заповедник, закрытый в 1932 г., в 1969 г. на юге Байкала появился Байкальский, в 1973 г. – Сохондинский, в 1976 г. – Саяно-Шушенский, в 1979 г. – Таймырский, в 1982 г. – Витимский, в 1985 г. – Центрально-Сибирский Азас, в 1986 г. – Байкало-Ленский, в 1987 г. – Даурский, в 1988 г. – Путоранский, в 1989 г. – Кузнецкий Алатау, в 1991 г. – Катунский. И уже в России в 1992 г. – Джергинский, в 1993 г. – Убснурская котловина и Большой Арктический, самый крупный в стране, в 1995 г. – Тунгусский, в 1999 г. – Хакасский и Тигирекский.

Следующая по значимости категория ООПТ – национальные парки – появилась в Сибири после создания в 1983 г. первых – Сочинского (190 тыс. га) и Лосино острова (11,6 тыс. га). В 1986 г. на западном и восточном берегу Байкала появились значительные по площади Прибайкальский (417 тыс. га) и Забайкальский (269 тыс. га) национальные парки. Особо следует отметить появление в 1991 г. самого большого в тот период Тункинского национального парка (1184 тыс. га). Это единственная в стране ООПТ, границы которой совпадают с границами одноименного административного района Республики Бурятия, где до сих пор сохраняются очевидные институциональные противоречия, ограничивающие эффективность законодательно предусмотренной деятельности двух административных субъектов землепользования и природопользования на единой территории.

Периоды упадка

В довоенное и послевоенное время организационные трансформации в заповедном деле привели к определенной стабилизации системы размещения и состава ООПТ, однако поворотным считается период узаконенного погрома заповедников после принятия Постановления 1951 г. «О заповедниках». В результате 88 из 128 заповедников были закрыты или преобразованы в учебно-опытные хозяйства, причем в РСФСР таких оказалось 26. В недавней статье Стивена Брэйна дается новый, более объективный взгляд на уничтожение заповедников, приведшее, по мнению автора, к улучшению охраны лесов и их состояния [2]. В Сибири закрытие коснулось Алтайского, Саянского, Читинского, Якутского заповедников [9], сокращена площадь заповедников «Столбы» и Баргузинского.

В Якутии решено было не создавать три новых резервата, хотя уже имелось соответствующее постановление правительства. В итоге из 12,6 млн заповедных гектаров осталось лишь 1,384 млн, что составило всего около 0,06 % территории страны. Ликвидированы были также все республиканские главки по заповедникам, и создан один, при Совете Министров СССР.

Затем система постепенно восстанавливалась с разной степенью интенсивности и с максимальной активностью только в 1980–1990-е гг., но в 2000 г. этот процесс резко приостановился. Единственная ООПТ федерального значения, созданная за этот период, – Усть-Ленский заповедник (2004 г.). Процесс развития системы ООПТ возобновился только в 2010 г. с создания национального парка «Сайлюгемский» на Алтае и в 2011 г. федеральных заказников «Долина Дзерена» (Забайкальский край) и «Позарым» (Хакасия).

В этот же десятилетний период была ликвидирована часть заказников и природных парков (заказники – в период передачи их в подчинение региональной исполнительной власти из ведения Главохоты, природные парки – после принятия Постановления Правительства РФ № 122 от 22.08.2004). В частности, ликвидированы четыре заказника в Республике Бурятия: «Ацульский» в 2002 г., «Мошейский», «Степнодворецкий», «Таглейский» в 2004 г. В Республике Тыва природный парк «Уш-Белдирский» был переведен в 2004 г. в категорию «заказник». В Алтайском крае в 2003 г. упразднены заказники «Склюихинский» и «Инской». В

Кемеровской области в 2006 г. ликвидирован заказники «Таштагольский» и в 2008 г. – заказник «Сары-Чумышский»; в Томской области – заказники «Панинский» и значительный по площади (775,77 тыс. га) «Поль-То». В Иркутской области в 2003 г. после пожаров с катастрофическими последствиями был закрыт региональный заказник «Куртунский».

Периоды экспериментов

Период экспериментов на сибирском полигоне можно связать с проектами, которые выходят за пределы традиционных представлений о территориальной охране природы. Принятие в 1999 г. единственного федерального закона о природном объекте – Закона «Об охране озера Байкал» позволило определить Байкальскую природную территорию (БПТ) как охраняемую территорию нового статуса, обусловленного включением озера Байкал в перечень объектов всемирного природного наследия ЮНЕСКО. Природоохранная парадигма БПТ базируется на идеях территориальной дифференциации, наиболее полно представленных в «Территориальной комплексной схеме охраны природы бассейна озера Байкал» (ТерКСОП Байкала). Формально используя схему определенной в ТерКСОП Байкала структуры зонирования, авторы смещают акцент с регламентации режимов природопользования на регламенты сохранения состояния природной среды в составляющих БПТ экологических зонах [6].

Около 50 лет продолжают работы на формирующейся меридиональной цепи заповедников, именуемой Енисейским трансектом [5]. Протяженность трансекта в пределах России (от архипелага Северная Земля до границ с Монголией) – около 3600 км. На севере базовым участком является расположенный несколько восточнее Енисея полуостров Таймыр – самый северный на материковой Евразии. Енисейский трансект, оснащенный системой заповедников как стационарных лабораторий по изучению биоразнообразия, может быть продолжен дальше к югу, за пределы России, с включением Большого Гобийского заповедника в Монголии, а далее к югу до экватора с включением в эту систему уже существующих и новых заповедников в Китае, Индии и Вьетнаме.

Имеющие малое отношение к науке заповедного дела эксперименты сравнительно недавнего времени также начинались в Сибири. Речь идет о создании объединенных дирекций, изменяющих структуру управления групп территориально близких

ООПТ. С 2008 г. происходило присоединение к заповедникам «зависших» без финансирования заказников федерального значения (ранее подчинявшихся упраздненной теперь федеральной службе «Главохота»), например к Баргузинскому заповеднику – Фролихинского заказника, к Прибайкальскому национальному парку – заказника «Красный Яр». Это имело определенный смысл и логику. Но в 2012 г. началось объединение самостоятельных, зачастую с собственными существенными площадями и не всегда близко расположенных ООПТ в единые дирекции. Первым в 2012 г. стал Баргузинский заповедник, его объединили с Забайкальским национальным парком и федеральным заказником «Фролихинский» в дирекцию «Заповедное Подлесье». Трудноуправляемые даже поодиночке заповедники севера Красноярского края в 2013 г. были объединены в дирекцию «Заповедники Таймыра», включающую три крупнейших в России заповедника: кластерный «Большой Арктический» (4169,222 тыс. га), кластерный «Таймырский» (1781,596 тыс. га) и «Путоранский» (1887,251 тыс. га), а также заказники «Североземельский» (421,710 тыс. га) и «Пуринский» (787,500 тыс. га). В том же году появилось «Заповедное Прибайкалье», объединившее Байкало-Ленский заповедник, Прибайкальский национальный парк, федеральные заказники «Красный Яр» и крайне удаленный от них «Тофаларский», и «Заповедник Байкальский» к которому помимо Кабанского заказника присоединили Алтачейский заказник.

В 2014 г. в этот эксперимент вступили ООПТ Дальнего Востока: дирекция «Заповедное Приамурье» включила заповедники «Болонский», «Большехецирский», национальные парки «Ануйский» и «Шантарские острова», заказник «Хехцир»; дирекция «Земля леопарда» – заповедник «Кедровая падь» и национальный парк «Земля леопарда»; дирекция «Заповедник Кроноцкий» – заповедники «Кроноцкий» и «Командорские острова», заказник «Южно-Камчатский»; дирекция «Зов тигра» – заповедник «Лазовский» и национальный парк «Зов тигра».

Сейчас в России насчитывается 10 объединенных дирекций, из них к западу от Урала только 2, и те отнюдь не в центральной части России (в Оренбургской области «Заповедное Оренбуржье» – заповедники «Оренбургский» и «Шайтан-Тау», а в Республике Карелия – Костомукшский заповедник вместе с Калевальским национальным парком). Отметим, что в центральное-

ропейской части России этого не происходит, а ведь там много небольших ООПТ, имеющих хорошую транспортную доступность и логичные пути создания единых дирекций для снижения управленческих затрат.

Обсуждение

Представление эволюции ООПТ Сибири за почти столетний период позволяет оценить современное состояние, определить некоторые закономерности, а также судить о возможных направлениях развития системы охраняемых территорий. Сибирский полигон заповедного дела нередко отражает успешные региональные проекты, не согласующиеся с федеральными тенденциями. Республика Саха (Якутия) в 1992 г. вышла из подчинения Минэкологии по официальному соглашению президентов, что позволило продолжить развитие системы природных резерватов, природных парков и других категорий ООПТ, сохранив два организованных в 1984–1985 гг. заповедника [12, с. 290]. В настоящее время часть природных резерватов переведена в категорию заказников регионального значения, а перспективной задачей является увеличение площади ООПТ до трети от площади республики.

Подобной стратегии придерживаются Тюменская область (с Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским автономными округами) и Красноярский край, хотя и не с такой независимостью от центра, как Якутия, где многие годы системой ООПТ управляет региональное Министерство охраны природы, отдельное от ведомств по природным ресурсам. На фоне трех лидеров заметны три последних – Омская, Томская и Иркутская области – с низкими показателями относительной площади и общего числа ООПТ. В меньшей степени на развитие системы ООПТ влияет финансово-экономическая ситуация в регионах. Относящиеся к дотационным регионы Сибири располагают значительными долями площади ООПТ от общей площади: Забайкальский край – 5,4 %; Республика Тыва – более 8 %, Республика Бурятия – более 8 %, Республика Хакасия – почти 15 %, Республика Алтай – более 24 %. Тем не менее почти все они отказались от ранее введенных новых форм ООПТ типа резервных территорий, микрозаказников, зон покоя, экологических коридоров, биологических станций, демонстрирующих различие регионов в природных особенностях и ландшафтном разнообразии.

Стратегическими документами являются принятые в конце 2011 г. изменения к действующему с 1995 г. Закону «Об особо

охраняемых природных территориях» и «Концепция развития системы особо охраняемых природных территорий федерального значения на период до 2020 г.». Изменения в законодательстве стали итогом продвижения на федеральном уровне идеи расширения посещаемости природных территорий и стимулирования заповедников к получению внебюджетных средств на собственное содержание по аналогии с национальными парками, предназначенными для приема посетителей. В Сибири из предусмотренного в Концепции плана реализован пункт по организации в 2014 г. Чикойского национального парка. До настоящего времени не созданы заповедники «Васюганский», «Барабинский», «Белозерский», «Джидинский» и национальные парки «Кодар», «Ленские столбы», «Тогул», «Горная Кольвань», не увеличены площади Баргузинского, Даурского и Сохондинского заповедников, не реализован ни один пункт плана международного сотрудничества, где кроме Украины и США есть вполне доступные к сотрудничеству с Сибирью страны, не включены в список объектов всемирного природного наследия ЮНЕСКО заповедники «Магаданский» и «Даурский».

Изменения 2011 г. в федеральном законе касаются введения в оборот термина «познавательный туризм», заменяющего весь спектр произвольно использовавшихся терминов типа «экологически ответственный туризм», а также требования по обязательному его развитию. Заповедники, имеющие наиболее строгий режим охраны, исторически занимались исключительно тремя видами деятельности (в законе – задачи): охрана, наука, просвещение. Теперь, несмотря на возражения как сотрудников ООПТ, так и научных кругов и общественности, заповедникам вменена обязанность развития на своих территориях инфраструктуры познавательного туризма. Первыми полигонами здесь стали заповедники «Байкальский», «Баргузинский», «Байкало-Ленский» и «Столбы», на Дальнем Востоке – «Кроноцкий» (Камчатский край) и «Лазовский» (Приморский край). Известны планы по переводу в национальные парки заповедников «Столбы» и «Кроноцкий». Следует отметить, что в «Столбах» посещаемая территория, где представлены основные скальные останцы (столбы), занимает лишь 3 % от общей площади, в «Кроноцком» высокая стоимость туров и сложных метеоусловий в летний период (посещения только вертолетом) дает число посетителей преимущественно Кальдеры вулкана Узон и Долины гейзеров не более 3,5 тыс. в год.

Заключение

Заповедное дело в Сибири, как и во всей стране, испытало периоды развития и упадка. Развитие пришлось на периоды 1922–1939 гг., 1946–1950 гг., 1985–1999 гг., причем последний – максимальный по числу созданных ООПТ. Можно отметить, что это периоды очень сложного экономического положения в стране. Периоды упадка обсуждались выше. Закономерности прослеживаются, хотя их причины требуют дополнительного изучения.

Современный период кажется менее определенным – с одной стороны, остаются невыполненными декларации последней Концепции развития ООПТ, а с другой стороны, наблюдается явная поляризация регионов в продолжении формирования собственной системы ООПТ, не всегда согласующейся с федеральными тенденциями. Не до конца понятны последствия создания объединенных дирекций ООПТ. В Сибири очевидна необходимость в новых национальных парках и региональных природных парках, согласующихся с идеологией познавательного туризма, а также свободы в создании новых категорий региональных ООПТ, отвечающих специфике регионов.

Список литературы

1. *Бородин И. П.* Охрана памятников природы / И. П. Бородин. – СПб. : [б. и.], 1914. – 11 с.
2. *Брэйи С.* Новый взгляд на уничтожение заповедников в СССР в 1950-е гг. // Ист.-биол. исслед. – 2012. – Т. 4, № 1. – С. 57–72.
3. *Доппельмайр Г. Г.* Соболиный промысел на Северо-Восточном побережье Байкала. – Верхнеудинск ; Л. : Изд. Госплана БМАССР, 1926. – 272 с.
4. *Забелин К. А.* Охотничий промысел в Бурят-Монгольской АССР // Тр. I Всерос. съезда по охране природы. – М., 1930. – С. 156–162.
5. Изучение, сохранение и восстановление биоразнообразия экосистем на Енисейском экологическом трансекте: Ландшафты, почвы, растительный покров / под ре. Е. Е. Сыроечковского, Э. В. Рогачевой. – М. : Тип. Россельхозакадемии, 2001. – 235 с.
6. *Калихман Т. П.* Территориальная охрана природы в Байкальском регионе / Т. П. Калихман. – Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2011. – 238 с.
7. *Кожевников Г. А.* О необходимости устройства заповедных участков для охраны русской природы // Тр. Всерос. юбил. акклиматизацион. съезда 1908 г. в Москве. – М., 1909. – Вып. 1. – С. 23–27.
8. *Кудрявцев Ю. А.* Пути строительства охотничьего хозяйства / Ю. А. Кудрявцев. – М. : [б. и.], 1929. – 20 с.
9. *Реймерс Н. Ф.* Особо охраняемые природные территории / Н. Ф. Реймерс, Ф. Р. Штильмарк. – М. : Мысль, 1978. – 295 с.
10. *Соловьев Д. К.* Типы организаций способствующих охране природы. Русское географическое общество. Постоянная природоохранительная комиссия (материалы к познанию рус. охот. дела). – Пг., 1918. – Вып. 3. – 45 с.

11. *Соловьев Д. К.* Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем. Отчет Саянской экспедиции департамента земледелия, работавшей в 1914–1916 гг. под начальством старшего специалиста по промысловой охоте Д. К. Соловьева // Тр. экспед. по изуч. соболя и исслед. соболин. промысла. Сер. 2. Саян. экспедиция. – Пг. : ГИЗ, 1920. – 458 с.

12. *Штильмарк Ф. Р.* Заповедное дело России: теория, практика, история. Избр. тр. / Ф. Р. Штильмарк. – М. : Т-во науч. изд. КМК, 2014. – 511 с.

NATURE CONSERVATION IN THE SIBERIAN POLYGON

A. D. Kalikhman

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk

T. P. Kalikhman

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. The article analyzes the stages of evolution of system of especially protected natural territories on the territory of Siberia. The analysis is accompanied by assessments of the results of the implementation in practice of nature conservation new initiatives.

Keywords: Siberia, the Siberian ground, nature protection, protected areas, nature protection and conservation.

Калихман Татьяна Петровна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник, лаборатория картографии, геоинформатики и дистанционных методов, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: kalikhman@irigs.irk.ru

Kalikhman Tatyana Petrovna – Doctor of Geographical Sciences, Leading Scientific Employee, Laboratory of Cartography, Geoinformatics and Remote Sensing Methods, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: kalikhman@irigs.irk.ru

Калихман Аркадий Давидович – доктор физико-математических наук, профессор, Институт архитектуры и строительства, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, тел.: 8(3952)405-000, e-mail: inba@irk.ru

Kalichman Arkady Davidovich – Doctor of Physico-Mathematical Sciences, Professor, Institute of architecture and Construction, Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov st., Irkutsk, 664074, tel.: 8(3952)405-000, e-mail: inba@irk.ru

ЗАБЫТАЯ КОЛЕЯ: ЕСТЬ ЛИ ПЕРСПЕКТИВЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ УЗКОКОЛЕЙНОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ?

Д. В. СКРИПУЧИЙ

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена опыту эксплуатации узкоколейных железных дорог в Иркутской области и Бурятии. Делается вывод о том, что подавляющее большинство узкоколеек были рассчитаны на короткий срок использования. Быстровозводимые дороги давали возможность выполнить валовые показатели и обеспечить исполнение постановлений о механизации лесозаготовок. Негативные практики спонтанной транспортной политики, крен в сторону лесной вывозки – иллюстрации экстенсивной модели развития советской экономики. Автор считает, что рынок, учтя ошибки, рано или поздно обратится к «узкоколейному» прошлому, но отрасль приобретет очаговый характер размещения и по объемам уже никогда не вернется на советский уровень.

Ключевые слова: узкоколейные железные дороги, лесозаготовки, автотранспорт, конкуренция, Иркутская область, Бурятия.

Низкая транспортная доступность многих сырьевых баз Сибири является одним из главных препятствий на пути более эффективного освоения ресурсов. Инфраструктурные ограничения преодолеваются медленно, поэтому стоит рассматривать возможности применения всех существующих типов транспорта. Узкоколейные железные дороги (далее – УЖД) в 1960-е гг. были отодвинуты на задний план, а затем и вовсе забыты, хотя, по мнению некоторых экспертов, сохраняются перспективы их строительства [12, с. 3; 17, с. 12].

СМИ не обходят стороной узкоколейную тематику. В части сюжетов УЖД преподносят в качестве музейных экспонатов (Магаданская и Семигородняя УЖД) [1; 14]. Но есть репортажи если не о восстановлении прежних размеров отрасли, то о ее точечном развитии [16; 22].

В Советском Союзе узкоколейки занимали не последнее место на лесозаготовках, торфоразработках и приисках, выступая связующим звеном между сырьевыми источниками и пунктами основных путей сообщения либо перерабатывающими заводами. УЖД играли роль подъездных путей для предприятий самого широкого спектра: от пропитки шпал до машиностроения. В 1956 г. по УЖД Советского Союза вывозили 52,3 млн м³ древесины [13, с. 99]. На пике их вовлечения в хозяйственный оборот в 1950-е гг. их доля в вывозке могла превышать 35 %. Всесоюзная

транспортировка леса по УЖД в 1981 г. составляла уже 12 %, проигрывая конкуренцию автопоездам [15, с. 5]. В этом году в лесной промышленности сохранялось около 200 УЖД, по которым вывозилось более 30 млн м³ сортиментов и дров. В 1984 г. в отрасли насчитывалось 180 дорог общей протяженностью (магистралей и веток) 13,6 тыс. км [20, с. 14]. По ним ежегодно доставлялось более 27 млн м³ материалов.

Иркутская область как наиболее лесистый субъект России и Бурятия, обладающая также крупными запасами леса, не очень активно задействовали УЖД по сравнению с Архангельской, Кировской и Костромской областями. К концу 1980-х гг. в Прибайкальских регионах 10 из 12 УЖД были разобраны в силу истощения запасов сырья вдоль трасс и совершенствования тяговых характеристик грузовых автомобилей, а жизнестойкие Зиминская и Хандагатайская линии продолжали работу по инерции. В 1960 г. в лесной сфере Иркутской области было 11 УЖД с общей протяженностью 550 км и 1 УЖД в Бурятии протяженностью более 100 км [4, л. 4]. С помощью паровозов удалось перевезти по области в 1959 г. около 1,9 млн м³ при общем объеме 10 397 млн м³ леса [3, л. 6]. В 1984 г. республиканская Хандагатайская УЖД с длиной магистрали 338 км и грузооборотом 540 тыс. м³ при средней дальности перевозок на 176 км относилась к гигантам леспромхозовского транспорта [2, с. 15].

Другие отрасли экономики менее активно шли на строительство УЖД. В Приангарье до 1967 г. эксплуатировалась УЖД в Бодайбинском золотоносном районе, но была закрыта из-за не столь однозначного доминирования автотранспорта. УЖД не будут универсальными средствами коммуникации в XXI в., как в случае с БЖД. Если не рассматривать внутришахтное путевое хозяйство, то именно лесная промышленность является нишей, где узкоколейки не потеряли шансов на будущее.

Многие советские транспортники выражали несогласие с прекращением эксплуатации УЖД. Они были единодушны в том, что при определенных условиях (рельеф, ресурсообеспеченность, грузооборот, расстояние вывозки, своевременное проведение ремонтных работ, внедрение СЦБ и т. д.) узкоколейки могут успешно конкурировать с автопоездами. Исследователи получали разные сочетания в технико-экономических показателях УЖД. В 1980-х гг. популярным был такой результат: грузооборот от

300 до 2000 тыс. т при средних расстояниях вывозки от 40 до 200 км [21, с. 20]. Другие расчеты свидетельствовали о том, что узкоколейки необходимо прокладывать для вывозки более 400 тыс. м³ на расстояния свыше 30 км [19, с. 24]. Центральный научно-исследовательский институт механизации и энергетики лесной промышленности (далее – ЦНИИМЭ), набивший руку на проектировании дорог, сегодня предлагает услуги коммерческим организациям, разрабатывающим инвестиционные программы в области лесозаготовок. Его исследования 2012 г. показывают, что зона конкурентных преимуществ УЖД начинается с расстояния вывозки 50 км при себестоимости около 500 руб. на 1 м³ [18].

Подавляющее большинство узкоколеек строилось без опоры на качественные инженерные изыскания, без тщательного предварительного проектирования и точных смет, поскольку иркутский филиал «Гипролестранса» был образован только в 1952 г., а ЦНИИМЭ не мог охватить всю страну. Предварительные рекогносцировочные работы не проводились. Линии зачастую прокладывали вслепую; прорубали просеки, не обосновывая выбор местности. Если и имелась техническая документация, то от ее содержания отступали, так как было件нятно, что УЖД – это «не всерьез и ненадолго».

Евдокимовская УЖД в Тулунском районе была введена в строй в 1946 г., первой из послевоенных лесных узкоколеек в области. Присланный трестом «Иркутсктранслес» план капитростроительства на 1949 г. предусматривал строительство в Евдокимовском 3 км нового протяжения УЖД. Реакция на документ сводилась к недопустимости повторения ошибок 1-й очереди, чтобы «не идти по пустым местам, а вести УЖД по трассе, где можно взять на близком расстоянии больше леса, где почва и профиль благоприятны для строительства» [8, л. 31]. В 1950 г. по Шерагульской УЖД в Заларинском районе отмечалось, что ИТР не могли составить окончательный расчет по месту ее прохождения и количеству рабсилы [9, л. 8]. Отсутствие научно-обоснованных проектов к 1960 г. «оставило не у дел» 3 узкоколейки (Одинская, Куртуйская и Андочская).

Уже после первого, во многом местечкового и стихийного, этапа постройки узкоколеек их проектированием стали вплотную заниматься институты. В 1957 г. шли непрерывные обмены мнениями по поводу продления Зиминской УЖД в Ромоданов-

ский лесной массив или автомобильной альтернативы [5, л. 196]. Дискуссия с 1957 по 1964 г. о целесообразности проведения УЖД от станции Мостовая до Усть-Баргузина велась еще острее [7, л. 36]. Регулярный пересмотр вариантов транспорта в лесных зонах может говорить о том, что по сложности осуществления узкоколейные замыслы не сильно отличались от линий МПС и о неликвидированном слабом уровне подготовки дорожников.

Об экономической эффективности узкоколеек можно судить косвенно, по факту их закрытия, поскольку отдача от их производственной деятельности не фиксировалась отдельно от отчетности головной организации. Если перевозки по ним сворачивали так стремительно, то, значит, были экономические основания. Многие считали, что причина прекращения эксплуатации узкоколеек состояла в ошибочном перенесении опыта нескольких убыточных УЖД на всю отрасль [19, с. 23]. В результате узкоколейки выпали из схем транспортного освоения даже в качестве замены автомобильным дорогам. Экономисты заостряли внимание на инструментальных оценках хозрасчета в целях выявления разницы доходов и расходов. Историческое исследование позволяет проникнуть в процессы содержания и снабжения УЖД.

В среде энтузиастов, пытающихся воспрепятствовать стиранию из памяти практик УЖД, бытует мнение, что часть дорог закрыли по недоразумению и просчетам в определении параметров транспорта и будущих рубок. Однако архивные документы пролили свет на запредельный уровень бесхозяйственности на львиной доле УЖД. Фактически живя по законам дорог общего пользования, узкоколейки безуспешно пытались копировать опыт слаженной работы своих коллег по МПС. Кроме того, МПС в лице паровозоремонтного завода в Улан-Удэ, мастерских Зимы и Читы регулярно затягивало сроки заявок от ЛПХ или отказывалось сотрудничать с лесниками [10, л. 12].

Можно сказать, что дефицит всех известных наименований по номенклатуре «изделия верхнего строения пути» запутывал карты тем руководителям ЛПХ, которые верили в реализацию казавшихся незыблемыми преимуществ УЖД. Кустарное изготовление важнейших элементов пути и их эксплуатация за рамками сроков службы – рефрен повседневности в службах узкоколеек. Чуть лучше обстояло дело с подвижным составом, но только на уровне первоначальных поставок. Постпродажное обслужива-

ние техники натывалось на отсутствие запчастей к ней, поэтому и здесь самостоятельная обработка деталей и узлов приобрела массовый характер.

Примечательно, что даже централизация экономики не помогла избежать нерационального распределения ресурсов между узкоколейками. Вместо того чтобы с 1961 по 1965 г., в период перевода УЖД на тепловозы, завозить их последовательно на одну дорогу до полного комплектования, снабженцы распыляли локомотивы по разным УЖД Иркутской области, что затрудняло переход на новую тягу [6, л. 251].

Общей для всех УЖД была проблема совмещения грузового и пассажирского сообщения. Лесозаготовители постоянно опаздывали на работу, что срывало затем все дневные графики. Во многом ошибочным было строительство новых лесных поселений с социальной инфраструктурой, которые затем были заброшены (Пишет, Красный Бор на Юртинской УЖД). Однако эти «полувахтовые» места были вынужденными постройками, поскольку для крупных дорог увеличивалось расстояние вывозки, а состав двигался с низкой скоростью до 30 км/ч. Узкоколейки зависели от других цехов, выполнявших тракторную трелевку, погрузочно-разгрузочные операции, поэтому не всегда вина за неполную вывозку лежала на них.

Время старых УЖД неумолимо подходит к концу. Их возможности были переоценены советским руководством. Участь закрытия постигает не только узкоколейки, но и огромное количество малодетальных дорог. Однако новые предложения вполне могут быть уместны, поскольку любая дорога – это капиталоемкий проект, зависящий от множества факторов. Присутствие на рынке подвижного состава одного игрока (Камбарский машиностроительный завод) вполне достаточно для тех, кто пытается возобновить движение по УЖД [11]. С поправкой на современный уровень технологий в транспорте рассмотрение перспектив возрождения узкоколейной отрасли не лишено актуальности.

Список литературы

1. 82 года назад сдали в эксплуатацию первую магаданскую узкоколейную железную дорогу [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sME8RG1bNo4>.
2. *Ворожейкин В. Р. Высокими темпами / В. Р. Ворожейкин, Г. В. Истомин // Лес. пром-сть. – 1984. – № 7. – С. 15.*
3. ГАИО. Ф. Р-2775. Оп. 1. Д. 36.

4. ГАИО. Ф. Р-2775. Оп. 1. Д. 103.
5. ГАИО. Ф. Р-2775. Оп. 1. Д. 113а.
6. ГАИО. Ф. Р-2783. Оп. 1. Д. 4.
7. ГАИО. Ф. Р-2783. Оп. 1. Д. 79.
8. ГАНИИО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 15.
9. ГАНИИО. Ф. 1194. Оп. 1. Д. 7.
10. ГАНИИО. Ф. 2123. Оп. 1. Д. 31.
11. *Иванова Е.* Локомотивы в «Алабуге» [Электронный ресурс] / Е. Иванова. – URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2012/01/12/lokomotivy_v_alabuge.
12. *Кашин П. В.* От Ветлуги до Камы / П. В. Кашин, С. В. Костыгов. – М.: Железнодорож. дело, 2007. – 88 с.
13. *Лобовников Т. С.* Об эффективности использования узкоколейных железных дорог на лесозаготовках / Т. С. Лобовников, С. И. Колесников // Лес. журн. – 1984. – № 5. – С. 99–102.
14. Нас продали по закону... [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zKD0-if7F2o>.
15. *Немцов В. П.* Сухопутный лесотранспорт сегодня и завтра // Лес. пром-сть. – 1981. – № 8. – С. 5–6.
16. По узкой колее [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rzdtv.ru/2015/11/11/ro-uzkoj-kolee/>.
17. *Починков С. В.* Экономика транспортного освоения лесных территорий // Лес. хоз-во. – 2008. – № 3. – С. 10–12.
18. Узкоколейные железные дороги на вывозке древесины могут быть эффективнее автомобильного транспорта [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tsniime.ru/02.htm>.
19. *Чинченко Е. М.* Лесовозный транспорт: выбор оптимальных решений // Лес. пром-сть. – 1987. – № 4. – С. 23–24.
20. *Шевченко Ю. Л.* Обновляется узкоколейный железнодорожный транспорт // Лес. пром-сть. – 1984. – № 7. – С. 14.
21. *Шевченко Ю. Л.* Как снизить энергоёмкость узкоколейного транспорта / Ю. Л. Шевченко, В. Н. Балабин // Лес. пром-сть. – 1981. – № 8. – С. 20–21.
22. Эпизод из программы «Сегодня» (НТВ) «Конец пути» про Алапаевскую УЖД [Электронный ресурс]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=SI0MCd66_ww.

THE FORGOTTEN GAUGE TRACK: THE PROSPECTS FOR RESTORING NARROW-GAUGE TRANSPORT?

D. V. Skripuchy
Baikal State University, Irkutsk

Abstract. The article deals with the exploitation experience of the narrow-gauge railways in Irkutsk area and Buryatia. It concludes that almost all the roads were short-timed projects. Fast-built lines allowed reaching the gross economic indicators and guarantee the law execution of logging mechanization. A negative practice of the sporadic transport policy and the dominance of timber hauling instead of the woodworking are bright illustrations to the Soviet economic extensive model. The paper considers the way for the market to return to some focal narrow-gauge capillaries but a new construction cannot come to the soviet volume of production.

Keywords: narrow-gauge railroads, logging, auto transport, competition, Irkutsk area, Buryatia.

Скрипучий Дмитрий Владимирович – аспирант, кафедра истории и международных отношений, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, корп. 5, каб. 406, тел.: 8(3952)255550, e-mail: dmitri1703@mail.ru

Skripuchy Dmitry Vladimirovich – Postgraduate Student, Department of History and International Relations, Baikal State University, 11, k. 5-406, Lenin st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)255550, e-mail: dmitri1703@mail.ru

УДК 908:625:553.411(571.55)

ДОРОЖНЫЙ ВОПРОС В ИСТОРИИ ЗОЛОТОДОБЫЧИ ЗАБАЙКАЛЬЯ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ¹

В. А. МАРУЕВ

Забайкальский государственный университет, г. Чита

Аннотация. Статья посвящена исследованию инфраструктуры путей сообщения, обеспечивающих золотодобычу в Забайкалье. Последовательно анализируются документальные источники Государственного архива Забайкальского края. Делается вывод, что достаточно разветвленной и качественной дорожной инфраструктуры в Забайкалье не было, что крайне негативно сказывалось на развитии золотодобычи.

Ключевые слова: пути сообщения, золотодобыча, Забайкалье, прииски, ГАЗК, документальные материалы.

Золотопромышленность Забайкалья в *основном* сосредотачивалась в отдаленных и малонаселенных районах, где почти не наблюдалось других отраслей промышленности, торговли и сельскохозяйственного производства. Частных приисков было значительное количество, они были дробны и разобцены [3, л. 38–47]. Населенные пункты, как правило, располагались на значительном расстоянии от приисков. Между тем для существования золотодобывающей промышленности требовался приток на прииски рабочих рук, наличие техники, запасных частей механизмов, обеспеченность продуктами сельского хозяйства и других необходимых элементов. В таких условиях рентабельность золотопромышленности в значительной степени зависела от наличия и качества путей сообщения. По документальным свидетельствам рабочие сами приходили на прииск из соседних

* Исследование выполнено в рамках реализации научного гранта Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет» в 2016 г.

населенных пунктов и городов. В большинстве своем это были крестьяне, которые устраивались не на постоянную работу, а на временную [2, л. 79]. Продовольствие рабочие могли приносить из своих населенных пунктов либо же приобретать в приисковом амбаре в счет заработной платы по ценам, утвержденным окружным инженером [3, л. 3 об.-4]. Поскольку большая часть времени рабочих была посвящена сельскохозяйственным работам, то они редко нанимались более чем на 15 рабочих дней. Крайне редко кто работал более месяца. При такой мобильности местного населения существование прииска напрямую зависело от развития дорожной инфраструктуры.

По данным читинского купца и золотопромышленника А. М. Розенфарба, подвоз материалов и продуктов на прииски являлся затруднительным и дорогостоящим, в особенности летом. Эта проблема обострилась в 1917 г., «когда независимо от общей дороговизны припасов, а также и рабочих золотопромышленность перешла на работу площадей с значительно бедным содержанием золота. При этом бездорожье заставляет останавливаться идти на поиски золота в далекую тайгу» [6, с. 19–20]. Отмечает золотопромышленник и важность наличия колесных дорог для механизации отрасли, что способствовало бы удешевлению издержек производства, а также жизни на приисках, и позволило бы добывать золото из месторождений с более бедным содержанием драгоценного металла. Это, в свою очередь, стимулировало бы развитие мелкой и средней золотодобычи. Таким образом, несмотря на то что «золото представляло собой исключительно ценный и относительно легко транспортабельный продукт, чтобы окупать свою добычу в труднодоступных таежных районах» [2, с. 180], отсутствие развитой инфраструктуры путей сообщения в 1917 г. сдерживало развитие золотопромышленности Забайкалья. В соответствии с данными труда В. В. Сапелкина «Горное дело в России: европейской и азиатской России за 1901» [7, с. 148] путями сообщения в Забайкалье служили в абсолютном большинстве случаев проселочные.

Горный исправник Баргузинского горно-полицейского округа от 18 апреля 1912 г. в рапорте в Забайкальский областной статистический комитет предоставлял следующие данные: «Цены на товары и припасы, по отсутствию путей сообщения высокие» [4, л. 8 об., 13 об.]. Исходя из того что «проведение путей сообщения

удобных к золотопромышленным районам и заселение их сельскохозяйственным элементом имеет главное значение для развития ремесла» [Там же], автор доносил военному губернатору 27 сентября 1910 г. за № 1503 о необходимости проведения в Баргузинской тайге колесного пути, указывая на направление пути и «незначительность потребного капитала». Помимо этого, автор ссылается на свою записку по вопросу соединения города Бодайбо с Сибирской магистралью непрерывным рельсовым путем через город Баргузин: «...сообщение летом – верхом по таежным тропам, зимой – речками и по хребтам санями, если зима снежная, в противном случае также верхом. Неудобства серьезные» [2, л. 55–55 об.].

В рапорте заведующего частными золотыми приисками Чикойской системы Западно-Забайкальского горного округа от 13 апреля 1912 г. военному губернатору Забайкальской области по поводу путей сообщения приведены такие данные: «Прииски между собой и с населенными пунктами сообщаются зимой экипажным сообщением руслами рек – по льду, летом – вьючными тропами, в основном заросшими и старыми, местами – поправляемые золотопромышленниками» [4, л. 22 об.–23]. Припасы же приобретались в ближайших селах и городах Верхнеудинске, Троицкосавске и Иркутске, [Там же].

Не лучше ситуация представлена и в рапорте горного исправника Шилкинско-Аргунского горно-полицейского округа от 14 апреля 1911 г. на имя исправляющего должность губернатора Забайкальской области [4, л. 69]: «Золотые прииски Читинского, Акшинского, Нерчинского, Нерчинско-Заводского округов с населенными пунктами и между собой сообщаются экипажами по грунтовым дорогам, с незначительными перерывами в 20–30 верст, где проехать возможно только верхом. Район же Вершино-Олекминской системы в летнее время доступен только верховому вьючному сообщению».

В рапорте заведующего частными золотыми приисками Джидинской системы Троицкосавского уезда от 1 августа 1909 г. приведена информация о том, что зимой использовался санный путь, летом – вьючный [3, л. 77 об.].

Согласно документальным свидетельствам, дорожная инфраструктура золотодобывающих приисков Забайкалья, вследствие ограниченности распространения и низкого качества, про-

должала тормозить расширение географии приисков, приводила к высоким издержкам производства, делала нерентабельным развитие месторождений с малым и средним содержанием золота.

Помимо прочего, отдаленность приисков от местных культурно-экономических центров, ограниченность путей сообщения сужали культурно-бытовой минимум обихода рабочих. В результате более квалифицированные рабочие предпочитали приискам другие работы в районах железных дорог и торговых центров.

Золотопромышленник А. Розенфарб в труде «Золотопромышленность и ее нужды в Восточно-Забайкальском горном округе» приводит следующие данные: «Переселенческие дороги в местах соприкосновения с золотопромышленными районами сразу сокращали привозную плату с 1–1 р. 50 коп. до 20 коп. за пуд., для приисков, транспортные расходы которых всегда составляют весьма видную часть издержек производства, это является чрезвычайно существенным сбережением и одной из самых побудительных причин расширения развития приисковых работ. Вместе с тем соединение поисковых районов путями сообщения с местными центрами привлекло бы сюда так необходимый золотопромышленности более приспособленный и более необходимый труд... Производительность труда возросла бы во много раз». Кроме этого он предлагает следующую программу преобразования дорожной инфраструктуры: «Мы полагаем, что не найдет ли Правительство возможным построить колесную дорогу, а именно: проложить колесную дорогу от ст. Урульга Забайкальской ж. дор. на Витим (где есть данные для дражных работ), с Веткой на Нерчу, и Нерчуган (где там же есть прииск, неработающие из-за бездорожья), в вершину Олекмы, на соединение с дорогой со ст. Могоча (Амурск. ж. д.) на Тунгирь (приток Олекмы). Эти дороги Забайкальским Переселенческим Управлением поставлены по плану из работ в 3-ю очередь, но в действительности они нужны для развития золотопромышленности сейчас... Исправление того же почтового тракта, как нужных для провоза крупных машин, а также для правильного функционирования во всякое время года. Проведение железной дороги со ст. Сретенск Забайк. ж. дор. до Нерчинского Завода, где богатый хлебный район» [6, с. 28–29].

Представляется важным привести и положительный отзыв о дорожных системах горных округов Забайкалья. Как следует из донесения от 2 апреля 1875 г. генерал-майора Бедиллина, прово-

дившего ревизию Нерчинских горных заводов [5, л. 5], «содержащиеся за счет горного ведомства дороги и мосты в тех местах, где мне случалось проезжать, находятся в удовлетворительном состоянии». На данный момент этот отзыв является единственным положительно характеризующим дорожную инфраструктуру приисков Забайкалья.

Подводя итог, нужно отметить, что в начале XX столетия, несмотря на понимание частью местной администрации глубины проблемы, дорожная инфраструктура Забайкалья оставалась низкого качества и была недостаточно протяженной. Это крайне негативно отражалось на тенденциях развития местной золотодобычи. Многие месторождения не могли быть успешно разработаны в условиях высоких транспортных издержек. Сокращались возможности для механизации приисков, которые предоставляло строительство Забайкальской железной дороги. Само функционирование приисков находилось в прямой зависимости от погодных условий. Транспортная проблема ограничивала приток рабочей силы на прииски, особенно квалифицированных рабочих.

Список литературы

1. *Винокуров М. А.* Экономика Сибири: 1900–1928 / М. А. Винокуров, А. П. Суходолов. – Новосибирск : Наука, 1996 – 320 с.
2. ГАЗК. Ф. 19 (Забайкальский областной статистический комитет). Оп. 1. Д. 137. 88 л.
3. ГАЗК. Ф. 19 (Забайкальский областной статистический комитет). Оп. 1. Д. 154. 83 л.
4. ГАЗК. Ф. 19 (Забайкальский областной статистический комитет). Оп. 1. Д. 368. 484 л.
5. ГАЗК. Ф. 93 (Горный отдел при Иркутском генерал-губернаторе, г. Иркутск (1823–1888)). Оп. 1. Д. 28. 83 л.
6. *Розенфарб А.* Золотопромышленность и ее нужды в Восточно-Забайкальском Горном Округе. – Чита : Тип. Забайк. обл. правления, 1917. – 30 с.
7. *Сапелкин В. В.* Горное дело: европейской и азиатской России за 1901 г. – перечень и справочная адресная книга горнопромышленных предприятий / В. В. Сапелкин. – СПб. : Тип. Исидора Гольдберга, 1903. – 1135 с.

THE ROAD ISSUE IN THE HISTORY OF GOLD MINING ZABAİKALYE THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

V. A. Maruev
Zabaikalsky State University, Chita

Abstract. The article is devoted to the research infrastructure of Railways, providing gold mining in Transbaikalia. Consistently analyzed documentary sources of the State archive of the Transbaikal territory. It is concluded that sufficiently extensive and high quality road infrastructure in the TRANS was not that negatively affected the development of gold mining.

Keywords: Railways, gold mining, Zabaikalia, mines, GASK documentaries.

Маруев Владимир Александрович – аспирант, кафедра истории, исторический факультет, Забайкальский государственный университет, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, д. 30, e-mail: vamaruev@mail.ru

Maruev Vladimir Aleksandrovich – Postgraduate Student, Department History, Faculty of History Zabaikalsky State University, 30, Alexandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, e-mail: vamaruev@mail.ru

УДК 528.9(571.5)(091)

БАРГУЗИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ Г. Г. ДОПДЕЛЬМАИРА 1914–1915 ГГ.: КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Н. М. ЛУЖКОВА

ФГБУ «Заповедное Подлесье», п. Усть-Баргузин

С. А. СЕДЫХ

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. В статье освещаются методы работы экспедиции Департамента земледелия в Баргузинском уезде. Приводятся результаты анализа материалов пионерного картографирования природных комплексов этого района северо-востока Байкала.

Ключевые слова: озеро Байкал, Баргузинский заповедник, Г. Г. Доппельмаир, картографирование, ландшафты.

Баргузинский заповедник – территория, подведомственная ФГБУ «Заповедное Подлесье», обладает богатой столетней, практически непрерывной историей научных исследований. В современных условиях накопленные знания требуют нового осмысления для изучения динамики природных и природно-социальных геосистем эталонной территории. Основная цель нашего исследования – изучение и анализ опыта Баргузинской экспедиции и ее результатов для использования в современных исследованиях динамики ландшафтов и окружающей среды. Данные о работах экспедиции получены как из опубликованных источников (отчета, изданного в 1926 г. [6], статей и заметок участников, более поздних работ), так и на основе анализа и обработки оригинала рабочей карты, законченной в 1916 г. (скан сохранившегося оригинала представлен в электронной библиотеке ФГБУ «Заповедное Подлесье»).

В начале XX в. становится весьма актуальным вопрос о байкальском хозяйстве в виде пушной, рыбной и лесной отраслей и, в первую очередь, о сохранении популяции баргузинского собо-

ля. Эта проблема находилась в ведении Департамента земледелия Министерства земледелия и государственных имуществ Российской империи. В Департамент поступали данные о состоянии лесов и популяций охотничье-промысловых животных Прибайкалья, научные и общественные предложения. В обновленном в 1894 г. Министерстве земледелия и государственных имуществ была усилена научная составляющая [3]. Первым министром был назначен А. С. Ермолов – ученый, кандидат сельского хозяйства. Первым директором Департамента земледелия стал тоже ученый, один из основателей современного почвоведения – П. А. Костычев. Для обсуждения научных и технических вопросов при Министерстве был создан Ученый комитет, объединяющий специалистов естественно-научного и аграрного профилей [4]. В разное время в нем трудились такие выдающиеся ученые, как В. И. Вернадский, В. Н. Сукачев, И. П. Бородин и др. Г. Г. Doppельмаир работал специалистом Департамента земледелия по прикладной зоологии и охоте с 1912 по 1917 г.

В 1913 г. Департамент земледелия учредил три крупные экспедиции для организации специальных соболиных заповедников – Баргузинскую, Саянскую и Камчатскую. Баргузинская экспедиция имела особое значение для северо-востока Байкала, который местные жители издавна называли Подлеморьем. Научно-исследовательские экспедиции XVIII – начала XX в. (географические, геологические, гидрографические) носили региональный характер и в основном охватывали побережье Байкала, т. е. для района северо-востока Байкала были обзорно-рекогносцировочными. Незадолго до Баргузинской в этом районе интенсивно работала экспедиция геолога В. К. Котульского в 1909–1913 гг. Экспедиция под руководством Г. Г. Doppельмаира была нацелена на комплексное исследование природно-социальных систем этого района Байкала: как почти безлюдных равнин вблизи Баргузинского хребта, так и поселений Баргузинской долины, с конкретной целью сохранения популяции соболя путем создания первого в России заповедника.

Подготовка экспедиции началась осенью 1913 г. по руководством Н. А. Смирнова. В состав были взяты З. Ф. Сватош и К. А. Забелин, которые приступили к работам по подготовке и снаряжению планируемой экспедиции. Делопроизводство в регионе проходило через Иркутское управление земледелия.

Начало экспедиции было перенесено с мая 1914 г. на июнь по причине болезни Н. А. Смирнова, которого заменил в должности руководителя Г. Г. Доппельмайр. 1 июля по старому стилю иркутский пароход «Св. Феодосий» с буксируемой баржей доставил экспедицию с имуществом и лошадьми в бухту п. Сосновка.

До 15 октября 1916 г. Иркутским управлением земледелия был наложен запрет на добычу соболя на территории исследования экспедиции. Дабы успеть осуществить все планы на первый полевой сезон, участники экспедиции развернули бурную деятельность. В Сосновке у родового управления тунгусов были арендованы избы с обустройством лабораторной комнаты. После предварительной подготовки и рекогносцировки в бассейнах рек Большая, Черемшан, Сосновка, Таркулик был оценен объем исследований и принято решение разделить участников на отряды под руководством К. А. Забелина (центр территории), А. Д. Батурина (северный участок), З. Ф. Сватоша (южный участок и Ушка-ньи острова) [6]. На зимний-весенний период запланировали охото-промысловые работы. На два летних периода – топографические и естественно-исторические. В итоге провели работы по всем основным речным системам.

Перед отрядами стояла задача определить наилучшие границы будущего заповедника по ареалам распространения соболя, выверенным к 1916 г. на карте: четким водоразделам по правому берегу Б. Чивыркуя на юге (вынесенная с запасом граница до реки), хребту правой стороны долины р. Таркулик на севере и верхней части ступенчатых водоразделов основного Баргузинского хребта на востоке (рис.).

В летний период прокладывали новые маршруты, так как протяженность охотничьих и старинных тунгусских троп была незначительна и не охватывала нужной территории. Это была весьма тяжелая работа как в поясе густой низкогорной тайги, так и в условиях подгольцового и гольцового поясов.

Типовой многодневный маршрут проводился от устья реки до возможного выхода к ее истокам на господствующем водоразделе и в поиске перевалов через гребень Баргузинского хребта. По возможности двигались на конях, но обычно в верховьях рек приходилось идти пешком. В маршруте детально описывались растительность и рельеф основных ландшафтов с полевым картографированием.

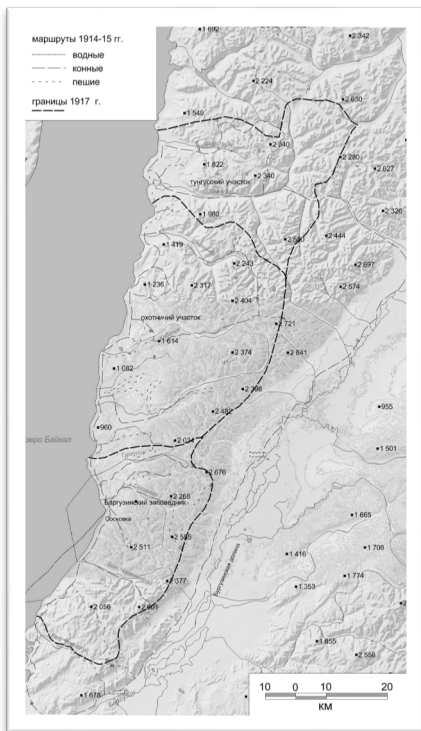

Рис. Маршруты Баргузинской экспедиции и определенные к 1917 г. границы

В целом были проведены исследования по 30 конным и пешим маршрутам, равномерно охватившим основной Баргузинский хребет и бассейны рек. Ряд маршрутов был пройден по два и более раз.

Картографический подход, используемый экспедицией, был основан на методике и технологиях Корпуса военных топографов. В 1866 г. для азиатских окраин Российской империи были разработаны инструкции особого совещания Корпуса под председательством генерал-адъютанта Карцева. Они упорядочивали систему съемки для удовлетворения топографических и хозяйственных потребностей на местах [1]. В инструкциях было постановлено:

1) основывать съемки на тригонометрических пунктах, определяемых так, чтобы на каждом планшете их было не менее трех;

2) принять нормальный масштаб съемки 200 саженей в дюйме, за исключением нагорных, незаселенных и лесных местностей, а для съемки труднодоступных горных пространств – масштаб 2 версты в дюйме, 3) независимо от тригонометрических высот определять высоты, ситуацию на местности выразить равноотстоящими горизонталями. Инструкции изменялись и дополнялись в технико-инструментальной части по мере появления новых приборов съемки.

Экспедицией проводилось полевое картографирование на планшетах с маршрутной инструментально-глазомерной съемкой с помощью буссоли Шмалькайдера. Anerоидом измерялись высоты уреза воды, прибрежных низменностей, перевалов и вершин хребта. К 1916 г. полученные планшеты объединены в 302

картографическое изображение масштаба 2 версты в дюйме в формате двух листов А0, выполненных на тканевой основе.

При топографической съемке того времени зачастую ограничивались делением растительности на лесную и нелесную. Перед участниками экспедиции стояла более сложная задача – площадное геоботаническое картирование выделов таежной растительности с породами и типом леса, с привязкой к формам рельефа. По речным долинам и части водоразделов удалось нанести выделы лесов с указанием хвойных доминирующих пород (сосна сибирская, сосна, лиственница, ель, пихта), мелколиственных серий (береза, осина, осокорь, ива). Были определены выделы горной кедрово-пихтовой тайги и подгольцовой зоны с кедровым стлаником, ягодами и грызунами, т. е. служащими кормовыми и селитебными фациями для соболя [2]. Местами такие ландшафты спускаются к крупным рекам по падям в верховья рек. Также картировались восстановительные мелколиственные серии на месте гарей и свежие гари, болота трех типов (чистые соровые, травяные и моховые) и луга (в речных долинах и горные сухие склоновые – «елани» и «елаканы» на языке сибирских старожилов, а также субальпийские луга). Линейными картзнаками показаны границы гребня хребта, границы казенного участка, горизонтали, маршруты и перевалы. Объекты селитебные и промысловые показаны точечными графознаками – это юрты, зимовья, балаганы, лежбища тюленей, солонцы.

Созданная в 1916 г. в нескольких экземплярах карта экспедиции была использована для определения оптимальных границ заповедника и двух участков. Карту отличают: полные и разнообразные данные и качественная для того времени топографическая съемка местности Баргузинского хребта с гидросетью в крупном масштабе 2 версты в дюйме (1:84 000), четкая кисть картографа и каллиграфические подписи. Пионерные работы позволили проложить границы по максимальным превышениям водоразделов хребта с гольцовыми и альпийскими вершинами от 2000 до 2670 м.

Необходимо отметить, что наше исследование не охватило другие важные направления работы экспедиции по Баргузинскому уезду: зоологические и промысловые, историко-правовые и социально-экономические, которые также интересны в сопоставлении с современной ситуацией.

К концу летнего периода 1915 г. работы экспедиции были закончены и начался законотворческий процесс. Было рекомендовано изъять из пользования тунгусов часть земель под заповедник

и казенный охотничий участок. Площадь заповедника составила 1906 кв. верст, и п. Сосновка был выбран как наиболее удобный административный центр, близкий к площадкам охраны и научных изысканий в бассейнах ближайших рек.

В итоге Российским государством, в лице Правительствующего сената, было подписано постановление об организации Баргузинского охотничьего заповедника [7]. Заслуги Г. Г. Доппельмайра были высоко оценены научным сообществом, и в Петрограде ему вручили малую серебряную медаль РГО [4].

Список литературы

1. *де-Ливрон В. Ф.* Исторический очерк деятельности корпуса военных топографовъ въ первое двадцатипятилетие благополучнаго царствования Государя Императора Александра Николаевича 1855–1880 гг. – СПб. : Воен. тип., 1880. – 130 с.
2. *Доппельмайр Г. Г.* Географическое расположение соболя и районы соболиного промысла // Урал. охотник. – 1926 – № 4. – С. 22–26.
3. *Книга М. Д.* Первые шаги министерства земледелия и государственных имуществе в сфере сельскохозяйственного просвещения в Российской империи в 90-х гг. XIX в. // Вестн. Воронеж. гос. аграр. ун-та. – 2015. – № 4(47). – С. 308–313.
4. *Новиков Г. А. Г. Г.* Доппельмайр – основатель ленинградской школы охотоведения и промысловой экологии // Наша охота. – 1975. – № 5. – С. 233–237.
5. Сельскохозяйственный ученый комитет: краткий очерк деятельности и задач. – М.; Пг.; Киев : Изд. отдел НКЗ, 1919. – 63 с.
6. Соболиный промысел на северо-восточном побережье Байкала : материалы Баргузин. экспедиции Г. Г. Доппельмайра. – Вернеудинск ; Л. : Изд. Госплана БМАССР, 1926 – 270 с.
7. Собрание узаконений и распоряжений Правительства от 20 янв. 1917 г. № 18. С. 107.

THE BARGUZIN EXPEDITION OF G. G. DOPPELMAIR 1914–1915 YEARS: CARTOGRAPHIC RESEARCH METHODS AND RESULTS

N. M. Luzhkov

FGBI “Zapovednoe Podlemorye”, Ust-Barguzin

S. A. Sergey

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. The article highlights methods of work of the expedition of the Department of agriculture in the Barguzin district. The results of the analysis of materials of pioneer mapping of natural complexes in the area North-East of lake Baikal.

Keywords: lake Baikal, Barguzinsky reserve, G. G. Doppelmaier, mapping, landscape.

Лужкова Наталья Михайловна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник, «Заповедное Подлеморье», 671623, Республика Бурятия, п. Усть-Баргузин, ул. Ленина, д. 71, тел.: 8 (30131) 91-5-78, e-mail: gbt.international@gmail.com

Luzhkova Natalya Mikhailovna – Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, FGBI “Zapovednoe Podlemorye”, 71, Lenin st., Ust-Barguzin, Republic of Buryatia, 671623, tel.: 8(30131)91-5-78, e-mail: gbt.international@gmail.com

Седых Сергей Анатольевич – кандидат географических наук, научный сотрудник, лаборатория картографии, геоинформатики и дистанционных методов,

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: sedykh@li.ru

Sedykh Sergey Anatolievich – Candidate of Geographical Sciences, Senior Researcher, Laboratory of Cartography, Geoinformatics and Remote Sensing Methods, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: sedykh@li.ru

УДК 614.2(47)(091)

САНПРОСВЕТ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В 1920–1930-е ГГ.

В. А. ШАЛАМОВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье описывается санитарно-просветительная работа в Республике Бурятия в 1920–1930-е гг. Автор последовательно рассматривает многообразие форм ознакомления населения с основными правилами санитарии и гигиены.

Ключевые слова: санпросвет, дом санитарного просвещения, санитария и гигиена, красная юрта, Бурятия, 1920–1930-е гг.

В дореволюционной Сибири «предупредительной» медицины не существовало. Изданием листовок и небольших статей просветительного характера занимались такие врачи, как Н. В. Кирилов, А. П. Лепин, Г. М. Криворучко и др. Тем не менее систематической работы не наблюдалось. Годы Гражданской войны показали действенность метода пропаганды во многих отраслях деятельности российского общества. Учитывая неграмотность и малограмотность основной массы населения, можно полагать, что массовые эпидемии есть следствие «темноты» населения, поэтому пропаганда способна вывести страну из потока инфекционных заболеваний. Не зря первый нарком здравоохранения БМАССР А. Т. Трубочев в одном из выступлений сказал: «Если мы каждому гражданину сумеем втолковать и дадим осознать все необходимое для сохранения его здоровья, то мы можем с уверенностью сказать, что в деле оздоровления населения мы сделали больше, чем постройка целой сети лечебных учреждений» [2, с. 330].

Впервые на политическом уровне о необходимости создания органов санпросвета заговорили в 1920 г., когда образовалась Дальневосточная республика. Однако всерьез за санпросвет взялись только после появления в 1923 г. Бурят-Монгольской рес-

публики. 15 сентября был образован в структуре Наркомздрава БМАССР санитарно-эпидемиологический отдел, а при нем – секция санитарно-просветительного дела. В ее задачи входило: 1) разработка точных санитарных инструкций для организаций и отдельных сооружений; 2) издание обязательных постановлений, основанных на государственном санитарном законодательстве; 3) разработка и установление санитарного контроля на всех вновь открываемых предприятиях и сооружениях; 4) побуждение местных органов управления к принятию мер по улучшению санитарного благоустройства городов и сельских местностей; 5) изучение профессиональных вредностей и разработка в связи с этим мер защиты здоровья трудящихся [7, с. 15].

В действительности к функционированию секция приступила только в ноябре 1923 г., но работа была поставлена довольно слабо, следствием чего стало преобразование секции в самостоятельный отдел в феврале 1924 г. во главе с Ф. С. Гальперовой. Сразу же наметились положительные сдвиги, хотя активная деятельность отдела в основном концентрировалась в г. Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ). 18 июля 1924 г. доктор Л. С. Резницкий, выступая с докладом на 3-й секции БурЦИКа, отметил, что удалось выписать из Москвы и распространить по аймакам санитарную литературу, а в Верхнеудинске организовать ряд лекций и выставок по социальным болезням, чтобы ознакомить население с профилактическими мерами. Шла заготовка литературы на бурятском языке. В том числе было выпущено листовок о сифилисе 5 тыс. экз., о триппере – 3 тыс. и столько же о сыпном тифе. В Аларский аймак выслан «волшебный фонарь» с набором цветных диапозитивов по социальным болезням. Летом провели «трехдневник» по борьбе с туберкулезом [7, с. 19].

Чрезмерная активность санпросвета в Верхнеудинске вскоре привела к необходимости открытия самостоятельного учреждения. В седьмую годовщину Октябрьской революции был открыт Дом санитарного просвещения (ДСП), где совмещалась работа врачей и учителей. Дому передали книги из библиотек Бурятского наркомздрава, Всемедикосантруда и областной больницы. Благодаря этому удалось организовать библиотеку-читальню, которая, претерпев многочисленные переименования, существует и по сегодняшний день [4, с. 3]. Многие годы это учреждение возглавлял фельдшер И. Д. Подгорный. Чуть позже был открыт

сначала пункт санпросвета, а с 1940 г. – Дом санитарного просвещения в Кяхте [6, л. 40]. Постепенно ДСП превращается в методический центр, где медперсонал с мест получает квалифицированную помощь для налаживания собственной санитарно-профилактической работы. Для медицинских учреждений подготавливаются плакаты, листовки, лозунги, заказываются в местных типографиях брошюры, выписываются различные научно-просветительские издания из центра страны. Уже в 1929 г. И. Д. Подгорный пишет: «В настоящее время ДСП располагает достаточно большим музейно-выставочным фондом, состоящим более чем из 500 плакатов, 35 серий диапозитивов, в которые входит более 1000 картин» [8, с. 3]. Если в 1928 г. число проведенных лекций и бесед было 842 при 23,8 тыс. слушателях, то в 1931 г. показатели достигли 1769 и 89 тыс. соответственно. Данные материалы говорят не только о росте числа мероприятий, но и об их активной посещаемости. Четырехкратный рост во многом был обусловлен тем, что в Бурят-Монгольской республике появилось в связи с индустриализацией и коллективизацией большое количество организованных групп населения (заводы, фабрики, совхозы, колхозы), которые охватывались работниками санпросвета.

По архивным данным, в 1932 г. ДСП в Улан-Удэ и пункт санитарного просвещения в Кяхте провели впечатляющую по объему работу. В каждом из упомянутых учреждений действовала постоянная выставка, на которую не только приглашались все желающие, но и привозились крестьяне из глухих уголков Бурятии, в том числе и старообрядцы. По республике функционировало 18 передвижных выставок. Из них 16 действовали в сельской местности. Имелось 17 специальных передвижных библиотек, 16 из которых обслуживали сельскую местность. В трех городских клубах и десяти сельских избах-читальнях велась работа по санпросвету. За год посредством медицинской сети и органов санпросвета было роздано селянам 72 537 экз. соответствующей литературы. Кроме того, по радио транслировалось 19 лекций, посвященных злободневным темам (летом и осенью – дизентерии, зимой – простудным заболеваниям и т. д.) [5, л. 10]. В последующие годы объем работы наращивался.

Большим минусом в работе санпросвета в Бурятии было отсутствие густой сети специализированных учреждений, что было связано с недостатком кадров, большими расстояниями и слабой

заселенностью территории. Особенно тяжело обстояло дело у коренного населения – бурят и эвенков. Дом санитарного просвещения практически не имел возможности посещать отдаленные улусы, а заболеваемость инфекционными болезнями была здесь чрезвычайно высока. Требовалось принятие действенных мер. Выход из сложного положения оказался весьма оригинальным. В отдельные кочевья в летний период стали направлять так называемые красные юрты. Решение об их организации было принято в ноябре 1925 г. на I Республиканском женском съезде Бурятии. Первая красная юрта была развернута в 1926 г. в Хоринском районе. К 1932 г. красные юрты функционировали во всех аймаках республики. Обычно в штате было три человека: заведующий, учитель и акушерка. Юрта кочевала по отведенному для нее району с разбросанным населением. Сохранились воспоминания будущего министра здравоохранения Республики Бурятия В. Р. Бояновой, которая в 1933 г. была направлена на работу в красной юрте в Северо-Байкальский район на четыре месяца в качестве акушерки. Эти воспоминания проливают свет на сущность данного учреждения. «Мы проводили огромную работу по борьбе с предрассудками и невежеством, разъясняли политику партии и правительства, законы по охране матери и ребенка», – писала она. «Наша юрта была и больницей, и школой, и магазином. Сначала построили баню, а потом учили, как мыться в ней. Показывали, как стряпать хлеб, приемы стирки одежды, убеждали мыть полы в своих домах, учили кроить и шить одежду» [1, с. 14]. Благодаря деятельности красных юрт медицинская помощь коренному населению оказалась более доступной. Постепенно женщины из бурятских и эвенкийских родов стали использовать в своих семьях навыки, полученные посредством пропаганды, что способствовало оздоровлению их быта.

Сходные функции часто выполняли экспедиции, направленные в Бурятию различными медицинскими организациями. Например, с 1925 по 1927 г. по инициативе Бурятского комитета Севера в северных районах работали четыре специальные комплексные экспедиции по изучению санитарно-гигиенических условий быта населения. То же самое делал передвижной врачебно-обследовательский отряд Российского общества Красного Креста (РОКК) и Наркомздрава РСФСР. С 15 июня 1925 г. по 15 января 1926 г. они провели 120 выездов на стойбища эвенков в

Баунтовской тайге. При этом врачи, кроме лечения больных, проводили большую разъяснительную и профилактическую работу среди населения по вопросам санитарии и гигиены. Отряды приходилось сталкиваться с враждебной деятельностью шаманов, побуждавших эвенков отказываться от услуг врачей [3, с. 29]. К сожалению, деятельность экспедиций была кратковременной и не могла кардинально, всерьез и надолго изменить жизненный уклад жителей посещаемых регионов.

Немаловажную роль в пропаганде здорового образа жизни сыграли массовые организации. Так, с конца 1920-х гг. начали функционировать санитарные кружки, где ведущее положение занимала молодежь. В 1928 г. в Бурятии было организовано 24 таких кружка, а в 1931 г. – уже 111. Еще более масштабный рост наблюдается в ячейках РОККа, которые также вели санитарно-просветительную работу. С 1928 по 1931 г. они увеличили свою численность с 5 до 132 ячеек [7, с. 22].

На местах, как и до революции, санитарно-просветительскую работу, часто бесплатно, вели различного рода медработники. Такого рода энтузиастов было довольно много. В частности, доктор Ф. А. Штессель в с. Уро Баргузинского уезда с 1921 г. преподавал гигиену в местной гимназии, а с 1923 г. – в Курумканской школе. Кроме того, он раз в неделю читал лекции медико-просветительного характера в избе-читальне и иногда на общественных собраниях. Сам Штессель об этом писал так: «Два раза в неделю читались лекции в школе первой ступени. Темы лекций: общая гигиена одежды, кожи, помещения; школьная гигиена; анатомия и физиология человека. Экспонатами служили сами ученики. К слушанию ученики относились внимательно» [8, с. 3–4]. За хорошие показатели санпросветработы (55 лекций) в 1940 г. заведующей Телятниковской амбулаторией доктору У. С. Вербенко была объявлена благодарность в приказе Бурнаркомздрави [6, л. 6]. Конечно, это лишь единичные факты, но именно такие подвижники здравоохранения своим личным неравнодушным отношением привлекали окружающих людей к проблемам санитарии и гигиены, что способствовало предупреждению заболеваний.

За 1920–1930-е гг. была проведена грандиозная работа по ликвидации неграмотности населения. Частью этой работы был санпросвет. Благодаря его существованию население знакомилось с принципами «предупредительной» медицины, а значит,

меньше болело, что подтверждается статистически. Однако стоит помнить, что это заслуга не только санпросвета, но и всей медицинской организации в целом. К концу 1930-х гг. наблюдается тенденция к затормаживанию роста организаций, ведущих санпросветработу, так как существующие центры в основном охватывали все слои населения. С этого времени акценты переносят на подрастающее поколение.

Список литературы

1. Батоев Д. Б. Люди в белых халатах / Д. Б. Батоев. – Улан-Удэ: Буряад унэн, 2000.
2. Батоев Д. Б. Первый нарком Андрей Тимофеевич Трубачев в истории здравоохранения Бурятии / Д. Б. Батоев, Н. П. Демкова, С. Д. Батоев. – Улан-Удэ: Изд-во РЦМП, 2009.
3. Боянова В. Р. Краткий очерк развития здравоохранения Бурятии / В. Р. Боянова. – Улан-Удэ: Приб. тип. М-ва печати Респ. Бурятия, 1993.
4. Бурят-Монгол. правда. – 1924. – 7 нояб.
5. ГАРБ. Ф. р-655. Оп. 1. Д. 518.
6. ГАРБ. Ф. р-655. Оп. 1. Д. 539.
7. 90 лет на страже здоровья (Юбилею госсанэпидслужбы Российской Федерации посвящается) / Б. Д. Батоев [и др.]. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2012.
8. Пилполя: специализир. журн. – 2014. – № 19–20.

HEALTH EDUCATION IN THE BURYAT-MONGOL REPUBLIC IN THE 1920–1930s.

V. A. Shalamov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article discusses the emergence and development of sanitary-educational work in the Republic of Buryatia in the 1920–1930s, the Author consistently considers a variety of forms familiarization of the population with the basic rules of sanitation and hygiene.

Keywords: health education, home health education, sanitation and hygiene, the red yurt, Buryatia from 1920–1930s.

Шаламов Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории России, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)243875, e-mail: wladimir13x@yandex.ru

Shalamov Vladimir Aleksandrovich – Candidate of History Sciences, Senior Lecturer, Department of History of Russia, Faculty of History, Irkutsk State University, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: wladimir13x@yandex.ru

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУКОВОДСТВА ИРКУТСКИХ ВУЗОВ
ПО ИХ ОРГАНИЗАЦИОННО-СТРУКТУРНОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ И ПОВЫШЕНИЮ НАУЧНОГО УРОВНЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ В ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД
(1946–1950-е ГГ.)**

Р. Ю. ШПИКЕЛЬМАН

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрены события исторически непродолжительного, но весьма значимого в истории России и Иркутской области периода – времени восстановления после Второй мировой войны. Вопросы роли, значения и смысла научно-исследовательской деятельности были поставлены на повестку дня иркутской региональной власти, администрации вузов и их общественных организаций. Все это заставляло преподавателей переосмысливать свою профессиональную деятельность и воспринимать научно-исследовательскую работу как ее неотъемлемую часть. Особое внимание уделено анализу работы по подготовке и защите диссертаций, апробации и публикации результатов исследований соискателей.

Ключевые слова: вузовское строительство, вузовская наука, иркутские вузы в восстановительный период, диссертации, издательская деятельность, научные конференции.

В годы войны задача подготовки специалистов взамен уходящим на фронт и гибнущим в тылу являлась первостепенной и для большинства вузов единственной. В восстановительный период 1946–1950-е гг. руководство страны и региона актуализировало исследовательскую деятельность вузовских преподавателей. Для ускоренного восстановления экономики и мирной жизни требовалось сделать стремительный рывок, возможный только на основе новых научных разработок и технических новшеств. Руководство высшей школы понимало, что научить студента заниматься исследовательской деятельностью может только тот преподаватель, который сам увлечен научными исследованиями и знает, как это делается.

В данной статье рассмотрен исторически непродолжительный, но весьма значимый в истории России период – время восстановления и осмысления после самой страшной и кровопролитной войны. Вопросы роли, значения и смысла научно-исследовательской деятельности были поставлены на повестку дня иркутской региональной власти, администрации вузов и их общественных организаций. Все это заставляло преподавателей пе-

реосмысливать свою профессиональную деятельность и воспринимать научно-исследовательскую работу как ее неотъемлемую часть.

В послевоенный период в Иркутске продолжали работать все имевшиеся вузы, к которым прибавился и один новый – педагогический институт иностранных языков. Основанный в 1948 г. на базе факультета иностранных языков ИГПИ, он стал единственным от г. Горького до Камчатки высшим учебным заведением такого профиля.

Ситуация в вузах складывалась по-разному, и успех вуза прежде всего определялся умелой работой его руководителя. В силу проводимой Центром политики в большинстве вузов в этот период сменилось руководство, что усугубило и без того серьезные проблемы.

Ведущим вузом региона в данный период являлся Иркутский государственный университет (ИГУ). Его возглавлял доцент, канд. геол.-минерал. наук Тарас Тимофеевич Деуля (1945–1956). В 1926 г. он окончил ИГУ с дипломом педагога по естествознанию и химии, до 1930 г. работал преподавателем в школе. Затем поступил в аспирантуру Института кристаллографии, минералогии и геохимии АН СССР (Ленинград). Его учителями были известные ученые – академики А. Е. Ферсман и В. И. Вернадский. В 1933 г. Деуля возвратился в ИГУ, заведовал кафедрой минералогии и петрографии, затем геологическим отделением, в 1934 г. был утвержден в звании доцента, в 1936 г. стал проректором по научной и учебной работе. В мае 1945 г. он стал первым ректором, окончившим Иркутский государственный университет [13].

В ИГУ в целях развития научных исследований и повышения их эффективности с 1 мая 1947 г. была восстановлена должность проректора по научной работе. Ее занял Б. В. Зонов [10, л. 71]. Он в 1919 г. окончил металлургический факультет Петроградского политехнического института. Вернулся в Иркутск, с 1936 г. – научный сотрудник Биолого-географического научно-исследовательского института при ИГУ. В 1938 г. перешел на преподавательскую работу, в 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию. Под его руководством в университете была создана школа географов-гидрологов. Затем эта должность появилась и в других вузах Иркутска.

Главной «кузницей кадров» для промышленности региона являлся Иркутский горно-металлургический институт (ИГМИ). С 1 мая 1945 г. его директором назначен доцент, канд. геол.-

минерал. наук Даниил Лукич Поскотин – выпускник Свердловского горного института (1937), проработавший в этой должности до января 1952 г. [57, л. 18]. Его заместителем по науке был А. А. Игошин [23, л. 70], впоследствии возглавивший институт.

Директором медицинского института был доцент, кандидат мед. наук Дмитрий Владимирович Мыш (1946–1951). Мыш окончил в 1925 г. медицинский факультет Томского университета, работал в Томске и Новосибирске. В годы ВОВ – хирург госпиталей Волховского, Ленинградского и Белорусского фронтов, военврач 2-го ранга. С 1951 г. – преподаватель Новосибирского мединститута [30, с. 432; 51, л. 7;]. Его заместителем по учебной и научной работе был профессор, доктор медицинских наук И. М. Круковер.

Директорами Иркутского сельскохозяйственного института были: в 1945–1949 гг. – Василий Семенович Дьяков, в 1949–1951 гг. – доцент Петр Васильевич Ревякин [33]. Иркутским финансово-экономическим институтом (ИФЭИ) в 1944–1954 гг. руководил доцент, канд. экон. наук Владимир Яковлевич Поляченко. Он с 1940 г. работал на кафедре «Финансы и кредит в СССР».

Первым директором Иркутского педагогического института иностранных языков (ИИИЯ) стал Валентин Иванович Демидов (1948–1953) [47, л. 79]. В 1935–1938 гг. он – студент исторического факультета Иркутского государственного педагогического института. В годы войны ушел на фронт, после демобилизации вновь возвратился в педагогический институт. Работал деканом факультета иностранных языков этого вуза.

Рассматриваемый период стал временем восстановления, преобразований и внутренних трансформаций вузов и их коллективов. За годы войны коллектив Иркутского университета доказал свое право на существование. В связи с этим 4 июля 1946 г. в Иркутске на основании Указа Президиума ВС СССР от 10 апреля 1946 г. и приказов Минвуза СССР и Минпроса РСФСР от 7 мая 1946 г. был подписан акт о передаче ИГУ и находящихся при нем учреждений в ведение Минвуза СССР [7, л. 102; 9, л. 1].

По истечении двух с лишним лет коллегия Министерства высшего образования (МВО) СССР рассмотрела работу ИГУ. В принятом решении были отмечены значительные успехи университета в учебной и научно-исследовательской деятельности. Исходя из достигнутых успехов, коллегия МВО СССР расширила подготовку специалистов в области биологии, почвоведения, хи-

мии, физики, геофизики, геологии, истории, географии, филологии, математики и механики. Было решено создать географический факультет со специальностями: «физическая география», «экономическая география», «картография». Коллегия МВО признала необходимым приступить к строительству новых учебных и жилых зданий – для научной библиотеки, астрономической обсерватории, ботанического сада, студенческого общежития, а также дома для профессорско-преподавательского состава [32].

В соответствии с решениями коллегии МВО к 1 сентября 1949 г. в ИГУ были организованы геологический и географический факультеты [31, с. 83]. К этому времени в ИГУ уже работал слаженный коллектив ученых-геологов, на базе которого впоследствии сформировалась геологическая школа Сибири и Дальнего Востока.

В рассматриваемое пятилетие в вузе происходило постоянное развитие и укрепление его структуры. В частности, в 1947 г. был открыт физико-химический научно-исследовательский институт, организатором и первым директором которого стал доцент Н. А. Власов, заведовавший кафедрой аналитической химии. Благодаря его настойчивости и упорству в том же году были открыты экспериментальные мастерские ИГУ [28, с. 41]. а в августе 1949 г. была образована кафедра теории и истории государства и права, на базе которой началось создание юридического факультета. Его организацией занимался К. И. Удалых, назначенный с 1 сентября 1949 г. исполняющим обязанности декана юридического факультета [35, с. 228].

На физико-математическом факультете открылась математическая специальность. Начиная с 1950 г. наряду с физиками факультет выпускал и математиков. Для удовлетворения потребностей сельского хозяйства ИГУ с 1947 г. приступил к подготовке почвоведов-агрохимиков [31, с. 82].

В конце 1949 г. ИГУ состоял из 6 факультетов: биолого-почвенного, географического, геологического, историко-филологического, физико-математического, химического. Их обслуживала 31 кафедра, включавшая 139 штатных работников, в том числе 6 профессоров, докторов, 46 доцентов и кандидатов наук, 87 преподавателей и ассистентов, а также 21 аспиранта. В НИИ работало 26 научных сотрудников. Общее количество научных работников составляло 165 чел. Если прибавить сюда большое количество совместителей, то в феврале 1950 г. числен-

ность ППС ИГУ достигла 760 чел., в том числе 39 профессоров и 160 доцентов [17, л. 71; 20, л. 26; 6].

В 1950 г. в ИГУ действовало 7 факультетов: физико-математический, химический, биолого-почвенный, геологический, географический, историко-филологический и юридический, которые готовили кадры по 19 специальностям. Общее количество научных работников университета достигло 165 чел. [26, л. 17, 26].

После войны в ИФЭИ действовал финансово-экономический факультет, состоявший из двух отделений: финансового и кредитно-экономического. Работало десять кафедр: марксизма-ленинизма, политической экономии, финансов СССР и иностранных государств, денежного обращения и кредита СССР и иностранных государств, статистики и математики, отраслевых экономик, экономической географии, бухгалтерского учета и анализа, военной подготовки, иностранных языков. Также были самостоятельные курсы: «Основы советского государства и права», русский язык, математика, текущая политика для студентов спецконтингента (иностранцев). Позднее кафедре военной подготовки заменила кафедра физического воспитания и спорта, а вместо кафедры отраслевых экономик появились кафедры экономики промышленности, сельского хозяйства и торговли [34].

В ноябре 1945 г. на заседании ученого совета ИФЭИ выступил зам. уполномоченного Госплана СССР И. С. Луковников, который призвал коллектив вуза включиться в разработку региональных проблем, связанных с рациональным использованием рабочей силы. Он предложил на базе института создать бригаду из научных сотрудников для разработки комплексных программ по Иркутской области. В 1946 г. ИФЭИ был выведен из подчинения Минфина СССР и передан в подчинение МФО СССР В связи с чем встал вопрос о реорганизации института. 15 лет вуз выпускал специалистов одного профиля – финансистов-экономистов [60, с. 114, 116].

Руководство ИФЭИ указывало на необходимость создания нескольких факультетов: финансового, банковского, торгового, планового и дальневосточного. Предлагалось также создать экономико-статистический факультет с отделениями статистики промышленности и статистики сельского хозяйства и факультет финансов отраслей народного хозяйства. Из всех предложенных факультетов

в 1947 г. был создан только плано-экономический и кафедра отраслевых экономик. Декан факультета – И. С. Шаферман [34].

Иркутский обком партии регулярно рассматривал на заседаниях бюро ситуацию в вузах и принимал меры, способствовавшие решению имевшихся проблем. В частности, 28 июля 1948 г. был рассмотрен вопрос «О состоянии и перспективах Иркутского финансово-экономического института». Партийное руководство области согласилось с необходимостью развития института и начало работу в этом направлении. Оно попросило Министерство ВО направить в ИФЭИ научных сотрудников на должности трех деканов и шесть специалистов на плано-экономический факультет [40, л. 391].

В институте начались изменения. В 1948 г. кафедру отраслевых экономик под руководством доц. В. Н. Шерстобоева разделили на три самостоятельных кафедры: экономики сельского хозяйства, экономики советской торговли, экономики социалистической промышленности. В сентябре 1949 г. были образованы две новые кафедры: экономики сельского хозяйства (проф. В. Н. Шерстобоев) и экономики советской торговли (доц. Ф. Ф. Терещенко). 20 ноября 1950 г. в связи с развитием структуры вуза был организационно и юридически оформлен ученый совет института [60, с. 121, 128].

Серьезные изменения произошли и в составе горно-металлургического института, где был создан новый геологоразведочный факультет, две новых специальности, организовано 4 новых кафедры [22, л. 43].

4 октября 1947 г. СМ СССР принял постановление об открытии в Иркутске Института иностранных языков в составе трех факультетов: английского, немецкого и французских языков. Институт открылся для занятий 1 сентября 1948 г. На первый курс было принято 160 чел. при квоте в 150 [47, л. 79]. В 1949 г. открыто заочное отделение.

Развитие учебного процесса и научных исследований требовало организации соответствующей материально-технической базы. 19 февраля 1946 г. правительство выделило ИГУ средства на ремонт, оборудование лабораторий, полиграфическую базу [58, л. 1].

Несоответствие роли и возложенных на вуз задач резко контрастировало с положением дел и требовало срочного решения накопившихся проблем. Выступая на партийном собрании вуза (9.04.46), профессор М. М. Кожов заявил: «Университет должен превратиться в большой научный центр». Его поддержал доцент

И. А. Парфианович: «Мы должны превратить наш университет из провинциального в университет мирового значения». Но реалии были другими. Как сказала доцент В. А. Ларина, «сегодня мы имеем тяжелые условия работы у химиков; отсутствие специальной посуды, реактивов, лаборатории тесны, научная литература доходит очень поздно». А 21 мая 1946 г. доцент Ф. А. Кудрявцев дополнил печальную картину впечатлениями от гуманитариев – отсутствуют научные школы в гуманитарных науках, не все преподаватели активны в научном плане, немного студентов серьезно задействованы в научных исследованиях [58, л. 6, 10].

Но положение менялось, и уже 4 сентября 1946 г. в соответствии с распоряжением Совмина СССР и приказом министра высшего образования СССР «О мерах помощи Иркутскому государственному университету им. А. А. Жданова» ИГУ получило оборудование на 300 тыс. руб. Оно было установлено в мастерских, изготавливавших учебную аппаратуру [8, л. 2; 3]. Постоянно рос книжный фонд научной библиотеки университета, залы которой были всегда заполнены студентами, преподавателями и сотрудниками. В частности, в 1945/46 учеб. году студенческий зал библиотеки посетили 26 тыс. чел., а научный зал – 66 тыс. В 1946 г. она обменивалась книгами более чем с 500 городами СССР и зарубежными вузами [2].

Вместе с тем в рассматриваемый период не была решена главная проблема вуза – хроническая нехватка учебных площадей и помещений для организации научных лабораторий. Более того, часть здания университета была занята сотрудниками мединститута [15, л. 4; 17, л. 71].

Сложной была ситуация и в других вузах города. После возвращения своей бывшей базы в 1946/47 учеб. году ИФЭИ столкнулся с нехваткой площадей в учебном корпусе. Одну треть его заняли под общежитие, в полуподвальном этаже разместили столовую, кухню с подсобными помещениями и котельное отделение центральной отопительной системы. Часть комнат была занята под канцелярию, бухгалтерию, дирекцию. При наличии двадцати двух учебных групп для организации учебного процесса было недостаточно восемнадцати аудиторий, спортивного зала и актового зала. Постепенно здание ремонтировали, что позволяло использовать больше аудиторий, но в то же время увеличивалось количество студентов. Недостаток площадей на долгие годы

стал для института одной из основных трудностей, которая, тем не менее, не замедлила развития вуза.

Книги в кабинеты ИФЭИ поступали из библиотеки, ее штат в 1940-х гг. составлял 6 чел. Работал абонемент и читальный зал, рассчитанный на 200 чел., с 8.00 до 23.00. В 1947 г. книжный фонд составлял около 89 тыс. экз. Занятия со студентами проводились везде, где была возможность – в одноэтажных небольших домах во дворе учебного корпуса, в общежитии по ул. Ленина, 36 и в одноэтажном доме, расположенном во дворе этого общежития, где находились квартиры 15 преподавателей [34].

В 1945 г. горно-металлургическому институту передали ряд старых зданий, освобожденных заводом № 540, и барак для общежития. Имелись большие трудности с их восстановлением и подготовкой для использования [52, л. 18]. Занятия шли в три смены – с утра по полуночи. Читальный зал библиотеки имел всего 70 посадочных мест [55, л. 43]. С переездами из одного помещения в другое была утрачена часть коллекции минералогического музея ИГМИ (из 15 тыс. образцов к 1947 г. осталось всего 3,5 тыс.), библиотечных книг, пришло в негодность оборудование лабораторий и кабинетов. Материальную базу приходилось создавать практически заново. Но и здесь ситуация начала меняться. МВО на 1950 г. выделило деньги на строительство общежития на 400 мест и на надстройку учебных корпусов. Отпущена значительная сумма на приобретение учебного оборудования [55, л. 37].

Деньги действительно поступили, но строительство общежития велось в основном силами студентов и преподавателей. С осени 1950 г. приступили к надстройке учебных корпусов. Горно-металлургический институт вел самое большое вузовское строительство в городе. Было получено новое оборудование, в том числе рентгеновская установка [56, л. 75].

И к своему 20-летию (1930 г.) ИГМИ имел необходимую материальную базу: 32 лаборатории, 16 учебных кабинетов, механические мастерские, буровой парк, физкультурный зал, библиотеку с фондом в 236 тыс. книг [25].

Хуже всего обстояло дело в Иркутском сельскохозяйственном институте. На середину лета 1948 г. его собственная производственная база находилась в запущенном состоянии и была плохо приспособлена к проведению практических занятий. Финансирование института со стороны министерства было неудовлетво-

рительным, не выделялись средства на ремонт и приобретение механизмов и оборудования. Подсобное хозяйство № 1, существовавшее 14 лет, находилось в плохом состоянии [43, л. 3, 6, 8].

Институт иностранных языков начал занятия 1 сентября 1948 г. в не достроенном снаружи, не имеющем вентиляции и не принятом в эксплуатацию здании. В аудиториях отсутствовали учебные доски, трибуны, лабораторные столы, тумбочки и диваны, не было стеллажей для библиотеки. У вуза не было общежития, не было запасено топливо для обогрева помещений [47, л. 79]. Становление института шло одновременно со строительством учебного корпуса, общежитий, лабораторной базы, формированием преподавательского коллектива, организацией первых кафедр и факультетов.

Во всех вузах региона в рассматриваемый период существовали проблемы с высококвалифицированными, остепененными специалистами. Центр старался помогать иркутским вузам. Например, в 1949 г. для усиления научного потенциала ИГУ было решено командировать в Иркутск группу профессоров и аспирантов. Несколько профессоров послал Московский университет им. Ломоносова. Им поручалось читать курсы лекций, осуществлять руководство подготовкой диссертаций и дипломных работ, организовывать совместные научные исследования и комплексные экспедиции. В свою очередь, группа научных сотрудников Иркутского университета направлялась в Москву для работы над кандидатскими и докторскими диссертациями [32].

Но и на начало учебного года в 1950 г. в вузе имелась нехватка профессорско-преподавательского состава (ППС). Недостаток компенсировался за счет совместителей, но их прием на работу был затруднен, так как происходил через министерство [26, л. 41].

В остальных вузах ситуация была гораздо хуже. Согласно штатному расписанию 1947 г. в ИФЭИ должно было работать 42 преподавателя и 6 совместителей. Фактически работало 35 и 18, вакантными оставались должности по 7 дисциплинам. Большая часть преподавателей имела стаж работы до пяти лет. В институте не было ни одного профессора, только 8 преподавателей имели звание доцента, 3 – ученую степень кандидата наук [34]. В 1948 г. из 41 преподавателя 29 не имели ученой степени [40, л. 338].

В ИГМИ также был постоянный дефицит высококвалифицированных преподавательских кадров. В 1950 г. учебный процесс вели 119 чел., в том числе только 2 доктора и 31 кандидат наук [25]. При этом 22 преподавателя ИГМИ были совместителями. Руководство института настойчиво работало над повышением качества ППС. Например, к осени 1950 г. было уволено 10 преподавателей за несоответствие занимаемой должности и принято 20 новых [23, л. 12, 79].

В педагогическом институте дело повышения научной квалификации преподавателей также было поставлено неудовлетворительно. Большинство преподавателей не имели ученых степеней. В институте действовало 12 кафедр, на которых работал 21 чел. со званиями и степенями, из них 9 (43 %) не являлись работниками вуза. Директор института, проработав в этой должности 10 лет, не удосужился сдать кандидатский минимум, та же ситуация была с его замом по учебной работе [41, л. 41–42; 44, л. 316].

В сельхозинституте была самая низкая укомплектованность кафедр. Например, в 1948 г. на кафедре марксизма-ленинизма из пяти штатных единиц занято две, на каф. организации сельского хозяйства совместители составляли большинство, причем контроль за их работой отсутствовал. Особенно плохо дела обстояли на кафедре механического факультета. Там и должность заведующего кафедрой организации сельскохозяйственного производства занималась по совместительству. В институте не было докторов наук, отсутствовал рост у молодых преподавателей [37, л. 3; 38, л. 44].

В инязе на начало 1949 г. работало 39 преподавателей, из которых 10 были совместителями. Лишь один имел кандидатскую степень [47, л. 80].

В мединституте была другая проблема. Здесь работало 17 профессоров, но все они имели избыточные подработки и совместительство, не позволявшие им в полной мере качественно вести педагогический процесс и заниматься научной работой [46, л. 9].

Исходя из того что руководство страны требовало ускоренного повышения уровня преподавательских кадров, прежде всего через развитие их научно-исследовательской деятельности, администрация области и руководство вузов активизировали работу в этом направлении.

Участие в научных конференциях позволяет исследователям апробировать результаты научных изысканий, для выступления требуется сформулировать основные выводы и представить их для оценки своим коллегам. Конференция, являясь обязательным элементом подготовки диссертационных исследований, в значительной степени стимулирует исследовательскую деятельность. В Иркутском университете исследования сотрудников регулярно проходили апробацию в ходе научных конференций. Так, уже 18 июня 1945 г. в ИГУ прошла научная конференция, посвященная 220-летию Академии наук. В ее работе принял участие проф. С. В. Обручев. Был сделан 61 доклад, из них каждый второй – по проблемам развития народного хозяйства. В частности, доклад Бочкарева «Гидрохимия Восточной Сибири», М. Одинцова – «Геология и генезис каолинов Иркутского бассейна» [11, л. 3; 12, л. 1, 10].

В 1947 г. прошли конференции, посвященные 30-летию советской власти, в ходе которых был заслушан 51 доклад. В январе 1950 г. научные сотрудники ИГУ провели гидробиологическую конференцию Сибирского филиала Всесоюзного гидробиологического общества [16, л. 19; 17, л. 23]. В университете ежегодно проводились научные сессии.

Выступления ученых университета на научных конференциях не всегда совпадали с установками ЦК партии. Например, в марте 1947 г. на физико-математическом факультете была проведена научная конференция по проблемам физического знания. На ней присутствовала администрация вуза, секретарь партбюро и завкафедрой марксизма-ленинизма Петров. Информация о конференции была опубликована в газете «Восточно-Сибирская правда». В выступлениях профессора Парфиановича и доцента Трескова бюро обкома партии обнаружило факты проявления антинаучного буржуазного толкования важнейших вопросов философии, например тезис Трескова о независимости физики от философии. Руководству вуза и Петрову было сделано соответствующее замечание [45, л. 15].

В других вузах также внедрялась практика проведения научно-практических конференций. Например в январе 1950 г. в ИГМИ была проведена научно-практическая конференция [22, л. 47].

Летом 1947 г. Иркутск стал местом проведения общесоюзного мероприятия – конференции по развитию производительных

сил Восточной Сибири, организованной АН СССР. Главная задача форума заключалась в выработке основных направлений хозяйственного развития области с учетом новейших достижений науки и техники и возможностей страны. Основная работа проходила на заседаниях шести секций: горно-геологической (руководители: ак. А. А. Скочинский и С. С. Смирнов); промышленно-энергетической с тремя подсекциями – энергетики, химии и металлургии (ак. Э. В. Брицке); транспортной (ак. В. Н. Образцов); леса и лесной промышленности с подсекцией охотопромыслового хозяйства (ак. В. Н. Сукачев); сельскохозяйственной с подсекцией рыбного хозяйства (ак. В. С. Немчинов), секции культуры, населения и градостроительства (ак. С. Г. Струмилин).

В ходе конференции на пленарных заседаниях и секциях было заслушано 120 докладов и 21 содоклад, больше половины которых сделали представители Иркутской области. Это Н. А. Флоренсов, М. К. Косыгин, В. В. Павловский, М. М. Одинцов, Н. Т. Чулков, М. М. Кожов, В. Н. Шерстобоев, Ф. А. Кудрявцев и др. [36]. Научными сотрудниками ИГУ было сделано 19 докладов и выступлений, организовано 6 выставок [17, л. 19].

Работа над диссертациями, а главное их защита, является обязательным элементом деятельности преподавателя. В университете этому направлению научной деятельности уделялось большое внимание, как и созданию условий для успешной организации работы по подготовке и защите диссертаций. В ИГУ в 1946 г. было выполнено четыре докторских диссертации (Баранов, Флоров, Одинцов, Крогов) и три – кандидатских (Александрович, Флорова, Егоров). В 1947 г. защищена одна кандидатская диссертация. Для ИГУ на 1948 г. было выделено 5 мест в докторантуру и 7 мест – в аспирантуру. Руководство вуза рекомендовало в докторантуру Ларина и Фетисова, а в аспирантуру – Янко и Солодянкина [17, л. 19; 18, л. 12]. В 1948 г. Л. А. Лебедева защитила в Ленинградском пединституте кандидатскую диссертацию на тему «Творчество декабриста Н. Бестужева». В феврале 1949 г. доц. А. Ф. Абрамович в Москве защитил докторскую диссертацию на тему «Чернышевский – литературовед», в ноябре доцент биолого-почвенного факультета Д. Н. Флоров – «Насекомые – вредители лесов Восточной Сибири» [19, л. 14; 4].

Пятилетним планом НИР ИГУ предусматривалась защита 7 докторских и 33 кандидатских диссертаций. Было выполнено

6 докторских, а защищено лишь 3. Одна была отклонена после успешной защиты в Москве, по обвинению в непартийном подходе (Абрамович). Было защищено 16 кандидатских диссертаций. Три диссертации продолжительное время находились на экспертизе в центральных научных учреждениях. Темпы возрастали, и план 1950 г. по защитам был выполнен на 100 % [17, л. 27; 20, л. 28–29].

Вместе с тем имелся ряд проблем. Так, в вузе работало девять старших преподавателей без степени, в том числе трое со стажем более 10 лет. В предшествовавший период существовали сталинские докторские и аспирантские стипендии, которые после войны были отменены. Средства на командировки аспирантам и соискателям не предоставлялись. Постоянной проблемой являлось отсутствие производственных площадей и оборудования [59, л. 46, 49].

В ИГМИ положение было значительно хуже, план по защитам диссертаций 1949 г. был выполнен лишь на 30 %. Но ситуация улучшалась: в 1950 г. в полную аспирантуру было направлено три преподавателя и два – в годичную, один (Кулябин) защитил докторскую и два – кандидатские диссертации [23, л. 79; 24, л. 70; 55, л. 31].

Проблема остепененности остро стояла в ИФЭИ. Над докторскими работали 3 доцента из 11, а над кандидатскими диссертациями – лишь 3 из 30 преподавателей, 17 преподавателей никак не повышали свою квалификацию. Во второй половине 1940-х гг. многие преподаватели работали над кандидатскими и докторскими диссертациями, но только некоторые из них получили ученую степень: кандидатские диссертации защитили И. Г. Старичков, П. К. Соколов, В. А. Новиков, В. Н. Шерстобоев [40, л. 338; 34].

Проблема усугублялась тем, что в этот период в институте можно было сдать лишь один из кандидатских экзаменов. Правда, было и удобство: в институте работал вечерний университет марксизма-ленинизма, выпускникам которого экзамен по диалектическому и историческому материализму засчитывали как кандидатский минимум. В институте также были организованы курсы по углубленному изучению иностранного языка, которые помогали преподавателям в подготовке к кандидатскому экзамену. Экзамены по специальным дисциплинам (финансы, бухгалтерский учет и анализ и др.) преподаватели ИФЭИ сдавали в Москве и Ленинграде, что требовало затрат времени и больших расходов. Но это были не единственные трудности. В указанный

период многие столичные вузы отказывались принимать диссертации к защите из-за перегруженности ученых советов [34].

В 1949 г. в ИФЭИ была открыта аспирантура. Ее руководителем стал В. Н. Шерстобоев. Через год была открыта аспирантура на кафедре политической экономии у доц. И. С. Шафермана [60, с. 126–127].

Плохо обстояли дела и в педагогическом институте, где большинство преподавателей не имело ученых степеней. По плану НИР было утверждено 35 тем, в том числе 4 докторских, 6 кандидатских, но план подготовки и защиты диссертаций не выполнялся. Должны были сдать кандидатский минимум 18 преподавателей, полностью сдал лишь один и трое – частично. В 1946–1947 гг. из шести запланированных диссертаций ни одна не была защищена. Директор за 10 лет руководства вузом не сдал кандидатские экзамены, как и его заместитель [44, л. 315–316; 50, л. 226].

В мединституте ситуация была благополучной: за годы войны и послевоенный период защищено 2 докторских и 21 кандидатские диссертации. Вместе с тем многие преподаватели не занимались НИР и не работали над диссертациями. За 1946–1947 гг. защищены только одна докторская и шесть кандидатских диссертаций. Несмотря на наличие 17 профессоров, в аспирантуре обучались 4 аспиранта и 37 клинических ординаторов [46, л. 7–8].

Невозможна организация научной работы в вузе, без публикации результатов научной деятельности. Руководство вузов и преподаватели уделяли большое внимание издательской деятельности. В ИГУ сразу после войны стали издаваться «Труды Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова», освещавшие достижения иркутских ученых в различных областях науки [19, л. 16; 31, с. 91]. В 1946 г. подготовлено к печати 68 научных работ [17, л. 19]. В 1948 г. вышла брошюра Ф. А. Кудрявцева «Очерки по истории Иркутской области» [42, л. 14].

Издавались монографические работы. Например, в марте 1949 г. издательство АН СССР выпустило монографию проф. ИГУ, д-ра геол.-минерал. наук Е. В. Павловского, посвященную геологии и полезным ископаемым Байкальской горной страны [5]. В 1950 г. вышла в свет крупная монография М. М. Кожова «Пресные воды Восточной Сибири» [26, л. 29].

Издавались работы ученых других вузов города. В частности, в 1949 г. вышла монография профессора В. Н. Шерстобоева «Илимская пашня», до сих пор не потерявшая своей актуальности [61].

В педагогическом институте в 1946 г. вышел очередной номер «Ученых записок» вуза серии «Математика» и «Физика» [50, л. 226]. Однако после этого возникла двухлетняя пауза [49, л. 321].

Ситуация с изданием работ сотрудников вузов была сложной прежде всего по причинам недостатка издательских мощностей в регионе. В связи с этим 7 мая 1946 г. партбюро Иркутского горно-металлургического института потребовало начать работу по созданию собственного вузовского издательского бюро [54, л. 56].

Бюро Иркутского ОК ВКП(б) 2 декабря 1947 г. вынуждено было предложить директору ОГИЗа произвести прием от мединститута для издания в 1948 г. 2-го выпуска медицинского бюллетеня, 3-го выпуска научных трудов кафедр и одной монографии [48, л. 9].

Первая мирная пятилетка оказалась непростой для научного сообщества иркутских вузов. В этот период исследователи столкнулись с большим количеством проблем и трудностей. Они имели как объективные, экономически обусловленные проблемы, так и субъективные, в том числе политически и идеологически ангажированные. Однако в целом вузы региона быстро восстановились до довоенного уровня и начали ускоренное развитие. Формировалось понимание важности вузовской науки и неразрывности учебного процесса и исследований в соответствующих отраслях знания.

Список литературы

1. Вост.-Сиб. правда. – 1945. – 18 июня.
2. Вост.-Сиб. правда. – 1946. – 22 сент.
3. Вост.-Сиб. правда. – 1946. – 24 сент.
4. Вост.-Сиб. правда. – 1949. – 13 нояб.
5. Вост.-Сиб. правда. – 1949. – 8 марта.
6. Вост.-Сиб. правда. – 1950. – 11 февр.
7. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 425.
8. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 462.
9. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 463.
10. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 468.
11. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 476а.
12. ГАИО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 486.
13. Галерея ректоров и профессоров ИГУ [Электронный ресурс]. – URL: <http://library.isu.ru/ru/escience/rector/rectors/Deulia.html>.
14. ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 650.
15. ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 53.
16. ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 58.
17. ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 59.
18. ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 65.
19. ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 74.

20. ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 84.
21. ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 84а.
22. ГАНИИО. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 14.
23. ГАНИИО. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 15.
24. ГАНИИО. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 17.
25. Горно-металлургический: годы войны, восстановления и развития [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.istu.edu/structure/56/1499/>.
26. Документы парткома ИГУ 1950–1952 гг. // ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 84.
27. Зуляр Ю. А. Исследователь озера Байкал профессор Михаил Михайлович Кожов / Ю. А. Зуляр, В. А. Снытко // История наук о Земле : сб. ст. – М., 2011. – Вып. 4. – С. 106–114.
28. Очерки истории Иркутского государственного университета / И. В. Олейников, С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин, Ю. А. Зуляр; под ред. Ю. А. Зуляра. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 144 с.
29. Зуляр Ю. А. Что есть высшее образование для России: вот в чем вопрос // Иркут. исг.-экон. ежегодник: 2015. – Иркутск, 2015. – С. 97–144.
30. Иркутский государственный медицинский университет / сост. А. Г. Шантуров, Г. М. Гайдаров; под ред. И. В. Малова. – Иркутск : Альянс-медиа, 2009. – 548 с.
31. Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова – крупнейший учебно-методический и научный центр Восточной Сибири : ист. очерк / под ред. Ф. А. Кудрявцева, И. И. Кузнецова. – Иркутск : Вост.-Сиб. правда, 1978. – 172 с.
32. Иркутский университет – учебный и культурный центр Восточной Сибири // Вост.-Сиб. правда. – 1949. – 9 янв., 18 янв.
33. История ИрГСХА в лицах [Электронный ресурс]. – URL: <http://ru.calameo.com/read/003490113f4322592890c>.
34. Кабинет истории Байкальского госуниверситета [Электронный ресурс]. – URL: <http://museum.isea.ru/history/46-50.aspx>.
35. Казарин В. Н. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.) : монография / В. Н. Казарин, Ю. П. Лякутина. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 483 с.
36. Конференция по изучению производительных сил Иркутской области, 4–11 авг. 1947 г. : тез. докл. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1947. – 341 с.
37. О работе Иркутского сельскохозяйственного института (ИСХИ) : постановление бюро Иркутского ОК ВКП(б) от 13 июля 1948 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 640.
38. О работе ИСХИ : протокол заседания Бюро Иркутского ОК ВКП(б) // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 649.
39. О состоянии и перспективах Иркутского финансово-экономического института : постановление Бюро ОК ВКП(б) от 28 июля 1948 г. // ГАНИИО. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 12.
40. О состоянии и перспективах Иркутского финансово-экономического института : протокол заседания Бюро Иркутского ОК ВКП(б) // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 650.
41. О работе Иркутского педагогического института : постановление Бюро Иркутского ОК ВКП(б) // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 643.
42. Отчет партбюро истфила ИГУ за 1948/49 уч. год // ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 74.
43. Постановление Бюро Иркутского ОК ВКП(б) // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 640.

44. Постановление Бюро Иркутского ОК ВКП(б) от 11 мая 1948 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 644
45. Постановление Бюро Иркутского ОК ВКП(б) от 12 марта 1947 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 501.
46. Постановление Бюро Иркутского ОК ВКП(б) от 2 дек. 1947 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 564.
47. Постановление Бюро Иркутского ОК ВКП(б) от 25 янв. 1949 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 705.
48. Протокол заседания Бюро Иркутского ОК ВКП(б) // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 564.
49. Протокол заседания Бюро Иркутского ОК ВКП(б) от 11 мая 1948 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 644
50. Протокол заседания Бюро Иркутского ОК ВКП(б) от 17 июня 1946 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 276.
51. Протокол заседания Бюро Иркутского ОК ВКП(б) от 2 дек. 1947 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 564.
- Протокол заседания Бюро Иркутского ОК ВКП(б) от 25 янв. 1949 г. // ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 705.
52. Протокол заседания партбюро Горно-металлургического института (ИГМИ) от 3 июля 1945 г. // ГАНИИО. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 10.
53. Протокол партсобрании (п/с) ИГМИ // ГАНИИО. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 14.
54. Протокол п/с ИГМИ // ГАНИИО. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 10.
55. Протокол п/с ИГМИ от 13 дек. 1949 г. // ГАНИИО. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 14.
56. Протокол п/с ИГМИ от 3 окт. 1950 г. // ГАНИИО. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 15.
57. Протокол п/с ИГМИ от 6 сент. 1949 г. // ГАНИИО. Ф. 3435. Оп. 1. Д. 14.
58. Протоколы п/с ИГУ за 1946 г. // ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 53.
59. Протоколы п/с ИГУ за 1948 г. // ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 64.
60. *Сониц Г. Ф.* Иркутская государственная экономическая академия (исторический очерк) / Г. Ф. Сониц. – Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1996. – 288 с.
61. *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня. Т. 1. Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII в. / В. Н. Шерстобоев. – Иркутск : Иркут. обл. изд-во, 1949. – 593 с.

**THE ACTIVITIES OF MANAGEMENT OF THE IRKUTSK UNIVERSITIES
ACCORDING TO THEIR ORGANIZATIONAL AND STRUCTURAL
TRANSFORMATION AND RAISE THE SCIENTIFIC LEVEL OF TEACHERS
IN THE RECOVERY PERIOD (1946-1950)**

R. Yu. Shpikelman
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Discusses the events and process have historically brief, but very significant in the history of Russia and the Irkutsk region period time of recovery and reflection after the Second world war. Issues of role, importance and meaning of research activities have been inserted in the agenda of the Irkutsk regional authorities, administrations, universities and public organizations. This forced the teachers to rethink their professional activities and to perceive research as an integral part thereof. Special attention is paid to the analysis of work on preparation and protection of dissertations, testing and publication of results of investigations of applicants.

Keywords: high school building, high school science, Irkutsk universities in the recovery period, the dissertation, publishing activities, scientific conferences.

Шпикельман Радана Юрьевна – соискатель, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-412, тел.: 8(3952)334372, e-mail: dana-z1@ya.ru

Shpikelman Radana Yurievna – Candidate for the Degree, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8 (3952)334372, e-mail: dana-z1@ya.ru

УДК 791.43.05(571.5)(091)

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЙ СТУДИИ КИНОХРОНИКИ В 1975–1985 гг.

М. И. ЛИТВИН

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В работе показана специфика производственной деятельности Восточно-Сибирской студии кинохроники в 1975–1985 гг. в контексте идеологических доминант развития советской культуры.

Ключевые слова: история советской культуры, советский кинематограф, кинопродукция, Восточно-Сибирская студия кинохроники, документальное кино, киножурнал «Восточная Сибирь».

На протяжении всего периода существования советского государства кинематограф был важнейшим идеологическим оружием коммунистической партии, мощнейшим средством коммунистического воспитания трудящихся, формирования их мировоззрения, нравственных и эстетических позиций. В связи с чем систематически издавались различного рода директивы и постановления, регламентировавшие его деятельность. Одним из важнейших документов подобного рода, определившим работу кинематографа в 1975–1985 гг., стало Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию советской кинематографии» от 2 августа 1972 г. В частности, о документальном кино было сказано, что «в советском художественном и документальном кино должны находить талантливое отображение процессы коммунистического созидания и воспитания нового человека, претворение в жизнь бессмертных ленинских идей, исторические успехи в социалистическом преобразовании мира». Однако кроме опре-

деления основных направлений развития кинематографа в нем содержалась критическая оценка недостатков, имеющихся в современной киноиндустрии. Например, говорилось, что «некоторым кинофильмам не хватает идейной целеустремленности, четкого классового подхода к раскрытию явлений общественной жизни. Вместо правдивого показа жизни с позиций ленинской партийности в таких произведениях дается поверхностное, одностороннее, а порой и неверное истолкование событий и фактов». Содержание этого постановления, по существу, определило основные направления работы как в целом советской киноиндустрии, так и в частности Восточно-Сибирской студии кинохроники, созданной в 1930 г. Еще В. И. Ленин придавал большое значение документальному кино, считая, что «производство новых фильмов, проникнутых коммунистическими идеями, отражающими советскую действительность, надо начинать с хроники», поэтому начиная с 1932 г. студия стала выпускать 4 номера киножурнала «Восточная Сибирь», став пропагандистом очередных задач идеологической работы партии, стоящих перед Восточной Сибирью.

Эффективности деятельности Восточно-Сибирской студии кинохроники в данный период времени способствовали такие факторы, как стабильно высокий интерес к киноискусству и развитие материально-технической базы кинопроката. По такому важному показателю, как посещаемость кино на душу населения, Иркутская область занимала одно из ведущих мест по РСФСР. В среднем на каждого городского жителя области приходилось 26,7 посещений в год, в то время как в целом по РСФСР составляло 21,4, в сельской местности соответственно 36,5 и 21,7. На каждого школьника приходилось 54 посещения в год, что почти в 2 раза превышает республиканские показатели.

На каждую тысячу городских жителей в постоянных кинотеатрах приходилось 14 мест. Этот показатель выше республиканского почти на 3 места, но в г. Братске – 8 посадочных мест, в г. Иркутске – 11,6, вместе с тем в Ангарске – 16,2.

Для полноценной реализации задач, поставленных перед советским кинематографом, государством была проделана большая работа по кинофикации всех населенных пунктов. Во второй половине 1970-х гг. она состояла из 1381 киноустановки, в том числе городских – 329, сельских – 1052, из них 534 – широкоэкранных, 5 – широкоформатных, 607 – узкоплечных.

Восточно-Сибирская студия кинохроники внесла значимый вклад в процесс развития советской кинематографии, так как, с одной стороны, знакомила советских зрителей с красотой сибирской природы и людей, живущих на ее бескрайних просторах, а с другой – с острыми злободневными проблемами, например такими, которые принесло строительство БАМа. Однако основным направлением работы была идеологическая поддержка основ советского строя, для чего были введены новые рубрики киножурнала «Восточная Сибирь», такие как «Решение съезда партии в жизнь», «Планы партии – планы народа», «На ударных стройках одиннадцатой пятилетки», «Продовольственная программа: опыт, практика, проблемы», «Герои одиннадцатой пятилетки», «Социалистическое соревнование: день за днем».

Главным видом продукции, выпускаемой Восточно-Сибирской студией кинохроники, был киножурнал «Восточная Сибирь», но кроме этого студия выпускала хроникально-документальные и заказные фильмы. Например, в 1976 г. общий объем выпускаемой продукции состоял из 7 хроникально-документальных и 14 заказных фильмов, а также 48 номеров киножурнала «Восточная Сибирь». В 1977 г. студия выпустила 7 хроникально-документальных фильмов (из них 4 цветных), 8 заказных (из них 2 цветных), 7 роликов, 1 полнометражный научно-популярный фильм, 48 номеров киножурнала «Восточная Сибирь» и 40 дубляжей художественных фильмов. Со временем лучшие из выпущенных фильмов были дублированы на бурятский, якутский и тувинские языки.

В заключении Госкино РСФСР по годовому отчету студии за 1979 г. говорится, что деятельность Восточно-Сибирской студии в 1979 г. была направлена на реализацию решений XXV съезда КПСС, последующих Пленумов ЦК партии.

В свете решений этих задач были выпущены фильмы: «Есть первый агрегат» – о выпуске первой турбины на Саяно-Шушенской ГЭС (режиссер К. В. Осояну, оператор Д. В. Смекаев), «Впереди зеленый» – о подготовке молодых специалистов для БАМа (режиссер М. И. Шмулевич, оператор Г. А. Ландин), «Читинские были» – о сегодняшнем дне Забайкалья, о перспективах развития области (режиссер Л. А. Сурин, оператор В. А. Орлов).

Основная тематика киножурнала «Восточная Сибирь» была посвящена выполнению трудящимися Восточной Сибири народно-хозяйственных задач, строительству БАМа, Саяно-

Шушенской ГЭС, большое внимание уделялось освещению жизни трудящихся Красноярского края. На материале этого региона создано несколько тематических и специальных выпусков киножурналов. Среди них можно отметить спецвыпуск «Стойкость» (№ 27), «Старое и новое Богучан» (№ 36), «На Таймыре рассказывают».

С каждым годом количество выпускаемых фильмов постоянно увеличивалось. Только за 8 месяцев 1981 г. студией было выпущено 32 киножурнала. Сюжеты киножурналов посвящались людям труда, героическим будням сибиряков, их преобразующей деятельности, успехам в хозяйственном и культурном строительстве. После того как в 1974 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали», особое место в работе студии заняли фильмы, посвященные отражению будней БАМа – «стройке века», чью историю студия освещала с первого дня. Ярким примером фильмов подобного рода может служить фильм «БАМ сегодня» (режиссер К. В. Осояну, оператор Г. А. Ландин), который рассказывал о тех изменениях, которые произошли в Сибири и на Дальнем Востоке за время строительства БАМа. Зритель знакомился с новыми городами и поселками, возникшими в зоне строительства магистрали, при этом большое внимание в фильме было уделено социально-бытовой сфере, отражающей заботу государства о строителях БАМа, их семьях.

Работая над фильмами, кинодокументалисты студии искали интересных людей, труд которых мог стать примером для подражания. Например, фильм «Право на риск» (режиссер С. П. Пинигин, оператор В. Л. Яковлев) был посвящен эксперименту, который внедрял в практику председатель передового колхоза Иркутской области «Страна Советов» Сергей Иванович Шумик, а фильм «Путь к себе» (режиссер Т. Т. Чиркова, оператор В. П. Галаганов) поднимал тему ответственности каждого рабочего за дела коллектива, его героем стал бригадир бетонщиков Саяно-Шушенской ГЭС, Герой Социалистического Труда Валерий Позняков.

В 1980-е гг. фильмы, выпущенные Восточно-Сибирской студией кинохроники, получили всесоюзное общественное признание. Например, необходимо отметить фильм «Большой десант», который был включен в программу «Кинематографисты России – XXVI съезду КПСС», и «Красноярский миллиард», а также спецвыпуски «Восточная Сибирь»: «Стойкость», «На Таймыре

рассказывают», «Живет сказка за Байкалом», «Три ответа на один вопрос», «Всегда в повестке дня», «КАТЭК: начало», в которых пропагандируется советский образ жизни, активная гражданская позиция, трудовые свершения сибиряков. В 1982 г. два фильма – полнометражный цветной «Иркутские встречи», короткометражный фильм «Самсоновы», один технико-пропагандистский фильм, киноролик и 3 киножурнала получили в Госкино первую группу для кинопроката. Фильм «Самсоновы» по решению Госкино СССР и СК СССР был направлен в Лейпциг для участия в международном фестивале документального кино. Лента «Сибирский Корчагин», рассказывающая о подвиге рабочего, комсомольца Николая Лимонова, получила высокую оценку общественности и прессы. Тираж фильма составил более 200 копий. Все документальные фильмы, снятые в 1981 г., без ограничений вышли на союзный экран.

Кроме этого, творческие работники Восточно-Сибирской студии кинохроники активно занимались общественно-просветительской и популяризаторской работой. Например, был заключен договор с обществом «Знание» на чтение цикла лекций по вопросам киноискусства, организованы творческие встречи с пропагандистами города и проведены встречи с кинолюбителями БАМа в поселках Усть-Нюкжа, Ния, Заречный, Северобайкальск и др. В школах проходили диспуты на различные темы, в том числе «Внимание, подросток». Систематически организовывались встречи с работниками различных предприятий города и области с показом фильмов студии, а также сельскими тружениками, строителями БАМа, Саяно-Шушенской ГЭС, Усть-Илимской ГЭС и журналистами г. Иркутска.

С целью популяризации деятельности Восточно-Сибирской студии кинохроники были организованы передачи по радио и телевидению о киножурнале «Восточная Сибирь» и фильмах, выпускаемых студией, выступления главного редактора А. И. Семенова и старшего редактора Т. Д. Зыряновой. Был организован ежегодный кинофестиваль в кинотеатре «Хроника» с недельным показом фильмов студии, в котором приняли участие представители предприятий и учебных заведений Иркутска.

Творческие работники студии оказывали практическую помощь кинолюбителям Иркутской области.

Основной задачей советского кинематографа было формирование особого типа социального сознания, в основе которого лежала идея создания новой общности людей – советского народа. Советского кинематограф создавал идеальный образ человека и общества в доступной и привлекательной форме, убеждая в правоте этих идеалов и примиряя с действительностью, функционируя как механизм аккультурации, социализации и адаптации, как компенсаторный механизм, уменьшающий социальный и эмоциональный дискомфорт путем формирования особого мироощущения, неотъемлемой частью которого был социальный оптимизм.

Список литературы

1. ГАНИИО. Ф. 6378. Оп. 1. Д. 1. Л. 55.
2. ГАНИИО. Ф. 6378. Оп. 1. Д. 2. Л. 51.
3. ГАНИИО. Ф. 6378. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.
4. ГАНИИО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 36. Л. 84.

THE MAIN ACTIVITIES OF THE EAST SIBERIAN STUDIO NEWSREEL IN 1975–1985

M. I. Litvin
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The paper shows the specificity of the production activities of the East Siberian Studio newsreel in 1975–1985 in the context of dominant ideological development of Soviet culture.

Keywords: the history of Soviet culture, Soviet cinema, film production, East-Siberian Studio of a newsreel, documentary film, newsreel “Eastern Siberia”.

Литвин Мария Ивановна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-412, тел. 8(3952)334372, e-mail: litvin.m.i@gmail.com

Litvin Maria Ivanovna – Candidate of History Sciences, Senior Lecturer, Department of Political Science, History and Regional Studies, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-412, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: litvin.m.i@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ВЕНГРИЕЙ

О. В. ТАРАСЕНКО

*Иркутский национальный исследовательский технический университет,
г. Иркутск,*

Аннотация. В статье проводится анализ историко-культурных взаимосвязей между Россией и Венгрией на примере исследований профессором Будапештского университета Г. Ружа старообрядческих меднолитых икон. Внимание уделяется вопросу актуальности сохранения этого русского религиозного наследия.

Ключевые слова: икона, меднолитой, старообрядческий, австрийцы, историко-культурные взаимосвязи.

«“Образ чистый, достойный почитания...” – этими словами можно определить меднолитые иконы и кресты, созданные мастерами-старообрядцами на бескрайних просторах России – в скитах Поморья и мастерских Москвы, в селах Подмосковья и Поволжья, в потаенных кузницах на Урале и в Сибири – в течение неполных трехсот лет от конца XVII в. до начала XX в.», – пишет Е. Я. Зотова [9].

Георг Ружа (Georg Ruzsa), доктор искусствоведения, профессор Будапештского университета (ЭЛТЭ) провел тщательные и длительные исследования, посвященные византийским и русским иконам, которые нашли воплощение в большом количестве монографий и статей на немецком, французском, английском, русском и венгерском языках. Одна из работ, «Меднолитые иконы, вставленные в иконную доску, в венгерских собраниях» [14], пока не имеющая широкой известности в России, преподнесена автором в дар Областной государственной универсальной научной библиотеке имени И. И. Молчанова-Сибирского и Художественному музею имени В. П. Сукачева г. Иркутска. Книга написана на немецком языке и представляет собой исследование не до конца изученной группы русских старообрядческих меднолитых икон.

Эта книга, а также работы Г. Ружа «К вопросу о связях русской меднолитой иконы с Венгрией» [3], «К историческим связям старообрядчества с Венгрией: несколько старообрядческих икон в венгерских собраниях» [4], «Русско-венгерские художественные отношения в средние века» [5] свидетельствуют о том, что и в

Венгрии любят, почитают и исследуют русские меднолитые иконы, а также тщательно их реставрируют.

Русские сакральные художественные изделия из бронзы уже давно были известны в Венгрии. Одной из причин этого является многовековая связь различных национальностей, проживающих в Венгрии, – главным образом сербов и румын, – с русским православным христианством. Этот интерес восходит к историческим связям еще с XI в., которые прослеживаются в работах Г. Ружа, когда Ярослав Мудрый осуществил брак своей дочери Анастасии с венгерским королем Андреем I. Вместе с Анастасией в Венгрию прибыли монахи из Киево-Печерской лавры с большим количеством икон, церковной утвари и основали на полуострове Тихань лавру наподобие Киевской, отреставрированные руины которой сохранились по сей день. Затем, в первой половине XIII в., спасаясь от монгольского нашествия, в Венгрию стекались переселенцы из Киевской Руси и завезли кресты-мошевики киевского типа, найденные впоследствии при раскопках на территории Венгрии. Эти меднолитые кресты находятся в экспозиции Венгерского национального музея. В течение следующих столетий собрания церковных книг, отпечатанные с киевского, львовского, московского деревянного клише, икон, крестов из России, пополнялось священниками православных народов (сербов, греков, румын и др.), живущих в Венгрии.

С конца XVII в., в связи с появлением старообрядчества, изготовление меднолитых икон приобрело широкий размах, особенно в таких районах, где в большом числе жили православные верующие. Так, например, в городе Мишкольце нашли триптих Святого Николая, а в Пилишмароте в 1887 г. при сносе старого дома обнаружили икону Святого Николая XVIII столетия, которая в настоящее время находится во владении эстергомского Христианского музея [10]. Интересно, что эта икона указывает на то, что меднолитые иконы часто вставлялись православными и старообрядцами в фундамент дома, чтобы защитить жилище и его жителей.

Довольно неожиданным представляется тот факт, что уже среди первых старообрядцев встречаются и венгры. В сочинении одного неизвестного монаха западносибирского Далматовского монастыря второй половины 1670-х гг. речь идет о том, что в Западной Сибири уже отливали кресты, а также упоминается тю-

менский старообрядец Авраамий Венгерский. О его личности ничего неизвестно, но можно предположить его венгерское происхождение [1].

Следующий период, когда множество икон (а среди них, вероятно, и старообрядческие меднолитые иконы) и русских книг попало в Венгрию, – это рубеж XVIII и XIX столетий. В это время великая княгиня Александра Павловна – жена австрийского эрцгерцога, венгерского палатина Иосифа и дочь русского царя Павла I – с царскими сокровищами переселилась в Венгрию.

В большем количестве русские меднолитые иконы были привезены в Венгрию в ходе борьбы за свободу 1848–1849 гг. Тогда здесь сражались и русские солдаты, многие из которых носили на себе маленькую меднолитую икону как символ защиты. Об этом профессор Аладар Баллаги в 1888 г. писал в отчете о своей поездке в Россию [8].

В 1846 г. на территории Австро-Венгрии образовалось поповское старообрядчество под именем «австрийцы» во главе с саравским митрополитом Амвросием. К концу 1850-х гг. у «австрийцев» появились епархии и в России. В 1857 г. образовалось пермское старообрядческое епископство, а в 1862 г. из него выделились тобольское и сибирское епископства. В Пермской губернии открыли иконописную мастерскую, в которой можно было приобретать иконы для «австрийских» храмов. Это была мастерская Петра Кирилловича Козлова (с 1880-х до 1910-х гг.) в Екатеринбургe. Также «австрийцев» поддерживали многие богатые московские торговцы, в их кругу было изготовлено множество меднолитых икон [1]. Среди московских «австрийцев» приобрели известность своим большим собранием икон Рахманов и Солдатенков.

20 февраля 1898 г. в новом выставочном зале Будапешта «Мючарнок» на Площади героев была открыта крупномасштабная третья будапештская выставка великого русского художника Василия Васильевича Верещагина. Здесь художник выставил не только свои работы, связанные главным образом с наполеоновской войной, но и медные иконы из своей коллекции. В «Объяснениях к предметному указателю» выставки при изложении содержания «II шкафа» можно прочесть следующее: «Венки, поясные изображения (“панагиумы”) из дерева и камня, но особенно из меди; среди последних довольно старые редкости» [6].

В различных музейных и частных коллекциях хранятся произведения старообрядческих меднолитых мастерских, в том

числе XVIII – начала XX в. Многие такие собрания были исследованы Г. Ружа, что нашло отражение в таких трудах, как: «Энциклопедия иконописи» [7], «Значение меднолитых икон в религиозной жизни» [12], «Икона: богословие, эстетика, иконография, иконология, техника» [11], «Икона и проповедь: Русские меднолитые иконы» [13], «Употребление и роль металлов в искусстве русских икон. Технология, материалы, символика, сакральные отношения» [15], «Влияние иконописи на абстрактно-геометрические тенденции в русском авангарде» [2].

В 2005 г. в Будапештском музее прикладного искусства была большая выставка русских меднолитых икон, экспонаты которой были предоставлены Московским музеем им. Андрея Рублёва. К данному событию был издан большой каталог.

В 2010 г. профессору Г. Ружа удалось приехать в Иркутск для изучения интересных экспонатов сибирских собраний икон с помощью научных сотрудников Иркутского областного художественного музея Т. А. Крючковой и архитектурно-этнографического музея «Тальцы» И. Н. Буханцовой.

В первом разделе книги «Меднолитые иконы, вставленные в иконную доску, в венгерских собраниях» автор раскрывает богословские и эстетические предпосылки создания русской медной пластики, образцы которой восходят к XI в. [14].

Второй раздел посвящен рассмотрению самих меднолитых икон, вставленных в иконную доску («врезка»), что характерно для старообрядческой среды, в то время как в канонической иконе металлический оклад имеет декоративную функцию, обрамляя письмо. Часто старообрядческие врезные иконы назывались ставротеками (от греч. *staurotheke*: *stauros* – «крест» и *theke* – «хранилище», или «Ковчег для Креста» (реже – мощевик), выполненными в форме плоского ящика или ларца для хранения в нем частиц Животворящего Креста Господня и других реликвий. Также старообрядцы создавали не только медные, но и оловянные «литые иконы», изготовление которых в XVIII в. было запрещено официальным православием. Особое значение они приобрели в Сибири и на Урале в XVIII–XIX вв.

Композиционную основу, соединяющую элементы живописи и медной пластики, составляет иконная доска, служащая декоративным обрамлением врезанным в нее меднолитым иконам. В других случаях живопись и меднолитая (иногда бронзовая) пла-

стика составляют единую систему, равноправную в идейном и композиционном отношениях.

Книга также содержит анализ символического значения икон и технических особенностей в искусстве медного сплава на примере семнадцати великолепных цветных иллюстраций в прекрасно оформленном каталоге альбомного формата. В ней представлены триптих, распятия, реликварий и др. В том числе иллюстрируется процесс реставрации одной из икон.

Популярность русской медной пластики получившей сегодня воплощение в современных врезных бронзовых иконах и иконостасах (ставротехах) прослеживается не только среди искусствоведов, религиоведов, но и просто среди любителей.

Таким образом, актуальность исследования профессора Г. Ружа заключается не только в том, что раскрываются новые грани в группе меднолитых икон, яркого явления русской художественной культуры, но и в том, что через него укрепляется взаимопонимание и творческие связи между Венгрией и Россией.

Список литературы

1. Белобородов С. А. Старообрядческая иконописная традиция и меднолитый промысел в Зауралье в XVII – начале XX в. / С. А. Белобородов, Ю. А. Гончаров // Сибирская икона. – Омск : Иртыш-92, 1999. – С. 207–212.
2. Ружа Г. Влияние иконописи на абстрактно-геометрические тенденции в русском авангарде // *Dissertationes Slavicae-Sectio Linguistica*. – 1990. – P. 217–221.
3. Ружа Г. К вопросу о связях русской меднолитой иконы с Венгрией // Икона и образ, иконичность и словесность / под. ред. В. Лепехина. – Москва, 2007. – С. 320–325.
4. Ружа Г. К историческим связям старообрядчества с Венгрией: несколько старообрядческих икон в венгерских собраниях // Наука и культура России. – Самара, 2007. – Ч. 1.
5. Ружа Г. Русско-венгерские художественные отношения в средние века / Г. Ружа. – М., 1975.
6. *A Verescsagin-kiállítás magyarázó tárgymutatója*. – Budapest, 1989. – 99 p.
7. *Az ikonfestészet lexikona*. Budapest, 2014. – ?
8. *Ballagy A. Búcsújárárhelyek Oroszországban* / A. Ballagy. – Budapest, 1888. – 25 p.
9. *Gnutova S. Prayers Locked in Bronze. Russian Metal Icons*. Museum of Applied Arts / S. Gnutova, Gy. Ruzsa, E. Zotova. – Budapest, 2005. – 18 p. 4
10. *Gnutova S. Prayers Locked in Bronze* / S. Gnutova, Gy. Ruzsa, E. Zotova. – op. cit 223, № 85.
11. *Ruzsa G. Az ikon: Teológia, Esztétika, ikonográfia, ikonológia, technika* / G. Ruzsa. – Budapest, 2012.
12. *Ruzsa G. Die Bedeutung gegossener Metallikonen im religiösen Leben* // *Slavica Gandensia*. – 1996. – P. 43–52.
13. *Ruzsa G. Icon and Sermon: Russian Metal Icons* / G. Ruzsa. – Budapest, 2015.

14. *Ruzsa G.* Holzgefaste Metall-Ikonen in ungarischen Sammlungen / G. Ruzsa. – Gödöllő : Getterle, 2011. – 52 p.

15. *Ruzsa G.* The Use and Role of Metals in Art of Russian Icons. Technology, Materials, Symbolism, Sacral References // Slavica. – 2015. – P. 87-111.

**THE QUESTION OF THE HISTORICAL AND CULTURAL LINKAGES
BETWEEN RUSSIA AND HUNGARY (FOR EXAMPLE, RESEARCH ROUGE
OLD BELIEVER'S CAST COPPER ICONS)**

O. V. Tarasenko

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk

Abstract. The article analyzes the historical and cultural relations between Russia and Hungary on the basis of common interest in the old believers copper plastic. Attention is paid to the relevance of retaining the afore-mentioned Russian religious heritage.

Keywords: icon, cast copper objects, old, the Austrians, the historical and cultural relationship.

Тарасенко Оксана Владимировна – кандидат философских наук, доцент, кафедра искусствоведения, Институт искусства и социально-гуманитарных наук, Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, e-mail: tarasenkonana3@yandex.ru

Tarasenko Oksana Vladimirovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Art History of the Institute of Fine Arts, Humanities and Social Sciences, Irkutsk National Research Technical University, 85, Lermontova st., Irkutsk, 664047, e-mail: tarasenkonana3@yandex.ru

РАЗДЕЛ «ДЕСЯТЫЕ ПЕТРОВСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Посвященные выдающемуся обществуведо Прибайкалья доктору философских наук, профессору и многолетнему заведующему кафедрой философии Иркутского государственного университета Льву Александровичу Петрову (1908–1975), настоящие чтения организованы учениками яркого философа – профессорами той же кафедры Н. С. Коноплёвым, В. А. Мальчуковым и связаны с актуальной тематикой, развертывание которой предложено нижеисследующими текстами.

УДК 330.85

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ К. МАРКСОМ ТУПИКОВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫХОДОМ НА РАСКРЫТИЕ АЗИАТСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Н. С. КОНОПЛЁВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрены вопросы, связанные с открытым К. Марксом (1818–1883) азиатским – не обремененным частной собственностью – способом производства. Познакомившись с российской действительностью, К. Маркс не находит в ее общинных реалиях «частнособственнических инстинктов», которыми преисполнена западноевропейская цивилизация (евроцивилизация): обернувшись формационно «обустроенным» торжеством капитала, она взметнулась классовой борьбой, «пароксизмом» социального неравенства. Вторым этапом творческой эволюции основоположника научной философии (первый этап теоретической деятельности К. Маркса определен сотворением «Капитала», обосновавшим несостоятельность евроцивилизации) должен был стать анализ цивилизаций, «востребованных» азиатским способом производства. Личная библиотека К. Маркса уже пополнилась до 1500 источников на русском языке, и все шло к тому, чтобы к работе приступить...

Ключевые слова: К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, азиатский способ производства, культура, цивилизация, формация, частная собственность, капитал, классовая борьба, кооперация, культурная революция, социализм, образовательная реальность.

Актуальность раскрываемого учения К. Маркса об азиатском способе производства. Общая характеристика. Нами предложена к рассмотрению эволюция научно-философских воззрений К. Маркса, связанная с двумя направлениями его творческой деятельности. Исходное направление – и пока оно основное – осуществляет формационное обоснование сложившейся на базе частной собственности евроцивилизации. Последняя – свидетельствует настоящий текст – обратила прекрасную половину человечества в товар, что, в свою очередь, содействовало закреплению гендерно «отлаженного» социального неравенства. Женщины не были допущены в цивилизационно складывающиеся общественные отношения, ставшие монополией сильного пола; и цивилизация, как мы видим, развернулась мужскими стандартами. Специально не занимаясь отмечаемой стороной социальной проблематики, основоположники научной философии К. Маркс и Ф. Энгельс (1820–1895) дают, вместе с тем, для ее понимания довольно веские основания. И что это так, видно на примере второго этапа научно-общественной деятельности К. Маркса (конец 60-х – начало 80-х гг. XIX в.), обусловленного теоретико-практическим обеспечением открытого им азиатского способа производства. В статье показано, с каким нескрываемым интересом отнесся уже зрелый, европейски знаменитый ученый к русской общине. Анализ ее проведен в ответном письме К. Маркса активной деятельнице марксистской группы «Освобождение труда» В. И. Засулич (1851–1919) и особенно в «Набросках ответа на письмо В. И. Засулич». Говоря о неприменимости метода «Капитала» к анализу русской общины, К. Маркс, таким образом, открывает отличное от европейского и совершенно на него не похожее цивилизационное ее (т. е. общины) обустройство – русский крестьянский мир. Он живет коллективизмом, используя достижения евроцивилизации, и ему, по К. Марксу, вовсе не следует включаться в перипетии развернувшейся на Западе классово-вой борьбы. Второй этап интеллектуальной эволюции К. Маркса обретает сегодня неподдельно широкий резонанс в связи с бескомпромиссно обостряющейся – с ее классовым «подтекстом» – «борьбой цивилизаций» из-за стремления каждой из них по своему обустроить (точнее сказать: перекроить в интересах отдельно взятой «сверхдержавы») человечество. Речь идет о его выживаемости в глобально – фокусом обретающей мощь негатив-

ной диалектики – «раскручиваемом» динамонеравнестве. Опираясь духовно постигаемыми глубинами прошлого, К. Маркс определяет коммунизм как важнейшую предпосылку образовательно пролонгируемой общечеловечности. ...Ленинское учение о культурной революции – означено в тексте – напрямую использует предварающую цивилизацию эпоху культурного строительства (где ведущее положение было за представительницами слабого пола) с ее образовательным настроем, чтобы с классовых позиций оценить – и затем подвести к исполнению – встающие перед человечеством проблемы социального равенства, снятия различных форм отчуждения, достижения подлинной дружбы в отношениях между странами и народами.

К. Маркс – Гражданин мира: патриот-интернационалист. Становление Карла Генриха Маркса – мыслителя и ученого – оказалось обусловленным западной цивилизацией с ее очевидным евроцентризмом, опиравшимся на колониализм Англии, Испании, Португалии, Франции, Голландии и подобных им «прогрессивных соучастников» (что служит показателем преступной деятельности евроцивилизации в отношении «остального человечества»), а также на общественное движение середины – второй половины XIX столетия, когда рабочая Европа решительно заявила о себе антикапиталистическим пролетарским движением. Будучи уроженцем немецкого юго-запада (прирейнская Пруссия), К. Маркс дорожил малой родиной (приведем его слова: «...на моей родине – в Трирском округе» [1, с. 403] и сочетал выявляемую к ней сердечность с действенным интернационализмом. Благодаря столь значимому для общего дела амбивалентному самовыражению К. Маркс предстает отнюдь не космополитом, но гражданином мира – вождем антибуржуазного освободительного движения (значит, пафосно произносимые сторонниками К. Маркса слова о нем: «Гражданин мира!» сопрягаются присутствием малой родины в сердце человека, осуществившего исторически выпавшую на долю борца за счастье простых людей грандиозную перестройку общественного сознания). Как гражданин мира К. Маркс соотносил себя с обездоленными (он и был, метафорически выражаясь, пролетарием умственного труда – человеком, жившим результатами своего духовного багажа) слоями общества, не имеющими подлинного отечества. Зато они, по мысли теоретика революционного переустройства основ непра-

ведной жизни, бескомпромиссной борьбой с властью имущими непременно отвоюют священное право на преобразование Земного Шара «свободным трудом свободно собравшихся людей» (В. В. Маяковский /1893–1930/). И, став владыкой мира, труд объединит их последовательной приобщенностью как к малой родине, так и к Родине Большой. Преодолев монотонность «социального беспросвета», человечество освободится из-под гнета отчуждающе-однообразного повседневно, о чем способен засвидетельствовать веер открывшихся возможностей ходом массовой индивидуализации социума. ...Вырабатываемые К. Марксом идеи социального равенства настойчиво овладевали различными плотно обживаемыми территориями ойкумены. Подспудно оперируя **статусом** гражданина мира, К. Маркс на *деле* предстает «региональным» патриотом, содействующим становлению своего жизненно оправданного учения – с российской, китайской, вьетнамской, кубинской и иной спецификой. Глокализирующаяся (термин выражает тесную связь глобального и локального) направленность мировоззрения К. Маркса позволила, сопоставив отдельные регионы, выявить их исторически насыщенную специфику.

Частнособственнический «прогон» евроцивилизации. Ее классовая направленность. ...К. Маркс – носитель евро сознания – с классовых позиций обследовал то, что со временем воспроизвелось содержанием понятия «европейская цивилизация». Суть ее безошибочно «прочитываема» величайшим интеллектуалом. Это позволило ему, формационно «раскрыв» евроцивилизацию, выйти на изучение иных – еще не познанных на то время – структур общежития. ...Евроцивилизация, по К. Марксу, сформировалась под воздействием частной собственности, считавшейся обязательным ее атрибутом. Звучит несомненно убедительно. И приглядимся повнимательнее к разбираемой проблематике. ...Вид Homo Sapiens существует двести тысяч лет, из них львиная доля оказалась отведенной культурному строительству. Оно воспроизвелось наработкой жизненных традиций, без которых мы бы исчезли бесследно... Человечеству повезло из-за того, что оно социализовывалось под влиянием природных условий, выражением которых становились приемлемые для нормального существования разбросанные по разным территориям экологические ниши. Одна из них оказалась в Юго-Западной Африке, откуда, считается, вышел «род людской». Кроме того, начальному этапу

социализации способствовало стремление наших предков наращивать сплоченность усиливающимся коллективизмом. Она – сплоченность – как форма социализации, по мнению этологов, присуща всему живому. Так, пчелы роятся, муравьев объединяет выстраиваемое ими «общезитие» – «многоэтажно» отлаженный муравейник, высокоорганизованные животные тяготеют к стадности. Названные способы социализации укрепляют жизнедеятельность силою совместно обретаемых инстинктов. Это приводит тот или иной вид к устойчивости, обуславливающей его предкультурное воплощение. Культура же вытекает из сознательного – отсутствующего у животных – отношения к прошлому, и ее надлежит рассматривать – повторимся – как систему нарабатываемых традиций. Приписываемые животному миру неосознаваемые традиции выступают производными от регулярно повторяющихся ритмов природы. Люди также задействованы глобальной ритмикой, воистину для них являющейся системой традиций, определяющей культуру в собственном значении. Будучи «объемно отделанной традицией», культура обретает коллективную направленность: она – важнейший способ творческого применения совместно возводимых традиций. Сказанное наиболее полно отозвалось в среде неантропов (т. е. деятельностью вида *Homo Sapiens*). Те же неандертальцы – предшественники людей, не сумев создать культуру, оказались «по ту сторону бытия»... Возникает, однако, вопрос: почему пусть и недостаточно связанные коллективностью неандертальцы исчезли, а, например, муравьи, пчелы, вовсе не знакомые с нею, стабильно переходят из одной геологической эры в другую? По предварительному мнению, биологически менее совершенные обитатели обладают повышенными степенями естественной защищенности, чего не скажешь о их высокоорганизованных – наделенных рации – «покровителях». Наука, полагаем, расставит здесь точки над *i*. Сейчас нас интересует другое: куда культура подтолкнула традиционно складывающийся социум и что после этого случилось с нею? Традиции – выражение устойчивости – очерчены порогом становления социальной формы движения материи. Движение – способ ее существования – включает две стороны: устойчивость и изменчивость. Ведя речь об устойчивости, наполняем ее материальным носителем: им выступает слабый пол. Он весьма заинтересован в ней, поскольку женщины, репродуцируя поколения,

формируют устойчивую ячейку зарождающегося общества – семью, без которой социум не способен сорганизоваться. ...Слабый пол затверждает устойчивость как одну из двух сторон складывающейся социальной формы движения материи. Но семья – фокус открывающегося общества – далее совершенствует его настрой, проявляющий себя все более отлаживаемой изменчивостью, предметно «раскручивающейся» сильным полом. А создаваемая женщиной «моногамия» оборачивается патриархальной семьей – обустроивается сильным полом, что весьма симптоматично. Мужчины, овладевая культурой, намеренно свертывают традиции, и прогресс как опредмеченная изменчивость начинает занимать ведущее положение в жизни человечества. Оттеснив традиции, прогресс устремлен на реализацию диалектической с ними соотнесенности (выполняя ведущую роль в затверждающейся объективной диалектике). Социально крепнущая диалектика изменчивости и устойчивости выверяет становящуюся с этого времени социальную форму движения материи, и моногамная семья претворяется ее специфическим носителем (попутно заметим: специфический носитель характерен для любой формы движения материи, и без него она не осуществима). ...Социальная форма движения – прежде чем ей состояться – имела за собою более чем 150 тыс. лет предысторического наполнения. Это убедительно свидетельствует о том, что жизненно оттачиваемый «социальный материал» снимал все случайности ее неадекватного развертывания. Но фактор убедительности уступил место неопределенности, «всплывшей» под натиском цивилизации – «устроителя» социальной формы движения. Данное положение подлежит специальному разбору – контекстом учения К. Маркса об обществе. Следует отметить, что формационная теория развития К. Маркса с ее классовой составляющей не обязательно должна носить – как это вышло на деле – глобализующий характер. Осознавая сие, К. Маркс не мог не понимать, что универсализация европеизма осуществилась за счет рывков, показателем которых стало формационное торжество цивилизации. Под влиянием открытого Западом слаженного общемирового прогресса приглушались остальные «острова цивилизации» (а их, по современным данным, свыше двадцати). К. Маркс, разработав учение о преодолении формационно «заточиваемого» прогресса, нашел его (т. е. преодоление) в классовой борьбе – с осуществле-

нием того социального равенства, которое опредмечивает пролетарская революция.

Вместе с мудрыми наставниками продолжаем обсуждать тему частной собственности. Отмечаемый выше вариант развития К. Марксу и его сторонникам казался наиболее приемлемым. Вместе с тем мысль К. Маркса «распечатывалась», условно говоря, турбулентной духовностью (все более овладевавшей сознанием неутомимого труженика), и он искал разумный выход для погрязшей формационными тупиками пресловутой евроцивилизации. ...Снова обратимся к частной собственности, заявившей о себе «жизненными еврооборотами». Став фундаментом западной цивилизации, частная собственность как «всемирно-исторический фактор» в его «прибавочно-стоимостном амплуа» всесветно экстраполировалась... К. Маркс внимательно исследует стимулирующую капитал частную собственность, рассматривая его в качестве универсального манипулятора рабочей силой. Рост капитала обусловлен присвоением его владельцем отчуждаемой от тружеников прибавочной стоимости (иначе говоря, капиталист обогащается за счет прибавочной стоимости – способа «вполне законного» ограбления широких слоев населения). Но можно возразить: эксплуатация процветала и до наступления цивилизации. С этим трудно спорить, так как издревле сложившаяся «формула» противостояния «мы и они» выражала типичный образ жизни «дикарей» (мы закавычили «дикарей» как не совсем адекватную характеристику первобытного социума, ибо культура обустроивается гомосапиентизацией «сословия дикарей»). Более того, братьев по древу рода Номо – неандертальцев – свели на нет неолит, а это – мы с вами (поскольку, однако, ДНК человека включает «неандерталоидное присутствие», выходит, осуществлялось не только «кровавое», но и мирное «переваривание» неандертальцев гомосапиентным окружением). Как бы то ни было, всяческие противоречия между «нами» и «ими» усиливали социотрадиции, воспроизводящие вехи культурного строительства, где, повторяем, главное заключалось в становлении многогранной семьи. И эта задача решалась – как мы отметили – плавным течением первых полутора тысяч лет жизни вида *Homo Sapiens*. «Цитируемое» время, связав первобытный коллектив узами социального равенства, в итоге закрепило его многогранной семейственностью. В этом суть охватившего человечество

культурного строительства (плавно – за счет «моногамизации» – направляющегося к «цивилизационным берегам»). Оно усиливается массовым коллективизмом, заглушающим попытки индивидуализации. Но именно коллективизм с его свершившейся моногамностью подталкивает широкие слои населения к цивилизации, которая, противостоя культуре, преодолевает традиции всеобъемлющими достижениями прогресса. Главное в нем – творчество, «легализуемое» массовой индивидуализацией. Не «скатись» культура к «семейному обиходу», вряд бы случились массовая индивидуализация и связанный с нею прогресс. Однако истории претит сослагательное наклонение, и разделение социума на «мы» и «они» твердо приобщало людей – и речь здесь преимущественно ведем о евроцивилизации – к частной собственности. Частное владение успешнее «произрастает» оттеснением коллективизма индивидуализированной репрезентативностью социума.

...Путь к частной собственности пролегал через то, что Ф. Энгельс назвал «всемирно-историческим поражением женского пола» [2, с. 60]. Поражение женского пола – своеобразное преддверие к утверждаемой цивилизацией частной собственности как виду частного владения одушевленным (или неодушевленным) «материалом». Этот «материал», «арендно» предоставленный третьему лицу (или «корпоративу»), приносит его владельцу «товарное довольствие»: очевидную прибыль. ...Созданная культурными усилиями прекрасного пола моногамная семья вследствие его поражения становится патриархальной. Ею овладевает сильный пол, зависающий складывающейся цивилизацией над достижениями теперь уже культурного (т. е. насыщенного женственностью) прошлого. Этими цивилизационно вбрасываемыми подвижками обусловлено становление частной собственности как постоянно воспроизводимого внутрисемейного взаимоотношения мужчин и женщин; и ведущее положение здесь – за сильным полом. Зарождаясь в недрах моногамной семьи, частная собственность предстает «всеобъемлющим» феноменом – ликом женщины. Цивилизационное строительство «осветило» рабство представительниц слабого пола в качестве своеобразного закона общежития. Кстати, отметим: борьба К. Маркса за эмансипацию женщин включает осознание им исторической роли представительниц слабого пола в организации того, что сегодня запечатлелось часто повторяемым «слоганом»: «Социальная форма движе-

ния материи». Но в своем главном труде «Капитал» основоположник научной философии генезис капитализма, вырастающего из частной собственности, прямо не связывает с делением общества на сильный и слабый пол. Это выходит за рамки исследовательской программы, разработанной великим ученым. Вместе с тем соратник К. Маркса Ф. Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства», соединив «великое поражение женского пола» с «цивилизационным вторжением» на его территорию мужчин, раскрыл – повторимся – источник частной собственности в усилении женского неравенства. Отмечаемая линия у К. Маркса и Ф. Энгельса не получила прямого развития, но они понимали важность исследований в этом направлении.

Вклад Н. Я. Данилевского в раскрытие цивилизационного пути человечества. В 1869 г. появляется весьма представительный труд отечественного ученого и мыслителя Н. Я. Данилевского (1822–1885) «Россия и Европа», рассматривающего общество как единство качественно различных культурно-исторических типов, наполняющих возвращаемые на их основе иные цивилизации. В этом «реестре» Европе отведена важная, но не исключительная роль. Помимо европейской существуют другие цивилизации, такие, к примеру, как молодая российская. Н. Я. Данилевский подчеркнул ее непреходящее значение. Предшествовавшие Н. Я. Данилевскому славянофилы и западники не видели в России той оригинальности, которую нашел в ней «поздний любомудр». После Н. Я. Данилевского цивилизационную тематику осваивают О. Шпенглер (1880–1936), А. Д. Тойнби (1889–1975) и другие обществоведы. В этой связи, очевидно, не будучи знакомыми с трудом Н. Я. Данилевского, К. Маркс и Ф. Энгельс, идя тем же путем, высказывают по-своему интересные – и мы стараемся на них задержать внимание читателя – суждения о перспективах все еще становящегося человечества.

Эволюция взглядов основоположников научного мировоззрения на роль различных видов собственности в цивилизационных преобразованиях. К. Маркс о русской общине в связи с открытием азиатского способа производства. Так, 6 июня 1853 г. (т. е. за несколько лет до издания вышеназванного труда Н. Я. Данилевского) Ф. Энгельс пишет К. Марксу: «Отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока. В этом основа всей его политической и рели-

гиозной истории» [3, с. 221]. Причину этого Ф. Энгельс находит в климате и почве. Идею друга подхватывает К. Маркс, выразив статьей «Британское владычество в Индии» положение о «системе сельских общин» как «своеобразной социальной системе» [4, с. 134]. Ее своеобразие выводит К. Маркса на открытие азиатского способа производства, о чем свидетельствует вышедший в 1859 г. труд классика «К критике политической экономии». «В общих чертах, – констатирует К. Маркс, – азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [5, с. 7]. Интересующий нас азиатский способ производства рассматривается еще по аналогии с производственными установками евроцивилизации, что не проясняет общественно-производственной направленности его выбора. Тем не менее он заявил о себе обуславливающей его общественной собственностью на средства производства (а иначе – полагаем – быть не может, хотя в советской обществоведческой литературе *однозначное* истолкование «азиатского способа производства» не привилось). Но коли это так, женщины на Востоке на равных с мужчинами выстраивали общую для устойчивости и изменчивости систему связей, и азиатский способ производства корректировал схему формационного расклада общества. ...Весьма показательными для К. Маркса являются «Письмо В. И. Засулич» (1881) и «Наброски ответа на письмо В. И. Засулич» (1881). В них К. Маркс отвечает на вопрос русских марксистов о путях развития России. Ответное письмо К. Маркса, пролежав без движения десятилетия, опубликовано в 1924 г. – после Великой Октябрьской социалистической революции. Приходится сожалеть об этих «цветах запоздалых»... В письме «дорогой гражданке» К. Маркс высказывает важное положение о возможном совершенствовании русской общины. Он пишет: «Анализ, представленный в “Капитале”, не дает <...> доводов ни за, ни против жизнеспособности русской общины. Но специальные изыскания, которые я произвел на основании материалов, почерпнутых мной из первоисточников, убедили меня, что эта община является точкой опоры социального возрождения России, однако для того чтобы она могла функционировать как таковая, – завершает свою мысль К. Маркс, – нужно было бы прежде всего устранить тлетворные влияния, которым она подвергается со всех сторон, а затем обес-

печать ей нормальные условия свободного развития» [6, с. 137]. Из приводимого текста следует: 1) К. Маркс не считает «Капитал» «компетентным источником» в раскрытии русской общины; 2) община «является точкой опоры социального возрождения России». Открыто признав неприменимость «Капитала» к изучению общинного хозяйствования, строгий ученый очерчивает приложимость своего эпохального труда лишь к евроцивилизации. Русскую общину, которая, возможно, для К. Маркса стала бы «первоисточником» в «прочтении» азиатского способа производства, он проанализировать не успел. Тем не менее обнадеживает его заявление об общине – знаменателе отечественного возрождения. В подготовительных материалах к рассматриваемому письму эта проблема оригинально истолкована. К. Маркс отмечает, что в России «...земля никогда не была *частной собственностью* русских крестьян» [7, с. 400]. Сельская община «может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе. Именно благодаря тому, что она является современной капиталистического производства, она может усвоить его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии» [Там же, с. 401]. Приводимое положение содержит программу не только экономического становления России, но приоткрывает горизонты ее внеформационного совершенствования. В самом деле, с какой формацией соотносима русская земельно-общинная община, если она преисполнена «первобытных черт» [7, с. 401], в которых отсутствует любая цивилизационная составляющая? К. Маркс склоняется к мысли о том, что стране нет резона переходить на рельсы капитализма. Однако он не абсолютизирует свое видение дальнейшего пути России, но лишь стремится осмыслить ее «пореформенный предел» с целью возможной привязки его (т. е. дальнейшего пути) к соответствующему «формационному амплу». Задача не из легких. Не оттого ли группа «Освобождение труда» Г. В. Плеханова (1856–1918) подвергла замалчиванию «несвоевременные размышления» пророка пролетарской духовности? Русская община является тем, что дискредитирует современный К. Марксу капитализм: «<...> перед ней капитализм – в состоянии кризиса, который окончится только уничтожением капитализма и возвращением современных обществ к “архаическому” типу общей собственности. <...> Итак,

не следует особенно бояться слова “архаический”» [Там же, с. 406]. Значит, русская община (а также общинный уклад) не вписывается в известные К. Марксу формации: она отдалена от них иной жизненной плоскостью. Конечно, было бы странно видеть в приводимых словах К. Маркса некий некролог формационному промеру общества. Но и не заметить того важного обстоятельства, согласно которому К. Маркс отходит от евроцентризма, также было бы неправомочно. Это кажущееся раздвоение научного сознания К. Маркса связано с его преодолением абсолютизации европейской цивилизации; и азиатский способ производства закрепляет в сознании К. Маркса поливариативность законов истории. С одной стороны, К. Маркс вскрывает жизненную состоятельность и неповторимость евроцивилизации. Но в итоге оказывается, что ее формационный срез поглощается той архаикой, которая обладает достоинствами вечной новизны. Можно сказать, что включенность – благодаря В. И. Засулич – К. Маркса в «русские дела» несомненно расширила ранее сложившиеся у него представления о поступательности производства: производство постоянно прогрессирует, но это не значит, что решаются социальные вопросы, связанные с утверждением равенства, поисками смысла жизни. Возводя социальную архаику до уровня современности, К. Маркс стимулирует пересмотр времени с позиций стягивающей его статической концепции; и сельская община, включающая прошлое, настоящее и будущее, обретает «жизненную вечность». Она оттесняет с ведущего положения (выражающую суть евроцивилизации) формационность и становится очевидным: человечество, если оно стремится выжить, не должно – и этим отличается общинное хозяйствование – отстраняться от земли, даже если она предстает ноосферно сорганизованной. В другом месте подготовительных материалов к ответу на письмо В. И. Засулич архаику сельской общины К. Маркс характеризует как коммунистическую. Он пишет: «...форма коммунистической собственности в России есть наиболее современная форма архаического типа, который, в свою очередь, прошел через целый ряд эволюций» [7, с. 413]. Из этого также можно сделать вывод о том, что коммунизм для К. Маркса служит характеристикой всей человеческой истории. «Капитал» К. Маркса – великое произведение, вскрывающее несостоятельность евроцивилизации. Оно провидчески очерчивает путь более совершен-

ного обустройства общества, связанного с достижением социального равенства, и азиатский способ производства переносит нас в иную «цивилизационную конъюнктуру». Здесь значимым является то, что мы должны проследить соотношение устойчивости, представленной слабым полом, и изменчивости, воплощенной мужским началом, с целью выявления важного положения о том, почему внеевропейские цивилизации, выдержав испытание временем, не скатились на «частнособственническое довольствие» – не обустроились за счет низведения представительниц слабого пола до «товарного прозябания». Взывая к прошлому как к современности, К. Маркс видит в нем условие социального возрождения на неизменной основе подлинной человечности, и архаика здесь всплывает повсеместно продлеваемой жизнедеятельностью.

От азиатского способа производства – к образовательной тематике. Выше было сказано, что, согласно К. Марксу, евроцивилизация сложилась на базе частной собственности. Развивая это положение, мы попытались уточнить время становления частной собственности, и оно – повторимся – совпало с генезисом цивилизации. Но именно в этом периоде, согласно Ф. Энгельсу, женский пол подвергся мужской кабале. Этим потрясающим историческим фактом обусловлена спецификация феномена частной собственности. Она получает у К. Маркса свернутое выражение, так как не является значимой в распределении уже сложившихся классовых ролей. Анализируемый К. Марксом капитал безразличен к манипулируемому им человеческому труду, и «женский стимулятор» генезиса частной собственности утрачивает силу. Но чисто человеческий аспект рассматриваемой тематики имел для К. Маркса непреходящее значение, о чем свидетельствуют его постоянные усилия, направленные на рассмотрение положения женщин при капитализме. Придавая особое значение женскому вопросу, К. Маркс открывает перспективу обнаружения его сути с позиций азиатского способа производства. Действительно, если при этом способе производства частная собственность отсутствует, значит женщина не испытывает того унижающего ее достоинство воздействия, какое сказалось на ней в ходе отмеченного выше поражения слабого пола. Равенство мужского и женского начал, подчеркиваем мы, возможно в условиях возвращения населения к – используя выражение К. Маркса – «коммунистической собственности» [7, с. 412]. О ней с опре-

деленностью свидетельствует К. Маркс, отмечая, что грядет «кризис, который кончится уничтожением капитализма и возвращением современного общества к высшей форме наиболее архаического типа – к коллективному производству и коллективному присвоению» [Там же, с. 408]. Но именно коллективизм как проводник коммунистической собственности – по К. Марксу – обеспечивает паритет в отношениях между мужской и женской составляющими народонаселения. В этой связи представляется интересным указать на подспудно владеющий сознанием К. Маркса взгляд на образование, сыгравший значимую роль в осмыслении надстроечных явлений, соотносимых с разрабатываемой К. Марксом диалектикой базиса и надстройки.

Сегодняшняя картина образовательной реальности – под марксистским углом зрения. На раннем этапе культурного строительства, которым определяется процесс последующего цивилизационного совершенствования человечества, преимущественно женскими усилиями закладываются основы широко затем заявившего о себе образования. Суть его сводится к тому, что социально воспроизводимая устойчивость – а это женская половина населения – стремится усилить устойчивость приобщением «мужской половины» человечества к набирающим мощь традициям общежития. Образование с неизбежностью обретает практически-духовную «стилистику», объединяющую человечество в единое целое. Последнее становится таковым ввиду все более усиливающейся амбивалентной соотносимости в отношениях между социальными устойчивостью и изменчивостью. С одной стороны, как было отмечено, традиции спешат завершиться многогранной семьей и тем самым предвосхитить цивилизацию; с другой – указанное предвосхищение напрямую связано со становлением субъектной репрезентативности индивида, которая обнаруживает себя прорывающейся к свету духовностью. Обращаясь к ней, образование по-настоящему связывает культуру и цивилизацию. Тяготая к культуре как источнику своего становления, образование стремится облагородить ею цивилизационное обустройство поднимающегося общества. И здесь оно вступает в мало примиримое противостояние с растущими достижениями цивилизации. Эти достижения в основном связаны с массовоиндивидуализированным и преодолевающим традиционализм сознанием. Кроме того, образование в своем стремлении инсти-

туционализироваться выводит на общий уровень культурные традиции и цивилизаторский прогресс. Однако цивилизация, как мы знаем, своим скептическим отношением к устойчивости (претворенной женским началом) оставила ее за бортом складывающихся общественных отношений. Цивилизация низвела образование до сугубого прагматизма. Это свидетельствовало о том, что оно, утрачивая творческий настрой, обслуживало цивилизацию в ее «потребительском истеблишменте». Под его воздействием сложилось универсальное потребительство, интенсифицировавшее цивилизацию высотами НТР. При этом планка общей образованности упала до уровня «маскультовских предпочтений». Классово структурированная цивилизация лишила образование самостоятельности. Обслуживая цивилизацию, образование на довольно продолжительное время вынуждено было следовать требованиям власти имущих. Это выразилось в том, что оно, утрачивая андрагогическую насыщенность, сжимало климат эпохи тисками социодуховной ограниченности – неизбежным следствием однобокого цивилизационного совершенствования. Да и совершенствование ли это, коль скоро общество впадает в глобально охватываемый динамонеравновес и человеческое самоотчуждение пронизывает все уровни жизнедеятельности как отдельного человека, так и значительных групп населения? ...Образовательный подъем, открывшийся началом культурного строительства, организован слабым полом как выражением преемственности в отношениях между родителями и детьми. С наступлением цивилизации образование поглощается классовостью, настаивающей прежде всего на обучающе-воспитательном преломлении образовательной реальности. Это связано с тем, что прогресс подталкивает «цивилизаторство» к прикладному выбору. В результате организовываемые достижения сводятся к капитализированному потребительству. Капитал как способ манипуляции человеческим трудом видит в работнике лишь средство собственного «совершенствования», т. е. роста прибыли в глобальном измерении, и он – бесчеловечен. Усиливая воздействие на социум, капитал «железной пятой» «утюжит» его: опускает ниже достойного – общечеловечного – уровня. Борьба с капиталом настроена на преодоление потребительства как нормы жизни. Если она окажется успешной, место капитала займет свободный труд и человек раскрепостится: преодолеет отчуждающие

его ложные нормы жизни. Но выход за пределы отчуждения неизбежно выталкивает цивилизацию из игры. Общество как носитель цивилизации сохраняется, но настаивает на коренных изменениях. Суть их – достижение социального равенства. ...Евроцивилизация, обусловленная частной собственностью, носителем которой – неоднократно отмечено выше – стал факт поражения женского пола, изначально пошла по ложному пути. И хотя она определила становление социальной формы движения материи, последнее приобрело одностороннюю направленность: устойчивость в этом движении, представленная женским началом, не нашла паритетного с мужским интересом воплощения. Разбалансированность в сфере социального движения порождает иллюзорно-компенсаторный феномен христианской религии, направленный на преодоление исторических тупиков, допускаемых ходом цивилизационного обустройства социума. Но иллюзия не способствует конструктивному решению проблемы. Двигаясь мужскими стандартами, евроцивилизация, спровоцированная капиталом, подводит народонаселение земного шара к вселенскому тупику. Анализируя капитал, К. Маркс делает научный вывод о замене всего того, что связано с социальным неравенством – а это уже не только Европейский континент, но многие территории за его пределами, новой – внеформационной – реальностью, именуемой коммунизмом. Его генезис восходит к общинному прошлому, преисполненному (выводящими на одну плоскость мужское и женское начала) образовательными ценностями. Наша современность (образуясь контекстом марксистского мировоззрения там, где в ней господствует социальное равенство) в своих общечеловеческих проявлениях последовательно претворяет заветы Учителя. Образованию здесь отводится главенствующая роль. Оно становится не только социальным институтом, но обретает надьинституционализированный вес, вбирая высшие духовные ценности и равномерно наделяя ими приобщающиеся к толерантному сосуществованию группы населения. Будучи духовной опорой совершенствующейся человечности, образование усиливает приобщение молодежи к идеалам социального равенства, внутреннюю связь поколений. Осознавая значение открытого К. Марксом азиатского способа производства, мы горды стремлением К. Маркса изучить указанный способ прежде всего на трудовой ниве дорогого нам Отечества.

Заключение. Ленинская культурная революция: ее образовательное самоутверждение. Отталкиваясь от научных высот, выстроенных К. Марксом, подчеркнем образовательную составляющую деятельности основоположника научной философии, благодаря которой социальные перемены фиксируются культурно-революционным измерением. В раскрытии этой проблематики особую роль приобретает ленинское учение о культурной революции, конспективно воспроизводимое одной из последних работ вождя – статьей «О кооперации». В ней В. И. Ленин (1870–1924) утверждает: «<...> мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм» [8, с. 370]. «Эта коренная перемена, – продолжает Владимир Ильич, – состоит в том, что <...> у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству» [Там же, с. 376]. Рассматриваемое культурничество служит образовательной основой кооперирования отечественного крестьянства. «При условии полного кооперирования, – завершает свое рассуждение В. И. Ленин, – мы бы уже стояли обеими ногами на социалистической почве» [Там же]. Однако «<...> полное кооперирование невозможно без целой культурной революции» [Там же]. На деле В. И. Лениным предложена установка на выработку образовательно воспроизводимых традиций, руководствуясь которыми кооперируемое крестьянство – под руководством рабочего класса и Коммунистической партии – осуществляет построение нового мира. Заданная В. И. Лениным программа культурной революции, диалектически соотносясь с критикой К. Марксом капиталистического строя (вызывающего губительное самоотчуждение индивида и социума), а также обусловливаемой частной собственностью евроцивилизации, приобретает всемирно-историческое значение в условиях образовательно развернувшегося ноосферного строительства. Современное инновационно воспроизводимое образование тяготеет к точечному освоению ноосферы – с перспективой ее глобального развертывания в условиях непереносимого торжества грядущего социального равенства. И человечеству, если оно стремится выжить, иного не дано.

Список литературы

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21.
3. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28.
4. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13.
6. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 35.
7. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19.
8. Ленин В. И. ПСС. Т. 45.

THEORETICAL OVERCOMING OF MARX DEAD-END COMPONENT OF THE EUROPEAN CIVILIZATION ACCESS TO THE DISCLOSURE OF THE ASIAN WAY OF PRODUCTION To the question

N. S. Konoplev
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The issues associated with open Karl Marx (1818–1883) Asian – not burdened private property – means of production. Acquainted with the Russian reality, Marx finds in her community realities “private-property instincts”, which is of Western European civilization (evasivelythe): turning formational “a” Festi-tion of capital, it has raised the class struggle, the “paroxysm” of social inequality. The second stage of creative evolution, the founder of scientific philosophy (the first phase of theoretical activity K. Marx defined the creation of Capital, to justify the failure of the evrotsivilizatsii) was to be the analysis of civilizations, “in demand” Asian mode of production. The private library of Karl Marx has replenished up to 1500 sources in the Russian language, and all went to the fact that to begin work...

Keywords: K. Marx, F. Engels, V. I. Lenin the Asiatic mode of production, culture, civilization, formation, private property, capital, class struggle, cooperation, cultural revolution, socialism, the educational reality.

Коноплёв Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, кафедра философии и методологии науки, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-411, тел.: 8(3952)334372, e-mail: nikolay.konoplev@gmail.com

Konoplev Nikolay Sergeevich – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-411, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: nikolay.konoplev@gmail.com

**САКРАЛИЗОВАННАЯ ФАНТАСТИКА
«МАСТЕРА И МАРГАРИТЫ» – ОРИГИНАЛЬНЫЙ ОПЫТ
ФИЛОСОФИИ ЧЕЛОВЕКА**

В. А. МАЛЬЧУКОВ, Н. В. МАЛЬЧУКОВА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Анализируется философско-антропологическая концепция, представленная в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Раскрывается смысл религиозно-фантастического контекста произведения в авторском обосновании противоречивости природы личностных свойств человека.

Ключевые слова: сакральность, реальность, индивидуализм, коммуитарность, личность.

В романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» воспроизводятся два времени и три мира: реальный мир Москвы, современной писателю, древний мир провинции Римской империи (Ершалаим) – реальные миры и времена – и сверхъестественный мир, взятый хотя и в его фрагменте (деятельности сатанинского начала), но не лишенный при всех его универсально фантастических свойствах экзистенциально значимых для реального бытия характеристик, охватывающих всю гамму проявлений и отношений между полюсами добра и зла. Значение и назначение каждого из миров неоднородно как в художественно-генетическом, так и в философском смысле. Дело в том, что в романе репрезентировано уже «сверхновое» время с его удивительными и трагическими гуманитарными коллизиями, связанными с уникальной обстановкой ранней истории Советской России, обстановкой, как бы резко вырвавшей регион из уже, хотя и вечно угрожающей, но в общем пока «утихомирной» буржуазности европейского мира. Здесь возникли весьма конфликтные и напряженные «гуманитарно-гуманистические» условия осуществления и самоосуществления человека, в которых напряженно реализовались, с одной стороны, претензии на некоторый абсолютистский властный авангардизм, с другой – часто искусственный «ответный» массовый энтузиазм в стремлении не отстать от авангарда. Все это обостряло уже небезызвестный в истории гуманитаристики конфликт между справедливостью и подделками под нее, волюнтаристской практикой административно-командной стороны и потребностью реального учета возможностей, представ-

ляемых действительностью. Поэтому-то центральное место в романе принадлежит отображению и изображению мира реальности; остальные миры изобразительно и концептуально пронизывают реальный мир с целью достичь углубленного проникновения в его проблемность и обеспечить предельно насыщенную художественность в выражении этой проблемности.

Здесь, пожалуй, излишне говорить о замечательном авторском мастерстве, проявившемся в сценически буквально зримом представлении такого синтеза. Дело, однако, далеко не исчерпывается результатами художественной изобразительности и выразительности. Знаменательный герой романа «в романе» – Иешуа (он же Га-Ноцри) выступает олицетворением коммуитарной установки в истолковании перспектив общественного человеческого бытия. Любая власть для него означает насилие, а потому он ожидает исчезновения кесарей, императоров и наступления царства истины и справедливости. Общая основа таких ожиданий для него состоит в доверии к людям, а также в неколебимой вере в то, что все люди добрые. Прокуратору он замечает: «Беда в том... что ты слишком замкнут и окончательно потерял веру в людей» [1, с. 22]. А на вопрос Пилата о том, добрый ли человек Иуда из Кириафа, отвечал: «Очень добрый и любознательный человек... он выказал величайший интерес к моим мыслям, принял меня весьма радушно...» [Там же, с. 26]. Именно эти раннехристианские убеждения привели Иешуа к неминуемой казни.

В целом это и есть позиция абстрактного и утопического коммуитаризма, которая своим полным рассогласованием с практикой, а тем более с политической и военной жизнью, вызывает со стороны Пилата оценку Га-Ноцри как сумасшедшего бродячего философа. Совсем других взглядов, естественно, придерживается Понтий Пилат. Принадлежа к одной из ведущих групп римской общественной иерархии и занимая высокий пост правителя (прокуратора) в Иерусалиме (Ершалаиме), он, с одной стороны, – неуклонный исполнитель устремлений и приказов римской власти, с другой – умный, коварный и жестокий политик, вынужденный занимаемой должностью к лицемерию и продажности. Носитель подобных характеристик, он далек от реализации каких-то христианизированных добродетелей. Ему близки, скорее, такие античные черты, как мудрость, отвага, боевое содружество, прочно основанные на эгоцентризме. Словом, это ха-

рактирует данного героя как яркого носителя и выразителя черт индивидуально-личностных, субъективистских, т. е. индивидуалистических и эгоцентрических черт гражданина античного типа.

Отмеченные характеристики каждого из героев, конечно же, нельзя воспринять как безусловные, и противоположность персонажей также относительна. Оба проявляют личную содержательность, ум, тонкую психологическую проницательность и определенное взаимоуважение, несмотря на принципиальную разницу статуса: один (Пилат) – высокопоставленный государственный администратор, предельная надзорная и судебная инстанция; другой (Иешуа) – скромный арестант-проповедник, решительно не понимающий всей опасности своего положения. Соответственно, первый имел все возможности проявить ко второму пренебрежение и безразличие, а второй мог бы впасть в униженное заискивание перед могучим владыкой. Однако вместо этого в ситуации допросного диалога он держался с достоинством, умно и стойко.

Римско-имперская субъектность Понтия Пилата – это не все, что характерно для него. В ходе допроса в нем начинает проглядывать «общечеловеческая» человечность, свойственная Иешуа, когда Пилат постепенно осознает невиновность Иешуа и, следовательно, необходимость предотвратить его казнь после подписания приговора. Значит, Пилат все-таки способен как-то воспринять точку зрения Иешуа в вопросе об истине и справедливости общественного бытия. Под ними Иешуа имеет в виду жизненную свободу, т. е. личный выбор и гармонию в личном самоуправлении, когда предмет заботы всех – личность, а она заинтересована в благе всего общества. Не случайна для Пилата и часто повторяемая им характеристика своей должности как проклятой, так как она полностью отрицает такие установки. Это-то и выражает незакрытость субъектности Пилата для общечеловеческой коммунитарности. Когда же справедливость при помощи психологического давления на иудейского первосвященника отстоять не удастся (а от военного принуждения Пилат отказывается из-за сомнительности его успеха и почти полной вероятности осложнения политической обстановки в Ершалаиме), то прокуратору остается типичный для политика шаг – тонкая организация и осуществление тайного убийства Иуды. Это, конечно, компенсация слабая, но все-таки знаковая в плане неоднозначности нату-

ры прокуратора. Кроме того, к этому прибавляется еще и то, что он способен признать общую гуманитарную одаренность Иешуа (знание языков, психологическую чуткость).

Итак, оказывается, что Пилат отнюдь не чужд (по Булгакову) коммунитарных ценностей гуманного соучастия в судьбе человека и справедливости при всем своем римско-кесаревском шовинизме. Что же касается Иешуа, то он при своей приверженности к абстрактной и утопической коммунитарности – глубоко личностная фигура: он верен своему филантропическому мировоззрению, мужествен в его отстаивании и последователен, а также свободен и смел. Вот почему в романе осуществлена полная художественно-эстетическая да и, как будет показано далее, философская мотивация возможности и даже необходимости возобновления и продолжения встречи Пилата и Иешуа в будущем вечном космическом существовании.

Но сложный концепт коммунитарности в его единстве с личностностью проведен через все действие романа и его коллизии. При этом талантливо «ухваченными» автором, диалектически включенными в этот концепт оказываются элементы негативности. Эти элементы выглядят, с одной стороны, как подавленная личность, а с другой – как суррогатный коммунитаризм. Последуем путем авторского анализа.

Вот перед нами судьба героини поначалу реального мира – Маргариты. Маргарита – красивая женщина, яркая, одаренная натура, которая, по замечанию автора, обладает в жизни всем («у нее есть все»): состоятельный муж, богатство, казалось бы, содержательная и интересная жизнь. На деле же, до встречи с Мастером, у нее нет ничего. Прежде всего она лишена пространства любви (мужа она не любит). Но тогда ни она не обладает синергичным воздействием на других, ни окружение этим же способом не воздействует на нее. Отсутствует и заметная, отвечающая ее потенциальной одаренности деятельность. Словом, бесцветное, блеклое существование, которое, по меркам неприхотливой публичности, может выглядеть высококонформативным. Все решительно меняется только благодаря встрече с Мастером и прохождению бала у Сатаны. Изменение оказалось возможным лишь с переходом Маргариты вместе с Мастером, благодаря Сатане, в мир космического бессмертия, вечности.

Что касается Мастера, то он полностью утратил жизненные силы и вдохновение для творчества в борьбе со «стертым» и одноразмерным коммуитаризмом в виде литературного критиканства по поводу его творчества, и ему остается только принять предложение Воланда на приобретение бессмертия в космическом бытии, где ожидается возможность личностно-человеческой реализации совместно с Маргаритой.

А разве редактор М. А. Берлиоз не ориентирует поэта Ивана Бездомного переделать в предъявленной поэме образ Христа (слишком живой образ) в духе требований того же безликого коммуитаризма? Ответ очевиден, в том числе потому, что Воланд непременно наказывает тех, кто отрицает вариативность и вероятностность событий либо превращает некоторое знание в веру, которой должны следовать окружающие. Дух зла, всесильный и вневременной, оказывается у М. А. Булгакова защитником людской заинтересованности в человечности и субъектности проявлений и поступков. Это потому, что, по концепции романа, преградить дорогу людям, творящим зло, необходимо безотлагательно и притом совершенно явственным злом. Бог для такой миссии выглядит не только весьма проблематичным и нединамичным, но и понятийно недиалектичным. Другое дело дьявол: он неистоимо деятелен, вездесущ и, действуя по отношению ко злу воинствующим отрицанием, получает непрменный положительный результат. Розыгрышу, шельмованию, издевкам и даже смерти подвергаются не только посредственность, всякая недобросовестность, мошенничество и недобропорядочность, но и положительные люди (вспомним бал у Сатаны). Другая сторона диалектичности инстанции зла в том, что (в художественном, конечно, плане) наказания следуют от реальных, хотя и превращенных лиц (Коровьева, Азazelло, Бегемота), действующих в реальных обстоятельствах, чаще всего превращенных в буффонаду.

Если же попытаться дать общее заключение о назначении сакрализованного компонента фантастики романа, то ясным представляется следующее: решая проблему сочетания коммуитарности и индивидуальности личности, автор благодаря именно этому фантастическому компоненту показывает состояние этой проблемы в рамках громадной исторической перспективы: от эпохи первоначального становления христианства до московского быта начала – середины XX в. Причем действительная история

в мировом и российском масштабах каких-то существенных достижений в решении этой проблемы не демонстрирует. И более того, этих успехов не ожидается в обозримом будущем. Но самое важное, по мнению автора, в том, что двигаться в направлении упрочения и углубления личности и коммунитарности как единого качества, говорящего о совершенстве человека, все равно необходимо, ибо от этого зависит цивилизационный успех в целом. Вот почему в лунной дорожке космической вечности снова беседуют об этой проблеме Пилат и Иешуа.

Но и в реальном мире романа достигнут, хотя, быть может, весьма скромный, но все же результат: Иван Николаевич Поньрев (бывший поэт Иван Бездомный), благодаря влиянию своего учителя – Мастера, давно не пишет плохие стихи, в противном случае он остался бы в армии отстаивающих коммунитаризм примитивной и безличностной среды. Вместо этого он теперь профессор института истории и философии, и от серьезной занятости его отвлекает только неврологический приступ, связанный с памятью сложного единения индивидуальности и коммунитарности, единения, которое пробудили Мастер с его романом о прокураторе Иудеи, Маргарита и силы Сатаны.

В целом же можно утверждать, что сакрально-волшебная фантастика романа М. А. Булгакова достигает блестящего синтеза ряда функций «метахудожественного» плана, таких как философско-мировоззренческая, логико-аналитическая, критически-полемиическая, футурологическая. Усиливая и развивая друг друга, эти функции превращают роман в человековедческое художественно-философское исследование, актуализирующее личностную проблематику, задающее высокие и современные требования к самоусуществлению человека и преобразованию условий его бытия.

Список литературы

1. *Булгаков М. А. Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков.* – Киев : Молодь, 1988. – 349 с.

SACRALIZED FANTASY OF “THE MASTER AND MARGARITA” - ORIGINAL EXPERIENCE OF PHILOSOPHY OF THE HUMAN PERSON

V. A. Malchukov, N. V. Malchukova
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The philosophical-anthropological concept, which is presented in M. A. Bulgakov's novel “The Master and Margarita”, is analyzed. The sense of a religious-

fantastical context of the work in author's justification of discrepancy of the nature of personal properties of the human person is revealed.

Keywords: sacrality, reality, individualism, communitarianity, personality.

Мальчуков Валерий Алексеевич – доктор философских наук, профессор, кафедры философии и методологии науки, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-411, тел.: 8(3952)334372, e-mail: philosophy@chair.isu.ru

Malchukov Valery Alekseevich – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-411, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: philosophy@chair.isu.ru

Мальчукова Нина Валерьевна – доктор философских наук, доцент, кафедры философии и методологии науки, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-413, тел.: 8(3952)334372, e-mail: ninamalchukova@mail.ru

Malchukova Nina Valerievna – Doctor of Philosophy Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-411, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: ninamalchukova@mail.ru

УДК 316.42:1

РАЗРАСТАЮЩЕЕСЯ УПРАВЛЕНИЕ КАК НООСФЕРНЫЙ ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

М. Н. САМОХОДСКАЯ

Иркутский региональный колледж педагогического образования, г. Иркутск

Н. С. КОНОПЛЁВ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Предложено онтологическое обоснование управления за счет усиления социальных реалий в процессе становления ноосферы – уникальной формы движения материи. Опирируя отражательно воспроизводимой информацией, управление, воодушевляемое успехами НТР, направляет их на глобализующийся синтез биосферы и достижений интеллекта; и – показано в тексте – складывающаяся ноосфера сначала точно, а затем всеохватно поставит в зависимость от планеты Земля околосолнечное пространство с целью оградить его от неумолимых ударов Космоса. ...Уже сегодня есть над чем задуматься.

Ключевые слова: отражение, информация, движение, устойчивость, изменчивость, управление, социум, ноосфера, труд, новый человек, андрагог, образование, прогностика, классическая картина мира, метисированная духовность.

Отражательные предпосылки управления. Если мы посмотрим, как сказываются итоги процесса управления на сфере общественных отношений, определяющей судьбу отдельного человека, то – полагаем – это связано с характеризующей наше общество горизонтальной – экзистенциально-ролевой – его составляющей. Хотелось бы выразить мнение о вертикально воспроизводимом – сущностном – срезе управления. Что это такое? На наш взгляд, только «вертикалью» раскрывается управление – целенаправленное действие: обеспеченный знанием поступок. Выходит, знание – искомая суть (или в данном случае – сущность) управления. Оно, однако, мгновенно испаряется, если оказывается расторгнутой его связь с инфомассивом, преимущественно локализованным отмечаемой «горизонталью». Выходит, управление – такая социально организуемая поступочность, претворение которой связано с интенсивной пульсацией в сторону опережающего отражения. Соотносясь с ним в границах духовности (которая одна только способна «опредмечивать» опережающее отражение), информация обращается знанием. Знание тут же содействует продолжению управления, вследствие чего оно (т. е. знание) оказывается поступочно проявленным набором ролевых установок. Растворяясь в них и утрачивая свою уникальность, знание неизбежно «оседает» «горизонталью»: оно просто-напросто «отлагается» памятью как спрессованной информацией. ...Движение информации в сторону опережающего отражения завершается ее переводом в знание как в фокус управления. Но управление – всегда материально действенно. А коли так, знание – через управление – объективируется серией поступочно выстраиваемых фактов, преобразовывающих реальную действительность (к примеру, систему общественных отношений, выходящую на более высокую ступень развития). Следует отметить: информация и знание – амбивалентно сопряжены. Это значит, что они воспроизводят вполне определенные уровни отражения, лежащего в фундаменте здания материи. При этом информация прежде всего связана с отражением, воспроизводимым настоящим моментом времени. Знание же, как мы помним, «зависает» опережающим отражением, которому нет места в реальной действительности. Но когда знание в ней появляется, оно, незамедлительно подвергаясь своеобразному остракизму, «стелится» информацией. Информация же актуализует человеческое существование широким потребностным полем.

Социальная сторона управления. Управляя, мы неизбежно держим себя на пульсе одновременности, т. е. связываем воедино прошлое, настоящее и будущее, соответствуя статической концепции времени. Применительно к социуму это важно иметь в виду, поскольку международный капитал главные усилия направляет на превращение человека в набор функций, «ярко» запечатлеваемый шлейфом тянущегося от «золотого миллиарда» масскульта. Раскрытие же каждым из нас самого себя в личностном преломлении возможно благодаря временному «подтексту», за счет чего, восстанавливаясь, происходит отторжение сил капитала. И здесь успешно актуализуемы управленческие перипетии! Говоря так, мы настаиваем на том, что действенное управление – это в ценностном измерении подлинно общечеловеческая акция. Антигуманное же, ущербное управление в современных условиях непременно отождествляется с международным капиталом. Последний прежде всего направлен на разнос личности и не может служить братскому единению людей в сфере общественных отношений. Капитал дезорганизует управление: свертывает его пресечением рассмотренной выше «вертикали», и управление зависает хаосом. Поскольку капитал – способ социальной дезориентации, он направлен на ущемление жизненного потенциала подавляющей части общества и поощрение той его «малости», которая этим капиталом – орудием манипуляции результатами общественно воспроизводимого труда – владеет, – так вот, ввиду того что капитал принципиально антиобщественен, управление при его посредстве коллективно собранным трудом – это псевдосоциально «протянутая» манипуляция. Но что ни говори, манипуляция ведь тоже управление, опирающееся на опережающе-отражательную обработку информации. Продукт обработки – знание – в совершенстве проводит «манипуляторские игрища». Но знание, сосредоточенное на них, лишь обесценивает капиталом общественный труд. Отсюда управление как манипуляция «накачивает» управленцев негодными приемами по созданию социального отчуждения. Действительно, информация как компонент социального управления может быть отрицательной в случае ее завербованности капиталом. Однако нужно помнить: управление обретает подлинно социальную выразимость, адресную принадлежность, если оно, преодолевая «манипуляторство», соответствует совершенствующимся общественным отношениям.

Отсюда можно говорить о том, что управление лишь сегодня предстает в качестве того «глобального фактора», опираясь на который, человечество оказывается способным элиминировать капитал, выйти на уровень той космической репрезентативности, когда управление по-настоящему претворится «фактором глобальности» (воспроизводящим в данном случае более совершенный уровень существования человечества) – важнейшим компонентом становящейся (благодаря синтезу биосферы и техносферы) ноосферной формы движения материи.

Управленческо-идеологический настрой. И здесь управление как условие общечеловечески значимой производственной деятельности непосредственно обретает «идеологические взвихрения». Это свидетельствует о том, что управление – интеллектуально организованная деятельность – страстно заинтересовано в своем мировоззренческом выборе: заряжаясь мировоззрением, управление отстаивает его истинность, а следовательно, как бы само убеждается в том, что оно действительно является управлением, а не средством манипулирования жизненно актуальными человеческими ценностями. Также управление насыщается «идеологемностью» (т. е. «идеологическими выжимками»), что вполне соответствует его общественно нагруженной – в ее классовой «обертке» – репрезентативности. Отсюда идеология связана с управлением на всем протяжении существования «гражданской разнородности» как предпосылки обоснования общественного неравенства. Снимая вопрос о природном неравенстве, которое в социально обустроенном мире не играет сколько-нибудь существенной роли, мы хотим подчеркнуть: управление обществом – это процесс, синтезирующий природное и общественное в человеке условиями его естественноприродного существования, когда происходит массовая индивидуализация социума без того, чтобы обернуться широкомасштабной деперсонализацией личности. Деперсонализация подталкивается воздействием НТР, подменяющим бытообустроенным комфортом естественноплощающую коллективность – конкретно проявляемую форму социальности. Отметим также: управление, связанное с «расфасовкой» индивидуального, социального и общественного (общественное нами рассмотрено как высшее на сегодняшний день выражение социальности: дело в том, что социальность сама по себе не содержит индивидуального начала, которое подвержено здесь неизбежной

редукции; что касается общественных отношений, они, наоборот, складываются в условиях диалектической соотнесенности наличных единичного, в данном случае индивидуально человеческого, и общего /отсюда общественное как его проявление – качественно более совершенное, нежели социальное/, характеризуемого довольно высоко развитой коллективностью),– это всегда организация подлинно коллективной человечности. Управление своим «аутентичным разворотом» достижимо исключительно в условиях, когда в человеке единичное (личностная неповторимость), особенное (социальная типология индивида) и общее (групповая, стратная, коллективная составляющая человеческой воспроизведенности) имеют основанием, выразимся так, естественноприродный конгломерат, или, другими словами, отложившуюся длительными временами (т. е. геологическими эрами) «стихию Космоса». Но, как мы упомянули, под влиянием НТР создана искусственная природа, представленная «техногенностью». Она-то, собственно, и осуществляет деперсонализацию личности под воздействием возрастающего влияния гиподинамии. Если управление не учитывает ее отрицательного воздействия на жизнедеятельность каждого взятого в отдельности человека, такое управление, устраняющее возможность человека в реализации его естественной потребности в труде (а гиподинамия – результат физически-трудового бездействия человека), незаметно сливается с манипуляцией; и отличие управления от манипуляции приобретает ценностный окрас. Это в свою очередь служит показателем того, что управление прежде всего получает этическое обеспечение: главным в управлении является то, что содействует становлению коллективистски выдержанной, физически полноценной личности. Управление – это способ объективно проведенного человеческого совершенствования, когда последнее настраивает как отдельного индивида, так и коллектив на то, чтобы осуществить трудовое, а стало быть, производственное (т. е. связанное с развертыванием полноценно-личностного самовыражения, а не такого, когда бы личность «функционально рассыпалась» – выступала «приводным ремнем» капитала; последний, как известно, «вьет из человека веревки» – превращает его в набор функций, тем самым приурочивая к «одномерности») достижение поставленной и ценностно претворяемой цели.

...Приближается ноосфера, а с нею – новый человек! Эта цель получает предметно настроенное гуманистическое подтверждение.

Но выставляемое нами опредмечивание указанного «гуманизма», которым характеризуются общественные связи, – это ведь и есть грамотно уловленное управление, всем ходом своей поступочности отодвигающее от себя манипуляцию (которая «сдабриваема» нажимом капитала) и обустройствающее тот или иной конкретный регион (чаще всего им является местность /например, родное Прибайкалье с его «саянскими выступами», Горный Алтай – «предтеча» отечественного Беловодья, Москва, однако не как «вселенский Вавилон», а как средоточие возвышающего народы мира интернационализма/, население которой, свободное от «мегаполисной зашоренности», имеет возможность предстать в «диалогизированном исполнении») «ноосферными очертаниями» (попутно отметим: употребляемые нами «ноосферные очертания» – метафора для ноосферной формы движения материи, которая вполне зримо овладевает нами; вехами ее служат: 1) становление инфомассива /до наступления НТР его не существовало – были лишь «информационные ручейки»/, 2) торжество глобалистики /глобалистику мы здесь рассматриваем контекстом человеческого освоения космоса, но не как нечто такое, что подлежит актуальному – исходя из сегодняшних противоречий – преодолению/, 3) формирование планетарно осуществляющейся виртуальной реальности /«виртуал» складывается под воздействием перехода информации в инфомассив, наложением внутреннеощущаемой человеческой деятельности на внешнерепродуцируемую объектную данность/, 4) заполнение околоземного пространства «паутиной» – интернетом). ...«Аутентичное» управление «провоцирует» общественные отношения на становление ноосферы и ее специфического носителя – нового человека. Этот новый человек – действительно новый: он смотрит на мир в единстве своих рациональных и вероисповедных духовных интенций. Показателем его «внутреннего сдвига» является виртуализированный выход нынешнего нового человека (благодаря чему он и «засвечивается» новизной) на реальность вообще, т. е. постижение мира в его одновременном – опять-таки с позиций статической концепции времени – «исполнении». Действительно, феномен виртуала, «обустройстваемый» внешне- и внутреннеощущаемой естественной человеческой природой, способен помочь индивиду охватывать мир в его глубинном и «экзистенциальном» промерах. Это связано с тем, что прогоняемая

внутренними ощущениями информация, которая в сфере человеческой духовности оборачивается верой (т. е. тем, что лишено непосредственно вербальной репрезентативности), свидетельствует о «потустороннем» мире, не содержащем, однако, ничего мистического и на деле «защелкивающимся» конкретно «встроенными» в него реальной действительностью законами природы, общества, «индивидуальной завершенки». ...Стремление каждого из нас овладеть «виртуальностью» сродни ясновидению. Разница же в том, что виртуальная реальность – подспорье в проведении управления, обращенного к внутреннему миру индивида (находящегося «здесь и теперь»). А, к примеру, «пророческая» Ванга лишь констатирует случившееся или же то, что вдруг произойдет. «Виртуал» здесь отсутствует: его место занимает «запредел», содержание которого – вне проверки. Ясновидение, следовательно, приурочено к тому, что «не от мира сего»: оно затушевывает возможность его земного объяснения и – в рассматриваемом отношении – пребывает вне связи с управлением. Это не значит, конечно, что ясновидение подлежит отрицанию, но, скорее, служит показателем того, что, при определенных условиях, его можно использовать в управлении. С этой целью ясновидение «окуриваемо» виртуализацией (за неимением возможности обсудить это положение мы не станем более его затрагивать).

Завершая методологическое рассмотрение проблемы управления, мы видим, что оно (т. е. управление) направлено на разверстку общественно-воспроизводимой изменчивости, наиболее конструктивный носитель которой – новый человек как воплощение трудового измерения системы общественных отношений, вбираемой ноосферой. Новый человек, будучи адаптирован ноосферой (отсюда его «новизна» как воплощение того, что делает индивида естественно приобщенным к тому разворачивающемуся глобальному синтезу биологических и технических реалий, под влиянием которых человеческие телесность и природа /природа здесь – совокупность внешних и внутренних ощущений/ все более сближаются с духовной составляющей субъекта деятельности), содействует охвату ею внутренних слоев нашей планеты с целью более успешного управления планетарными структурами. Полагаем, так рассматривал В. И. Вернадский ноосферу – геологическую эру, опираясь на которую, осуществится наработанное новым человеком планетарное самоуправление.

При таком понимании управления становится очевидным, что оно также напрямую содействует переводу социальной изменчивости в организацию ноосферной формы движения материи, отбрасывая малейшие потуги отождествления себя с манипуляцией – способом организации капитала как выразителя несправедливых отношений во взаимодействии «золотого миллиарда» и «остального человечества». ...Итак, труд вызывает к жизни разноаспектные виды управления; наиболее совершенный из них – научное. В ценностном «измерении» управление всегда тяготеет к общечеловечности, действенно подталкивая ее к складывающейся ноосферной форме движения материи.

Но все равно – станем трудиться! ...Связывая управление с улучшением условий труда, мы принимаем положение, согласно которому совершенствование орудий труда отодвигает непосредственное участие в нем человека: труд, особенно в условиях НТР, интенсивно подменяем работой (работа здесь – сполна реализуемая духовная деятельность; но человеку, наряду с работой, должен соответствовать труд – физически выраженная целеположенная деятельность, без которой индивид телесно утрачивает себя). Работа как результат перенесения собственно трудовых – физических – усилий с человека на технику заманивает его в «манипуляционный котел». Но индивид, повторимся, (независимо от степени участия в «классовых разборках») всегда надлежит быть приобщенным к труду. В этом сказывается здоровый образ жизни, от которого современное человечество все более отходит, подталкиваемое достижениями научно-технического прогресса (НТП). «Заражаясь» вышеупомянутой гиподинамией, люди непроизвольно манкируют управлением – позволяют капиталу манипулировать собой.

Управленческая деятельность В. И. Ленина (1870–1924). Сказанное мы прежде всего хотели бы применить к России. Ибо ее трагедия – наша беда. ...Случилось нечто примечательное началом XX в., когда произошел Великий Октябрь. Суть его простая – всемирно-историческим «поступком», которым предстал пролетарский переворот в России, продемонстрировалась (независимо от всех печальных отклонений) социальная защищенность человека труда. О необходимости ее внедрения в жизнь говорили многие, включая социалистов-утопистов, но всесветным прецедентом социальная защищенность обернулась благодаря бескомпромисс-

ной борьбе большевиков за подлинно трудовое (исключающее махинации с общественным сознанием) управление масштабными производственными процессами. Революция в нашей стране стала закономерным подспорьем дальнейшего совершенствования взаимосвязи культуры и цивилизации.

...В России издревле господствовал общинный строй – показатель превалирования культурно слаженных (ввиду того, что культура – это прежде всего накапливание коллективистски «добываемых» жизненных традиций) общественных отношений над цивилизационными, приуроченными к купле-продаже рабочей силы, «замашками». Управление в условиях общинного коллективизма – явно одномерное: оно связано с локализацией потребностей общины наработанными ею же традициями и усиливает их. Понадобилось развертывание субъективного фактора, чтобы преодолеть общинно-управленческий застой. Этот фактор развернулся усилением семьи, отодвигающей назад традиционную отечественную общинность. Влияние государства сказывалось в том, что оно, начиная с петровских реформ (XVIII в.), «растаскивало» «традиционализм» «обуржуазиванием» семьи. И «распустившаяся» цивилизация вступает в свои права: она, как это и присуще ей, начинает превалировать над культурой – совокупностью (как мы уже сказали) жизненно значимых традиций. Реформа 1861 г. содействовала усилению капитализации России с переводом управленческих установок на новый, многомерный, уровень: управление устремляется к тому, чтобы, выводя цивилизацию (т. е. капитализм и сопутствующие ему буржуазные отношения) на более прогрессивные рубежи, не позволить общине с ее культурными традициями слишком отставать от стремительного бега времени. Однако у царских реформаторов – примером могут служить новации П. А. Столыпина (1862–1911) – мало что выходило: культурные традиции, носителями которых были крестьяне, составлявшие подавляющее большинство населения России, начали девальвироваться из-за насаждения правительством слоя деревенских кулаков. Управление, предназначенное для поддержания гармонии между цивилизацией и культурой, зачастую не выдерживало испытания временем и свертывалось хаосом (о манипуляции здесь разговора быть не может, поскольку она обретает власть с безраздельным поглощением общества капиталом). С установлением советской власти управление – ее

прерогатива. В. И. Ленин глубоко осознавал: без культурной революции тупиковая ситуация во взаимоотношениях между культурой и цивилизацией сохранится надолго, страна распадется. Он предложил выход планом ГОЭЛРО. Это был гениальный, соответствовавший социалистическим устремлениям народа управленческий прорыв. Его значение в том, что на основе цивилизационно направленной индустриализации произошло формирование социалистической нации как квинтэссенции общества (попутно отметим, что прежде в России так и не дооформилось общество: оно складывается на паритетных между культурой и цивилизацией началах, а это, как мы помним, было пресечено неумением царизма – условиями наступающего в начале XX в. империализма – управлять страной), усиленного становящимся на единстве многочисленных этносов советским народом. Связанное с применением диалектики во взаимоотношениях между культурой и цивилизацией (способом ее достижения у нас предстала индустриализация, нашедшая себя сталинскими пятилетками) советское (прежде всего исходящее от партгосаппарата, не имеющее, впрочем, отношения к тоталитаризму) управление находило в их синтезе неперемное условие для достижения всенародного благополучия созданием (в социальном отношении) однородного общества, высшим выражением которого становился единый советский народ. Это управление, опираясь на трудовой энтузиазм десятков миллионов людей, открывало перспективы как советскому коллективизму, так и отдельно взятой личности. Такое ему удавалось благодаря четко проводимой классово-позиции (не терпящей компромиссов с разлагающей «рядовое сознание» буржуазной идеологией), а также атеистической духовности (как форме обывденного сознания, опирающегося на присущую каждому из нас веру – результат внутреннеощущаемой человеческой деятельности), завершающейся массово восприимчивым учением о культе личности (учение о культе личности, как и любое вероисповедное /отнюдь не содержащее религиозной – ведь религия не самоценный компонент веры, хотя религия как бы имплицитно наличествует в вере, что обуславливает ее, т. е. религии, земную природу /учение/ носящее, правда, посястороннюю, а не «трансцендентную» направленность/, следует рассматривать не отвлеченно, но конкретно-исторически; коль скоро мы так к нему подойдем, станет очевидным громкий

управленческий резонанс затрагиваемого учения: будучи идеологически отточенной формой духовности, оно содействовало весьма адекватно воспроизводимой целеположенности, которой всякий раз руководствовалось социальное управление в мире классового противостояния двух непримиримых – социалистической и капиталистической – систем).

Трудности социалистического планирования. Выше мы попытались очертить положительный настрой социалистического управления. Но следует сказать о трудностях его исполнения. Обращая главное внимание на формирование новой, социалистической, общности – советского народа, это управление не уделяло должного внимания тому, как поэтапно произвести синтез цивилизации и культуры, чтобы результаты труда населения имели достойного их конкретного потребителя. Другими словами, в борьбе за достижение конечной цели (а ею всегда было построение коммунистического общества в нашей стране) социалистическое управление отодвигало на задний план повседневные потребности отдельного гражданина – участника великого действия по претворению светлого завтра. Но так жить можно было до определенного времени, насыщаемого трудовым энтузиазмом: время завершилось, когда иссяк энтузиазм. Социалистическое планирование не занималось состыковкой содержания великих идей, обращенных в завтра, с потребностями пребывающих тогдашними – и довольно жесткими – условиями рядового труженика, коллектива (общества в целом). Смазывание этой стороны в планировании обычно объясняли противостоянием с миром капитала, необходимостью защиты Родины и другими важными, актуальными причинами. Но управление от этого страдало. Оно не выполняло возложенных на него исторических обязанностей. Подчиняясь государственному планированию, управление общественными процессами в нашей стране – вольно или невольно – «ущемлялось» неравновесностью, неумением оценить глобально воспроизводимую ситуацию. От управления требовалось обосновать несостоятельность имевшего место «коммунистического забегания»... Было ли тогдашнее – 1990-е гг. – положение безнадежным, если на него взглянуть управленчески? С уверенностью можно констатировать: положение действительно осложнилось, но не до обвала... Просто власть пала ниц, и ее всякий мог примерить на себя. Так оно и случилось: медленно власть по-

ползла в руки тех, кто решил нажиться на ней. Социалистическое управление стало заменяться манипулированием, заметный шаг в осуществлении которого – так называемая приватизация результатов советского хозяйствования. Осуществив ее, власть имущие сомкнули манипулирование обманом масс. Сегодня достаточно хорошо просматривается состояние, в котором находится страна: коллективное производство подорвано, общество как единый советский народ – вместе с разрушением социалистической нации – ликвидировано, мощный суперэтнос – слаженное единство всех населяющих великую страну этнических образований – утратил статус самодостаточности, вместо него – прозябающее невзгодами «этнонароdonаселение». Раздробленная на части некогда великая держава – будто втянутая океаном Атлантида – затаилась небытием. ...Управление дало сбой из-за несоответствия планирования тем задачам, которые предстояло решать.

Выводим структуру управления: первый ее компонент – «виртуализированный настрой ситуации управления». Остается раскрыть условия становления управления, его структуру. Управление, как это явствует из изложенного, осуществимо лишь контекстом самореализации социальной формы движения материи: оно – важнейший компонент ее (т. е. самореализации) и ни в коей мере откуда-то извне в социум не вносимо. Но если мы принимаем это положение, становится очевидным: за пределами социальной формы движения материи (которая способна к самореализации благодаря лишь ей присущему опережающему отражению действительности /вследствие чего последняя оказывается выносимой будущим за пределы настоящего – в одновременность/) управление отсутствует. Оно также сводится на нет в случае подмены его вышеупомянутым манипулированием – деструктивной имитацией управления. Управление необычайно хрупко – в полном соответствии со случайностью (пусть и необходимо детерминированной) проявления социальной формы движения материи. Дело в том, что неопределенность «прогона» социальности «уготована» ее местом в движении – единственном способе существования материи: социальная форма движения материи как объемно воспроизводимая жизнь зациклена на выявлении специфики изменчивости – важнейшей стороны движения. Это и позволяет социальной форме движения улавливать то будущее, которое наплывает на социум ноосферной формой движения

материи – пока в ее «штучном раскладе». Присутствие будущего в нас – показатель того, что мы всерьез заняты анализом изменчивости, которая «методично» вбирает в себя устойчивость – также основную (хотя и ведомую изменчивостью) сторону движения. Парадокс заключается в том, что хрупкость социальной формы движения материи значительно понижается, если опирающееся на целеполагание управление находит вполне материальное прикрытие в виде предметно воспроизводимой устойчивости. Последняя здесь уже не противостоит изменчивости, как это было до становления социальной формы движения материи (а тем более до организации ноосферы). В рассматриваемом случае мы имеем не противоборство устойчивости и изменчивости как сторон движения: мы наблюдаем их «гармоническую уединенность» под сенью управления. Значит, на уровне социальной формы движения материи движение как способ ее существования содержательно заменяется управлением: сделав акцент на целеположенно выполнимое опережающее отражение, мы невольно вытеснили движение управлением. Такое допустимо всем ходом событий и исключительно – приходится настаивать на этом – в границах социальной формы движения материи, где движение стремится обнаружить инобытийность своего самовыражения, и представившийся случай – отмеченным фактом актуальности применения управления – вполне оправдывает указанное допущение. Управление – как и социальная форма движения – хрупко из-за своего стремления заместить движение, когда бы управление предстало не только его фокусом, но и чем-то таким, что позволяет реальной действительности выразить себя реальностью вообще (идентифицируемой в данном случае с феноменом виртуала). Хрупкость управления, далее, обусловлена тем, что, поскольку оно преимущественно опирается на изменчивость как ведущую сторону движения, последняя, характеризуя разбегание Вселенной, в чем-то существенном неопределенна – в данном случае неравновесна – из-за случайности своей заангажированности временем. Известно, что время – воспроизводимая сознанием изменчивость, и за пределами социальной формы движения материи ему попросту нет места. Но если это так, то время как изменчивость, пролонгирующая управление, неизбежно его локализует высшим уровнем материи, который, будучи осоциально прочерченной квинтэссенцией материи, настаивает на собствен-

ной уникальности, а следовательно, неповторимости. Неповторимость придает изменчивости (которая, как мы видим, «проговаривается» временем) хрупкость ее «временного исполнения». Отмечая, что управление «замещает» собою движение, мы подчеркиваем важное положение, согласно которому неопределенность (а следовательно, неустойчивость, незащищенность) Вселенной наиболее адекватно воспроизводима социальной сферой. Действительно, структурированность социальной формы движения материи такова, что преимущественное значение в ней приобретает динамика неравновесности, тесно связанная с конечно-преходящим характером всего живого. Вывести из-под удара социальную форму движения спешит управление (если только оно не оборачивается манипуляцией). Оно весьма дружелюбно к ней настроено благодаря направленности к динамично-равновесному «причалу», где социум, поддерживаемый управлением, ассоциируется с воссоздаваемой при его участии ноосферной формой движения материи. Управление, как мы помним, берет на себя нагрузку по замещению движения во вновь складывающихся условиях, когда взаимоотношения между устойчивостью и изменчивостью (которыми выстраивает себя движение) обретают динамичную неравновесность ввиду становящегося радио (предметным «аналогом» которого служит управление). Управление – это «щуп» радио для обретения социумом предметной закрепляемости социальной формы движения материи. Преодолевая движение как способ существования материи в отдельно взятом, конкретном, ее измерении (здесь это – социальная форма движения), управление не растворяет его небытием, но усиливает той жизненностью, опираясь на которую размахом опережающего отражения, движение впервые обретает смысл: «проклеивается» осознающим свое «историческое предначертание». Нужно заметить: объективная реальность (она же материальная действительность), достигая уровня сознательного самопретворения, объективно (т. е. в качестве объекта) предстает исчерпанной и вынуждена возвращаться к исходному – «апейронному» (Анаксимандр /ок. 610 – ок. 540 до н. э./) состоянию: в «чистое ничто» как «завуалированное нечто» (ведь «апейрон» в сегодняшнем его преломлении – это всегда переход мира из его бытийной неопределенности в программно упорядоченное развитие, характеризуемое возрождающимся субъектом, издалека

напоминающим «переселение душ»). Это также во многом разъясняет причину нынешнего хрупко-неравновесного состояния социума. Отсюда управление – нечто противостоящее хаосу, который, очевидно, в отдаленном будущем аннигилирует Вселенную (отметим попутно: манипуляция – на уровне социума – своим противостоянием управлению «сподоблена» аннигиляции). Но для нас отмечаемое «противостояние» весьма актуально: оно позволяет человечеству нерушимо сохраняться, правда уже не социальной формой движения материи, а – ноосферной с ее последовательным выходом за пределы Земли. Итак, вселенский статус ноосфере придаст усиливающееся управление. Одной «ногой» оно опирается в социум, другой – затверждается (обостряющей его хрупкость) ноосферой. Одновременно с этим, однако, управление обретает мобилизующую его подвижность, обусловливаемую все более растущим воздействием «оттачивающейся» ноосферы – области материальных структур, где неизмеримо расширен интеллектуальный потенциал (выстраивающий управление в качестве «хитроумного»). Следовательно, управленческая гибкость «нисходит» к нам из «горнего будущего» – с «высот» опережающего отражения, которое своей целеположенностью решительно выталкивает современное человечество на антиэнтропийную (преодолевающую вселенский хаос) стезю. Структура управления, как можно видеть из сказанного, опирается на изменчивость – сторону движения как способа охвата реальной действительности границами настоящего времени (в отражательном плане «настоящему времени» соответствует кибернетический уровень отражения). Вместе с тем рассматриваемая структура тесно связана с опережающим отражением – хранителем будущего. Будущее столь же реально (даже, выразимся так, предметно реально), как и настоящее (а также прошлое, «воздетое» памятью). Предметная реальность будущего «скрашена» одновременностью, выводящей нас во вневременность (под нею мы понимаем такой «временной авуар», который наполнен совместной работой внешних и внутренних ощущений; обычное же время – результат только внешнеощуаемой человеческой деятельности). Мы видим, что основа структуры управления – это противоречивая соотнесенность двух уровней отражения – кибернетического и опережающего, где ведущее положение занимает опережающее отражение как опредмеченное будущее (его

опредмеченностью здесь выступает «одновременность» заявленная целеположенность). Оперируя предметной основой структуры управления, нетрудно разглядеть ее очертания. Правда, они предстают довольно эфемерными из-за того, что «плавают» во времени, которое в рассматриваемом отношении приобрело независимое от изменчивости положение (на деле же время – субъектно задействованная проекция реально воспроизводимой изменчивости; оно порывает с изменчивостью в условиях лично «обведенного» творчества).

Говоря об основах структуры управления, мы показали, что оно как воплощаемая поступочностью индивидуализированная духовность «обкатано» совместной деятельностью разума (опирающегося на внешние ощущения) и веры (делающей ставку на «внутреннеощущаемую откровенность»). Вера-то и придает структуре управления вышеупомянутую эфемерность. Обращаясь к ней, мы хотим уловить исходный компонент структуры управления. Им, по нашему мнению, выступает виртуализированный настрой ситуации управления. Мы помним, что «виртуал» – это «вынырывающий» из одновременности (лучше сказать: из условно воспроизведенной вневременности) иллюзорный, но вместе с тем опредмеченный действенной человечностью (т. е. вполне объективно «преподанный») мир. «Виртуализированный настрой ситуации управления» как основной компонент управления ответственен за всю структуру анализируемого феномена. Поскольку, как мы помним, «виртуал» «завербован» ноосферой, указанный компонент структуры управления раскрывает взаимосвязь внутреннего мира индивида (основа чего – человеческая телесность) с его (т. е. этого мира) поступочной воплощенностью (чем запечатлевается связь индивида с окружающей реальной действительностью), устремляющейся к тем «горним мирам», которые фактически присутствуют «во мне», являясь ничем иным как нарабатываемой индивидом совместно с другими людьми ноосферной формой движения материи. Анализируемый компонент управления вскрывает динамично-равновесное состояние системы, воспроизводящей личностную воплощенность в ее стремлении целеположенно приобщиться к «несвоевременной нездешности», т. е. к тому, что связывает нас с перспективами вхождения в ноосферу; он, далее, выявляет центр Вселенной, который подвластен управлению (но не манипуля-

тии, которая стала бы для него гибельной) и, следовательно, отводит ее от опасности предстать поглощенной хаосом (Вселенная же под влиянием управления не оказывается во власти «аннигилирующей сингулярности»). Раскрываемый компонент управления характеризует выверяемый живой жизнью синтетический сплав различных срезов реальности вообще (включая реальность как таковую /представляемую реальной действительностью/, а также продуцируемые одновременно различные ее субъектные модификации), деятельность которых диалектически согласуется с высшей целью сущего (выражаемого сферой общественных отношений) – утверждением чаемой человечеством универсальной толерантности. Отсюда исходный, раскрываемый нами компонент управления несет прямо-таки непомерную нагрузку и по необходимости оформляет структуру управления в виде шара (или же некоего сфероида); сам он пребывает в центре шара, другие элементы структуры расположены по орбитам. Они преформистски и одновременно эволюционно-становленчески раскручивают содержательно-исходный компонент как центральный в управленческой иерархии. Последняя явно неэнтропийна и синергетически «зависшая». Доводя до известной полноты развертывание центрального компонента управления, мы намерены уточнить его (т. е. данного компонента) связи с уже раскрытыми основаниями управления. Выше речь шла об его отражательной основе. Мы постарались показать, что управление – поступочное действие, осуществимое в присущем лишь человеку охвате целеположенности – «предметном репрезентировании» опережающего отражения (недоступного животным, у которых целеполагание «обрывается» инстинктами). Закрепляясь поступочностью, управление использует ее как результат совместной эволюции труда и отражения. Более того, интересующее нас управление – та же поступочность, где трудовая составляющая наличествует в снятом виде. Но она, как мы себе это представляем, растворяя опережающее отражение (за счет чего и сама «пасует снятостью»), неизбежно оборачивается предметной воплотимостью. И мы опять обращаемся к труду – жизненной предпосылке управления. Труд выстраивает здание социальной формы движения материи, специфическим носителем которой является моногамная семья (или человек – субъект системы общественных отношений), «воспитывающая» общество коллективно стянутой

«производственной закалкой». Складывающийся трудом человек как материальное основание социальной формы движения материи – это та реальная действительность, которая, объективируясь плавным течением жизни, устремлена к тому, чтобы вызреть самоценной субъективностью. «Припечатывая» свои надежды субъективностью, мы отчетливо представляем: до ее вызова к жизни в мире – объективной действительности – господствовала регуляция: результат совокупного действия законов природы. С приобщением к ней «субъектности» безликая регуляция уступает место подлинно человеческому управлению, выстраивающему реальную (но теперь уже личностно насыщенную) ситуацию в ее комплиментарной соотнесенности с объектной данностью. И – мы отмечаем: основанием управления выступает не вещь, но ее субъектный аналог, отражательно воспроизводящий изменчивость «призрачностью» мерцающего времени.

...Возвращаясь к центральному компоненту структуры управления, мы делаем добавление к ранее характеризованному его содержанию (это поможет нам яснее представить другие «части» «управленческой вязи»). Оно состоит в том, что управление – при всей его субъектной «заземленности» – решительно заявляет о себе благодаря объективно организуемому труду. Труд переводит регуляцию в управление, настраивая его на раскрытие субъективных (таких как справедливость, добро, честь, благо, достоинство) ценностей. Будучи, как отмечалось, целенаправленным, труд содействует тому, что управление в границах субъективной выраженности мира вытесняет движение с занимаемых им позиций (и это вполне оправдано ввиду того, что оно прежде всего связано с раскрытием реальной действительности; последняя же, как мы пытались показать, переводит движение в управление, и это говорит о том, что различие между объективным и субъективным довольно условно). Вытеснению сопутствует также отмеченная выше виртуализация, во многом перекраивающая границы между объективным и субъективным.

«Образование» – следующий компонент анализируемой структуры управления. В этой связи мы должны помнить: центральный компонент структуры управления, который, вроде, нереален и в то же время «предметно зачищен» (стало быть, объективирован ситуацией управления), усиливает свои перспективы присутствием движущегося вокруг него по орбите другого компонента –

образования. Под образованием мы понимаем статус личностного самовыражения, преисполненного результатами жизненного выбора, а следовательно, умением осуществлять активное управление (включая «властвование» над самим собой). Примером действенности образования – компонента структуры управления – может служить становление в каждом из нас того содержательного начала, которое связываем с понятием «андрагог». Андрагог – человек, осуществивший жизненный выбор: он последовательно, как бы подспудно, совершенствуется. Его внутренний рост непосредственно вытекает из жизненного выбора, в результате чего индивид обретает личностный порыв: усиливает творческое постоянство (заметим в скобках: далеко не каждый способен утвердиться личностью; значит – лишь «избранные» /но «избранным» может оказаться каждый из нас/ несут на челе своем печать творчества). Образование как компонент структуры управления, выстраивая личностную позицию «управляющего», придает ей ценностный антураж: под его воздействием сохраняется глубокая связь между реальным социумом и складывающейся ноосферой. Андрагогический настрой личности, исходя из обрисованной выше природы андрагога, подталкивает ее к морально обусловливаемому разворачиванию своего «Я». Это значит: личность оттого и предстает ею, что она одновременно воссоединяет прошлое, настоящее и будущее. В силу этого творческий потенциал личности становится метисированно насыщенным [1]. Метисация осуществляет личностное самовыражение в его одновременной цельности, завершенности. Это связано с тем, что метисация, выполняемая диалогом (но к нему не сводимая), наиболее перспективно осваивает ноосферу в аксиологическом измерении. Метисированная духовность, вбирая различные временные пласты, успешно уводит их – сферой одновременности – во вневременность. Вследствие этого ценностное освоение ноосферы осуществляется в творческом ключе: речь идет о том, что метисация с неизбежностью приобщает нас к будущему. Это будущее, выстраиваемое данным изложением, оборачивается именно ноосферной формой движения материи. Готовясь к ее пришествию, мы и выстраиваем отлаженную систему управления, разбираем ее структуру, ищем место человека в современном, виртуализующем, мире (несущем «горный» отблеск – «благую весть» о ноосфере).

...Андрагогически репродуцируемое образование как компонент структуры управления, втягивая феномен виртуала, сближает земную жизнь человечества с ноосферой – и в этом заключено совершенно новое, не похожее на прежнее, содержание управления. С одной стороны, управление, касающееся земных реалий, – это то, чем мы руководствуемся в нашем «быто-производственном мелкотемье»; с другой – образование, выходя на освоение ноосферы, предлагает сообществу глобально «взвинченное» управление. Важный, но несколько содержательно абстрагированный компонент структуры управления находит в своем «преемнике» – образовании – достаточно емкую конкретизацию собственных возможностей, связанную с тем, что образование, определяемое жизненным выбором лично настроенного индивида, не может быть отодвинуто различными проявлениями хаоса от «управленческого ража». Наоборот, андрагогически осуществляемый жизненный выбор наполняет управление живительной силой, скрепляющей общество индивидуализированными (но обретающими коллективную прорисовку) ценностями. Такое происходит потому, что свершающаяся в условиях НТР массовая индивидуализация социума и сопутствующая ей широкая деперсонализация личности – все это погашается за счет стянутой общинностью (коллективизмом) андрагогинностью. ...Ноосферная форма движения материи настраивается информационно насыщенными человеческими ценностями (где «естественность» человека, усиленная совершенствующейся семейной бытоукладностью – клеточкой естественного же коллективизма – ничем не может быть заменена), а не продуктами технического прогресса, подменяющими собой подлинное братство (вследствие чего «вспыхивает» упомянутая выше деперсонализация личности). Возлагаемая на образование нагрузка видится также в том, что, опираясь на него, человечеству удастся синтезировать все более расходящиеся друг по отношению к другу культуру и цивилизацию. Единение их, достигаемое в природно-человеческих условиях под влиянием удовлетворительно реализуемой гендерной проблематики, – важная заявка на вхождение коллективно «сверстанных» личностей в «покой» ноосферы. ...Образование, как это видно из сказанного, – необычайно динамичный компонент структуры управления. Под влиянием образования управление становится жизненной потребностью как

отдельной личности, «подбрасывающей» себя осуществлением жизненного выбора к высотам индивидуальной самореализации, так и человечества в целом, пристрастно возглашающего призыв ко всеобщему братству. Решение отмечаемого противоречия также способствует единению культуры и цивилизации. Образовательный подъем управления в снятом виде демонстрирует виртуализированную направленность сферы общественных отношений. Содержание ее (т. е. виртуализированной направленности) является своеобразным мостом связи между социальной и ноосферной формами движения материи. Возведение указанного моста – этим ведь и увлечено управление, возвестившее о себе временем «пробуждения» социальной формы движения материи, – облегчает человечеству приобщение – и пусть это не покажется странным – к своим внутренним запросам. Их, полагаем мы, люди еще не сумели «расфасовать», исходя из собственно взаимных интересов. ...Образование, становясь социальным институтом, придает управлению подлинную человечность.

Завершающий компонент структуры управления – «прогностика». Итожа содержание образования, мы выходим на следующий, последний, компонент структуры управления – прогностику. Если образование – нечто субстанциальное и возложенная на него нагрузка вскрывает онтологический статус управления, то прогностика имеет функциональную направленность: она – скорее способ выравнивания пути, которым следует управление. Прогностика методологична и вместе с тем оказывается гносеологически оснащенной. Она непосредственно вытекает из того жизненного выбора, который специфицирует преисполненную творчеством неповторимую индивидуальность, именуемую – мы вновь повторимся – *личностью*. Занятое ею образование утверждает жизненный статус личности. Без этого «смазываются» его – образования – онтологические «очертания». Они действительно «стусшевываются» наплывающей поисковой ситуацией, устремленной к тому, чтобы открыть новые онтологические горизонты образованию. Оттого прогностика – это и функция образования, и способ его преодоления во имя – еще раз укажем на это – открываемого с помощью прогностики неизведанного мира (попутно отметим: мир этот – ноосфера). Как уже неоднократно отмечалось, сей мир не за горами, и его очевидность воспринимаема вне всякой прогностики. Роль прогностики – усилить лич-

ностное самовыражение индивида в его андрагогической целеположенности. Это позволит ему совершенствоваться осуществленной зрелостью и отмеченный выше жизненный выбор. Связывая прогностику с андрагогичностью, мы полнее выявляем специфику образования: настаиваем на том, что оно имплицитно содержит в себе сопричастность к ноосфере. Как такое может произойти? Ответ на этот вопрос «прокручивает» прогностика – важный компонент структуры управления. Прежде всего она – и в этом сказывается ее «гносеологизм» – фокусирует амбивалентной соотношенностью рацию и веру, определяющие нашу духовность (кроме них она ничего другого не содержит; но бесчисленные взаимодействия рации и веры сорганизовывают духовно насыщенную личность). Воссоединив рацию и веру (выполнение чего возложено на «виртуал», совмещающий внешнеощущаемый, занятый инфообработкой макровоспроизводимой «земной тверди», и внутреннеощущаемый / «освещающий» трансцендентный, представленный микромиром срез реальности как таковой/ виды чувственной деятельности), прогностика оперирует уже не «чистой» гносеологией (прочно связавшей себя исключительно с рацию), но постижением (в котором вера проявляет себя наряду с рацию, расширяя его горизонты интуитивным спектром). Опираясь на постижение, личностное «Я» емко анализирует приводящее к стрессу противостояние между естественной и искусственной человеческими природами (искусственная природа – та, что воплощена достижениями цивилизационного обустройства социума). Указанное противостояние воистину универсально ввиду того, что численный состав человечества движется сегодня «глобальным периметром». Прогностика, как это видно, расширяет возможности индивидуального самовыражения: личность начинает соотносить свое потребностное поле с объективно сорганизовываемыми точками роста. Оперирование ими выводит личность на самоуправление. Последнее, с неизбежностью объективируясь, может быть охарактеризовано в качестве управления. Отмечая постиженческую направленность прогностики, мы с помощью этой важнейшей ее составляющей производим корректировку образования результатами андрагогической саморефлексии. Последняя вбирает, выразимся так, свет далекой звезды (который мы отождествляем с ноосферой) и, «взбадриваемая» им, содействует тому, что образование свой управленческий потен-

циал связывает с формированием нового человека. Прогностика здесь оказывается задействованной на выполнение такой взаимосвязи между гендерно отлаженной андрагогичностью (подталкивающий личностный потенциал под «статус» нового человека) и образованием, производя которую, она (т. е. прогностика), выдвигая вперед «гендерный фактор» (делающий паритетными отношения между полами, а тем самым удобно воссоединяющий культуру / которая как совокупность традиций успешнее закрепляется «слабым полом», естественно связанным с репродуцированием поколений/ и цивилизацию, определяемую мужскими стандартами – двигателями социального прогресса), подталкивает управление на духовно-предметное обеспечение ожидаемого, ноосферно-обновляющегося бытообустройства. Прогностика в ее постиженческом воплощении несет функциональную нагрузку – обслуживает образование. Вместе с тем она как компонент структуры управления затверждает онтологический статус данной структуры за счет того, что «вбирает» будущее. «Вызволяясь» ею, оно под воздействием прогностическо-постиженческих мотивов вливается в образовательную сферу. Прогностика, как мы можем наблюдать, и сущностна, и «располагается» явленностью. Укрепляя социальный статус управления, она предметно расширяет его «поглощением» ноосферной реальности.

Управление – в связи с изменчивостью как стороной универсально-го движения. Рассматриваемая картина свидетельствует о том, что управление выражает свои интересы вскрытием перспектив изменчивости – такой стороны движения, которая оформляется, обретает структуру, встраивающейся в нее информацией. Изменчивость как сторона движения «маячит» благодаря информации. Будучи «заложником» отражения, информация проявляется структурированием движения. Его «структурированная востребованность» – оборачивается изменчивостью. Структура же управления – не что иное как «социально оборудованное управление». В то же время (и мы это отметили) управление как социально (за счет опережающе-отражательного контекста) «сформулированная» изменчивость – это уже не просто изменчивость, определяющая универсальное движение в качестве единственного способа существования материи. Мы ведем речь о том, что управление (с его сопричастностью с социумом и опережающим отражением, которое опредмечивается результатами целеполо-

женности) выступает изменчивостью и одновременно ее субстратным носителем (могущим отождествиться с устойчивостью). Управление – следует это повторить – отождествляемо с движением уровня его социальной формы.

Раскрывая структуру управления, мы различили ее основные компоненты, характеризующие реальную действительность стремлением качественно перестроиться – произвести синтез с более совершенным человеческим бытием – ноосферой (осторожно, но настойчиво – «фактором точности», заявляющей о себе изменением повседневно). Забегая далеко вперед, управление настраивает жизненную пульсацию в сторону благополучного приобщения социума к новым естественным (и вместе с тем более совершенным) человеческим ценностям, окрыляемым глобально совершенствующимся витком жизненного цикла и направленным к «дивным космическим изыскам».

Поговорив о хрупкой (ввиду того, что ее перспективы во многом еще туманны) и одновременно достаточно эластичной (из-за сопричастности с ускользящей неизведанностью событийной волной) структуре управления, мы «утвердили» ее компоненты и сделали попытку раскрыть их, подчеркивая роль изменчивости – главного «фактора» становления управления (попутно усилим повторением теоретически важный аспект изложения: современная теория управления, как только что мы сказали, делает упор на раскрытие изменчивости как сути движения; «управление» в классической картине мира / оперирующей атомом как условием ее, включая сюда социальный срез, «процветания» / – и в этом его историческая ограниченность – низводит. изменчивость / до «комментирования» устойчивости; и совершенствующаяся методология призвана, как мы попытались показать, преодолеть отмеченную историческую «недоработку»).

Список литературы

1. О метисации см. : Коноплёв Н. С. Историческая выводимость восточносибирской – метисированной – духовности: К постановке вопроса // Россия и Восток: взгляд из Сибири : материалы и тез докл. к XI Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 13–16 мая 1998 г. В 2 т. / под ред. В. И. Дятлова, В. П. Олтаржевского. – Иркутск, 1998. – Т. 1. – С. 36–40.

GROWING CONTROL AS A NOOSPHERIC CHALLENGE MODERN HUMANITY. TO THE QUESTION

V. Y. Samokhodskaya

Irkutsk Regional College of Pedagogic Education, Irkutsk

N. S. Konoplev

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The proposed ontological Foundation of governance through strengthening the social realities in the process of formation of the noosphere – a unique form of matter in motion. In terms reflective of the reproducible information management, encourage the success of NTR and directs them to a globalizing synthesis of the biosphere and achievement of the intellect; and is shown in the text – the emerging noosphere first point, and then inclusive put in dependence on the planet Earth, the solar space in order to protect it from the relentless attacks of the Cosmos... . Today there is something to ponder.

Keywords: reflection, information, traffic, stability, variability, management, society, noosphere, work, new people, an andragogist, education, prognostika, the classical picture of the world, metilirovanne spirituality.

Самоходская Мария Николаевна – преподаватель, Иркутский региональный колледж педагогического образования, 664074, г. Иркутск, ул. 5-я Железнодорожная, 53, тел.: 8(3952)412282, e-mail: philosophy@chair.isu.ru

Samokhodskaya Maria Nikolaevna – Lecturer, Irkutsk Regional College of Pedagogic Education, 53, 5th Zheleznodorozhnaya, Irkutsk, 664074, tel.: 8(3952)412282, e-mail: philosophy@chair.isu.ru

Коновлёв Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, кафедры философии и методологии науки, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-411, тел.: 8(3952)334372, e-mail: nikolay.konoplev@gmail.com

Konoplev Nikolay Sergeevich – Doctor of Philosophy Sciences, Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-411, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: nikolay.konoplev@gmail.com

УДК 130.3+612.82:62-50

ЧЕЛОВЕК КАК ПСИХОСОМАТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО: ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ЕЕ ПАРАДОКСЫ

Н. В. МАЛЬЧУКОВА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Раскрываются возможности субстанциализма и функционализма как основных способов решения психосоматической проблемы; как философско-методологической основы моделирования интеллекта; как ориентиров в дискуссии о переносе сознания на отличный от биологического носитель.

Ключевые слова: психосоматическая проблема, субстанциализм, функционализм, трангуманизм, искусственный интеллект.

Психосоматическое единство человека – это взаимосвязь и взаимовлияние его телесной и духовной (мыслительной, волевой, эмоциональной) составляющих, причем взаимосвязь не только духовных и нейрофизиологических процессов, но и духовных, нейрофизиологических и телесных процессов в целом. Взаимосвязь, требующая, таким образом, наряду с учетом роли органов чувств, выступающих каналами получения и переработки информации в духовной деятельности, учета и роли телесной реализации, а именно физической, двигательной активности человека. Проблема психосоматического единства человека всегда находилась и находится в центре внимания не только философских, но и религиозных концепций, поскольку вне ее разрешения оказывается невозможно решить такие важнейшие антропологические проблемы, как природа, сущность и существование человека. В настоящее время в философии актуальность выявления специфики взаимосвязи и взаимовлияния телесной и духовной составляющих человека обусловлена, в частности, необходимостью решения проблем моделирования интеллекта, а также развитием дискуссии по поводу возможностей переноса сознания на отличный от биологического носитель в рамках трансгуманизма.

Уже в античной философии складываются два способа решения психосоматической проблемы: в первом духовная составляющая трактуется как некая субстанция, получающая воплощение в теле человека, и в таком случае обладающая некоей изначальной независимостью от него и от физического мира в целом; во втором она рассматривается как производная от физического мира, в результате чего проблема природы и сущности этой составляющей предстает здесь как психофизическая, а позже как психофизиологическая проблема. Таким образом, если первый способ реализует субстанциализм в решении психосоматической проблемы, то второй обуславливает развитие функционализма.

Очевидно, что если рассматривать психосоматическую проблему как проблему взаимосвязи и взаимовлияния телесной и духовной составляющих в человеке, то наиболее продуктивным и реалистичным в ее решении будет выступать функционализм. В настоящее время он получает развитие в отечественной философской традиции в рамках функционально-информационного подхода к объяснению духовной деятельности (например, в работах Д. И. Дубровского), а также в аналитической философии (например, в работах Д. Деннета).

Установки функционализма позволяют, в частности, учитывать данные философско-антропологических, антропологических, психологических, физиологических исследований, касающихся особенностей формирования и развития интеллектуальных способностей человека, которые указывают на особую значимость для реализации этих способностей как в филогенезе, так и в онтогенезе, двигательной активности человека. В филогенезе для становления и развития мышления важными, в частности, оказываются прямохождение человека и, как следствие, развитие руки (перпендикулярное положение большого пальца по отношению к другим) и мелкой моторики. В онтогенезе в развитии интеллекта особенно важным оказывается развитие моторных способностей ребенка, отставание в котором влечет за собой и отставание в интеллектуальном развитии. Подчеркивая важность моторики в гармоничном развитии ребенка, физиотерапевт Г. Доман, например, вводит такое понятие, как «физический интеллект» [2]. Двигательная активность также сохраняет свою значимость в процессах мышления и при достижении человеком взрослого состояния. В этом отношении интересны биографические свидетельства таких выдающихся личностей, как В. Моцарт, А. Эйнштейн, Ч. Дарвин о том, что разрешение наиболее сложных проблем и формирование творческих идей происходило у них именно в момент совершения прогулки [1]. Здесь можно также вспомнить и Аристотеля, который имел обыкновение прогуливаться с учениками во время чтения лекций, из-за чего позже последователи его учения были названы перипатетиками.

Применение эволюционного подхода к объяснению происхождения человека и его психики, реализующееся в философских и конкретно-научных исследованиях, позволяет утверждать, что формирование и развитие чувственно-образного, сенсорного механизма воспроизведения действительности становится возможным благодаря развитию способов освоения пространства у живых организмов, теснейшим образом связанному с развитием форм их двигательной активности. Сформировавшийся таким образом на уровне высокоорганизованных животных чувственно-образный механизм воспроизведения действительности выступает затем своеобразной базой формирования рационально-логического механизма воспроизведения действительности у непосредственных предков человека – прегоминид и дальнейшего его развития у человека.

Значимость чувственности, сенсорики для реализации рациональности сохраняется и в онтогенетическом развитии человека. Разумеется, это не означает, что рациональность можно неким индуктивным образом вывести из чувственности, но указывает на то, что чувственность выполняет некоторую стимулирующую функцию в отношении рациональности, хотя это и не исключает в свою очередь обратного влияния рациональности на чувственность. При этом в объяснении работы чувственно-образного механизма воспроизведения действительности оказывается важным учет не только его внутренней реализации, т. е. физиологии высшей нервной деятельности, но и внешней, т. е. особенностей двигательной активности человека. Это в свою очередь свидетельствует о том, что человек выступает как особое психосоматическое единство не только с позиций влияния психики на его телесную организацию (наиболее распространенное истолкование понятия «психосоматика»), но и влияния его телесной организации на протекание психических процессов, и в таком случае следует иметь в виду, что органом мышления человека выступает не только мозг, но и в целом тело человека.

Таким образом, очевидно, что функционализм позволяет органично воспринять данные конкретно-научных исследований о взаимосвязи телесного и духовного в человеке, а это в свою очередь свидетельствует о своеобразной эволюции решения психосоматической проблемы в рамках функционализма от Античности к современности. Интересным же парадоксом этой эволюции является возможность постановки вопроса о том, можно ли вообще избежать субстанциальности при решении психосоматической проблемы, притом что субстанциализм и функционализм как способы решения психосоматической проблемы представляют собой разнонаправленные подходы.

В этом отношении оказываются показательными, во-первых, понятие инварианта, а во-вторых, принцип изофункционализма систем как базисные в рамках функционализма. Объяснение сознания, а затем и поиск возможностей его моделирования всегда так или иначе были связаны с выявлением неких его инвариантных, константных структур. Показательными в этом отношении являются представления, например, о порождающей грамматике [9] или о существовании некоего языка мысли как способе осуществления мыслительных процессов [4; 10]. Хотя в настоящее

время данные представления серьезно критикуются, поскольку утверждается, что процессуальность сознания выступает как параллельно распределенная переработка информации, в которой невозможно выделить предельную определяющую ее структуру, понятие инварианта тем не менее не теряет своей актуальности, проявляя себя в анализе кодовых зависимостей мыслительных процессов, вне определения которых моделирование интеллекта выглядит весьма проблематичным [3].

Принцип изофункционализма систем, утверждая, что один и тот же набор функций может быть воспроизведен системами с разными физическими свойствами, потенциально, таким образом, содержит в себе момент субстанциальности, так как реализация того или иного набора психических функций выступает здесь, в принципе, как независимая от своего материального носителя. Следует заметить, что существование систем интеллектуального управления, в той или иной степени выполняющих эти функции, демонстрирует определенную правомерность данного принципа. Однако если иметь в виду, что психическая составляющая человека во всей полноте функциональных проявлений оказывается теснейшим образом как на микро- (молекулярно-генетическом), так и на макроуровне (уровень телесной реализации человека в пространстве) связана с его телесной составляющей, то становится очевидной вся сложность его реализации.

Если с учетом изложенного рассматривать возможности моделирования чувственно-образной составляющей интеллекта в частности, а также возможности ее моделирования в единстве с рациональной составляющей, становится очевидным, что они мало реализуемы в рамках так называемого нисходящего подхода к разработке искусственного интеллекта, который на первый план выдвигает символьное моделирование высших психических функций. Однако недостаточной здесь будет и методология только восходящего, или биологического, подхода, ориентированного на создание искусственных интеллектуальных систем (например, нейронных сетей), повторяющих в своей структуре и функционировании естественные, биологические системы. Наиболее продуктивным в данном случае следует считать гибридный подход, опирающийся на комбинацию нейронных и символических моделей. В то же время надо иметь в виду, что гибридный подход фиксируется при моделировании психических

процессов преимущественно на внутренних (нейрональных) механизмах их реализации, т. е. фактически работает только в рамках парадигмы «психика – мозг» и не учитывает в их реализации роль телесного фактора в целом. В результате становится ясным, что применение данного подхода к моделированию чувственно-образной составляющей интеллекта также имеет свои ограничения. Можно предположить, что данные ограничения будут сняты в процессах развития интеллектуальной гуманоидной робототехники. Однако если иметь в виду, что, несмотря на достижения в области исследований психической деятельности человека, имеющиеся знания о взаимосвязи психических и нейрофизиологических, психических и телесных процессов все же отличаются существенной неполнотой, то предсказать, когда и как будут сняты эти ограничения, оказывается достаточно непросто.

Что же касается переноса сознания на отличный от биологического носитель, то необходимо отметить, что такой перенос, так же как и создание искусственного интеллекта, является проектом будущего и в таком случае выступает объектом дискуссии, прежде всего научно-философской. Вместе с тем в рамках дискуссии значимыми оказываются и результаты художественного творчества, например фантастического и научно-фантастического.

Художественное осмысление данных проблем предстает как своеобразный мысленный эксперимент, который позволяет оценить возможные последствия реализации научных и научно-философских проектов. В этом смысле интересными являются романы С. Лема «Солярис» и В. Пелевина «S. N. U. F. F.». В них одними из главных героев являются нечеловеческие системы, которые, демонстрируя психическое поведение, тождественное человеческому, а именно способность выходить за рамки заданного, осуществлять целеполагание, самоуправление и эмоционально-когнитивную оценку окружающего и самооценку, такой тождественности с человеком в своей физической (субстратной) и физиологической организации не имеют (в «Солярисе» это – Хари, сотворцами которой выступают психолог Крис Кельвин и плазменный океан, а в «S. N. U. F. F.» – это Кая – сура, «суррогатная женщина», «самоподдерживающаяся биосинтетическая машина класса “премиум 1”» [6, с. 71]). В данном случае получает развитие принцип изофункционализма систем, согласно которому один и тот же набор функций может быть воспроизведен систе-

мами с разными физическими свойствами. Так, Хари – «образ, записанный языком нуклеиновых кислот на многомолекулярных асинхронных кристаллах» [5, с. 177] и перенесенный плазменным океаном на другой материальный носитель, неизвестный науке, но имитирующей физическую организацию человека вплоть до молекулярного уровня [6, с. 99–101]; а материальным субстратом Каи являются «самовосстанавливающаяся квазиорганическая наноткань» [7, с. 74] и электронно-механическая составляющая [Там же, с. 71].

Художественная форма развития принципа изофункционализма систем позволяет представить ситуацию, когда не просто одна или несколько психических функций человека, а вся его психика оказывается воспроизведенной на отличном от его природного субстрате. Здесь не объясняется, как именно становится возможным такое воспроизведение (в то время как для науки такое объяснение является принципиальным), однако показывает, с какими серьезными проблемами может столкнуться не только контактирующий с результатами данного воспроизведения человек, но и сам результат этого воспроизводства [более подробно об этом см. 5]. Причем далеко не последнее место в основаниях формирования этих проблем занимает специфика психосоматики человека.

Таким образом, ясно, что вообще исключить субстанциальность при решении психосоматической проблемы не представляется возможным. Однако при этом следует иметь в виду, что любые достаточно сильные допущения субстанциальности, проявляющиеся как в утверждениях некоей базисной инвариантности, константности, статичности духовной составляющей, так и в утверждениях ее независимости от тела и физического и социального мира, можно считать необоснованными. Ведь сознание и психика человека, личности, рождаясь и функционируя в точке пересечения наследственности, среды и воспитания [8], всегда выступают как уникальный многоуровневый информационный процесс, который невозможно адекватно представить в категориях статичности и изоляционизма.

Список литературы

1. Дилтс Р. «Путь размышлений» Дарвин [Электронный ресурс] / Р. Дилтс. – URL: http://nlp-ist.narod.ru/docs/materials/dilts_darwin.html.

2. Доман Г. Гармоничное развитие ребенка / Г. Доман. – М.: Аквариум, 1996. – 448 с.

3. *Дубровский Д. И.* Сознание, мозг, искусственный интеллект // Искусственный интеллект: Междисциплинарный подход / под ред. Д. И. Дубровского, В. А. Лекторского. – М.: ИИнтелЛЛ, 2006. – С. 75–89.

4. *Лекторский В. А.* Философия, искусственный интеллект и когнитивная наука // Искусственный интеллект: Междисциплинарный подход / под ред. Д. И. Дубровского, В. А. Лекторского. – М., 2006. – С. 12–21.

5. *Мальчукова Н. В.* Проблема Другого в романах С. Лема «Солярис» и В. Пелевина «S. N. U. F. F.» [Электронный ресурс] // SUMMA LEMOLOGIAE 2014. – URL: <http://vvi.rusf.ru/lem/sl2014.htm>.

6. *Лем С.* Солярис. Непобедимый. Звездные дневники Ийона Тихого / С. Лем. – М.: Правда, 1988. – 480 с.

7. *Пелевин В. S. N. U. F. F.* / В. Пелевин. – М.: Эксмо, 2012. – 608 с.

8. *Ушинский К. Д.* Педагогическая антропология // Педагогические сочинения. В 6 т. / сост. С. Ф. Егоров. – М.: Педагогика, 1990. – Т. 5. – 528 с.

9. *Хомский Н.* Язык и мышление / Н. Хомский. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – 123 с.

10. *Fodor J.* The Language of Thought / J. Fodor. – Harvester, 1976. – 68 p.

HUMAN PERSON AS PSYCHOSOMATIC UNITY: EVOLUTION OF REPRESENTATIONS AND ITS PARADOXES

N. V. Malchukova

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Possibilities of substantialism and functionalism as main ways of the solution of psychosomatic problem; as philosophical and methodological basis of modeling of intelligence; as reference points in discussion about transfer of consciousness on a matter which is differed from biological one are revealed.

Keywords: psychosomatic problem, substantialism, functionalism, transhumanism, artificial intelligence.

Мальчукова Нина Валерьевна – доктор философских наук, доцент, кафедра философии и методологии науки, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-411, тел.: 8(3952)334372, e-mail: ninamalchukova@mail.ru

Malchukova Nina Valerievna – Doctor of Philosophy Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Methodology of Science, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-411, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: ninamalchukova@mail.ru

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХРИСТИАНСКИХ МИССИОНЕРОВ В XIX В.

М. С. СТАРОДУБЦЕВА

Курский государственный университет, г. Курск

Аннотация. В статье раскрывается деятельность двух выдающихся христианских миссионеров XIX в.: русского православного подвижника Макария (Глухарева) и Вильяма Бомпса, епископа Атабаски, р. Маккензи и Юкона (Канада). Автор выявляет основные направления и показывает особенности деятельности каждого из миссионеров; представляет результаты их деятельности и устанавливает ее влияние на социум.

Ключевые слова: христианство, Русская православная церковь, Англиканская церковь, миссионерство, коренные народы.

В XIX в. миссионерство стало одним из важных направлений в деятельности христианских церквей. Русская православная церковь, Римская Католическая церковь и Англиканская церковь активно организовывали свои миссии. Так, в это время Русская православная церковь учреждала миссии преимущественно среди «инородческого» населения Российской империи. Католическая церковь и Англиканская церковь проводили миссионерскую работу в миссиях, большая часть из которых была организована среди коренного населения Северной Америки.

В настоящее время результаты миссионерской деятельности церквей оцениваются по-разному. Зачастую здесь наблюдаются прямо противоположные точки зрения. Например, российский исследователь Д. В. Городенко подчеркивает «заметную роль» Православной церкви в просвещении и приобщении коренного населения Обь-Иртышского Севера к православной вере, в его обучении грамоте и в целом в культурном росте данного региона [7, р. 56]. Напротив, в «Докладе Королевской Комиссии по коренным народам» (Канада) признается негативная роль церквей, Католической и Англиканской, в истории коренных народов Канады, так как они совместно с канадским правительством в рамках кампании «резидентских школ» уничтожали обычаи, языки, традиции и веры этих народов [Ibid, р. 269].

Учитывая имеющееся противоречие, возникает необходимость исследовать миссионерскую деятельность христианских церквей на примере деятельности конкретных миссионеров: русского православного подвижника Макария (Глухарева) и миссио-

нера Англиканской церкви Вильяма Бомпса. Это делает возможным получить объективную картину миссионерской деятельности христианских церквей в XIX в. и дать им адекватную оценку.

Преподобный *Макарий (Глухарев)* является основателем Алтайской миссии, в которой он трудился 14 лет в период с 1829 по 1844 г. Миссия действовала в южной части Томской губернии (Бийский и Кузнецкий уезды) Российской империи, где в XIX в. проживали до 40 тыс. местных инородцев, в том числе представители коренного населения: теленгуты (телеуты) и кумандинцы [2, с. 27–28].

Главную цель своей миссионерской деятельности преподобный Макарий видел в утверждении христианской и апостольской церкви, которая, «собирая всех в союз единства» [1, с. 12], направляет к «любви Божией», которая есть «любовь к Богу и человеку» [Там же, с. 5]. Этой целью были обусловлены основные направления Алтайской миссии: проповедничество, организация миссионерских станов, обучение грамоте детей и взрослых, переводческая деятельность, благотворительность, попечение о повседневной жизни местного населения.

Проповедничество носило общественный характер. Проповедуя среди местного населения, преподобный старался чаще бывать в местах его общественных сборов, например, там, где алтайцы собирались для сбора ясака. Для проповедничества были организованы «походные церкви», которые давали возможность совершать богослужения в тех местах, где жили новообращенные христиане [2, с. 38].

«Надежную поддержку миссионерскому делу» [2, с. 41] преподобный Макарий видел в обучении детей и взрослых. С этой целью в Майме он открыл «общую школку». Затем школа была устроена в Улале. В 1840 г. в Майме была открыта «женская школка» [Там же]. Необходимо подчеркнуть, что большое значение в школьном деле преподобный придавал обучению на родном языке [Там же, с. 42] и обеспечению качественными учебниками. В связи с этим им был написан учебник «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг Божественного писания» с приложением русско-славянской азбуки.

Важными для миссии были переводческая деятельность и книгоиздание. В этой связи были переведены на язык телеутов и изданы церковные книги (Евангелия, молитвословы, псалмы и т. д.) [Там же, с. 39–40]. Также преподобный планировал переве-

сти на родной язык местного населения тексты христианского богослужения.

В рамках благотворительного направления миссия занималась лечением больных. С этой целью в 1838 г. на Майме были открыты богадельня и больница для приюта бездомных и сильно больных [2, с. 37].

Большое внимание в миссии уделялось попечению о повседневной жизни местных христиан. Миссионеры проводили специальные занятия по обучению хлебопашеству и огородничеству; женщин учили прядению [Там же, с. 36]. Миссия поддерживала нуждающихся сельскохозяйственными орудиями и домашним скотом. Часто такие занятия проводились в рамках воскресных собраний, которые устраивались после богослужений [Там же, с. 38].

В целом миссия оказала существенное влияние на местное население, что прежде всего выразилось в его окончательном переходе к оседлому образу жизни; повысился культурный уровень населения: изменился внешний вид и здоровье, были ослаблены «вредные обычаи» в традиционных семейных отношениях, телугу начали больше заботиться о детях [Там же, с. 74].

Почти одновременно с преподобным Макарием вел миссионерскую деятельность *Вильям Бомпас* – один из выдающихся «апостолов» Канадского Севера, епископ Атабаски, Реки Маккензи и Селкрика (Юкона). Он посвятил миссионерству более 40 лет своей жизни, проповедуя в наиболее отдаленных северо-западных районах Канады, где проживали представители коренного населения этой страны – индейцы и эскимосы.

Миссионерская деятельность епископа Бомпаса осуществлялась в следующих направлениях: евангелизация местного населения, обучение детей, переводческая деятельность и книгоиздание, организация миссий.

Евангелизация (то же христианизация) коренного населения преследовала несколько целей. С одной стороны, она была направлена на формирование паствы, что в условиях интенсивного роста Англиканской церкви в Канаде в начале XIX в. было крайне необходимо [6, с. 162]. С другой стороны, являясь важной составляющей правительственной политики «оцивилизации» индейцев, евангелизация была нацелена на преодоление нравственных пороков коренного населения, а именно любви к азартным играм, шаманских практик, бедности и нечистоплот-

ности. В этой связи епископ регулярно посещал индейские стоянки и места проживания эскимосов, жил вместе с индейцами в их палатках, следовал за ними во время охоты и рыбалки, сопровождал эскимосов во время их торговли с «Компанией Хадсон Бэй» [5, р. 114].

Важным направлением своей деятельности епископ признавал обучение детей. Так, в 1865 г. он открыл в форте Нормане (река Маккензи, север Великой Медвежьей реки) миссионерскую школу для детей-сирот, которые остались без родителей в результате эпидемии скарлатины [Ibid, р. 58]. Элементарным обучением индейских детей он занимался и во время своего первого визита на форт Симпсон (река Маккензи) [Ibid, р. 107]. В 1874 г. здесь были организованы дневные занятия по пению и ритмике [4, р. 27]. В целом к концу 70-х гг. XIX в. в школах, расположенных на территории епископии Атабаски, обучались 100 индейских детей [5, р. 182]. В начале XX в. была открыта школа в Каркросе (Юкон) [4, р. 173–178]. Необходимо отметить, что большой вклад в обучение индейских детей внесла супруга епископа – Шарлотта Бомпас [Там же].

С евангелизацией и обучением была тесно связана переводческая деятельность. В этой связи епископом Бомпасом были составлены четыре букваря на языках индейцев Тени (Невольников), Медведей, догрибов и тукудх. С целью религиозного просвещения им были переведены на индейские языки многие религиозные книги, а также составлена «Книга молитв» на языке чипеваев [5, р. 337].

Не менее важным направлением миссионерской деятельности епископа Бомпаса была работа в миссиях. Им были организованы такие миссии, как Тукудх-миссия (территории Йокона); Миссия реки Маккензи (форт Норман); Миссия Большого Невольничьего Озера (Форт Рае); Атабаска-миссия (форт Чипеваен) [Ibid, р. 181–182].

В целом, оценивая результаты своей деятельности, епископ Бомпас отмечал изменение нравственного состояния индейцев: у них появились «доброта и любовь и другие плоды праведности» [Ibid, р. 367], «кровопролитие и насилие почти неизвестны им» [Ibid, р. 368], индейцы стали отказываться от шаманских практик. Также важным результатом миссионерской деятельности епископа Бомпаса можно признать распространение грамотности среди

индейцев. Во время путешествия по отдаленным северным территориям Мирной Реки, где проживали индейцы тукудх, епископ увидел, что индейцы учили читать друг друга [5, р. 207]; также он отмечал, что они «торопятся учиться с жадной» [Ibid, р. 368].

Таким образом, исходя из изложенного выше, можно заключить, что деятельность каждого из миссионеров имела как большое церковное, так и социальное значение. Выполняя задачи, которые ставили перед миссионерами их церкви, они организовывали новые церковные приходы, занимались евангелизацией и религиозным просвещением населения. В тоже время их деятельность характеризуется положительной социальной направленностью. Необходимо отметить их большой вклад в просвещение, распространение грамотности, в сохранение родных языков и укрепление самосознания тех народов, среди которых они проводили миссионерскую работу.

Список литературы

1. *Городенко Д. В.* Образование народов Севера как фактор развития поликультурного пространства региона (На примере Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) / Д. В. Городенко. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманитар. ун-та, 2013. – 143 с.
2. *Макарий (Глухарев), архим.* Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе / Макарий (Глухарев), архим. – М. : Тип. А. И. Снегиревой, 1894. – 131 с.
3. *Харлампович К. В.* Архимандрит Макарий Глухарев. По поводу 75-летия Алтайской миссии / К. В. Харлампович. – СПб. : Тип. М. Меркушева, 1905. – 129 с.
4. *Archer S. A.* A Heroine of the North. Memories of Charlotte Selina Bompas (1830-1917). Wife of the first Bishop of Selkirk (Yukon) / S. A. Archer. – Toronto: The MacMillan Company of Canada Limited, 1929. – 187 p.
5. *Cody H. A.* An Apostol of the North. Memories of the Right Reverend William Carpenter Bompas / H. A. Cody. – London: Seeley & Co. Limited, 1908. – 386 p.
6. *Encyclopedia Canadiana.* The Encyclopedia of Canada. Ed. J. E. Robbins. Vol. 1 / J. E. Robbins, ed. – Ottawa : The Canadiana Company, 1957. – 356 p.
7. *Report of the Royal Commission on Aboriginal Peoples (Canada).* Vol. 1. Looking for wardlookingback. – Ottawa : The Commission on Aboriginal Peoples, 1996. – 575 p.

TO THE QUESTION OF THE CHRISTIAN MISSIONARIES' ACTIVITY AT THE XIX CENTURY

M. S. Starodubtceva
Kursk State University, Kursk

Abstract. This paper presents the missionary activity of the illustrious Christian missionaries of the XIX century, such as Russian Orthodox saint Makariy (Glukchorev)

and William Carpenter Bompas, Bishop of Athabasca, Mackenzie River and Yukon (Canada). The author indicates the principal pathways and a number of features of each missionaries' activity; shows its results and reveals its influence to the society.

Keywords: Christianity, Russian Orthodox Church, Church of England in Canada, missionary, aboriginal peoples.

Стародубцева Марина Станиславовна – кандидат педагогических наук, доцент, кафедра теологии и религиоведения, Курский государственный университет, 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33, тел. 8(4712)70-05-38, e-mail: info@kursksu.ru

Starodubtceva Marina Stanislavovna – Candidate of Pedagogical Sciences, associate Professor of Theology and Religious Studies, Kursk State University, 33, Radischeva st., Kursk, 305000, tel.: 8(4712) 70-05-38, e-mail: info@kursksu.ru

УДК 322.2

ГОСУДАРСТВО И ПРАВОСЛАВИЕ НА ПУТИ СПАСЕНИЯ РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ

В. С. МАТЮЩЕНКО

Амурская государственная медицинская академия, г. Благовещенск

Аннотация. Рассматривается политика Российского государства в отношении религии. Исследуется кризис российской духовности, и намечаются пути выхода из него. Показана роль православия как хранителя культурной и религиозной идентичности русского народа. Анализируется качество современной православной церкви в лице РПЦ МП и старообрядчества.

Ключевые слова: религиозный конфликт, государственная политика, православие, Русская православная церковь, старообрядчество, государство, национальная идея, культурный национализм, национальная идентичность, культурная идентичность.

Современная религиозная ситуация в мире побуждает исследователей к более тщательному изучению конфессиональных особенностей религиозных групп и процессов их взаимодействия между собой. На фоне религиозных конфликтов, разгорающихся в Европе и на Ближнем Востоке, Россия находится в выгодном положении. Несмотря на плюрализм религий, Российское государство никогда не допускало глобальных конфликтов на этой почве. Политика государства в отношении религии на разных этапах развития России складывалась по-разному. В царские времена государственной религией было православие, представители мировых религий не ущемлялись (за исключением старообрядчества), ограничивались в правах некоторые сектанты, но это не приводило к религиозным конфликтам. Советское правитель-

ство поставило все конфессии в один ряд и сделало попытку их уничтожить. Сплоченные общей проблемой, религиозные группы стремились выжить в это непростое время, но никаких религиозных противоречий между их представителями не было.

В XX в. православие, как и любая другая религия, оказалось вне закона, что стало большой трагедией для русского народа. Разрушались традиционный быт и культура российского сообщества, скрепленные нравственным началом, в роли которого выступала православная вера. В условиях отсутствия религиозной веры образовался духовный и экзистенциальный вакуум, исчезла русская национальная идея. Между тем вера является неотъемлемым атрибутом человечества. Ее отсутствие может привести к негативным последствиям. Вместо веры на первый план выступают новые идеалы и ценности, подчас не вполне морально-нравственного характера.

В постсоветское время декларируется свобода совести и вероисповедания. Мировые религии, секты и деноминации имеют одинаковые права и обязанности и подвергаются преследованию только в случае нарушения прав человека. В современной России эта тенденция продолжает существовать, обретая некоторые особенности.

Государственная политика современной России нацелена на создание «духовных скреп». Основой этой духовности неофициально (в действиях президента и его окружения) и на официальном уровне (Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях») признается православие, которое играет особую роль в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры.

XXI в. характеризуется переломным характером развития общества. Осмыслению подвергаются культурные, социальные и другие проблемы современности. Зачастую, не найдя ответов на многие вопросы, человек обращается к истокам, прошлому отечественной истории, православию. В эпоху глобализации увеличился страх потери национальной и культурной идентичности. В последние годы происходит активизация национально-культурных процессов и движений, основывающихся на коренных национальных традициях. Наблюдается стремление возродить традиции через создание этнокультурных объединений и изучение истории и основ религии. Происходит поиск нравственных основ и духовных ценностей этносов, в том числе русского народа.

Российское общество и государство направлены на поиск национальной идеи, которая смогла бы возродить духовность русского народа, сплотить его, нравственно оздоровить общество. Выбор падает на патриотизм и духовные ценности. Потенциальным источником духовности для русского народа является традиционная для России религия – православие. Под православием мы чаще всего понимаем Русскую православную церковь Московской патриархии (далее – РПЦ МП). Русское православие за более чем десять веков накопило колоссальный опыт в решении многих вопросов. Симфония сосуществования светской и религиозной власти помогала удачно решать проблемы, волновавшие общественность: взаимоотношения власти и народа, проблемы собственности, социальные проблемы, сохранение и развитие национальных традиций. Православие помогало русскому этносу обрести духовное здоровье, смысл бытия, решить другие экзистенциальные проблемы.

Государство на неофициальном (например, президентские гранты, отданные Православной церкви и приближенным к ней организациям) и на официальном уровнях поддерживает РПЦ МП. За счет этого, а также за счет грамотной активной политики и миссионерской деятельности самой РПЦ мы наблюдаем специфическую картину возрождения православия в России. Этот процесс вызывает различные реакции у людей, в том числе массу критики и недовольства как среди верующих, так и среди атеистов и людей, индифферентных к религии, в том числе среди представителей научного сообщества.

После длительного духовного вакуума народ все больше обращается к религии. Люди, привыкшие идеализировать церковь и священнослужителей (этому во многом способствовала роль РПЦ в советском государстве как мучеников, подвергшихся гонениям), сейчас видят, что «реальная Церковь не похожа на тот идеальный образ, который они когда-то себе представляли» [5]. В научных кругах, в различных СМИ все чаще можно встретить резкую критику РПЦ и ее священнослужителей. Например, множество обличительных статей можно найти в интернете, в частности на информационном портале центра религиоведческих исследований «РелигиоПолис» (<http://www.religiopolis.org>). Компетентные ученые – религиоведы, политики, философы – выражают свою точку зрения на проблемы в религиозной сфере,

в том числе и в современном православии, подкрепляя ее фактами. В вину РПЦ и священнослужителям ставятся стяжательство, падение авторитета в обществе, участие членов РПЦ в уголовных делах, разжигание религиозной розни и самое главное – попытка слияния церкви и государства.

Деятельность РПЦ осуждается и некоторыми представителями самой РПЦ, а также другими религиозными конфессиями. Так, например, митрополит Русской православной старообрядческой церкви (далее – РПСЦ) Корнилий косвенно осуждает религиозные движения за излишнюю популяризацию в СМИ (это можно отнести и к РПЦ МП): «Но есть грань, которую Церковь в общении со СМИ переходить не должна. Мельтешение на страницах газет и на экранах телевизоров может привести к обесцениванию духовного авторитета Церкви в глазах людей. Поэтому слово Церкви должно быть ответственным и неприглядным» [6].

Все чаще ученые говорят о попытках слияния Православной церкви и государства, а иногда и о фактах использования государством авторитета церкви, ангажированности православием чиновников и политических деятелей. Исследователи сходятся во мнении, что государство навязывает обществу национальную идею, которая должна сплотить общество и усилить авторитет государства. Правительство решило использовать религию как своего рода новую идеологию, вернее, превратить религию в идеологию, а это означает уничтожение религии. Теоретически государство имеет благие цели и намерения – духовное и нравственное оздоровление нации, «но на деле государство хотело использовать возросшую популярность православия для наведения порядка в стране» [2]. В результате мы имеем множество фактов нарушения гражданских свобод. Клерикальная идеология деструктивно влияет на науку, образование, искусство, основы религиозной терпимости. По каждому из этих пунктов можно привести примеры, когда православные радикальные активисты своими действиями пытались разжечь религиозную вражду. На этих примерах мы обнаруживаем, что российское светское демократическое общество имеет еще множество препятствий, дабы таковым называться.

Между тем кроме РПЦ МП православие представлено и многими другими направлениями. Особое внимание в настоящее, переходное, время следует уделить старообрядчеству, которое на

протяжении последнего века стало русским явлением для многих стран мира. Еще С. А. Апраксин говорил: «Я не могу не считать <...> старообрядчество сокровищницей, Самим Богом уготованной на святое хранение старых обрядов и заветов древних, не могу не преклоняться перед их твердой верой, горячей любовью ко всему церковному, перед мощностью их духа, не сломившегося несмотря на гонения, на преследования, на злострадания, – все эти качества столь необходимы для создания истинной Церкви Христовой и так мало их остается у нас православных» [1]. Сегодня старообрядчество, освобожденное от гнета государства и РПЦ, находится в стадии возрождения и готово принять посильное участие в становлении судьбы нашего народа. Митрополит РПСЦ Корнилий в одном из своих интервью говорит о том, что старообрядчество обеспокоено судьбой русского народа и тревожится о будущем России: «Предав забвению свои традиции, он (русский народ. – В. М.) утратил нравственные ориентиры, стал копировать чужие образы. Как заблудший сын, он должен вернуться в отчий дом» [4].

Митрополит Корнилий в своих интервью и докладах Освященному собору Русской православной старообрядческой церкви говорит о том, что в конце XX в. русский народ, оставшись без советской идеологии, стал открыт всем «идейным ветрам». Это стало причиной духовной растерянности русской нации и в перспективе может способствовать утрате национальной идентичности и социально-политической стабильности. Сейчас наша страна испытывает духовную агрессию так называемых западных ценностей, в то же время идет наступление нетрадиционных культов, некоторые из них явно направлены против православных традиций. Это происходит на фоне экономических потрясений, роста алкоголизма и наркомании, возрастания агрессивности и преступности, упадка честного отношения к труду, понижения рождаемости. Государство понимает, что для ответа на эти вызовы современности необходима опора на общественное согласие, возрастание духовно-нравственного уровня, возвращение к истокам и формам устроения духовной жизни. Все, что касается инициатив государства и других традиционных конфессий по сохранению духовности, здоровья нации, старообрядчество готово поддерживать, если это не противоречит устоям и правилам старой веры. Митрополит Корнилий считает, что нужно сплю-

тить все силы «на борьбу за сбережение нашего народа, его нравственного и душевного здоровья» [3]. Старообрядчество может привнести в российское общество ценности здорового, просвещенного консерватизма.

Безусловно, старообрядчество, как и другие религии, не может стать национальной идеей для светской России, но оно несет в себе определенные качества, которые помогут русскому этносу обрести объединяющий фактор. Речь идет о таких положительных качествах старообрядчества, как стремление к сохранению религиозных и культурных традиций, обычаев, семейного уклада, быта, адаптация к инокультурной среде, способы взаимоотношения с инокультурным и инорелигиозным сообществом, религиозная идентичность представителей старообрядческого движения. Митрополит Корнилий подтверждает, что «сегодня старообрядчество сумело сохранить подлинные традиции древней русской духовности и донести их живыми до нашего времени. Мы надеемся, что возвращение этих традиций поможет восстановить духовные, нравственные устои в семье и обществе» [6]. Мы объединим эти достоинства в три категории: культурный национализм, традиционализм, религиозная идентичность.

Список литературы

1. *Апраксин С. А.* Исповедь уверовавшего интеллигента [Электронный ресурс] // Рус. православ. старообряд. церковь. - URL: <http://rpsc.ru/library/nestaroobryadci-o-starobryadchestve/sa-apraksin-ispoved-uverovavshago-intelligenta-otryivok>.
2. В поисках «золотой середины»: интервью с Б. Фаликовым [Электронный ресурс] // Центр религиозных исследований «РелигиоПолис». - URL: <http://www.religiopolis.org/publications/6580-v-poiskah-zolotoj-serediny.html>.
3. Доклад митрополита Корнилия Освященному Собору от 16 окт. 2008 г. [Электронный ресурс] // Рус. православ. старообряд. церковь. - URL: <http://www.rpsc.ru/version/modules.php?name=News&file=-print&sid=558>.
4. Интервью portalу «Интерфакс-религия» (2007 г.) [Электронный ресурс] // Рус. православ. старообряд. церковь. - URL: <http://rpsc.ru/mitropolit/interview/intervyu-portalu-interfaksreligiya>.
5. *Мальцев В.* Миланский эдикт советского государства [Электронный ресурс] // РелигиоПолис : Центр религиовед. исслед. - URL: <http://www.religiopolis.org/publications/6638-milanskij-edikt-sovetskogo-gosudarstva.html>.
6. *Петров А.* Преемник нового курса: интервью газете «НГ-РЕЛИГИИ» (2005 г.) [Электронный ресурс] // Рус. православ. старообряд. церковь. - URL: <http://rpsc.ru/mitropolit/interview/preemnik-novogo-kursa>.

THE STATE AND ORTHODOXY IN THE WAY OF SAVING OF RUSSIAN SPIRITUALITY

V. S. Matyuschenko
Amur State Medical Academy, Blagoveschensk

Abstract. The article considers the policy of the Russian state in the sphere of religion. Examines the crisis of the Russian spirituality and the ways out of it. The role of Orthodoxy as the custodian of cultural and religious identity of the Russian people. Analyzes the quality of modern Orthodox Church in the person of Russian Orthodox Church and old believers.

Keywords: religious conflict, public policy, Orthodoxy, Russian Orthodox Church, old believers, the state, the national idea of cultural nationalism, national identity, cultural identity.

Матющенко Виктория Сергеевна – кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, Амурская государственная медицинская академия, 675000, г. Благовещенск, ул. Горького, 101, тел.: 8(4162)319053, e-mail: v89246728625@ya.ru

Matyuschenko Victoria Sergeevna – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, the Department of Humanitarian Sciences, Amur State Medical Academy, 101, Gorki st., Blagoveschensk, 675000, tel.: 8(4162)319053, e-mail: v89246728625@ya.ru

УДК 316.346.32-053.6:2

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОСТИ СТУДЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВУЗА (БАЙКАЛЬСКИЙ РЕГИОН)

О. И. ИНДУЦКАЯ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В связи с ренессансом религиозности в мире и в нашей стране в частности возникает необходимость прояснения религиозной ситуации в регионе, например в студенческой среде. Наша молодежь – будущее страны, поэтому необходимо знать молодежную субкультуру, в том числе и уровень, степень и характер религиозности. Необходимо также выявлять наличие корреляции между интенсивностью веры и ее содержанием.

Ключевые слова: религиозность, религиозная ситуация, уровень религиозности, степень религиозности, характер религиозности, государственный вуз, студенты, религия, религиозность студентов.

Исследования религиозности студентов проводились на начальных курсах гуманитарных факультетов государственного вуза. Целью исследования ставилось выявить уровень, характер религиозности и степень религиозности учащейся молодежи [1].

Для достижения цели исследования была разработана авторская методика и план исследований в соответствии с практическим руководством З. В. Сикевича [3] и работой по социологии религии В. И. Веремчука.

Таким образом, религиозность мы обнаруживаем по наличию религиозной веры. Религиозная вера в свою очередь определяется верой:

- 1) в трансцендентную реальность,
- 2) в наличие гипостазированных сущностей и возможность контакта с ними [1].

Проведено 191 анкетирование.

По характеру религиозности из опрошенных, православными назвали себя 64 чел. (из них убежденные верующие – 5 чел.), буддистами – 29 чел., шаманистами – 6 чел., протестантами – 4 чел., католиками – 1 чел. В обследуемом контингенте не оказалось студентов, исповедующих ислам и иудаизм.

Степень религиозности. Считают себя верующими 99 чел. Из убежденных верующих – 7 чел. (5 – православных, 1 – протестант, 1 – буддист).

Крестили в детстве или по настоянию 57 чел., из них верующие – 18 чел.

Безразличны к религии 25 чел. В наличие высших сил верят 58, суеверными себя считают 2, атеистами – 8. Интересуются шаманизмом 33 чел., верят в шаманские практики – 43.

К новым религиозным движениям относятся безразлично 74 чел., интересуются – 10; считают, что они не относятся к нашей культуре – 42 чел.

В приметы верят 29 чел., из них православных – 14, буддистов – 9, шаманистов – 2. В то, что приметы иногда срабатывают, верят 113 чел.

Готовы к встрече с инопланетянами 89 чел.

В творение мира верят 67 чел., из них православных – 39, буддистов – 7, шаманистов – 4.

В теорию Большого взрыва и эволюцию вселенной верят 74 чел., из них православных – 18, буддистов – 8, шаманистов – 2.

Предпочитают теорию череды возникновения вселенных 32 чел., из них православные – 10, буддисты – 7, шаманистов нет.

В привидения, домовых верит 71 чел., видели – 19 чел., из них православных: верят – 29, видели – 7, буддистов – 12 (видели – 5), шаманистов – 4 (2 считают пережитком).

Вещие сны видели 59 чел., в то, что вещие сны есть, верят 11 чел., не верят вещим снам 14.

В параллельные миры верят 49 чел., не верят – 48, допускают возможность – 96.

Бога Личностью считают 39 чел., из них православных – 13, буддистов – 6, шаманистов – 2.

Бог – Абсолют для 23 чел., из них православных – 4, буддистов – 4, шаманистов – 1.

Бог – трансцендентная сущность для 62 чел., из них православных – 11, буддистов – 13, шаманистов – 2. Суеверны – 23 чел., из них православных – 7, буддистов – 4, шаманистов – 1. Бога не существует для 14 чел. из опрошенных.

В анкете было предложено дать свое определение Бога, по желанию. Ответы прозвучали следующие: душа, вера, смысл жизни, моральный авторитет, источник сил, ВСЕ, спаситель, праведник и т. д.

Обращаться к гадалкам и магам в затруднительной ситуации считают возможным 75 чел., из них православных – 29, из крещенных в детстве – 18. Из буддистов обращаются 16 чел., шаманистов – 5 и 1 не верит.

Мистику в реальном мире отрицают 37 чел., считают, что она есть, – 111, интересуются – 22, считают, что она для детей, – 127. В том, что в мире много непознанного, не сомневаются 127 чел.

К своей религии в трудной ситуации считают возможным обратиться православных – 51; считают, что так нужно делать всегда, – 11, и к гадалкам и в церковь считают возможным обращаться 20, только одна девочка написала, что это грех. Буддистов – 20 чел., и к религии и к магам считают возможным обратиться 9. Шаманистов – 5 чел., из них 2 считают, что так надо делать всегда, 1 не верит ни гадалкам, ни религии.

В своем окружении опрошенные видят: 1) больше верующих – 106 чел., 2) неверующих – 46 чел., 3) суеверных – 27 чел., 4) атеистов – 7 чел.

Считают более нравственными религиозных людей – 96 чел., атеистов – 5 чел., не считают, что есть какая-то связь, – 79.

У четырех человек обнаружилось негативное отношение к мусульманам, у одного – отрицательное отношение к православным, у одного – отрицательное к иудеям.

В конце анкеты было предложено определить произвольно, что есть религия, по желанию. Готовых вариантов ответов предложено не было, тем не менее ответы, в разных группах часто совпадали буквально дословно: религия играет важную роль в жизни личности – 42 чел., помогает жить в трудную минуту – 39, воспитывает нравственность – 31, сплачивает – 9. Главное, смысл – 6 чел. Вера в светлое – 7 чел. «БОГ Есть» (именно так: заглавными буквами) – 3 чел. Негативное отношение к религии – 6 чел. «Бог есть – он придает уверенность в жизни», – так написала буддистка.

В результате исследования мы имеем следующее.

1. Высокий уровень религиозности – 52 % студентов считают себя верующими, 7 чел. (3,5 %) – убежденными. Остальные демонстрируют различные виды внеконфессиональной религиозности. Только одного человека по результатам исследования можно определенно назвать неверующим [5].

2. Не было необходимости задавать вопросы, косвенно указывающие на религиозность (вещие сны, гадалки, инопланетяне, мистика), – студенты уверенно указывают свою религиозную принадлежность, но этими вопросами была выявлена высокая внеконфессиональная религиозность [2].

3. Выяснилось, что молодежь большей частью находится в религиозном окружении – 106 чел., причем под окружением имеются в виду не только родственники, но и друзья – ровесники.

4. Но проявилась и неожиданная ситуация: студенты, уверенно идентифицирующие себя с определенной религией, мало знакомы с ее основными догматами или не придерживаются их, что позволяет им считать возможным обращаться к неформальным видам религиозности, например православные могут ходить к гадалкам, верить в приметы.

Выявилась большая путаница в определении Бога. Например, у православных, где Бог априори личность, было обнаружено большое количество других ответов. Бог – личность у буддистов, у шаманистов. Также имеется различие мнений верующих студентов о происхождении вселенной, хотя этот вопрос, казалось бы, должен был определяться соответствующими религиозными воззрениями [4].

Высок уровень внеконфессиональной безличной религиозности, что определяется наличием веры в высшие силы, гадалок и т. п.

5. Прослеживается влияние средств массовой информации на формирование картины мира, с одной стороны, и малая информированность о своих религиях – с другой, что придает мировоззрению молодых людей некоторую сумбурность и незрелость.

6. Отмечается общий позитивный настрой, стремление к лучшей жизни и желание, чтобы всем было хорошо.

В целом можно сделать следующие выводы: молодежь религиозна, но, тем не менее, мало информирована в области религии, что делает ее подверженной любому религиозному или псевдорелигиозному влиянию, так как в силу возраста молодые люди находятся в поисках смысла жизни и могут связывать его с религиозным служением или религиозным образом жизни. Также религиозность у молодежи связывается с сохранением традиций (шаманизм, буддизм) и с возможностью выходить на контакт с высшими силами с определенными целями: просьбой о помощи или какой-то степени познания окружающего мира.

В результате работы были выявлены области, подлежащие более детальному изучению, для разработки рекомендаций в работе с молодежью. Исследования будут продолжены, расширен круг сфер, подлежащих изучению.

Список литературы

1. *Веремчук В. И.* Социология религии / В. И. Веремчук. – М. : Юнити-Дана, 2012. – 255 с.
2. *Гараджа В. И.* Социология религии / В. И. Гараджа. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Инфра-М, 2010. – 304 с.
3. *Сикевич З. В.* Социологическое исследование : практ. руководство / З. В. Сикевич. – СПб. : Питер, 2005. – 320 с.
4. Религиоведение / ред. М. М. Шахнович. – СПб. : Питер, 2006. – 430 с.
5. *Яблоков И. Н.* Религиоведение / И. Н. Яблоков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Гадарки, 2010. – 319 с.

THE RESULTS OF THE STUDY OF RELIGIOSITY OF THE STUDENTS OF THE STATE UNIVERSITY (THE BAIKAL REGION)

O. I. Induzca
State University, Irkutsk

Abstract. In connection with the Renaissance of religion in the whole world and in our country in particular, there is a need to clarify the religious situation in the region, in particular among students. Our youth – the future of the country, so you should know a youth subculture, including the level, degree and nature of religiosity. It is important to identify the presence of correlation between the intensity of faith and its content.

Keywords: religiosity, religious situation, the level of religiosity degree of religiosity, the nature of religion, state University, students, religion, the religiosity of students.

Индущая Оксана Ивановна – старший преподаватель, кафедра религиоведения и теологии, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-411, тел.: 8(3952)334372, e-mail: ksenia.ivanovna.irk@mail.ru

Induzca Oksana Ivanovna – Senior Lecturer, Department of Religious Studies and Theology, Faculty of History, Irkutsk State University, 1-411, K. Marks st, Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: ksenia.ivanovna.irk@mail.ru

УДК 323.22

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЧОУ ВО «ОМСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»)

Н. В. ЛЯШЕВСКАЯ

Омский государственный педагогический университет, г. Омск

Аннотация. Представлены результаты исследования по выявлению мотивов профессионального выбора и дальнейшего профессионального самоопределения студентов юридических факультетов. Особое внимание уделено предпочитаемым сферам дальнейшей профессиональной деятельности после окончания обучения, зарплатным ожиданиям, препятствиям трудоустройства студентов юридических факультетов.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, мотивы профессионального выбора, высшее юридическое образование.

Динамично меняющиеся условия современного общества требуют от каждого человека способности быстро адаптироваться к происходящим изменениям в социокультурной ситуации на территории своего региона, страны. Новое время и новые обстоятельства побуждают многих к получению юридического образования, правовая подготовка стала необходима везде: на работе, в быту, в решении имущественных вопросов, финансовых и т. д. Абсолютное большинство населения России убеждено, что знание законов необходимо в повседневной жизни. Поэтому проблемы мотивации профессионального выбора и дальнейшего профессионального самоопределения современных студентов юридических факультетов становятся приоритетными.

Исследование профессионального самоопределения широко представлено в научных исследованиях социально-гуманитарных наук. Предметом внимания ученых (Е. М. Борисова, Л. Н. Банникова, Ю. Р. Вишневецкий, О. В. Виштак, Я. В. Дидковская, Л. В. Сохань, Н. С. Пражников, М. В. Певная) стали вопросы ценностно-смыслового аспекта профессионального самоопределения

Исследователи придерживаются единого мнения, что профессиональное самоопределение как динамический процесс развития ценностно-смысловой системы, намерений, интересов есть эмоциональное отношение к профессиональной деятельности. Вместе с тем самоопределение характеризуется выявлением своей «ниши» в системе социальной стратификации современного общества, где выбранная профессия выступает одним из значимых факторов, определяющих социальный статус, успешность, материальное положение и т. п. [1, с. 138].

С целью выявления мотивов профессионального выбора и дальнейшего профессионального самоопределения было проведено исследование с помощью метода анкетирования. В опросе приняли участие респонденты – студенты ЧОУ ВО «Омская юридическая академия» (далее – ОмЮА) по направлению подготовки «Юриспруденция», выборка составила 147 студентов, из равного соотношения первокурсников и выпускников вуза. Респондентам была представлена анкета из 13 вопросов, в которой нужно было выбрать из предлагаемых вариантов те, которые в большей степени отвечали личной точке зрения обучающегося.

Ведущие факторы, которыми первокурсники руководствовались при выборе направления подготовки «Юриспруденция» в ОмЮА, носят субъективный характер, а именно интерес к содержанию выбранной специальности («мое призвание») – 64 %. Следует отметить, что интерес традиционно считается самым значимым мотивом выбора профессии, осознаваемым ранее и яснее всех других. Этот факт также подтверждает анализ анкет выпускников ОмЮА. Приоритет выбора юридического направления подготовки у 55 % опрошенных выпускников связан с интересом к содержанию выбранной профессии.

Помимо субъективных, значимыми являются объективные факторы, такие как уровень качества образования конкретного вуза – 57 %, высококвалифицированный профессорско-преподавательский состав – 48 %, возможность карьерного роста – 48 %, возможность материального благополучия – 43 %, престиж вуза – 42 %, возможность устроиться на высокооплачиваемую работу – 40 %.

Таким образом, в структуре мотивов студентов ОмЮА ярко прослеживаются две основные тенденции. С одной стороны, это стремление реализовать свои исключительно социально-статусные потребности, и ОмЮА выступает как средство такой

реализации, с другой – стремление получить профессию и стать востребованным специалистом на рынке труда.

Согласно полученным в исследовании результатам, большинство студентов (63 %), несмотря на различные мотивы выбора специальности, удовлетворены выбором будущей профессии.

Степень удовлетворенности выбором направления подготовки зависит от многих факторов, в том числе от удовлетворенности работой профессорско-преподавательского состава, от результатов деятельности которых зависит уровень качества образования, а также ожидаемых перспектив трудоустройства и возможности достижения материального благополучия в будущем. Если на младших курсах отношение к профессии оказывало влияние на эффективность образовательной деятельности в основном опосредованно, т. е. через высокую познавательную мотивацию к содержанию выбранной профессии, что подтверждается результатами исследования, то у выпускников удовлетворенность выбором профессии прямо связана с эффективностью образовательной деятельности в конкретном вузе.

При ответе на вопрос «Какие результаты, полученные Вами при обучении в академии, являются самыми значимыми?» студенты определили наиболее важные факторы. Независимо от курса обучения для 71 % значимым фактором является получение теоретической подготовки. Кроме того, студенты отмечают, что научились работать с информацией – 31 %, организовывать свою работу для получения поставленной цели – 20 %, приобрели личные и деловые контакты – 20 %. Меньше всего студенты отметили, что в процессе обучения им удалось развить лидерские качества и творческий потенциал.

Также в числе приоритетных результатов обучения студенты отметили «получение практических знаний», однако процент выборки напрямую зависит от курса обучения студента. Так, для первокурсников это составляет 60 %, а для выпускников – 37 %.

Один из блоков вопросов анкеты был посвящен профессиональному самоопределению студентов юридического направления подготовки ОмЮА. Анализируя предпочтительные сферы дальнейшей работы после окончания обучения студентов, можно сделать следующий вывод. В целом для респондентов после окончания вуза важна работа по специальности, юристом общего профиля – 69 %. При этом три направления привлекают большее

число респондентов: государственная служба/чиновник – 50 %, консультирование – 7 %, развлечения/массмедиа – 7 %. Однако стоит отметить, что на момент поступления в вуз первокурсники не имеют четко выраженных предпочтительных сфер дальнейшей профессиональной деятельности. 12 % студентов указали «консультирование» как желаемую карьеру, 8 % – сферу развлечений, массмедиа, автомобильный бизнес, туризм. Причиной этого чаще всего является несоответствие между тем представлением о профессии, которое приводит выпускников школы в вуз, с реальным, фактическим содержанием данной профессии. Случайность профессионального самоопределения может привести к сложным переживаниям, разочарованиям в выбранной профессии и тяжелым внутренним конфликтам.

Большинство студентов ОмЮА считают, что получают в академии серьезную теоретическую подготовку по выбранной специальности, а серьезными препятствиями для трудоустройства отмечают три группы причин: недостаток полученных практических навыков, недостаток рабочих мест по специальности на рынке труда, недостаток личных контактов, связей. Структура препятствий для трудоустройства в зависимости от курса обучения различна. Выпускники главным препятствием для себя определяют недостаточную профессиональную компетентность – 50 %, а первокурсники – недостаток рабочих мест по направлению подготовки на рынке труда (69 %) и недостаток личных контактов (39 %), в то время как о собственной профессиональной компетентности речи не идет.

С точки зрения ожидаемой заработной платы результаты анкетирования показали также различные интервалы в зависимости от курса обучения. Так, среди выпускников медианным значением стал интервал 20–30 тыс. руб., когда среди первокурсников интервал – более 100 тыс. руб. судя по предложениям работодателей на популярных интернет-сайтах, средняя заработная плата юриста в Омской области составляет 28 тыс. руб., что в три раза ниже ожидаемой заработной платы первокурсников.

Таким образом, результаты исследования студентов по юридическому направлению подготовки ОмЮА показывают, что профессиональное самоопределение есть процесс формирования субъективного отношения к профессиональной деятельности и

способ самореализации, карьерное планирование как результат согласования личных и социальных потребностей.

Полученные результаты дают возможность руководству образовательной организации своевременно и на постоянной основе получать обратную связь от студентов и принимать управленческие решения.

Список литературы

1. *Левицкая И. А.* Профессиональное самоопределение как социокультурный процесс // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. – 2014. – № 2 (58). – Т. 2. – С. 136–140.

PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF THE LAW SCHOOLS STUDENTS (IN THE EXAMPLE OF THE PRIVATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION «OMSK LAW ACADEMY»)

N. V. Lyashevskaya

Omsk State Pedagogical University, Omsk

Abstract. This article presents the results of the study to identify the motives of the professional choice and further professional self-determination of the law schools students. Special attention is paid to the preferred areas of further professional practice after the graduation, salary expectations, employment barriers of the law schools students.

Keywords: professional self-determination, motives of the professional choice, higher law education.

Ляшевская Наталья Валерьевна – аспирант, кафедра правоведения, государственного и муниципального управления, факультет истории, философии и права, Омский государственный педагогический университет, 644099, г. Омск, Набережная им. Тухачевского, 14, тел.: 8(3812)23-12-20, e-mail: n.lyashevskaya@yandex.ru

Lyashevskaya Natalya Valer'evna – Postgraduate Student, Department of Law and Public Administration, Faculty of History, Philosophy and Law, Omsk State Pedagogical University, 14, Nab. them. Tukhachevskogo, Omsk, 644099, tel.: 8(3812)23-12-20, e-mail: n.lyashevskaya@yandex.ru

РАЗДЕЛ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА: ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И МОДЕЛИ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

УДК 378.17(571.53)

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ И ОБРАЗ ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Е. И. ГОРДЕЕВА, К. В. СУХИНИНА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Проведен анализ состояния здоровья студентов-первокурсников с 2002 по 2016 учебные годы. Выявлена тенденция увеличения количества студентов, определенных в специальную медицинскую группу. Исследователи подробно описывают образ жизни современного первокурсника (режим дня, хобби, вкусовые предпочтения, занятия спортом, особенности начального образования, наличие вредных привычек).

Ключевые слова: состояние здоровья, физическое развитие, образ жизни, первокурсники.

Нами было проведено масштабное исследование, посвященное психофизиологическому состоянию здоровья студентов Иркутского государственного университета (далее – ИГУ). Особый научный и практический интерес представляет выявление особенностей образа жизни и проведение оценка уровня здоровья первокурсников ИГУ.

Актуальность работы. Согласно литературным данным, за 15–20 лет заболеваемость среди молодежи увеличилась на 8–10 %. Если среди старшеклассников страдают хроническими заболеваниями 40–50 %, то к окончанию вуза их количество достигает 85–95 %. В связи с этим проблема изучения и сохранения здоровья студентов является на сегодня весьма актуальной. Поэтому важ-

ным является определение факторов риска и создание здоровьесберегающих программ, которые будут способствовать сохранению и повышению адаптации студентов в период обучения в вузе [2, с. 345–354].

Объект исследования

Были обследованы студенты 1-го и 2-го курсов Иркутского государственного университета в период с 2002 по 2016 г. шести факультетов: биолого-почвенного, психологического, физического, исторического, факультета филологии и журналистики, института математики и информатики.

Методы исследования

Измерение артериального давления (АД), функциональные пробы с дозированной физической нагрузкой, ортостатическая проба, холодовая проба, рост, вес, ИМТ, ЧСС, методика письменного анкетирования.

Результаты исследования

В рамках исследования проведен анализ образа жизни студентов.

Было исследовано отношение первокурсников к спорту. Из всех опрошенных массовыми видами спорта занимались 47,8 % (163 чел.). Наиболее популярным массовым видом спорта среди молодежи оказался волейбол, на втором месте – баскетбол, на третьем месте – легкая атлетика. В среднем студенты занимались спортом до поступления в вуз от 2 до 4 лет. Большинство студентов (60 %, 193 чел.) занимались спортом для улучшения общего физического состояния, тогда как 40 % (129 чел.) – с целью привести в порядок фигуру, причем желание заниматься дальше аэробными нагрузками высказали 40 % (129 чел.), силовыми – 30 % (97 студентов), стретчингом – 10 % (33 чел.). Таким образом, большинство первокурсников осознают положительную роль воздействия физических упражнений на организм человека.

Далее мы провели исследование, которое определяло наличие признаков вегетативных нарушений у студентов-первокурсников на начальном этапе обучения. Было установлено, что половина опрошенных первокурсников (54,3 %, 185 чел.) страдали от головных болей, 50,7 % (173 чел.) отмечали у себя головокружения, постоянно жаловались на головокружения 9 % (31 чел.), не страдали от головокружений только 35 % (120 чел.). Чувство раздражения часто отмечали 24,2 % (75 чел.), иногда – 41,6 % (133 чел.), редко – 34,2 % (109 чел.).

Наличие этих симптомов отражает существенные проблемы с социальной адаптацией и свидетельствует о нарушениях здоровья обследуемых. Так проявляет себя астенический синдром – состояние, характеризующееся повышенной утомляемостью, истощаемостью, ослаблением или утратой способности к продолжительному физическому или умственному напряжению, раздражительностью, частой сменой настроения, слезливостью, капризностью [6, с. 52–57].

Анализ с 2002 по 2016 г. проводился по следующим заболеваниям: опорно-двигательного аппарата (ОДА), желудочно-кишечного тракта (ЖКТ), органов зрения (миопия различных степеней и т. п.), бронхолегочные (тонзиллиты), заболевания мочеполовой сферы (пиелонефриты), а также вегето-сосудистая дистония (ВСД).

Было выявлено, что в исследуемый период основными заболеваниями молодежи являлись заболевания ОДА, ЖКТ, органов зрения. На втором месте по частоте встречаемости можно выделить бронхолегочные заболевания и заболевания мочеполовой системы.

С 2002 по 2007 г. происходит увеличение количества студентов с патологией органов зрения (миопией различной степени) и патологией ОДА (рис.).

Если в 2002 учеб. году у 25 % обследуемых были зарегистрированы заболевания ОДА и у 20 % – заболевания органов зрения (миопия различной степени), то в 2007 учеб. году показатели количества студентов-первокурсников с заболеваниями ОДА и органов зрения составили 28 % и 22 % соответственно. В это же время отмечено максимальное количество студентов-первокурсников с патологией ЖКТ (25 %) (рис.).

С 2008 по 2010 г. происходит увеличение количества студентов-первокурсников с заболеваниями ОДА, органов зрения и нейроциркуляторными нарушениями (в виде ВСД по гипотоническому и гипертоническому типу).

В 2012 г. на первое место по распространенности вышла патология органов зрения (31 %), на второе место – нейроциркуляторные нарушения в виде ВСД, на третье – заболевания ОДА (рис.).

Отмечен общий рост заболеваний. Заболевания ОДА увеличились на 7 % в 2009 г. по сравнению с 2002 г.; миопия – с 24 % до 31 % в исследуемый период; нейроциркуляторные нарушения в виде ВСД увеличились с 10 % в 2002 г. до 24 % в 2012 г. Данная

динамика отображает стремительный рост заболеваемости среди молодежи. Так как объектом исследования являлись именно студенты-первокурсники, то можно сказать, что студенты приходят на первый курс уже с имеющейся патологией, возможно со школы. Негативное влияние оказывает стремительное развитие научно-технического прогресса, малоподвижный образ жизни, который в свою очередь ведет к гиподинамии.

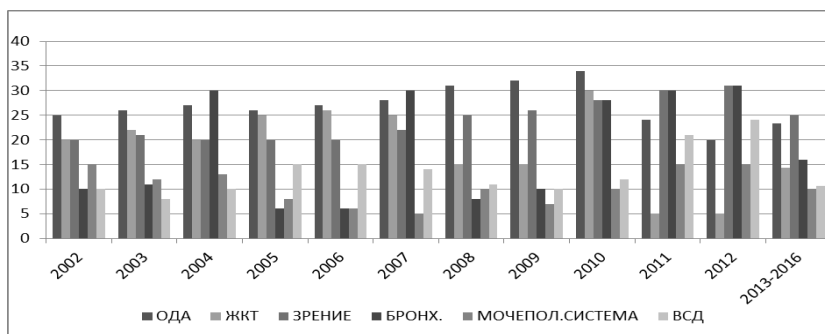

Рис. Частота встречаемости заболеваний у студентов специальной медицинской группы за 2002–2016 гг.

В итоге, проведя анализ наших данных, мы получили следующие выводы:

1. Более 40 % студентов-первокурсников, поступающих в Иркутский государственный университет, уже имеют сформированную хроническую патологию.

2. Максимальное количество студентов-первокурсников, определенных в подготовительную группу и СМГ, наблюдалось в 2003 учеб. году и составило 28,5 % и 23 % соответственно от всего числа обследованных.

3. Максимальное количество студентов-инвалидов отмечено в 2011 г. (4,7 %).

4. В структуре заболеваемости студентов-первокурсников лидирующие позиции занимают нейроциркуляторные нарушения, патология опорно-двигательного аппарата, органов зрения и органов пищеварения.

Мы обращаем внимание на то, что среди патологии студентов-первокурсников, определенных в СМГ, на первом месте стоит патология ОДА, патология органов зрения, патология ЖКТ и нейроциркуляторные нарушения.

Полученные результаты совпадают с данными других исследователей [6, с. 99–104].

Установлено, что в значительной степени состояние здоровья молодежи определяется двумя составляющими: наследственностью и влиянием внешних факторов [3, с. 16–19]. Так, например, известно, что за последние десятилетия увеличилось число патологии органов зрения, ОДА и патологии ЖКТ [7, с. 99–104]. Это можно объяснить особенностями жизни современного подростка: увлечение ПК (повышение нагрузки на органы зрения), нарушение режима дня (режима питания). В итоге происходит формирование гиподинамического образа жизни.

Исследование, проведенное в 2016 г., показало, что наибольшее количество студентов-первокурсников (66,3 %, или 246 чел.) было определено в общую группу, тогда как специальную медицинскую группу составили 16,1 % (55 чел.). В основном это девушки.

Наиболее часто встречающимися заболеваниями оказались заболевания органов зрения (миопии различной степени тяжести), которые составили 25 % случаев (80 чел.). На втором месте оказались заболевания опорно-двигательной системы (нарушения осанки, сколиозы различной степени, плоскостопия) – у 23,4 % (70 чел.). На третьем месте были заболевания бронхолегочной системы в виде бронхиальной астмы, аллергии – у 16 % (52 студентов). Также стоит отметить, что часто встречались заболевания желудочно-кишечного тракта (ЖКТ) в виде хронического гастрита и заболеваний желчного пузыря (14,3 %, 46 чел.). 10,7 % (35 студентов-первокурсников) страдали заболеваниями сердечно-сосудистой системы.

Таким образом, согласно результатам нашего исследования можно сделать следующие выводы:

1. На момент поступления в вуз наиболее часто встречаются заболевания органов зрения, опорно-двигательного аппарата и бронхолегочные заболевания.

2. Образ жизни современного первокурсника характеризуется недостаточной продолжительностью сна, наличием бессонницы, недостаточным количеством приемов пищи в день, наличием у половины опрошенных студентов головных болей и головокружений с чувством раздражения.

Мы рекомендуем использовать результаты ежегодного мониторинга психофизических показателей здоровья первокурсников

для разработки грамотных профилактических здоровьесберегающих программ, внедрение которых в процесс обучения улучшит качество усвояемого материала и поможет повысить адаптационные резервы обучающихся.

Список литературы

1. Александрович О. Ю. Оптимизация учебных занятий в специальной медицинской группе студентов Иркутского государственного университета: учеб.-метод. пособие / О. Ю. Александрович, А. Ю. Колесникова, К. В. Сухина. – Иркутск : Мегатрип, 2016. – 66 с.
2. Гордеева Е. И. Лечение сколиоза (обзор современных методик) / Е. И. Гордеева, К. В. Сухина // Материалы Девятого Байкальских Международных социально-гуманитарных чтений. В 2 т. Т. 1 / ФГБОУ ВО «ИГУ». – Иркутск, 2016. – С. 345–354.
3. Загоруйко М. В. Ожирение у детей и подростков / М. В. Загоруйко, Т. П. Бардымова, Л. В. Рычкова // Сиб. мед. журн. – Иркутск, 2010. – Т. 97. – № 6. – С. 16–19.
4. Колесникова А. Ю. Особенности формирования мотивационно-ценностного отношения к здоровому образу жизни у студентов / А. Ю. Колесникова, В. Ю. Лебединский, К. В. Сухина // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2016. – № 3. – С. 60–63.
5. Результаты мониторинга физического здоровья студентов на основе активной самооценки / Е. А. Калужный, Ю. Г. Кузьмичев, С. В. Михайлов, В. Ю. Маслова // Научное мнение : науч. журн. – СПб., 2012. – № 4. – С. 133–136.
6. Социально-психологические особенности студентов-первокурсников в зависимости от профиля обучения / Колесникова Л. И., Рычкова Л. В., В. М. Поляков и др. // Бюл. ВС НЦ СО РАМН. – 2015. – №4. – С. 52–57.
7. Сухина К. В. Анализ состояния здоровья студентов-первокурсников за 2002–2012 учебные годы / Сухина К. В., Простокшина Н. Н., Гордеева Е. И // Актуальные проблемы развития системы физического воспитания, образования и подготовки спортивного резерва на современном этапе : материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. (10–11 окт. 2013 г.). – Иркутск, 2013. – Т. 2. – С. 99–104.

THE HEALTH AND LIFESTYLE OF STUDENTS IRKUTSK STATE UNIVERSITY

E. I. Gordeeva, K. V. Sukhinina,
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. In this paper, we analyze the state of health of first-year students from 2002 to 2016 academic years. The revealed tendency of increase in the number of students identified in special medical group. The researchers describe in detail the lifestyle of the modern freshman (daily routine, Hobbies, food preferences, sports, especially primary education, presence of harmful habits).

Keywords: health, physical development, lifestyle, freshmen.

Гордеева Елизавета Игоревна – магистр, кафедра физиологии и психофизиологии, биолого-почвенный факультет, Иркутский государственный университет, 664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 5, тел. 8(395)224-18-70, e-mail: elizavetochka111@yandex.ru

Gordeeva Elizaveta Igorevna – Magister, Department of Physiology and Neuroscience, Faculty of Biology, Irkutsk State University, 5, Sukhbaatar st., Irkutsk, 664011, tel.: 8(395)224-18-70, e-mail: elizavetochka111@yandex.ru

Сухина Ксения Викторовна – кандидат биологических наук, доцент, Физкультурно-оздоровительный центр, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-406, тел.: 8(3952) 200846, e-mail: konstanta2003@inbox.ru

Sukhinina Kseniya Viktorovna – Candidate of Biology Sciences, Associate Professor, Health and Fitness Center, Irkutsk State University, 1-406, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952) 200846, e-mail: konstanta2003@inbox.ru

УДК 378.172:612.73/.74

ФИЗИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА - ФАКТОР ДВИГАТЕЛЬНОЙ МЫШЕЧНОЙ АКТИВНОСТИ

Р. Ф. ПРОХОДОВСКАЯ

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются функциональная система, двигательная активность как атрибут жизнедеятельности студенческой адаптации к физическим нагрузкам. Изучены параметры функциональных особенностей у студента в зависимости от степени тренированности.

Ключевые слова: адаптация к нагрузкам, частота нервных импульсов, работоспособность скелетных мышц, кровоснабжение работающих мышц.

Физическая нагрузка – самый естественный и древний фактор, воздействующий на человека [3, с. 224]. Этот фактор во все времена сопровождал человека, и двигательная мышечная активность всегда была важным звеном приспособления человека к окружающему миру.

Двигательная активность как атрибут жизнедеятельности не означает, однако, что все люди могут выполнять длительную и интенсивную мышечную работу. Способность к такой работе, или тренированность, адаптация, приобретается в результате длительной тренировки. Этот процесс постоянно наблюдается у людей, чей образ жизни или профессия связаны с напряженной мышечной деятельностью [2, с. 36].

Вместе с тем и другая сторона тренированности давно известна человеку – организм, тренируемый к физическим нагрузкам, не только способен осуществлять интенсивную мышечную работу, но и оказывается более устойчивым к жизненным невзгодам.

В силу всех этих обстоятельств с давних пор, еще со времен разработки системы закаливания и формирования сильного и выносливого человека в древней Спарте, а возможно, и еще ранее проблема адаптации к физической нагрузке привлекала внимание исследователей и по сей день остается одной из ведущих проблем биологии и медицины.

Сущность проблемы адаптации к физическим нагрузкам в конечном счете сводится к вопросу о механизмах, обеспечивающих тренированному организму преимущества перед нетренированным. Эти преимущества характеризуются двумя основными чертами.

Первая черта состоит в том, что тренированный организм может выполнять мышечную работу такой продолжительности или интенсивности, которая не под силу нетренированному [1, с. 25].

Вторая черта тренированности состоит в том, что тренированный организм характеризуется более экономным функционированием физиологических систем в покое и при умеренных, непредельных нагрузках и способностью достигать при максимальных нагрузках такого уровня функционирования этих систем, который недостижим для нетренированного организма [4, с. 56].

При малых нагрузках, когда выполняется работа, одинаково легкая для тренированного и нетренированного человека, различий в физиологических сдвигах (изменения частоты сердечных сокращений, частоты дыхания, траты энергии потребления кислорода и т. д.) почти нет. При более интенсивной работе у нетренированного происходят большие физиологические сдвиги, чем у тренированного, и с ростом нагрузки эти различия увеличиваются. Когда задается работа, предельная для нетренированного, функциональные сдвиги у него достигают максимума, а у тренированного они еще умеренные, так как для него эта работа сравнительно нетрудна. Тренированный человек может совершать работу, по интенсивности значительно превышающую ту, которая для нетренированного является предельной. При этом, соответственно, физиологические сдвиги у него продолжают расти. Наконец, достигается предельная интенсивность работы и для тренированного, в этот момент регистрируются его максимальные функциональные сдвиги, они находятся на уровне значительно выше, чем у нетренированного человека [5, с. 160].

Каким образом происходит превращение нетренированного организма в тренированный, и за счет чего тренированный организм приобретает свои преимущества? В ответ на нагрузку, создаваемую факторами среды, в клетках органов и тканей, на которые непосредственно падает нагрузка, закономерно происходит активация синтеза нуклеиновых кислот и белков, которая приводит к избирательному росту клеточных структур, лимитирующих физиологическую мощьность системы, ответственной за реализацию адаптации к данному фактору среды [6, с. 315].

При первоначальном действии любого сигнала, вызывающего интенсивную и длительную двигательную реакцию, в организме формируется функциональная система, обеспечивающая данную двигательную реакцию [8, с. 130]. При этом в ответ на действие сигнала на рецепторы возникает возбуждение соответствующих центров, что приводит к мобилизации скелетной мускулатуры, непосредственно осуществляющей данную двигательную реакцию, а также органов дыхания и кровообращения, обеспечивающих энергетический метаболизм работающих мышц [7, с. 120].

Таким образом, функциональная система, ответственная за адаптацию к физическим нагрузкам, включает в себя *афферентное* (периферическое) звено – рецепторы, *центральное регуляторное* звено – центры регуляции на разных уровнях ЦНС и *эфферентное звено* (периферическое) – скелетные мышцы, органы дыхания, кровообращения [9, с. 13].

Список литературы

1. Буковский В. А. Физиологические основы здоровья и долголетия: теория и практика оздоровительной гимнастики : учеб. пособие / В. А. Буковский, К. В. Сухинина. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. – 147 с.
2. Ефимова И. В. Физическая культура и индивидуальное здоровье : учеб.-метод. пособие / И. В. Ефимова, Н. К. Ковалев, Р. Ф. Проходовская. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2008. – 45 с.
3. Проходовская Р. Ф. Эффективность влияния двигательной активности на состояние здоровья студентов / Р. Ф. Проходовская, И. И. Плотникова // Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию каф. физ. воспитания и спорта ВлГУ (13–14 дек. 2014 г., Суздаль). – Владимир, 2014. – С. 223–226.
4. Сухинина К. В. Двигательная активность как фактор психофизиологического здоровья студентов : учеб. пособие / К. В. Сухинина. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. – 114 с.
5. Физическая культура (лекционный материал) : учеб. пособие / Р. Ф. Проходовская, К. В. Сухинина, А. Ю. Колесникова, О. Ю. Александрович, Т. И. Бонько, А. В. Горбовская, И. И. Плотникова. – Иркутск : Мегатринт, 2015. – 198 с.
6. Фомин Н. А. Физиология человека / Н. А. Фомин. – 3-е изд. – М. : Просвещение; Владос 1995. – 416 с.

7. Формирование психомоторных способностей и роль психофизиологических механизмов в управлении двигательными действиями : монография / И. И. Плотникова и [др.]. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. – 164 с.
8. Хэдмен Р. Спортивная физиология : научное издание / Р. Хедман. – М. : Физкультура и спорт, 1980. – 152 с.
9. O'Connor, John S. Physiology of physical training / John S. O'Connor, William Park // Ann Med Milit Belg. – 1994. – Vol. 8, N 3. – P. 10-15.

PHYSICAL ACTIVITY FACTOR MOTOR MUSCLE ACTIVITY

R. F. Prokhodovskaya
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article discusses a functional system, physical activity as an attribute of life, student adaptation to physical loads. Studied parameters of functional characteristics of the student according to the degree of fitness.

Keywords: adaptation to the loads, the frequency of nerve impulses, the efficiency of skeletal muscle, blood flow to working muscles.

Проходовская Раиса Федоровна – кандидат педагогических наук, профессор, заведующая, кафедра физкультурно-оздоровительного центра, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-406, тел.: 8(3952) 200846, e-mail: int@sport.isu.ru

Prokhodovskaya Raisa Fedorovna – Candidate of Pedagogics Sciences, Professor, Head of Health and Fitness Center, Irkutsk State University, 1-406, K. Marx st, Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)200846, e-mail: int@sport.isu.ru

УДК 378:371.7(077)

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СО СТУДЕНТАМИ, ЗАНИМАЮЩИМИСЯ В СПЕЦИАЛЬНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ГРУППЕ

К. В. СУХИНИНА

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Приводятся методические особенности по организации учебных занятий по физической культуре со студентами специальной медицинской группы. В качестве примера даются рекомендации по использованию упражнений и инвентаря для студентов с определенными заболеваниями.

Ключевые слова: методические особенности, физическая культура, специальная медицинская группа.

Согласно данным многочисленных исследований, количество студентов, определенных в специальную медицинскую группу (СМГ), составляет от 17 % до 25 % [1, с. 40; 2, с. 61]. Авторы
426

указывают, что на первом месте по частоте встречаемости стоят заболевания органов зрения и костно-мышечной системы [3, с. 10]. В связи с этим основной задачей практических занятий со студентами СМГ является укрепление их здоровья, лечение и профилактика различных заболеваний [2, с. 62]. Поэтому занятия в этих группах должны строиться с учетом индивидуальных особенностей и дифференцированной нагрузкой.

Прежде чем приступить к занятиям со студентами, определенными в СМГ, необходимо провести комплексную оценку состояния их здоровья. Многие авторы рекомендуют проводить оценки уровней и гармоничности физического и нервно-психического развития человека; степени резистентности и реактивности организма (сопротивляемости организма неблагоприятным факторам); функционального состояния основных систем организма; наличия или отсутствия хронических заболеваний (в том числе врожденной патологии) [3, с. 15].

На этом основании люди со сходным состоянием могут быть отнесены к следующим группам здоровья:

– *первая (I) группа здоровья* объединяет людей, не имеющих отклонений по всем критериям здоровья, не болевших или редко болевших за период наблюдения;

– *вторая (II) группа здоровья* также состоит из здоровых людей, но имеющих риск формирования хронических заболеваний;

– *третья (III) группа* здоровья объединяет больных с наличием хронических болезней или врожденной патологии в состоянии компенсации, т. е. с редкими, нетяжелыми по характеру течения обострениями хронического заболевания без выраженного нарушения общего самочувствия и поведения, редкими интеркуррентными заболеваниями, наличием функциональных отклонений только одной патологически измененной системы или органа (без клинических проявлений функциональных отклонений других органов и систем);

– *четвертая (IV) группа* включает в себя людей с хроническими болезнями, врожденными пороками развития в состоянии субкомпенсации, которое определяется наличием функциональных отклонений не только патологически измененного органа, системы, но и других органов и систем, с частыми обострениями основного заболевания, с нарушением общего состояния и самочувствия после обострения, с затяжными периодами после заболевания;

– *пятая (V) группа* – больные с тяжелыми хроническими заболеваниями, тяжелыми врожденными пороками развития в состоянии декомпенсации, т. е. угрожаемые по инвалидности или инвалиды [3, с. 23].

Ежегодно на 1-м курсе на основании результатов медицинского осмотра студентов врач делает заключение о состоянии здоровья и уровне физического развития каждого студента, обращая внимание на особенности состояния опорно-двигательного аппарата и других органов, участвующих в выполнении отдельных упражнений. Оценку уровня физической подготовленности дают на основе спортивного анамнеза, анализа успеваемости и наблюдений, проведенных во время выполнения тестовых физических упражнений.

Все студенты на основании медицинского заключения распределяются на три группы: основную, подготовительную и специальную [1, с. 20]. Основным критерием для включения в ту или иную медицинскую группу являются уровень здоровья и функциональное состояние организма. Для распределения в специальную медицинскую группу необходимо установление диагноза с обязательным учетом степени нарушения функций организма.

К основной медицинской группе при занятиях физической культурой целиком относится группа здоровья I, а также частично группа здоровья II (в тех случаях, когда имеющееся заболевание не накладывает существенных ограничений на двигательный режим). Это студенты без отклонений в состоянии здоровья и физическом развитии, имеющие хорошее функциональное состояние и соответствующую возрасту физическую подготовленность, а также учащиеся с незначительными (чаще функциональными) отклонениями, но не отстающие от сверстников в физическом развитии и физической подготовленности [3, с. 21]. Например: умеренно выраженная избыточная масса тела, некоторые функциональные нарушения органов и систем, дискинезия некоторых органов, кожно-аллергические реакции, утолщение стоп, слабо выраженная нейроциркуляторная дистония, легкие астенические проявления.

Отнесенным к этой группе разрешаются занятия в полном объеме по учебной программе физического воспитания, подготовка и сдача тестов индивидуальной физической подготовленности. Им рекомендуются занятия видом спорта в спортивных

секциях с подготовкой и участием в спортивных соревнованиях, турнирах, спартакиадах, спортивных праздниках и т. п.

К подготовительной медицинской группе относятся студенты II группы здоровья, имеющие отставание в физическом развитии, недостаточную физическую подготовленность, незначительные отклонения в состоянии здоровья. Специальная цель физического воспитания студентов с недостаточным физическим и двигательным развитием состоит в том, чтобы повысить их физическую подготовленность до нормального уровня. Ослабленное здоровье можно наблюдать как остаточное явление после перенесенных острых заболеваний, при переходе их в хроническую стадию, при хронических заболеваниях в стадии компенсации. Студенты занимаются физическими упражнениями по общей программе, но при этом требуется соблюдение ряда ограничений и специальных методических правил, в частности им противопоказаны большие объемы физических нагрузок с высокой интенсивностью [5, с. 12].

К специальной медицинской группе относят тех студентов, чье состояние здоровья требует занятий физическими упражнениями по отдельной программе, учитывающей особенности их здоровья. Занятия физической культурой для таких студентов являются обязательными и включаются в структуру общей учебной нагрузки.

Основной вопрос в методике занятий со СМГ – это определение исходного и необходимого уровня физической нагрузки с учетом состояния здоровья, пола, физической подготовки. Величина физической нагрузки зависит от ряда компонентов: подбора физических упражнений и их количества, исходных положений, темпа, ритма и амплитуды выполнения, продолжительности урока и других факторов. Составленный комплекс должен обеспечивать равномерное распределение физической нагрузки на все группы мышц, служить общему укреплению организма, развитию и поддержанию таких физических качеств, как сила, быстрота, выносливость [3, с. 23].

Следует осторожно включать в комплекс упражнения на быстроту, с задержкой дыхания, наклоны и другие упражнения, требующие значительного напряжения мышц плечевого пояса. Трудность упражнений надо повышать постепенно, большое значение приобретает правильный подбор упражнений для различных групп мышц, чередование напряжения и расслабления [1, с. 45].

Упражнения должны оказывать равномерное воздействие на все мышечные группы. Каждое предыдущее упражнение должно подготавливать организм к следующему и обеспечивать чередование работы различных мышечных групп. При выполнении упражнений с набивными мячами и гантелями наблюдается поочередное максимальное напряжение работающих мышечных групп, а затем на расслабление, что положительно сказывается на протекании физиологических процессов в организме [5, с. 14].

Упражнения, требующие значительной физической силы, чередуются с упражнениями на расслабление, с ходьбой в умеренном темпе. Этим достигается ускорение восстановительных процессов в организме [1, с. 30].

На занятиях СМГ используются разнообразные упражнения, оказывающие всестороннее воздействие на организм. В программу занятий включаются гимнастические упражнения, элементы легкоатлетических упражнений, спортивные и подвижные игры. Общеразвивающие упражнения – основной вид упражнений в СМГ. Они обеспечивают решение главных задач, стоящих перед группами здоровья. Общеразвивающие упражнения способствуют совершенствованию двигательных навыков. С их помощью легко дозировать нагрузку на занятиях, избирательно воздействовать на организм. В результате регулярных занятий улучшается деятельность всех систем организма, усиливается обмен веществ, укрепляется мускулатура, сохраняется правильная осанка, воспитывается сила, ловкость, выносливость. Общеразвивающие упражнения могут выполняться без предметов, с предметами и на снарядах.

Далее приводим комплекс упражнений, направленный на укрепление основных групп мышц.

1. Упражнения без предметов

1.1. Упражнения для мышц рук и плечевого пояса выполняются из самых разнообразных исходных положений. Движения в стороны, вверх, назад, вперед осуществляются как прямыми руками, так и согнутыми в локтевых суставах. Эти упражнения могут широко сочетаться с упражнениями для других мышечных групп.

1.2. Упражнения для мышц шеи – наклоны головы вперед, назад, в стороны, повороты головы и вращательные движения.

1.3. Упражнения для мышц ног – различные движения прямыми и согнутыми ногами, выпады вперед и др. После упражне-

ний, направленных на развитие той или иной мышечной группы, должно следовать упражнение на расслабление, нормализующее мышечный тонус.

К упражнениям без предметов относятся упражнения в сопротивлении, выполняемые в парах. Они способствуют общему физическому развитию организма, развитию гибкости, силы и подвижности суставов.

2. Упражнения с предметами используют для развития силы, гибкости, координационных способностей. При их выполнении на организм оказывается дополнительная нагрузка благодаря увеличивающейся амплитуде движений, усложняется координация, предъявляются повышенные требования к точности движений.

2.1. Упражнения с гимнастической палкой незаменимы в воспитании координации и точности движений, правильной осанки, навыков правильной и красивой ходьбы.

2.2. Упражнения с маленькими мячами используются в основном в женских группах. Это подбрасывание мяча и его ловля в самых различных вариантах.

2.3. Упражнения с волейбольными и баскетбольными мячами особенно широко используются в СМГ. Это поднимание мяча руками, движение с мячом в сочетании с наклонами и т. п.

2.4. Упражнения с гантелями эффективны для укрепления мышц рук, плечевого пояса, туловища и ног.

2.5. Упражнения на гимнастической стенке служат средством общего и специального воздействия на организм. Они содействуют развитию силы, гибкости и выносливости.

2.6. Упражнения на гимнастической скамейке способствуют разностороннему развитию организма, устранению дефектов осанки.

2.7. Упражнения специальной направленности применяются для улучшения деятельности отдельных органов и систем организма. К ним относят упражнения на воспитание осанки, увеличение подвижности грудной клетки и ритмичности дыхания, корректирующие упражнения.

Также рекомендуется включать в практическое занятие спортивные и подвижные игры, так как они имеют большое значение для развития таких физических качеств, как быстрота реакции на движущиеся предметы, выносливость, сила, равновесие, точность и др. Во время проведения игровых упражнений движения

непрерывно меняются, напряжение чередуется с расслаблением мышц. Подвижные игры широко используются в основной и заключительной частях занятия, где им отводится 3–7 мин. К таким играм относятся «Третий лишний», «Тяни в круг», «День и ночь» и др.

Таким образом, используя методические и практические рекомендации по организации занятий по физической культуре со студентами СМГ, можно с максимальной пользой для сохранения здоровья применять общеукрепляющие и специальные упражнения в зависимости от заболевания.

Список литературы

1. Александрович О. Ю. Оптимизация учебных занятий в специальной медицинской группе студентов Иркутского государственного университета: учеб.-метод. пособие / О. Ю. Александрович, А. Ю. Колесникова, К. В. Сухинина. – Иркутск : Мегатрип, 2016. – 66 с.

2. Колесникова А. Ю. Особенности формирования мотивационно-ценностного отношения к здоровому образу жизни у студентов / А. Ю. Колесникова, В. Ю. Лебединский, К. В. Сухинина // Физ. культура: воспитание, образование, тренировка. – 2016. – № 3. – С. 60–63.

3. Семёнов Л. А. Коррекция физической подготовленности студентов специальных медицинских групп с использованием индивидуальных программ / Л. А. Семенов, П. В. Шлыков // Теория и практика физ. культуры. – 2005. – № 1.

4. Состояние здоровья и особенности образа жизни студентов-первокурсников Иркутского государственного университета / Л. И. Колесникова [и др.] // Фундамент. исслед. – 2015. – № 1–3. – С. 522–527.

5. O'Connor Physiology of physical training / John S. O'Connor, William Park // Ann Med Milit Belg. – 1994. – Vol. 8, N 3. – P. 10–15.

METHODICAL FEATURES OF CLASSES ON PHYSICAL CULTURE WITH STUDENTS WORKING IN SPECIAL MEDICAL GROUP

K. V. Sukhinina
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. This article presents methodical recommendations on the organization of lessons on physical culture with students of special medical group. As an example, provides guidelines for using exercises and equipment that are recommended for students with certain medical conditions.

Keywords: methodological peculiarities, physical education, special medical group.

Сухинина Ксения Викторовна – кандидат биологических наук, доцент, физкультурно-оздоровительный центр, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-406, тел.: 8(3952) 200846, e-mail: konstanta2003@inbox.ru

Sukhinina Kseniya Viktorovna – Candidate of Biology Sciences, Associate Professor, Health and Fitness Center, Irkutsk State University, 1-406, K. Marx st. Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952) 200846, e-mail: konstanta2003@inbox.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ «РЕГИОН В СТРАНЕ И В МИРЕ – ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ»

<i>Зуляр Ю. А.</i> Диалектика политического терроризма и неолиберализма в эпоху позднего модерна	3
<i>Бейдина Т. Е., Кухарский А. Н., Новикова А. В.</i> Тенденции региональных политических процессов в Сибирском федеральном округе	19
<i>Искаков И. Ж.</i> Продвижение России на Восток и формирование политического ландшафта: исторический аспект	24
<i>Метёлкина Л. Н.</i> Некоторые аспекты реализации «Плана подготовки и переподготовки кадров по советскому строительству на пятилетие (1933–1937 гг.) для Восточно-Сибирского края»	30
<i>Башелханов А. Ю.</i> КПСС в годы перестройки (на примере Иркутской области)	49
<i>Славина Л. Н.</i> Население Восточной Сибири в контексте трансформации региона в постсоветские десятилетия	55
<i>Урожаева Т. П.</i> Инфляция и уровень жизни городского населения Приангарья во второй половине 1990-х гг.	61
<i>Башалханова Л. Б., Веселова В. Н.</i> Трансформация системы социальной защиты населения в Иркутской области	67
<i>Дмитриева Ю. Н.</i> Территориальная дифференциация комфортности проживания молодежи (на примере поселений Иркутской области)	73
<i>Рогова М. В.</i> Аспекты исследования земельного рынка Прибайкалья в начале XXI в.: проблемы и перспективы	79
<i>Соколов А. В., Фролов А. А.</i> Отношение жителей Ярославской области к общественным и консультативным органам региона	85
<i>Олейников И. В.</i> Особенности развития внешнеэкономической деятельности Иркутской области в середине 90-х гг. XX в. (на основе материалов ГАИО)	90
<i>Бушев А. Б.</i> Пиарналистика для региона	98
<i>Фартышев А. Н.</i> Центрографический подход в экономической географии: центры тяжести населения и ВВП России и азиатской части России в 1998–2013 гг.	110

<i>Цыдыпова Л. С.</i> Лингвогеографические аспекты этнокультурного ландшафта и этническая идентичность сообществ Баргузинского Прибайкалья.....	115
<i>Калихман А. Д., Калихман Т. П.</i> Природный парк в природоохранной политике Иркутской области	122
<i>Шерин Е. А.</i> Кузбасс в стране и мире: тенденции и динамика развития	127
<i>Зуляр Р. Ю., Григорьев Д. А.</i> К истории исследования теории политического абсентеизма	132
<i>Рыбалко С. А.</i> Социальные сети и их роль в построении диалога между организациями и заинтересованными группами общественности: зарубежный опыт	143
<i>Петров А. В.</i> «Иностранные агенты» в Сибири: причины и последствия	148
<i>Арзуманов И. А.</i> Конфессиональный и миграционный факторы процессов комплексного развития территорий	155
<i>Воронина Т. Е.</i> Роль субъектно-объектных отношений в конфессиональном и научном опыте Дагестана	163
<i>Горохов С. А., Дмитриев Р. В.</i> Факторы радикализации мусульманской общины Нигерии на региональном уровне	168
<i>Лебедева М. Л.</i> Французские политические сообщества субнационального уровня: специфика эволюции и развития	173
<i>Чугунова Н. Е.</i> Бретонский регионализм: история и современность	179
<i>Пак Хэ Джа.</i> Становление и развитие отношений «центр – регионы» в Республике Корея в конце XX – начале XXI в.	185

РАЗДЕЛ «СИБИРЬ В XVII–XXI ВЕКАХ: ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ,
ЭКОНОМИКА, ЭКОЛОГИЯ, ПРАВО»

<i>Евстратчик А. А., Яценко М. П.</i> Основные тенденции гносеологии истории: традиции и современность	192
<i>Кузьмин Ю. В.</i> Дискуссионные вопросы современной российской и монгольской историографии	197
<i>Черкашин А. К.</i> Ветвление геоисторического процесса освоения новых земель русским государством в XVII в.	205
<i>Гергилев Д. Н.</i> Особенности региональной политики в России в первой четверти XVIII в. (на примере Сибири)	213
<i>Маджаров А. С. В. О.</i> Ключевский об исторической законности	218

<i>Серебряков Е. А.</i> Основные аспекты работы Государственного архива новейшей истории Иркутской области в 2016 г.	223
<i>Васильева Н. Ф.</i> Материалы Государственного архива (ГАРФ) о сибирской ссылке	235
<i>Иванов А. А.</i> К проблеме определения количества сосланных в Сибирь поляков – участников Январского восстания 1863 г.	242
<i>Логунова Г. В.</i> Первые иркутские маклеры и нотариусы (конец XVIII – XIX в.)	247
<i>Катцина Т. А.</i> Изучение благотворительных организаций в истории Сибири начала XX в.	256
<i>Ануфриев А. В.</i> Георгиевские кавалеры 7-й Сибирской стрелковой дивизии (из опыта анализа источников)	262
<i>Артамонова Н. Я.</i> Вклад А. В. Харчевникова в развитие Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова	269
<i>Калихман Т. П., Калихман А. Д.</i> Заповедное дело на сибирском полигоне	274
<i>Скрипучий Д. В.</i> Забытая колея: есть ли перспективы возрождения узкоколейной железной дороги?	288
<i>Маруев В. А.</i> Дорожный вопрос в истории золотодобычи Забайкалья начала XX столетия	294
<i>Лужкова Н. М., Седых С. А.</i> Баргузинская экспедиция Г. Г. Доппельмайера 1914–1915 гг.: картографические методы исследований и результаты	299
<i>Шаламов В. А.</i> Санпросвет в Бурят-Монгольской республике в 1920–1930-е гг.	305
<i>Шпикельман Р. Ю.</i> Деятельность руководства иркутских вузов по их организационно-структурной трансформации и повышению научного уровня преподавателей в восстановительный период (1946–1950-е гг.)	311
<i>Литвин М. И.</i> Основные направления деятельности Восточно-Сибирской студии кинохроники в 1975–1985 гг.	328
<i>Тарасенко О. В.</i> К вопросу о историко-культурных взаимосвязях между Россией и Венгрией	334

РАЗДЕЛ «ДЕСЯТЫЕ ПЕТРОВСКИЕ ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ»

<i>Коноплёв Н. С.</i> Теоретическое преодоление К. Марксом типичной составляющей европейской цивилизации выходом на раскрытие азиатского способа производства: к постановке вопроса	340
---	-----

<i>Мальчуков В. А., Мальчукова Н. В.</i> Сакрализованная фантастика «Мастера и Маргариты» – оригинальный опыт философии человека	358
<i>Самоходская М. Н., Коноплёв Н. С.</i> Разрастающееся управление как ноосферный вызов современному человечеству: к постановке вопроса	364
<i>Мальчукова Н. В.</i> Человек как психосоматическое единство: эволюция представлений и ее парадоксы	388
<i>Стародубцева М. С.</i> К вопросу о деятельности христианских миссионеров в XIX в.	396
<i>Матющенко В. С.</i> Государство и православие на пути спасения русской духовности	401
<i>Индущая О. И.</i> Результаты исследования религиозности студентов государственного вуза (Байкальский регион)	407
<i>Ляшевская Н. В.</i> Профессиональное самоопределение студентов юридических факультетов (на примере ЧОУ ВО «Омская юридическая академия»).....	412

РАЗДЕЛ «ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА:
ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И МОДЕЛИ В СИСТЕМЕ
ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ»

<i>Гордеева Е. А., Сухинина К. В.</i> Состояние здоровья и образ жизни студентов Иркутского государственного университета	417
<i>Проходовская Р. Ф.</i> Физическая нагрузка – фактор двигательной мышечной активности	423
<i>Сухинина К. В.</i> Методические особенности проведения занятий по физической культуре со студентами, занимающимися в специальной медицинской группе	426